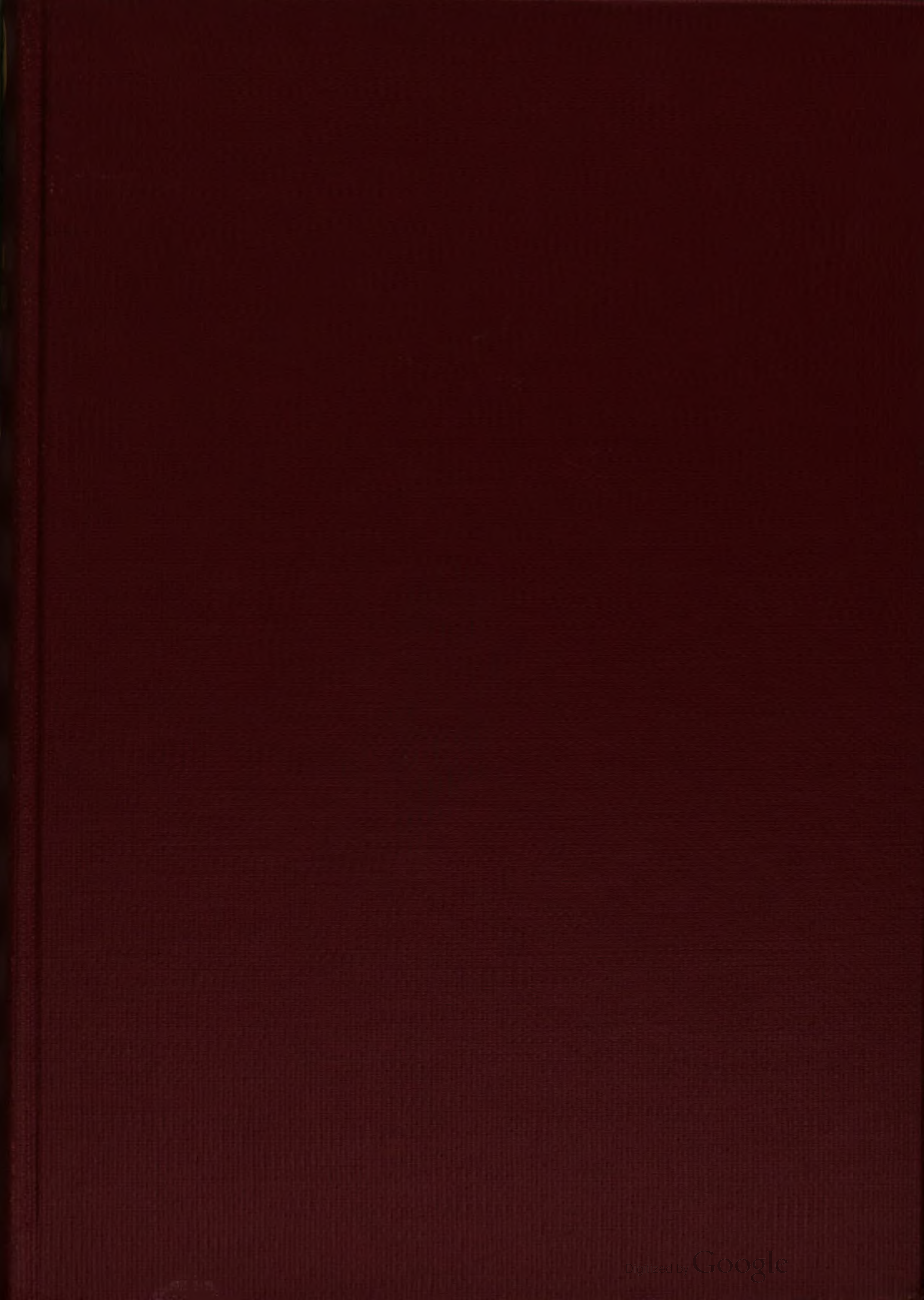
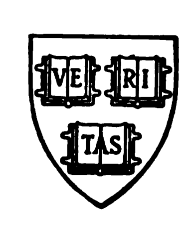




ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ"

Новый журналъ исторической литературы и науки.

ВЪ ПЕРВОМЪ ПОЛУГОДІИ НАПЕЧАТАНЫ: ст. В. А. Апушкина, В. М. Грибовскаго, М. В. Головинскаго, академика проф. Н. Н. Жданова, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, М. М. Ковалевскаго, проф. гр. Л. А. Камаровскаго, Д. Ѳ. Кобеко, Іосибуми Куроно (лект. японскаго языка петерб. универ.), проф. Н. М. Коркунова, проф. Н. П. Лихачева, А. Н. Фаресова, А. П. Субботина, проф. И. А. Шляпкина, Н. К. Шильдера, истор. романы и пов. Д. Л. Мордовцева „За всемірное владычество", В. Я. Свѣтлова „Даръ слезъ", В. Н. Никитина, І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго) и др. сообщены неизд. письма гр. І. А. Каподистрія (президента Греціи), декабриста кн. Е. П. Оболенскаго, Е. А. Баратынскаго, А. С. Грибоѣдова, М. Н. Загоскина, И. С. Тургенева, А. С. Хомякова, Н. С. Лѣскова и напечатаны пер. ст. проф. Маркса «Королева Елизавета англійская и ея время» (съ рисунками), нов. воспоминанія В. Гюго, Вестермарка «Матріархатъ» и т. д.

ОСОБЫЕ ОТДѢЛЫ ПОСВЯЩЕНЫ: „На рубежѣ XIX" — изображенію состоянія общества въ Зап. Европѣ наканунѣ нашего вѣка; **„Странички прошлаго"**—мелкимъ истор. фактамъ и курьезамъ; **„Литературная Лѣтопись"**—возможно полному обзору русск. и иностр. журналовъ и нов. книгъ; **„Изъ мертвыхъ законовъ"**—оцѣнкѣ прошлаго нашихъ законовъ съ точки зрѣнія современника; **„Изъ области археологіи"**—наиболѣе выдающимся фактамъ въ этой области.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ: Библіотека избран. сочин. по исторіи народовъ Европы—„Исторія польскаго народа", В. Смоленскаго и „Сборникъ иностр. истор. романовъ".—„Торжество силы", истор. романъ Поля Адама изъ временъ консульства и имперіи во Франціи.

Задача изданія—ознакомленіе русскаго общества съ общимъ ходомъ исторіи съ точки зрѣнія идеи прогресса.

Въ ближайшихъ книжкахъ ст. проф. М. А. Рейснера, посвященныя отношенію государства къ вѣрующей личности, проф. И. А. Шляпкина «Фарнгагенъ фонъ-Энзе и его русскія отношенія» (Письм. Бакунина, гр. Блудова, Жуковскаго, Невѣрова, Тургенева и пр.) по неизд. рукописямъ Кор. Берл. библіотеки; **новый истор. романъ В. М. Грибовскаго** и т. д.

Первое полугодіе закончено шестой майской книжкой и всѣ первыя книги высылаются немедленно новымъ подписчикамъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно по десятымъ числамъ каждаго мѣсяца, съ декабря по декабрь.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **6** руб., за полгода **3** руб. и за границу **9** руб.

Принимается также мѣсячная подписка съ 1 Іюня, съ платой по **50** коп. въ мѣсяцъ.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЯМЪ:

1 стр. впер. тек.	на 1 раз. 75 р.,	на 6 раз. по 60 р.	на 12 раз. по 52 р. 50 к.
1 » сзади	» » » 66 »	» » » 48 »	» » » 42 » — »
1/2 » впер.	» » » 40 »	» » » 32 »	» » » 28 » — »
1/2 » сзади	» » » 30 »	» » » 24 »	» » » 21 » — »

Цѣна первой и послѣдней страницы журнала, а равно наружная обложка и обложки внутри по соглашенію.

Подписку принимаютъ всѣ книгопродавцы.

Иногороднихъ подписчиковъ просятъ адресовать деньги исключительно въ редакцію—Ямская, 2. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **Сергѣй Сухонинъ.**

Вѣстникъ Всемірной исторіи

Ежемѣсячный журналъ

№ 8.
1900 г.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

І Ю Л Ь

№ 8

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Столичная типографія. Гороховая, 12.
1900.

Дозволено цензурою. Спб. 9 Іюля 1900 г.

Гоненіе на язычниковъ и еретиковъ въ христіанской Византіи.

Свобода религіи просуществовала не долго. Принципы единой государственной религіи не могли такъ скоро исчезнуть изъ публичнаго строя. Христіанство должно было встать на мѣсто язычества; христіанство должно было сдѣлаться принудительной религіей имперіи, и его исповѣданіе политической обязанностью гражданъ; отказъ въ исполненіи этой обязанности влекъ за собой инфамію, потерю гражданскихъ правъ, потерю имущества, ссылку, даже смертную казнь.

Какъ могло произойти подобное превращеніе; какъ было возможно, чтобы христіане стали помощниками палачей, чтобы они стали вынуждать религію своего ближняго, они, которые еще такъ недавно подъ ножами убійцъ и истязателей взывали немолчно къ своему святому праву, праву свободы совѣсти? Какъ могло государство найти среди христіанъ одобреніе и помощь своей насильственной религіозной политикѣ?

Еслибы какой-нибудь римскій императоръ 1-го или 2-го вѣка пожелалъ тогда сдѣлать христіанство государственной религіей, онъ встрѣтилъ бы одно непреодолимое препятствіе: тогда церковь въ дѣлахъ вѣры и духовной жизни не признавала, и не допускала никакого принужденія: она еще не была государственной, не была византійской. Церковь первыхъ временъ христіанства была еще до такой степени чиста и духовна, такъ близка была она и по своей внѣшней формѣ къ «царству не отъ міра сего», такъ живо чувствовалось въ ней еще недавнее присутствіе Учителя и Его Апостоловъ, что не могла она допустить никакой формальной, духовной власти, никакихъ выраженныхъ въ буквѣ закона догматовъ, никакого смѣшенія религіи и права. Небольшія общины «из-

бранныхъ», съ такимъ трепетомъ и нетерпѣніемъ, ожидали второго пришествія Господня и окончательнаго, неминуемаго торжества славы, что даже мало и заботились о земной принудительной организаціи церкви. Довольно было того, что у нихъ въ сердцахъ была эта организація. Повторимъ, первоначальное христіанство отвергало всякую принудительную, формальную власть въ дѣлѣ религіи, а потому не могло допустить и никакого государственнаго, принудительнаго христіанства.

Но время шло, все больше и больше уходило въ область преданія то время, когда святой Іоаннъ проповѣдывалъ любовь и любовь на смертномъ ложѣ; все меньше оставалось лицъ, которыя изъ устъ хотя бы учениковъ христовыхъ могли научить и наставить въ дѣлахъ вѣры; все шире разбрасывались общины христіанъ по лицу извѣстнаго тогда міра, все росло, и увеличивалось ихъ духовное стадо, все болѣе разнообразнымъ становился самый составъ ихъ и по національности и по духовному развитію; стало все труднѣй уберечь истину, приходилось бороться и съ гностиками, и съ іудействующими, и съ монтанистами... нужна была организація, нужно было закрѣпить во внѣшнія формы то, что прежде было предоставлено одной свободѣ, надо было, путемъ ограниченія первоначальной свободы, спасти истину... Съ другой же стороны «человѣкъ слабъ» и, какъ прекрасно замѣчаетъ Зомъ, онъ, несмотря на всѣ свои христіанскіе задатки, при рожденный врагъ христіанства, великій даръ духовной свободы оказался для него слишкомъ тяжелымъ бременемъ [1]). Естественный человѣкъ боится свободы «онъ хочетъ остаться подъ закономъ», «онъ требуетъ всѣми своими силами законной, статуарной религіи», онъ требуетъ обязательнаго богослуженія, участіемъ въ которомъ онъ исчерпалъ бы весь свой долгъ передъ Богомъ; онъ требуетъ «храма Богу изъ земного золота и драгоцѣнныхъ камней; «ученія,—дающаго безспорное изъясненіе всѣхъ божественныхъ тайнъ, приведеннаго въ форму буквы закона, не оставляющаго ни одного вопроса безъ отвѣта», а главное, самое главное, производящаго впечатлѣніе, авторитетнаго, превосходящаго разумъ, покорившаго міръ, чудеснаго и возвышающагося въ широко раскинутыхъ формахъ зданія церковнаго устройства», власть ему нужна и

---

[1]) Сравни по этому вопросу рѣчь великаго Инквизитора въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго.

сознаніе, что если онъ слабъ и немощенъ, то сильны духомъ и вѣрой тѣ, кто стоятъ надъ нимъ, кто предстоитъ за него передъ Богомъ и молится за его немощную душу; охотно покоряется міряиинъ клиру, ибо знаетъ, что въ нихъ сосредоточились тѣ высшіе дары благодати, которые раньше были удѣломъ всѣхъ христіанъ. Такъ постепенно изъ среды вѣрующихъ выдѣлились клиръ и міряне, такъ изъ среды клира выдѣлялись пресвитеры и епископъ, такъ внутренніе дары благодати получили внѣшнее выраженіе въ различныхъ дарахъ священства, и во главѣ общины стала духовная іерархія людей особенно выдающихся святою жизнью и даромъ учительства, а міряне получили въ іерархіи не только пастырей, но и духовныхъ начальниковъ; надо ли говорить, что скоро, особенно въ западной католической церкви, юридическая организація не заставила себя ждать, и элементъ права скоро слился съ элементомъ религіи, и далъ то, что принято называть каноническимъ или церковнымъ правомъ, что покорность духовной власти стала въ средѣ самой церкви требоваться не только въ силу добровольнаго согласія вѣрующаго, но и по праву, что дарованіе церковной должности стало совершаться въ силу такого же права епископа, что сами церковныя законоположенія получили обязательную принудительную силу для вѣрующихъ, опять таки въ силу велѣній права? Это все является вполнѣ естественнымъ и законнымъ ходомъ внѣшняго развитія церковнаго права, ибо съ введеніемъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ, формальныхъ, обязательныхъ для вѣрующихъ признаковъ благодати и истины, этимъ самымъ съ одной стороны придавалась цѣльность, крѣпость и законность всему церковному зданію, съ другой же неизбѣжно вводился юридическій, правовой элементъ туда, гдѣ прежде царило одно лишь въ буквальномъ смыслѣ слова—поклоненіе въ духѣ и истинѣ.

Когда Константинъ впервые гарантировалъ христіанству и церкви сначала свободу, а потомъ и положеніе принудительной государственной религіи, она уже прошла основныя степени своей «католизаціи». Вѣроученіе было во многихъ частяхъ уже догматизировано, и было съ формальной стороны обязательно для вѣрующихъ. Христіане, этотъ «народъ Божій, это тѣло Христово, получили опредѣленное, правовое, епископское устройство», массы вѣрующихъ были подчинены духовному начальству; въ нѣкоторыхъ частяхъ церкви уже начиналось дальнѣйшее объединяющее церковь развитіе епис-

копата. Однимъ словомъ, начала правового принужденія ради Христа и ради спасенія были уже на лицо, и нуждались только въ дальнѣйшемъ толчкѣ для того, чтобы перейти изъ области церковной въ область политическую, получить санкцію верховной власти и совершенно превратиться въ нормы государственнаго правопорядка [1]).

Въ то же самое время римское государство до крайности нуждалось въ обновленіи и возрожденіи своихъ религіозно нравственныхъ началъ: сила язычества изсякла; культъ императоровъ растворился въ общемъ пантеонѣ чуждыхъ другъ другу національныхъ боговъ, христіанство отняло послѣдній ореолъ божественности у жалкихъ обитателей капитолія, вѣра въ боговъ была убита, сами боги стали предметомъ насмѣшекъ или поруганія, казалось съ древней религіей грозили рушиться и послѣдніе останки былой гражданской доблести и нравственной силы. Деморализація была полнѣйшая; развратъ, продажность, невѣроятнѣйшіе пороки водворились теперь тамъ, гдѣ до послѣдняго времени еще сохранялись слѣды былого величія и былой добродѣтели.

Тщетны были старанія послѣднихъ языческихъ императоровъ вдохнуть новую жизнь въ уже умирающее тѣло древняго богопочитанія: никакими преслѣдованіями христіанъ, никакими строгостями и указами нельзя было воскресить то, что уже погибло безвозвратно. «Желать поставить прочно дѣло, само по себѣ гнилое и ложное», замѣчаетъ по аналогичному поводу одинъ христіанскій мыслитель: «есть столь же напрасный трудъ, какъ желать опрокинуть дѣло само по себѣ истинное и сильное». Античный міръ доживалъ свои послѣдніе дни: умеръ, умеръ великій Панъ!

Но римское государство нуждалось въ большемъ, нежели простомъ оздоровленіи нравственной жизни народа; ему нужна была религія для завершенія его грандіозныхъ проэктовъ, его царственной мечты, шагъ за шагомъ шло развитіе имперіи, она покорила своей власти всѣ тогдашніе народы и создала пантеонъ, она поставила надъ всѣмъ государствомъ единаго владыку-цезаря и воздвигла храмы человѣко-богу, но пантеонъ опустѣлъ, и храмы рушились, а послѣдняго завершенія ея міровое зданіе еще не получило: цезарь и имперія не были еще слиты въ одинъ организмъ, не жили еще одной жизнью,

[1]) Прекрасно этотъ процессъ изложенъ у Sohm'а, см. его Kirchengeschichte, ein Grundriss; achte Auflage, Leipz. 1893, стр. 25—36. Его же Kirchenrecht B. I, Geschichtlichen Grundlagen 1892, Leipz. стр. 157 и далѣе.

не были одушевлены одной идеей. Имперія переросла политеизмъ, и новая эпоха ея развитія уже не находила въ немъ ни нравственной поддержки, ни религіознаго освященія; государство было словно механизмъ безъ двигателя,—словно статуя Галатеи до оживленія. А для того чтобы вдохнуть и оживить эту исторически сложившуюся форму, захватившую и загромоздившую полъ-міра, нужна была и идея грандіозная, столь же универсальная, какъ и самая форма, столь же единая какъ власть кесарей, наконецъ, настолько мощная, чтобы она могла внести послушаніе, цѣлостность и силу во всѣ члены политическаго организма.

Такой идеей могло быть только государствомъ принятое католическое христіанство. Уже Діоклетіанъ чувствовалъ, что безъ единой религіи, безъ единаго всепроникающаго духовнаго цемента не можетъ долго устоять преобразованное имъ государство; подобно Траяну и Декію искалъ онъ этой силы въ сторонѣ, въ язычествѣ — и ошибся; онъ не принялъ во вниманіе двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, съ появленіемъ христіанства религіозныя требованія человѣка неизмѣримо повысились, а во-вторыхъ, религіи древнихъ носили характеръ и національный и внѣшній, а слѣдовательно внутренняго объединенія государства дать не могли. Великій Константинъ избралъ другой путь; еще юношей онъ ознакомился съ христіанствомъ и христіанами; во время своей жизни и дѣятельности онъ выучился цѣнить и христіанъ и христіанскаго Бога; три раза въ жизни судьба его была поставлена на карту; въ эти критическіе моменты онъ искалъ помощи именно Бога христіанъ, и получилъ ее. Эта какъ-бы военная помощь въ битвѣ, кажется, сильно подѣйствовала на тогда еще не просвѣтленнаго крещеніемъ цезаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ скоро оцѣнилъ и всѣ политическія выгоды, которыя могло ему доставить христіанство, какъ писалъ онъ къ Александру, епископу Александрійскому: «эта перемѣна въ религіи вызоветъ другую въ управленіи имперіей»; и дѣйствительно, признанное и привиллегированное христіанство могло оказать имперіи неисчислимыя услуги.

Во-первыхъ христіанство, какъ чистѣйшая форма монотеизма давала такое единство вѣры и богопочитанія, котораго до сей поры не зналъ еще міръ: Богъ христіанъ не допускалъ никакихъ другихъ боговъ кромѣ Себя, и христіане принципіально, въ силу основной заповѣди своей вѣры, всѣ, какъ одинъ человѣкъ служили единому Божеству, жили единой

жизнью, одной истиной. Во-вторыхъ это была религія вселенская, космополитическая—она одна обладала способностью привлекать къ себѣ сердца «съ невѣдомою силой», и подъ ея кровъ одинаково стекались люди и съ запада, и съ востока, и изъ свѣтлой мраморной Эллады, и изъ лѣсовъ далекой Галліи: ей было обѣщано покорить міръ проповѣдью Евангелія, и передъ ея словомъ умолкали всѣ племенныя, національныя, классовыя предубѣжденія и предразсудки. Въ служеніи единому Богу она могла объединить всѣ сословія, племена и народы. Наконецъ въ третьихъ, за исключеніемъ дѣлъ вѣры и христіанской совѣсти, во всемъ остальномъ это была религія смиренія, религія послушанія и покорности: она проповѣдывала почитаніе предержащей власти «за совѣсть», освящала эту власть высшимъ, божественнымъ призваніемъ, она укрѣпляла долгъ подданнаго нравственной заповѣдью. Однимъ словомъ, налагая на представителей власти извѣстныя ограниченія, она вмѣстѣ съ тѣмъ скрѣпляла подданнаго съ его государемъ такими крѣпкими узами любви и преданности, которыхъ не могли создать ни культъ императоровъ, ни тѣмъ болѣе обаяніе личности и могущества кесарей.

Съ другой же стороны надо замѣтить, что само церковное устройство христіанъ не только не могло внушить Константину опасеній, но наоборотъ, могло навести его на мысль воспользоваться церковью, какъ орудіемъ для того, чтобы «поднять на ноги, удрученное тяжкою болѣзнью, государство»; католичество было тогда еще только въ начальной стадіи развитія, право еще не поглотило религіи, а папство только готовилось къ будущей великой роли: «разрозненные или соединенные слабой связью метрополій, епископы», говоритъ Лённигъ: «не могли оказать государственной власти никакого политическаго сопротивленія», напротивъ того «признаніемъ христіанства, привиллегіями и дареніями, которыя были сдѣланы церкви, императоры думали пріобрѣсти новые подходящіе органы для того, чтобы вліять на населеніе и обезпечить себѣ безусловное повиновеніе и вѣрность подданныхъ». Іерархія была еще слишкомъ слаба, чтобы претендовать на политическую самостоятельность, но уже была достаточно сильна, чтобы при помощи государства превратить свою власть надъ душами и во власть надъ тѣлами.

Наконецъ, не можемъ не упомянуть еще одного обстоятельства, которое говорило безусловно въ пользу христіанства, государству нужны были честные и мужественные люди,

страна буквально задыхалась подъ бременемъ хищничества, кривосудія, интригъ, дикаго произвола; надо было освѣжить нравственную атмосферу страны, надо было найти новыхъ людей иныхъ взглядовъ и принциповъ, нежели всѣ эти грабители, бунтовщики и тираны и, въ этомъ отношеніи христіане вполнѣ удовлетворяли кесаря—по сравненію съ язычниками, они стояли неизмѣримо выше въ нравственномъ отношеніи [1]).

Итакъ почва была подготовлена, церковь жаждала завершенія своей догматической работы и своей правовой организаціи. государство нуждалось въ нравственномъ одухотвореніи своего строя и въ духовной власти надъ подданными; эти два теченія должны были встрѣтиться и сойтись, церковь должна была стать государственной, а государство—духовнымъ, жертвой этого союза должна была пасть свобода совѣсти, ибо понятіе государственной церкви и понятіе свободы совѣсти взаимно другъ друга исключаютъ.

Церковъ дѣйствительно получила отъ государства все, чего только она тогда могла желать; ей въ изобиліи были присвоены свѣтской властью тѣ аттрибуты принужденія, матеріальныхъ благъ и привиллегій, которые не только доставили полное признаніе ея канонической организаціи, но и дали возможность съ успѣхомъ продолжать начатое дѣло. Она получила высшій вселенскій органъ духовнаго законодательства—вселенскій соборъ, и постановленія этого собора, по утвержденіи ихъ императоромъ имѣли силу законовъ имперіи; въ этой формѣ, формѣ велѣній положительнаго права отнынѣ обнародовались и догматы вѣры и нравственно-религіозныя требованія и чисто юридическія постановленія церкви, такимъ образомъ, религія, нравственность и право смѣшивались безъ всякаго разбора въ одну общую массу законовъ, и подданные должны были отнынѣ вѣрить въ Бога и церковь не только потому, что этого требовали ихъ разумъ и сердце, не только потому, чтобы они признавали нравственный авторитетъ вселенскаго собора, а потому, что такъ повелѣвалъ императоръ. Свобода совѣсти, была само собою разумѣется, этимъ уничтожена. Но этого мало; сами епископы получили новое значеніе и силу; кромѣ признанія ихъ прежнихъ церковно-дисциплинарныхъ функцій, за ними теперь были признаны такія права въ уголовной и гражданской юрисдикціи, такая степень публично-

---

[1]) Maassen, в. н. с. стр. 44—47; Niehues, в. н. с. стр. 153—156, 183—198; Riffel, в. н. с. стр. 76—83. Loening, Geschichte des deutschen Kirchenrechts, B. I Strassburg. 1878, стр. 20—12; Geffcken, в. н. с. стр. 83—87.

правового вліянія, что положительно всякій гражданинъ былъ опутанъ сѣтями своей юридической зависимости отъ епископа, и не смѣлъ ни думать, ни чувствовать иначе, чѣмъ повелѣвалъ ему епископъ. Какъ видимъ, это не только полное повтореніе древне-римскихъ порядковъ, но даже ихъ превосходная степень, ибо тамъ религіозная и свѣтская власть все-таки не была такъ сосредоточена въ близкіе къ населенію и объединенные центры духовнаго и полицейскаго управленія, какъ здѣсь въ лицѣ епископовъ. Но и этого еще мало, въ распоряженіе епископовъ была оставлена цѣлая масса широко развѣтвленнаго клира, духовенство было снабжено важными привиллегіями и иммунитетами, и въ распоряженіе епископовъ были даны громадныя богатства. Привиллегіями и дареніями въ сущности была организована дѣствующая армія духовенства. Свобода отъ личныхъ, государственныхъ повинностей, свобода отъ платежа поземельныхъ налоговъ (munera sordida) и всѣхъ экстренныхъ сборовъ и даже—нѣкоторое время свобода отъ платежа торговыхъ пошлинъ, все это привлекало въ составъ клира множество лицъ, которыя тѣмъ желали избавиться отъ невыносимаго фискально-полицейскаго гнета, лежащаго на всемъ остальномъ населеніи. Съ другой же стороны немалой притягательной силой духовной службы была и возможность клира пользоваться весьма значительными богатствами, находящимися въ распоряженіи церкви. Дѣйствительно, вначалѣ бѣдная церковь скоро получила весьма значительное приращеніе своего имущества: къ ней перешли языческіе храмы со всѣмъ ихъ богатствомъ, ей были переданы церкви и мѣста собраній еретиковъ, она получила часть въ имуществѣ отдѣльныхъ еретиковъ, ей были сдѣланы значительные дары со стороны императоровъ, наконецъ былъ открытъ изобильный и постоянный притокъ пожертвованій въ видѣ завѣщаній, легатовъ, фидеикомиссовъ, дареній со стороны частныхъ лицъ, которыя этимъ путемъ—иногда не безъ давленія духовной власти желали обезпечить себя молитвами церкви, а ее саму и клиръ—одарить для безпрепятственнаго руководства дѣломъ спасенія. Само собою разумѣется, что имущества церкви были снабжены тѣми же финансовыми привиллегіями и иммунитетами, какъ и отдѣльные ея члены, а слѣдовательно ничего кромѣ ординарныхъ налоговъ не платила. Такимъ образомъ въ рукахъ епископовъ были не только люди, но и богатыя денежныя средства: что же касается самого управленія клиромъ и церковными средствами, то первый, благодаря церковной дисциплинѣ и власти епископа, былъ по-

слушнымъ орудіемъ, а вторыя, согласно канонамъ, были ввѣрены почти полному распоряженію епископа. Итакъ у епископа была своя армія и свои средства. Но ей еще не доставало единства организаціи; нельзя было оставить, въ распоряженіи отдѣльныхъ епископовъ и временно засѣдающаго собора, всѣ эти громадныя силы; нужны были постоянные духовные центры, которые бы объединили отдѣльныхъ епископовъ въ болѣе широкіе союзы, и своей властью придали болѣе централизаціи и гибкости всей іерархической машинѣ, и вотъ надъ епископами выростаетъ цѣлый рядъ промежуточныхъ властей, сходящихся въ одномъ центрѣ, цѣлая лѣстница полу-государственныхъ полу-церковныхъ начальствъ, которыя во время Византіи еще не успѣли, правда, сложиться въ единый союзъ іерархіи подъ главенствомъ единаго папы, но все же были значительнымъ объединяющимъ аппаратомъ духовной власти подъ главенствомъ кесаря. Этимъ оканчивалась въ извѣстной степени организація боевыхъ силъ церкви, и она стояла, какъ готовая къ битвѣ армія, подъ предводительствомъ своихъ вождей, во всеоружіи всѣхъ средствъ государственнаго принужденія, публично-правового могущества, даже матеріальнаго богатства. Византійско-римская церковь достигла своей цѣли: ея право стало государственнымъ правомъ; ея законъ—государственнымъ закономъ, ея власть - государственной властью. Она не только догматизировала истины вѣры; но и получила уголовную санкцію догматамъ, она не только стала духовно-нравственнымъ союзомъ, но и могущественной публично-правовой корпораціей [1]), Но за всѣ полученныя церковью права и преимущества, она должна была заплатить дорогой цѣной; государство, надѣляя церковь привиллегіями, въ обмѣнъ за нихъ взяло ея самостоятельность и свободу.

Прежде всего должны были воскреснуть языческіе порядки; «jus sacrum» опять вошло въ составъ «jus publicum»; императоръ, переставъ быть «pontifex maximus» и поклонникомъ Юпитера Капитолійскаго, сталъ христіанскимъ царемъ, архіереемъ, (ἀζχιεϱεὸς Βαδιλεὸς) «верховнымъ епископомъ для внѣшнихъ дѣлъ церкви», «побѣдителемъ на войнѣ» и «учителемъ вѣры», орудіемъ Божіимъ, — которому по словамъ Папы Льва,—присущъ не только священническій, но и апостоль-

---

[1]) Kiffel, в. и. с. стр. 114—121; 144—152; 155—168; 183—271. Loening, в. и. с. стр. 168—174; 191—194; 195—233; 234; 255—262; 284, 289, 289—318. 314—331, 362; 376. Sohm R r·henges·hiht·, стр. 39, 48—49. Qeffcken, в. и. с. 80—88. Maass n, в. и. с. стр. 52—53.

скій духъ; немудрено поэтому, что цари хотя и потеряли прежніе священные, языческіе титулы и права, теперь вполнѣ удовлетворились своей христіанской компетенціей въ дѣлахъ вѣры и совѣсти: не даромъ, воскликнулъ еще Констанцій, «что я рѣшаю, то и будетъ закономъ». Такъ дѣйствительно и было. Церковь должна была допустить императора въ свое «святое святыхъ», и мы видимъ, какъ византійскіе кесари не только созываютъ вселенскіе соборы, и утверждаютъ ихъ рѣшенія, но и сами самостоятельно издаютъ обязательные для государства догматы вѣры, не только утверждаютъ избранныхъ епископовъ, но и сами избираютъ и назначаютъ іерарховъ, наконецъ, не только осуществляютъ надзоръ за церковнымъ управленіемъ, но и сами вмѣшиваются въ него, и при томъ по всѣмъ его частямъ и отдѣламъ. Правда, церковь была еще слишкомъ сильна, чтобы стать, въ полномъ смыслѣ слова, слугой государства, но подчиненіе ея свѣтской власти было настолько сильно, а самостоятельность ея въ такой степени основывалась только на фактическихъ отношеніяхъ, что старый принципъ государственнаго верховенства въ свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ царилъ невозбранно, и церковь была, если не рабыней, то во всякомъ случаѣ покорной слугой государства [1]).

Итакъ царство и священство соединились, церковь отдала свою свободу за земное могущество и власть, за земное и скорѣйшее воплощеніе царства не отъ міра сего, государство, ставши христіанскимъ, пріобрѣло новое религіозное освященіе, и за представленныя церкви земныя права и выгоды получило отъ нея власть духовную надъ вѣрою и совѣстью своихъ подданныхъ. Взаимный обмѣнъ совершился, церковь стала мірской, государство церковнымъ; гармонія и единство водворились между этими двумя силами. Но главная цѣль еще не была достигнута: хоть и была государственная религія, но массы народа жили еще внѣ ея, хоть и была государственная церковь, но многіе христіане отвергали ея духовную власть; было христіанское государство, но среди многихъ христіанъ подымались голоса, отвергающіе смѣшеніе религіи и права, духовнаго и мірского. Однимъ словомъ, принципъ объединенія былъ провозглашенъ: государство и церковь объединились, но населеніе, этотъ трудящійся, мыслящій и чувствующій фундаментъ государства, эта живая масса человѣческихъ

1) Loening, в. и. с. стр. 64—79. Kiffel, в. и. с. 180—182. Maassen, в. и. с. 53—54, 62—64.

существъ, это море человѣческихъ воль—еще не было объединено, еще не было охвачено, какъ закваской—государственной религіей, еще представляло изъ себя неорганизованный конгломератъ семей, племенъ, народовъ, классовъ общества и т. д. Но менѣе всего оно представляло изъ себя единую и духовную организацію отдѣльныхъ индивидовъ, которой такъ жаждала и церковь и государство; надо было еще рушить всѣ старыя національныя и языческія стѣны и спайки, чтобы добраться до каждой отдѣльной личности, надо было разбить ту крѣпость, которая еще скрывала человѣка отъ абсолютной власти, и этого индивида, эту уединенную, разрозненную личность нужно было непосредственно связать съ цѣлымъ государствомъ самыми крѣпкими и самыми страшными узами, узами религіи, вѣры, страхомъ вѣчной погибели и надеждой вѣчнаго блаженства. Насиліе здѣсь было нужно для созиданія новаго земного царства Божія, а вѣрующій былъ нуженъ для нравственной кабалы государству. Цѣль во истину грандіозная, но, какъ мы уже видѣли выше, именно такого объединенія должны были искать цезари, чтобы спасти имперію, такого объединенія искала церковь, чтобы осуществить мечту своего земного величія, чтобы соединить подъ сѣнью, согласно обѣтованію «всѣ народы». Для этой цѣли, ради ея возможно скорѣйшаго достиженія—надо ли говорить ни—тогдашняя церковь, ни государство въ средствахъ не стѣснялись: гдѣ можно лаской, гдѣ нельзя—силой; духъ христіанства, горная проповѣдь, самъ распятый Христосъ, Его послѣдняя бесѣда съ учениками передъ предстательствомъ, Его заповѣди и завѣты, все Его дивное, проникнутое чистѣйшимъ духомъ божественной любви, ученіе—все было забыто, была одна цѣль—единство, а чѣмъ это единство покупалось,—никого не интересовало; напротивъ того, даже духъ какой то кровожадности и страсти разрушенія дышетъ въ воззваніяхъ и рѣчахъ нѣкоторыхъ «правовѣрныхъ» писателей: вспомнимъ, хотя бы знаменитаго въ своемъ родѣ ритора Фирмика Матерно его воззваніе по истинѣ чудовищно!

«Это печальная, но къ сожалѣнію, богато исписанная страница исторіи говоритъ Вильда, которая разсказываетъ намъ, какъ религія, коей любовь есть высшая заповѣдь, и которая должна была объединить все человѣчество въ одномъ великомъ союзѣ братства, послужила къ тому, чтобы возбудить жесточайшую ненависть именно между тѣми, кто исповѣдывалъ имя Христа, вызвать самыя тяжкія преслѣдованія,

зажечь пламя самыхъ кровавыхъ и опустошительныхъ войнъ [1]).

Итакъ, борьба началась; съ одной стороны былъ могущественный союзъ государства и церкви, съ другой воля и убѣжденіе личности. Опять начались гоненія. Опять началась борьба за свободу вѣры, свободу исповѣданія.

Принципы Миланскаго эдикта были нарушены уже самимъ Константиномъ, когда было опредѣлено наказаніе за переходъ изъ христіанства въ іудейство. Послѣ паденія Лицинія, началась формальная война противъ язычества; языческимъ проконсуламъ было приказано праздновать должнымъ образомъ церковные праздники, языческія жертвы оставить, постройка языческихъ храмовъ воспрещена, многіе уже существующіе храмы со всѣми доходами отданы христіанамъ, другіе оставлены на естественное разрушеніе, при чемъ изданы распоряженія для ускоренія этого процесса, статуи изъ золота и серебра были расплавлены въ слитки, а въ поиски за ними были посланы христіанскіе сыщики, которые,—если современный церковный историкъ Евсевій не преувеличиваетъ,—съ великимъ издѣвательствомъ и насмѣшкой заставили языческихъ священниковъ доставить ихъ изъ своихъ святилищъ и передать имъ» (Маассенъ). Общаго воспрещенія языческихъ жертвъ и культа, однако еще не было.

Къ преемникамъ Константина христіанскій писатель обращается уже съ такими словами; «Водружайте знамя вѣры. Вы составляете предметъ зависти. Богъ сдѣлалъ Васъ участниками Своей славы и Своей воли. Христосъ поручилъ Вамъ истребленіе идолослуженія и разрушеніе храмовъ... Итакъ, прочь, долой это украшеніе храмовъ,—въ монету или въ печь этихъ боговъ! Послѣ уничтоженія храмовъ сами вы будете возвеличены силою Божіей!—Вы побѣдили враговъ и увеличили государство. Закономъ Божіимъ заповѣдано Вамъ преслѣдовать преступленіе идолослуженія всевозможнымъ образомъ. Онъ предписываетъ не щадить ни сына, ни брата, и разрушать цѣлые города, если они предаются этому пороку». Такъ говоритъ христіанинъ Фирникъ Матернъ въ своемъ сочиненіи «De errore profanarum religionum» и не смущался напоминать цезарямъ, именемъ Христа— поучительные примѣры опустошенія Ханаана евреями и преслѣдованія идолопоклонства еврейскими ветхозавѣтными царями. И мѣры преслѣдованія язычества не замедлили. Уже

[1]) Wilda, в. и. с. стр. 169—170.

въ 341 году императоромъ Констанціемъ было издано запрещеніе приносить жертвы богамъ, нѣсколько лѣтъ спустя, указомъ обоихъ императоровъ Констанція и Константа было повелѣно закрыть всѣ языческіе храмы и, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, было окончательно запрещено приношеніе жертвъ; черезъ нѣсколько лѣтъ Констанцій еще разъ подтвердилъ эти тяжелыя наказанія за «безуміе жертвъ». Но язычество было еще сильно, а преслѣдованіе со стороны христіанъ сообщило ему еще новую силу, ибо гонимая религія всегда получаетъ нравственный ореолъ, особенно религія предковъ, религія сѣдой старины;—и «храмъ разрушенный все храмъ, кумиръ поверженный все богъ»—даже еще болѣе богъ, чѣмъ былъ прежде, таковъ законъ души человѣческой: сердце не выноситъ принужденія! Язычество держалось крѣпко за свою старину и законы имперіи долгое время оставались мертвой буквой, особенно на западѣ. Констанцій долженъ былъ уступить, и въ Римѣ выступалъ въ качествѣ «Pontifex Maximus», подтвердилъ привиллегіи весталокъ, и издалъ особый законъ о выборѣ верховнаго жреца провинціи Африки! О принудительномъ обращеніи въ христіанство еще не было и рѣчи. Съ другой же стороны первый опытъ христіанства въ качествѣ единой государственной религіи принесъ за собою такое горькое разочарованіе въ этой религіи духа и истины, что при Юліанѣ, этомъ романтикѣ язычества, опять государство возвратилось къ прежнимъ гонимымъ, обреченнымъ на гибель богамъ. Опять были открыты заколоченные храмы, опять приносились изобильныя жертвы; само язычество восприняло много лучшихъ чертъ христіанства, а неоплатонизмъ сообщилъ ему мистическое освященіе—но у язычества не было уже прежней силы, и оно должно было исчезнуть. Нужно отдать, однако, полную справедливость языческому цезарю: ни общаго прекращенія христіанскаго богослуженія, ни смертной казни за участіе въ немъ Юліанъ-отступникъ не повелѣвалъ, и если онъ устранилъ христіанъ отъ публичныхъ должностей, а церковь лишилъ ея привиллегій, то это было сдѣлано на томъ же самомъ основаніи, по которому раньше язычники не пользовались этими привилегіями: христіанство болѣе не было государственной религіей. Что же касается того народнаго суда, который особенно въ Азіи, избралъ своей жертвой христіанъ и церковь, то развѣ не ужаснѣе въ тысячу разъ, что при господствѣ государственнаго христіанства, не язычники, а также и священники, предводительствовали народными толпами и предавали дикой рас-

правѣ язычниковъ и ихъ святынь? Но періодъ безплодной реакціи Юліана кончился съ его смертью, а съ нимъ вмѣстѣ погибла и послѣдняя попытка сдѣлать государство языческимъ. Опять воцарились христіанскіе—императоры: Іовіанъ, потомъ Валентіанъ и Валенсъ, но законовъ Констанція и Константа они не возстановили; слишкомъ еще свѣжи были въ памяти уроки Юліана, и христіане остерегались быть нетерпимѣе и насильственнѣе язычниковъ. Наступили опять времена свободы совѣсти и исповѣданія.

Второй разъ такимъ образомъ вспыхнула чистая заря христіанской свободы въ исторіи Византія и опять не надолго. Опять мракъ нетерпимости и фанатизма долженъ былъ затушить ее; но при Валентіанѣ, наиболѣе послѣдовательнымъ образомъ, были проведены принципы Миланскаго эдикта, и, удивительное дѣло, именно, «въ царствованіе Валентіана», говоритъ Маасенъ, «имѣли мѣсто многочисленныя обращенія въ христіанство». Но яркое ли это доказательство того, что истина и любовь побѣждаютъ гораздо скорѣе и вѣрнѣе тамъ, гдѣ имъ не сочувствуетъ ни тюрьма, ни мечъ, что Евангеліе сильнѣе само по себѣ всѣхъ мѣръ государственнаго принужденія? Но повторяемъ, этотъ свѣтлый промежутокъ византійской религіозной политики скоро опять смѣнился временами тяжелаго религіознаго гнета.

Уже Граціанъ формально порвалъ съ язычествомъ, лишилъ весталокъ привиллегій, конфисковалъ имущества языческихъ храмовъ, и ограничилъ имущественныя права храмовъ. Статуя побѣды была навсегда удалена изъ зала римскаго Сената. Восточный соправитель Граціана, а послѣ его смерти и единодержецъ имперіи Ѳеодосій пошелъ еще дальше. Онъ возстановилъ законы Констанція, принесеніе въ жертву животныхъ наказывалъ какъ государственное преступленіе: было запрещено не только публичное идолослуженіе, но и домашнее—передъ ларами и пенатами, принесеніе въ жертву оиміама наказывалось конфискаціей дома или земельнаго участка гдѣ преступленіе совершалось. За менѣе важныя преступленія, противъ вѣры были назначены денежные штрафы, которые грозили также и чиновникамъ, нерадивымъ въ исполненіи закона. Смертная казнь, конфискація, денежные штрафы—таковы были орудія обращенія язычниковъ въ христіанство при Ѳеодосіѣ; и параллельно съ увеличеніемъ религіознаго гнета увеличивалось и число лицъ, которыя отрекались отъ христіанства и возвращались къ своимъ старымъ богамъ. Госу-

дарство должно было принять мѣры противъ вѣроотступничества, апостаты были лишены права совершать завѣщаніе, а завѣщанія умершихъ апостатовъ были объявлены недѣйствительными; позднѣе у вѣроотступниковъ было отнято даже право наслѣдовать по завѣщанію, если только завѣщатель не былъ отцомъ, матерью или братомъ наслѣдника. Наконецъ за апостазію было назначено гражданское безчестіе, но и это не помогало, — язычество еще держалось; на западѣ имперіи въ концѣ 4-го и началѣ 5-го вѣка еще совершались жертвоприношенія, раздавались священные гимны богамъ, устраивались ритуальныя процессіи и танцы; многія важнѣйшія должности государства были въ рукахъ язычниковъ.

Тогда на поле битвы были вызваны толпы христіанской черни, и началась уличная партизанская война: храмы и священныя изображенія язычниковъ предавались огню и мечу, дома и виллы богатыхъ язычниковъ подвергались разграбленію, то, что не были въ силахъ исполнить государственные чиновники, то брали на себя нафанатизированныя толпы христіанъ; и «подобно тому какъ», говоритъ Маассенъ: «во времена Марка Аврелія и Септимія Севера неблагосклонность стихій ставилась въ вину христіанамъ, такъ теперь природа измѣняла свои законы въ наказаніе за безбожіе язычниковъ.» Весна отказывала въ своихъ обычныхъ дарахъ: лѣто скудною жатвою обманывало земледѣльца въ его надеждахъ; непомѣрная суровость зимы облекала поля непроникаемымъ холоднымъ покровомъ и разрушало ихъ плодородіе» — за все должны были отвѣтить язычники, ибо «величество Божіе должно было быть умилостивлено наказаніемъ язычниковъ». И христіанскіе писатели и епископы, увы, весьма мало противодѣйствовали этимъ народнымъ походамъ, а великій учитель церкви, который въ одномъ своемъ сочиненіи краснорѣчиво защищалъ свободу вѣры, не удержался отъ письменнаго поощренія финикійскихъ монаховъ къ дѣлу насилія и разрушенія. Другой великій отецъ западной церкви Августинъ, пишетъ по поводу уголовныхъ взысканій съ язычниковъ: «кто изъ насъ и кто изъ васъ не хвалитъ законовъ, изданныхъ императорами противъ жертвъ язычниковъ, — законовъ, угрожающихъ этому безбожію смертною казнью?».

При такомъ одобреніи отцами церкви насильственныхъ мѣръ противъ невѣрныхъ, какъ было возможно, чтобы простой народъ, особенно городская чернь, удержался отъ соблазна потѣшить свою душу горемъ ближняго, и не выместилъ бы

своего недавняго униженія на алтаряхъ, имуществѣ и личности нечестивцевъ? Какъ было имъ помнить о Христѣ, когда о немъ забыли и мудрые и святые? И дѣло неистовства народныхъ массъ дошло до того, что сами императоры принуждены были остановить излишнее рвеніе черезъ-чуръ усердствующихъ подданныхъ, запретили дальнѣйшую работу народнаго разрушенія, и объявили всѣ языческія святилища собственностью государства; послѣ этого уже государственные коммиссары, по порученію правительства, совершали дѣло уничтоженія языческихъ святынь и стихійное буйство черни этимъ было по крайней мѣрѣ ослаблено.

Правительство въ свою очередь продолжало дѣло сокрушенія язычества; храмовыя имущества конфискованы, общества стоящія въ связи съ древнимъ культомъ, запрещены, язычники лишены права занимать государственныя должности; почти всѣ возможныя мѣры запрещенія и отрицанія язычества были приняты, всѣ средства косвеннаго принужденія къ принятію христіанства были примѣнены, но все еще гражданинъ могъ не быть христіаниномъ, могъ никому не молиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ не молиться и христіанскому Богу. Но скоро и этотъ слабый признакъ религіозной свободы долженъ былъ исчезнуть: государство уже готовилось перейти къ прямому *вынужденію вѣры*, и, дѣйствительно уставъ Ѳеодосіева кодекса потребовало отъ каждаго подданнаго обязательнаго исповѣданія государственной религіи подъ страхомъ лишенія гражданскихъ правъ, а всѣхъ, кто еще продолжалъ молиться старымъ богамъ, осудило на смерть. Епископы и всѣ вѣрующіе были теперь призваны слѣдить за исполненіемъ всѣхъ этихъ постановленій: такимъ образомъ, на нихъ были возложены своего рода полицейскія обязанности по наблюденію за исповѣданіемъ гражданъ, и по ихъ доносамъ люди лишались имущества, а иногда и жизни [1]).

«Итакъ римское государство изъ насильственнаго притѣснителя христіанской религіи сдѣлалось насилователемъ язычества». «Во имя того самаго христіанства, которое отвергаетъ и гнушается принужденія совѣсти, язычники должны были посредствомъ наказаній принуждаться къ принятію христіанства». «Въ какомъ отдаленномъ уголкѣ очутились сочиненія христіанскихъ апологетовъ, у которыхъ можно было

[1]) Loening, в. и. с. стр. 42—63; Riffel, в. и. с. 76—91; Niehues, в. и. с. 294—303; Maassen, в. и. с. стр. 47—52.

читать, что вынуждать религію противорѣчить существу религіи, и что нѣтъ ничего, что въ такой степени было бы дѣломъ свободной воли, какъ религія [1])? Но римское государство надъ подобными вопросами не останавливалось, надо было раздавить язычество, и на его мѣсто водворить христіанство, такъ и поступили, надо было одну государственную религію замѣнить другою, такъ и сдѣлали, а ослушниковъ и непокорныхъ казнили; здѣсь дѣло шло не о христіанствѣ, а о духовно-политическомъ объединеніи гражданъ, не о религіи, а о политикѣ. И государство въ общемъ своей цѣли достигло; язычество вымирало съ каждымъ годомъ все больше и больше, на востокѣ удалось почти совсѣмъ задушить языческую партію; только въ Римѣ она была еще сильна; города были совершенно христіанизованы, и государство въ отношеніи къ язычникамъ уже могло быть спокойно; отъ древней религіи почти не оставалось слѣда.

Одинъ врагъ государства и церкви былъ побѣжденъ; дряхлое, умирающее язычество было безжалостно добито; но совершенно неожиданно для государства, оно увидѣло себя лицомъ къ лицу съ другимъ новымъ врагомъ, который былъ сильнѣе перваго и тѣмъ опаснѣе, что избралъ своимъ мѣстопребываніемъ ту самую твердыню, на которую опиралось государство, т. е. церковь. Да, внутри самой церкви завелись противники государственной религіи, которые во имя христіанскаго Бога и христіанской совѣсти, подняли руку на христіанское государство и церковь. Что было съ ними дѣлать; здѣсь задача была сложнѣе, чѣмъ съ истребленіемъ язычества; тамъ подлежалъ смерти всякій, кто приносилъ жертвы богамъ; а здѣсь, какъ казнить было того, кто былъ крещенъ и назывался христіаниномъ, ссылался на Писаніе, на преданіе Апостоловъ? особенно же государство оказывалось въ щекотливомъ положеніи, когда вся церковь раздѣлялась ради какого-нибудь богословскаго вопроса на двѣ почти равносильныя партіи; что было дѣлать съ этими двумя ожесточенными лагерями враговъ, которые предавали другъ друга анаѳемѣ, подымали народныя возмущенія и, одинаково приписывая себѣ права государственной церкви, требовали у государства ссылокъ и казней для своихъ противниковъ?

Это положеніе—неизбѣжный результатъ системы государственной религіи и государственной церкви; если христіан-

[1]) Маѳеевъ, в. н. с. стр. 51.

ство становится обязательнымъ исповѣданіемъ государства, то возникаетъ вопросъ, какое христіанство ибо Евангеліе и апостольское преданіе не буква закона, вырѣзанная на каменныхъ скрижаляхъ Моисея, а живая мысль и слово, духъ же человѣческій свободенъ, часто черезъ заблужденіе познаетъ истину: если церковь становится государственной, то гдѣ истинная церковь, ибо заблужденія подчасъ охватываютъ цѣлые массы вѣрующихъ съ ихъ іерархіей и соборами, этими носителями, казалось бы, вселенской правды?

Итакъ, скажи, о цезарь, что есть истина!

И вотъ, мы видимъ, какъ богословскіе споры и церковныя распри потрясаютъ всю имперію; государство приказываетъ почитать обязательной для всѣхъ истинной то одно ученіе, то другое; сегодня оно признаетъ Сына Божія единороднымъ и единосущнымъ Отцу, завтра наоборотъ, сегодня оно признаетъ почитаніе иконъ дѣломъ богоугоднымъ, завтра грѣхомъ, а слѣдовательно и преступленіемъ, сегодня гонитъ аріанъ, лишаетъ ихъ всѣхъ церковныхъ имуществъ и привиллегій, завтра посылаетъ въ ссылку приверженцевъ Аѳанасія, и лишаетъ ихъ всѣхъ имуществъ и выгодъ. Благодаря тому что съ вѣрой соединены были весьма важныя матеріальныя выгоды и преимущества, борьба страшно обострялась; дѣло уже шло не только объ истинѣ, но и богатствѣ, почести, власти; доставать своей партіи признаніе государства, значило овладѣть и всѣмъ что находилось во власти противника. Побѣдить значило получить все; быть побѣжденнымъ—все потерять. Не мудрено, что вооруженныя возстанія и народныя возмущенія сдѣлались участниками богословскихъ споровъ, немудрено, что интриги, козни, вражда проникли всю іерархію снизу доверху, и окружили цезарей цѣлой сѣтью доносовъ, жалобъ, лжи и клеветы.

Но слава Богу, Онъ помогъ наконецъ церкви выразить въ ясныхъ и точныхъ опредѣленіяхъ, тѣ великія истины вѣры, которыя уже изначала были присущи истинно христіанскому сознанію; символъ вѣры былъ установленъ, въ глубокихъ и сильныхъ выраженіяхъ были даны вѣрующему основанія его спасенія; тяжелая работа церкви была окончена и въ форму догмата облачилась дѣйствительно самая святая сущность христіанства. Однако, увы, христіанская свобода отъ этого ничего не выиграла: по прежнему надъ ней стояло всемогущее римское государство, а теперь, получивъ ясное и точное выраженіе истиннаго христіанства, оно еще съ большей жестокостью и по-

слѣдовательностью стало преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, кто не могъ или не хотѣлъ признать по доброй волѣ найденнаго церковью символа. Символъ вѣры былъ обращенъ въ законъ. Теперь государство уже могло не колебаться между истиной и заблужденіемъ: истина была найдена; теперь не было уже никакихъ сомнѣній, и подобно тому какъ былъ повиненъ смерти тотъ, кто служилъ идоламъ, такъ отнынѣ сталъ подлежать смерти и тотъ, кто не признавалъ вселенскаго символа вѣры. Признаки ереси стали очевидны такъ же, какъ признаки язычества. «Это наша воля», гласитъ знаменитый эдиктъ Өеодосія: «чтобы всѣ народы, подчиненные нашему милостивому господству, исповѣдывали ту религію,—которой апостолъ Петръ научилъ римлянъ, которая сохранилась до нынѣшняго дня, которую также, какъ всѣмъ извѣстно, исповѣдуетъ епископъ Дамасъ и епископъ Петръ Александрійскій, мужъ апостольской святости; должно вѣровать въ единое Божество Отца, Сына и Св. Духа въ равномъ величествѣ и святомъ тріединствѣ. Мы повелѣваемъ, чтобы исповѣдники этого ученія носили имя католическихъ христіанъ и чтобы всѣ остальные, которыхъ мы почитаемъ безумными и сумасшедшими, клеймились позорнымъ названіемъ ереси, чтобы мѣста ихъ собраній не носили имени церквей, и чтобы они сами кромѣ божественнаго возмездія, подлежали и тому наказанію, которое опредѣлитъ наша воля, руководимая небеснымъ вдохновеніемъ». Итакъ, отнынѣ дѣло преслѣдованія ереси значительно упростилось; «како вѣруеши»? спрашивало государство каждаго отдѣльнаго гражданина, и если отвѣтъ его не совпадалъ съ исповѣданіемъ оффиціальнымъ, съ никійскимъ символомъ вѣры,—конечно, это былъ очевидный еретикъ, а слѣдовательно подлежалъ штрафу, инфаміи, конфискаціи имущества, казни.

Среди отцовъ церкви по этому вопросу—о гоненіи еретиковъ,—какъ и слѣдовало ожидать, мы не встрѣтимъ полнаго единодушія; если мы обратимся къ учителямъ церкви въ то время, когда ихъ угнетали еретики, мы найдемъ у нихъ горячіе и возвышенные призывы къ свободѣ религіи и исповѣданія; если послушаемъ ихъ въ періодъ господства православія, они оправдываютъ гнетъ и насиліе. Но обратимся къ нимъ самимъ. Вотъ гонимый аріанами Аөанасій взываетъ къ еретику—императору. «не мечами и копьями, не воинами возвѣщается истина, а убѣжденіемъ и совѣтомъ; что же за убѣжденіе тамъ, гдѣ господствуетъ страхъ передъ кесаремъ,

и что за совѣтъ тамъ, гдѣ противящагося ссылаютъ и убиваютъ»? Другой епископъ Пуатье, пишетъ аріанскому императору: «.... блюдите, чтобы всѣ, надъ кѣмъ властвуете, пользовались сладчайшей свободой. И все что разумомъ возмущено, не можетъ быть улажено, и все что разсѣяно, не можетъ быть силою соединено, если всякій человѣкъ, непринужденный никакой необходимостью рабства, не имѣетъ неприкосновеннымъ своего судью—совѣсть». Сальвіанъ, пресвитеръ Марсельскій, такъ говоритъ въ своей книгѣ объ аріанахъ: «Мы ихъ считаемъ еретиками, они—насъ... то, что мы для нихъ, то они для насъ... истина у насъ, но они полагаютъ имѣть ее у себя... они заблуждаются, но заблуждаются въ доброй вѣрѣ... думая что они почитаютъ и любятъ Господа. Хотя не имѣютъ истинной вѣры, но почитаютъ совершенное милосердіе Божіе. Насколько они были наказаны божественнымъ судомъ за само заблужденіе во мнѣніи, никто не можетъ знать, кромѣ самого Судьи. Между тѣмъ Богъ потому, думаю, ихъ терпитъ, что видитъ, какъ они, хотя и не праве вѣруютъ, но заблуждаются вслѣдствіе мнѣнія, въ основѣ благочестиваго». Даже Іоаннъ Златоустъ пишетъ въ своемъ сочиненіи о мученикѣ Вавилѣ: «не позволено христіанамъ разрушать заблужденіе принужденіемъ и насиліемъ, напротивъ, они должны дѣйствовать для спасенія людей убѣжденіемъ, наученіемъ, благостью». Такъ же говорили и думали и еретики, когда ихъ гнали православные; такъ, напримѣръ, пишутъ донатисты епископу Августину: «ты, который называешь себя христіаниномъ, не долженъ подражать насиліямъ язычниковъ. Ужели вы думаете, что служите Богу, убивая насъ своими руками? Вы, несомнѣнно, заблуждаетесь, бѣдные, если такъ думаете, ибо Богъ не палачей имѣетъ священниками. Христосъ никого не преслѣдовалъ, ибо Онъ хотѣлъ не принуждать, а призывать людей къ вѣрѣ, училъ не убивать, а умирать».

Но были и противоположные взгляды, и, къ сожалѣнію, именно эти взгляды получили признаніе на практикѣ. Наиболѣе яркимъ представителемъ этихъ взглядовъ является, несомнѣнно, блаженный Августинъ; гонимый аріанами, онъ взывалъ къ свободѣ совѣсти; въ борьбѣ съ донатистами онъ требовалъ принужденія вѣры; въ письмѣ къ Винцентію онъ оправдываетъ эту перемѣну его воззрѣній, данными самого опыта (sed mea opinio non contradicentium verbis, sed demonstratium superabitur exemplis), ибо его городъ, который раньше весь при-

надлежалъ къ партіи Доната, обращенный страхомъ императорскихъ законовъ къ католическому единству, теперь до такой степени гнушается этимъ соблазнительнымъ ученіемъ, что какъ будто никогда не принадлежалъ къ нему; на этомъ основаніи великій западный богословъ и рекомендуетъ принужденіемъ страхъ, какъ средство возвратить еретиковъ и схизматиковъ въ лоно истинной церкви: «человѣкъ долженъ любить ближняго, какъ самого себя», пишетъ Августинъ къ Македонію: «итакъ, пусть приводитъ къ почитанію Бога, какого можетъ человѣка, или утѣшая его благодѣяніями, или научая истинѣ, или принуждая властію» [1]), «ибо къ обязанности праведнаго принадлежитъ не только никому не причинять зла, но и отвращать отъ грѣха, или наказывать грѣшника: чтобы или онъ самъ исправился вслѣдствіе этого опыта или другіе были устрашены этимъ примѣромъ» [2]); «лучше, если кто приводитъ людей къ почитанію Бога ученіемъ, чѣмъ если принуждать къ этому страхомъ наказанія и страданіемъ; но потому только, что первые лучше не должны быть пренебрегаемы и другіе, которые не таковы. Ибо многимъ послужило на пользу то, (что мы испытали и испытываемъ на опытѣ) что сначала ихъ принуждали страхомъ или страданіемъ съ тѣмъ, чтобы уже потомъ ихъ и научить» [3]). Съ другой же стороны принужденіемъ, думаетъ Августинъ, свободная воля нисколько не уничтожается. Тотъ, кому за правду причиняется зло, терпитъ по доброй волѣ, а кто сознаетъ, что онъ терпитъ зло за правду, тотъ можетъ и долженъ обратиться и вмѣстѣ съ тѣмъ освободиться отъ безполезнаго страданія и отъ собственной неправды: «если цари постановляютъ что нибудь противъ васъ, то этимъ, очевидно, васъ увѣщеваютъ разсудить, чего ради вы терпите; если ради справедливости то воистину тѣ цари суть ваши гонители, вы же блаженны, такъ какъ, перенеся преслѣдованіе правды ради, вы наслѣдуете царство небесное; если же вы терпите за неправду ва-

---

[1]) Debet homo diligere proximum tamquam se ipsum: ut quem potuerit hominem, vel beneficientiae consolatione. vel informatione doctrinae vel disciplinae coercitione, abducat ad colendum Deum (Augustinus ad Macedonium epist 52), Wilda, в. и. с. стр. 173.

[2]) Pertinet ergo ad innocentis officium nos solum nemini malum inferre, verum etiam cohibere a peccato, vel punire peccatum: ut aut ipse qui plectitur corrigatur experimento, aut alii terreantur exemplo (Augustinus de civitate Dei 19 c. 16) ib.

[3]) Melius est quidem ad Deum colendum doctrina homines duci, quam poenae timore vel dolore compelli. Sed non qui isti meliores sunt, ideo illi qui tales non sunt negligendi sunt. Multis enim prafuit (quod experimentis probavimus et probamus) prius timore vel dolore cogi, ut postea doceri (Augustinus epist 185 ad Bonif § 21) ib.

шей схизмы,—то что тогда они, какъ не ваши исправители, а вы,—какъ и прочіе виновные въ различныхъ преступленіяхъ, подлежащихъ законной карѣ, несчастные и въ этомъ и въ будущемъ вѣкѣ» [1]). Итакъ, начальство не напрасно носитъ мечъ: оно получило отъ Бога должность наказывать расколъ и ересь, «какъ и прочія преступленія», и это называетъ Августинъ «законной карой». Приведя въ подтвержденіе этой мысли слова псалма о служеніи царей въ страхѣ Божіемъ, Августинъ спрашиваетъ: «итакъ, какимъ образомъ цари служатъ Богу въ страхѣ, какъ не наказывая съ религіозной строгостью все, что совершается противъ заповѣди Божіей»?—такъ служили и Езекія, и Іосія, и царь Ниневіи, и Дарій, такъ служатъ и вообще цари, какъ цари (in quantum sunt reges), когда они совершаютъ именно то, что они въ состояніи совершить только будучи царями; вѣдь «наказуются же убійство, прелюбодѣяніе, наказуются, какія угодно дѣянія и проступки похоти и преступленія; одно только святотатство хотятъ оставить по закону правителей ненаказаннымъ»! [2]).

Итакъ, по ученію великаго отца западной церкви долгъ христіанскихъ царей состоитъ именно въ преслѣдованіи ереси, и такимъ образомъ тѣ, кто находится на путяхъ и дорогахъ ереси, и не хотятъ добровольно идти въ брачный чертогъ церкви, принуждается войти «coguntur intrare» (Ев. Луки XIV, 23).

Классическое въ своемъ родѣ выраженіе, и мы увидимъ ниже какую оно службу сослужило впослѣдствіи папству, во время его средневѣковаго господства. Другой римскій іерархъ пошелъ еще дальше: папа Левъ Великій нѣсколько десятилѣтій спустя одобрилъ даже смертную казнь еретиковъ, «если церковь въ своей мягкости», говоритъ онъ, «довольствуется священническимъ рѣшеніемъ и избѣгаетъ кровавыхъ наказаній, однако она подкрѣпляется суровыми законами христіанскихъ князей», пока нѣкоторые люди, изъ страха тѣлесной казни, corpora supplicium) не прибѣгнутъ къ духовнымъ средствамъ спасенія». И это все дѣлалось «изъ любви» къ заблуждающимся

[1]) Cum aliquid adversus vos reges constiuunt, admoniti vos creditis ut cogitetis quare ista patiamini. Si propter justitizm revera illi persecutores vestri sunt vos autem beati, qui persecutionem passi propter justitiam possidebitis regnum coelorum. Si autem propter iniquitatem schismatis vestri: quid illi qui correctores vestri sunt: vos autem, sicut ceteri diversorum scelerumrei, qui poenas legibus pendunt, profecto infelices et in hoc et in saeculo futuro (Augustinus contra literas Petilliam 2 c. 84) ib. стр. 172.

[2]) Puniantus homicidia, puniantur adulteria, puniatur quantalibet sceleris sive libidinis facinora seu flagitia sola sacrilegia volumus a regnantium legibus impunita (Contra Gaudentium Zib 1 c. 20) Loening в. н. с. стр. 88.

и погрѣшающимъ, ибо говоритъ папа Пелагій: преслѣдуетъ только тотъ, кто принуждаетъ, къ злому; тотъ же, кто наказываетъ злое или нечестивое, или препятствуетъ его совершенію, тотъ не преслѣдуетъ, но проявляетъ любовь (non persequiturliste sed diligit.)» Какъ мы уже знаемъ, не теорія Иларія, Афанасія и Сальвіана, но Августина и Льва получила примѣненіе на практикѣ, и церковь имѣла удовлетвореніе видѣть, какъ ради христіанской «любви» не только ссылали еретиковъ и лишали ихъ имущества, но и предавали смертной казни [1]).

Фактически дѣло искорененія ереси и раскола было поставлено въ Византіи слѣдующимъ образомъ: со времени Константина и его сыновей уже начинается борьба съ расколомъ и ересью; эти цезари въ отдѣльныхъ случаяхъ подвергали ссылкѣ епископовъ и священниковъ, вѣрующихъ иначе, чѣмъ повелѣвалъ императоръ. Валентіанъ I издалъ законъ противъ манихеевъ, духовныя лица которыхъ подвергались тяжкимъ наказаніямъ, а всѣ зданія и имущества были конфискованы. Граціанъ уже сдѣлалъ общее воспрещеніе ереси, однако безъ указанія на тѣ взысканія, которымъ подвергались еретики; со времени Θеодосія мы уже встрѣчаемся съ полнымъ и уже исчерпывающимъ законодательствомъ о ереси; считая и законъ, изданный Θеодосіемъ II уже послѣ изданія кодекса, мы имѣемъ противъ сектантовъ и раскольниковъ 68 законовъ, изданныхъ въ промежутокъ 57 лѣтъ. Изъ всѣхъ этихъ законовъ о ереси, только очень немногіе, какъ напримѣръ изданные противъ донатистовъ имѣли оправданіе въ интересахъ государственнаго порядка, такъ какъ донатисты не только подняли возмущеніе противъ правительства, но и подвергали жестокимъ преслѣдованіямъ католиковъ; всѣ же остальные законы карали самую вѣру, ея исповѣданіе. Самымъ тяжелымъ наказаніямъ подвергались, конечно, «учителя и распространители заблужденій», т. е. епископы, священники, проповѣдники и вообще члены клира у еретиковъ и схизматиковъ, за ними не только государство не признавало никакого учительскаго или священническаго достоинства но и карало ихъ наказаніемъ «на тѣлѣ», высылкой изъ мѣста жительства, ссылкой и даже смертной казнью, тѣ-же, кто ихъ рукополагалъ, и хозяинъ дома, гдѣ это происходило, подвергались тяжелымъ денежнымъ штрафамъ. Эти мѣры, замѣчаетъ католическій историкъ, Риффель, вели, кажется вѣрнѣе всего къ отраднымъ результатамъ, «ибо народъ

[1]) Wilda в. и. с. стр. 167—174; Маяken в. и. с. стр. 55—57. Loening в. и. с. 87—88.

безъ вождей и учителей, конечно, скоро былъ бы возвращенъ въ лоно церкви», этой же тактики, прибавимъ мы, держались въ свое время императоры Декій и Діоклетіанъ при преслѣдованіи христіанъ! Всякое распространеніе ересей далѣе было запрещено строжайшимъ образомъ; правительство не допускало никакихъ церковныхъ обрядовъ у раскольниковъ и сектантовъ, точно также были имъ запрещены и всякіе публичные споры о вѣрѣ. Наказаніями здѣсь были опять-таки потери имущества, высылка и ссылка. Всякое собраніе для цѣлей «безбожнаго» богопочитанія, въ городѣ и деревнѣ, днемъ и ночью — наказывалось весьма строго, даже смертной казнью, мѣста собранія подлежали конфискаціи въ пользу казны или церкви, съ 383 года закономъ Ѳеодосія, эти собранія были отданы на полный произволъ правовѣрующихъ, которые могли разсѣивать нечестивыя сходбища даже собственной властью, безъ обращенія къ законному суду, нѣчто вродѣ суда Линча или народнаго суда Нерона; управитель дома, допустившій подобное нечестіе безъ вѣдома господина наказывался штрафомъ, наказаніемъ на «тѣлѣ»; или ссылкой, собственникъ — конфискаціей всего имущества и даже смертью. Церковные зданія и священныя предметы, очутившіеся въ рукахъ разновѣрующихъ, подлежали конфискаціи и передачѣ истинной церкви, ибо въ рукахъ еретиковъ и схизматиковъ они служили «не для почитанія, а для оскорбленія Бога.» Для наблюденія же за исполненіемъ всѣхъ этихъ законовъ не только были призваны всѣ гражданскія власти, подъ угрозой императорской немилости, лишенія должности, штрафовъ и смертной казни, но, какъ мы видѣли, и всякій правовѣрующій, который такимъ образомъ былъ снабженъ чисто полицейскими функціями надзора, пресѣченія преступленій и самоличной расправы надъ преступниками. Особыя мѣры были приняты только для преслѣдованія фригійцевъ, катафригійцевъ и присцилліанъ; для розысканія и наказанія этихъ эретиковъ были назначены особые инквизиторы, причемъ доносчиками и обвинителями этихъ сектантовъ могъ выступить всякій, кто пожелаетъ: рабы-католики, доносившіе на своихъ господъ, получали въ награду свободу.

Что касается отдѣльныхъ еретиковъ, то они вообще всѣ подвергались инфаміи, а слѣдовательно исключались изо всѣхъ публичныхъ собраній; лишались покровительства римскихъ законовъ; военную службу могли отбывать только въ когортахъ, въ строю; они были, далѣе, лишены права наслѣдовать по завѣщанію, ихъ наслѣдство за отсутствіемъ католическихъ

наслѣдниковъ переходило въ казну; они не могли совершать и принимать дареній, заключать гражданскихъ договоровъ; они были въ большинствѣ случаевъ изгнаны изъ большихъ городовъ, а «наиболѣе опасные» сосланы или изгнаны изъ отечества. Тѣлеснымъ наказаніямъ за ересь подлежали по общему правилу рабы и лица стоящія во главѣ сектъ; смертной казни подлежали: всѣ члены секты перекрещенцевъ, манихеевъ и ихъ различныхъ развѣтвленій, управители и сборщики денежныхъ средствъ сектантовъ; тѣ клирики, которые по изгнаніи изъ города опять возвращались въ него, и совершали богослуженіе и всѣ еретики, впадавшіе въ прежнее заблужденіе по пятикратномъ наказаніи. Такимъ образомъ, начиная съ лишенія гражданскихъ правъ и кончая смертной казнью — всѣ мѣры государственнаго принужденія падали на еретиковъ, и если сравнить эти мѣры христіанской «любви» съ тѣми законами, которые издавали противъ христіанъ языческіе императоры, то, говоря словами Маассена, между ними не найдется «существеннаго различія»; и тамъ и здѣсь господствуетъ одинъ принципъ: «кто не исповѣдуетъ императорской религіи, тотъ не имѣетъ права на гражданское существованіе» [1]).

Итакъ свершилось! Первый ужасный опытъ гоненія христіанъ христіанами былъ сдѣланъ; за мучениками Нерона и Діоклетіана поднялись на Голгоѳу цѣлыя толпы заблуждающихся и сомнѣвающихся, ищущихъ правды и не находящихъ ее тамъ, гдѣ видитъ ее церковное государство; усумнившись въ истинѣ, возвѣщаемой съ высоты престола цезаремъ и поддерживаемой солдатами и пышнымъ духовенствомъ, долго метались они, какъ испуганное стадо, съ немолчнымъ вопросомъ: «что есть истина?» и, казалось нашли ее, и этой истинѣ они отдали свою жизнь; и вотъ теперь, отлученные отъ церкви, преданные палачамъ и тюремщикамъ, подвергнутые нравственнымъ и физическимъ мукамъ, они страдаютъ за то, что хотѣли быть искренними и правдивыми передъ Богомъ, они лишены мира и покоя, чтобы постепенно путемъ духовнаго просвѣщенія перейти къ правдѣ отъ неправды, добровольно свободнымъ сердцемъ постичь полную истину и найти успокоеніе тамъ, гдѣ такъ можно возносить свое исповѣданіеникейскій символъ: «Вѣрую»! А если это былъ споръ о словахъ? Если они вѣрили право и истинно, но не умѣли понять языка догмы, если храня въ сердцахъ живое и истинное

---

[1]) Loebing, в. н. с. стр. 95—102; Riffel, в. н. с. стр. 658—679; Maassen, в. н. с. стр. 95—102.

преданіе, были смущены начертаніемъ чуждыхъ имъ знаковъ и письменъ? Какое тогда трагическое и во истину горькое недоразумѣніе! Но сдѣлаемъ даже уступку католической теоріи; пусть среди нихъ были слабые духомъ, честолюбцы, корыстолюбцы, пусть масса подчасъ дѣйствовала слѣпо и необузданно, пусть человѣкъ отъ природы враждебенъ свободѣ, но развѣ это давало право римскому кесарю и клиру нарушить основную заповѣдь христіанства, ожесточить отпадшихъ, и во мракѣ безпощадной борьбы затушить для нихъ навѣки свѣтъ истиннаго спасенія? И если среди всѣхъ слабыхъ и темныхъ еретиковъ. которые подвергались преслѣдованію и даже смерти, было хоть нѣсколько возвышенныхъ, запечатлѣнныхъ божественнымъ призваніемъ и если эти люди именно потому отреклись отъ государственной церкви, что не могли въ своемъ сердцѣ совмѣстить христіанскую любовь и преслѣдованія иновѣрцевъ, то какою цѣною заплатятъ гонители за эти потухшіе свѣтильники вѣры, за эту выброшенную соль земли, что отвѣтятъ они исторіи и суду ея? Печальныя и темныя страницы показываетъ намъ хроника византійской религіозной политики; такъ христіанское право свободы совѣсти пало въ новомъ Римѣ подъ гнетомъ католичества и старой римской идеи; такъ языческое начало всемогущества государства въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ подчинило Кесарю то, что должно было принадлежать одному только Богу!

Но надо упомянуть, что и въ другомъ отношеніи нетерпимость Византіи принесла ей горькіе плоды. То единство, котораго съ такой неумолимой послѣдовательностью добивались цезари, оказалось отчасти недостижимымъ и отчасти вреднымъ для самого государства. Борьба съ язычниками, а затѣмъ съ еретиками, породила безчисленныя, политическія осложненія; къ прежде дѣйствующимъ элементамъ разложенія прибавились новые; вмѣсто единства—государство встрѣтилось съ народными возмущеніями, ожесточенными спорами духовенства, раздорами въ самой церкви; но и та правовѣрная іерархія, которая дѣйствительно была въ полномъ единеніи съ правительствомъ, увы, скоро заразилась духомъ вѣка сего, приняла живое участіе въ дворцовыхъ переворотахъ, стала центромъ политической интриги, однимъ словомъ, ставши мірской и свѣтской, занялась ея мірскими дѣлами, не только отдала свою свободу, но измѣнила своему призванію!...

И Византія. терзаемая распрями внутри и войнами извнѣ, клонилась уже неизбѣжно къ упадку.

М. Рейснеръ.

Дочь Семирамиды*),

трагедія въ одномъ дѣйствіи *Поля Гейзе*.

ЛИЦА:

Мидитта *(царица Ассиріи)*.
Ниній.
Его мать.
Менонъ *(смотритель дворца)*.
Набонассаръ } *воины*.
Симма }

Рабы и рабыни.

Мѣсто дѣйствія: Царскій дворецъ въ Ниневіи.

Время: около 1200 лѣтъ до Р. Хр.

---

*) Весной этого года литературныя общества всего міра праздновали 70-лѣтіе жизни замѣчательнаго современнаго нѣмецкаго писателя Поля Гейзе. Поль Гейзе, которому судьба, вмѣстѣ со славой, доставили завидное долголѣтіе, родился въ профессорской семьѣ въ Берлинѣ. Жизнь его, всецѣло посвященная литературѣ, весьма небогата внѣшними событіями. Годы ученія Поль Гейзе провелъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ занимался, главнымъ образомъ, по классической филологіи, и въ Боннѣ, гдѣ молодой поэтъ предался изученію романскихъ языковъ и литературы. Въ 1852 году, Поль Гейзе, уже авторъ извѣстной трагедіи „Franceska von Rimini“ и двухъ эпическихъ поэмъ,—„die Brüder“ и „Urica“, предпринялъ продолжительное путешествіе по Швейцаріи и Италіи. Проживая въ этихъ странахъ, доставляющихъ неисчерпаемыя впечатлѣнія художественному воображенію, Поль Гейзе не забросилъ, однако, своихъ занятій по романской филологіи; по цѣлымъ днямъ онъ просиживалъ въ богатѣйшихъ итальянскихъ библіотекахъ, изучая наиболѣе интересные въ филологическомъ отношеніи древніе романскіе манускрипты. Этому путешествію Поль Гейзе обязанъ и своимъ глубокимъ знаніемъ итальянской литературы. Въ 1854 г., баварскій король Максимиліанъ II пригласилъ Поля Гейзе навсегда поселиться въ Мюнхенѣ. Поль Гейзе принялъ это пригла-

Большой залъ во дворцѣ. — Массивныя, золоченныя колонны, и за ними видъ на садъ.—Справа и слѣва, между крылатыми львами и быками съ человѣческими головами, дорожки (ходы), устланныя коврами.—Слѣва, на возвышеніи въ нѣсколько ступеней, широкое ложе, покрытое пурпурнымъ, златотканнымъ ковромъ. — Напротивъ два низкихъ сидѣнія.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

У дверей справа Набонассаръ *и* Симма *стоятъ на стражѣ, опираясь на луки.*

Набонассаръ.

Скажи мнѣ, Симма,—слышалъ ты, иль нѣтъ?

Симма.

О чемъ, Набонассаръ?

Набонассаръ.

О томъ, что снова
Явился глупый человѣкъ, который
За ночь одну, за мягкую постель
Не прочь навѣкъ уснуть въ пучинѣ смерти!

шеніе, переѣхалъ въ Мюнхенъ и съ этого времени отдался исключительно литературному творчеству, которое въ полной силѣ и свѣжести сохранилъ и до сихъ поръ, какъ это читатель увидитъ изъ помѣщаемой ниже послѣдней по времени его трагедіи „Дочь Семирамиды". Произведенія Поля Гейзе занимаютъ выдающееся мѣсто въ нѣмецкой литературѣ. Основной мотивъ творчества Поля Гейзе, проходящій красной нитью во всѣхъ его художественныхъ произведеніяхъ,—свобода человѣческой личности. Зло міра Поль Гейзе видитъ въ томъ, что люди опутали свою душу, свой умъ и совѣсть ненужными, давящими условностями, принижающими достоинство человѣка. Человѣкъ долженъ свободно жить, повинуясь лишь естественному голосу своего сердца. Этотъ тезисъ положенъ Полемъ Гейзе въ основу двухъ его больших, наиболѣе извѣстныхъ романовъ,—„Jm Paradiese" и „Kinder der Welt", написанныхъ въ 70-ые годы. Кромѣ романовъ, Поль Гейзе написалъ свыше 50 новеллъ, замѣчательныхъ тонкимъ психологическимъ анализомъ человѣческой души и неподражаемыми описаніями природы, особенно итальянской, на фонѣ которой проходитъ дѣйствіе многихъ новеллъ нѣмецкаго писателя. Независимо отъ оригинальныхъ произведеній, Поль Гейзе славится, какъ прекрасный переводчикъ Шекспира, итальянскихъ и фран-

Симма.

Ты говоришь о женихѣ царицы?

Набонассаръ.

Женихъ! Ха-ха! Похожъ на мотылька,
Что сватался къ свѣчѣ!... Что за охота
Стать куклою для дѣвушки, игрушкой,
Съ которою забавятся сегодня,
А завтра разобьютъ?

Симма.

Чудно мнѣ это,
Какъ нашей госпожѣ не надоѣстъ
Ужасная игра въ живыя куклы?

Набонассаръ.

О, ты еще, какъ видно, новичекъ
На службѣ нашей госпожи,—немного
Въ обычаяхъ и нравахъ здѣшнихъ смыслишь!...
Великія земли, цари, владыки—
Не то, что мы съ тобою,—ихъ страстямъ
Конца и краю нѣтъ; они, какъ боги,
Какъ богъ Молохъ, какъ нашъ Ваалъ, который,
Тѣмъ ненасытнѣе, чѣмъ больше жертвъ
Ему бросаютъ въ огненную пасть...
А наша госпожа? Она-ль не дочь
Ассиріи владычицы суровой,
Родившейся отъ матери богини?
Таковъ ужъ родъ ея. Но вотъ что странно:
Являются охотники играть!
Увѣренно, за краткій мигъ забавы
Они идутъ на гибельный конецъ,
Какъ этотъ новый.

Симма.

Видѣлъ ты его?

Набонассаръ.

Нѣтъ; мнѣ о немъ вчера шепнула Малхисъ,
Когда стоялъ на стражѣ я. Рыбакъ,
Цвѣтущъ и юнъ, и писанный красавецъ;
Какъ молодой птенецъ; ему бы въ пору
Широкія расправить вольно крылья,
А онъ, глядишь, какъ глупый дятелъ въ сѣти
Самъ лѣзетъ головой, какъ будто корма
Ему въ лѣсу зеленомъ не достало!
О Менонѣ онъ спрашивалъ у Малхисъ,
Чтобъ тотъ его провелъ къ царицѣ. Жалко
Служанкѣ стало, добрые совѣты

Она ему изъ жалости давала:
Не ладно, моль, не шуточное дѣло—
Понѣжиться на тепломъ брачномъ ложѣ,
Съ царицею всю ночь пропировать,—
И поутру стать завтракомъ для рыбъ,
Подъ ледяной водою очутиться.
Но молодецъ упоренъ былъ какъ камень,
И замолчала Малхисъ.

Симма.

Онъ попался,
Какъ овцы, что бѣгутъ въ горящій хлѣвъ
Вслѣдъ за одной вбѣжавшей. Сколько ихъ
Перебывало въ западнѣ?

Набонассаръ.

Безъ счета!
Сдается каждому изъ нихъ, что онъ
Послѣднимъ будетъ, что царицѣ нашей
Онъ угодитъ, что она ему
Даруетъ жизнь и возведетъ на тронъ.
Она жъ не дура—любитъ перемѣну.
Съ ума сошли!

Симма.

Пожалуй, что и такъ;
Есть отъ чего сойти съ ума,—красива!
Глаза ея, клянусь Вааломъ, могутъ
Испепелить неосторожный мозгъ!

Набонассаръ.

Все это вздоръ. Совсѣмъ не въ этомъ дѣло.
Опасна въ ней лишь то, что не похожа
На женщину обычную она;
Прельщаетъ въ ней холодная суровость
И царское достоинство ея!
И сознаюсь тебѣ я откровенно:
Когда она проходитъ мимо насъ,
Какъ львица гордая,—въ моей башкѣ
Шальная мысль частенько шевелится:
Повластвовать надъ женщиной-богиней,
Смирить ее, по-деревенски съ ней,
Какъ съ милою своею. позаняться—
(Озираясь на входную дверь).
Какъ будто кто-то шелъ... Какого вздору
Наговорили мы, не проболтайся!

Симма.

Я, какъ могила, нѣмъ. Но ты, хо-хо!
Царемъ на день ужъ вижу я тебя!

Попробуй же! Вѣдь, это можетъ всякій,—
И знатный и бѣднякъ.

Набонассаръ.

Не безъ разбору.
При выборѣ за ней осталось право
Такихъ паршивцевъ, вотъ какъ мы съ тобой,—
Прогнать съ позоромъ, если раньше Менонъ
Не проучилъ плетями наглеца.
Она—знатокъ, и только самый лучшій
Окажется хорошимъ для нея.

Симма *(улыбаясь)*:

Что-жъ? Если Малхисъ правду говоритъ,—
Довольна будетъ новенькимъ царица,—
И мы съ тобой напьемся нынче вволю
На свадьбѣ молодыхъ.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

(Менонъ вводитъ Нинія, одѣтаго въ обычную простонародную одежду.— Дворцовый смотритель въ богатомъ, украшенномъ золотымъ шитьемъ, одѣяніи; его ниспадающая борода тщательно убрана и завита; въ рукахъ золотой посохъ.—При его входѣ стражи кланяются до земли).

Менонъ.

Здѣсь обождемъ,—
Я доложу царицѣ о тебѣ.
Изъ Ниневіи ты? А, хорошо!
Рыбакъ? Отлично! Все же ты обдумай
Еще хоть разъ рѣшеніе свое.
Ты кажется мнѣ дѣльнымъ человѣкомъ;
Но юноша съ горячей кровью въ сердцѣ,
Въ пылу безумія, въ теченье ночи
Имущество все проиграть готовъ
И поутру проснуться нищимъ. Ты же,
Мой милый другъ, ты *вовсе* не проснешься,
Когда окончится *твоя* игра.
А, впрочемъ, что-же? Какъ знаешь, такъ и дѣлай:
Иди на смерть съ открытыми глазами,—
Я за рукавъ тебя держать не стану.
Быть можетъ ты за кружкою вина
Похвастался пріятелямъ своимъ,
И хочешь рѣчь на дѣлѣ доказать,—
Чтобъ кто-нибудь не смѣлъ тебѣ въ лицо
Упрека иль насмѣшки бросить,—но—
Но это глупости, мой сынъ. На свѣтѣ
Представится не разъ тебѣ возможность,
Пока ты живъ, отважность доказать.
Иль, можетъ быть, свершилъ ты преступленіе,

И казни ждешь, и умереть рѣшился,
Извѣдавъ прелесть брачнаго союза
Съ царицею? Но нѣтъ, ты не похожъ
На вора и убійцу. Чтожъ могло
Внушить тебѣ такое отвращеніе
И къ юности и къ жизни молодой?

Ниній *(мрачно отворачиваясь).*

Не спрашивай! Веди меня къ царицѣ!

Менонъ.

Ого! Молодчикъ гордъ! Но, можетъ быть,
Мой юный господинъ не знаетъ самъ,
Съ кѣмъ говоритъ, или, вѣрнѣй, кому
Онъ говорить съ собою не позволяетъ?
Смотритель я; по должности своей
Я много разъ царицѣ представлялъ
Красивыхъ молодцовъ, такихъ, какъ ты,
А иногда и болѣе красивыхъ,—
И всѣ они учтивы были. Все же
Мнѣ лишь тебя, лишь одного тебя,
Упрямая башка, чего-то жалко!
Ты, юноша, самонадѣянъ больно!
И не мечтай, сынокъ, о томъ, что лаской,
Мольбой и стономъ, съ наступленіемъ утра,
Измѣнишь ты рѣшеніе царицы!
Слова ея не знаютъ колебаній:
Какъ волны шумныя и бурный вѣтеръ
Поколебать не могутъ скалъ прибрежныхъ,—
Такъ и твои безсильны будутъ слезы
Предъ основнымъ Ассиріи закономъ:
Вдовой царица сдѣлаться должна
Въ тотъ часъ, когда она женою стала.
Ты знаешь все. И такъ,—ты остаешься?

Ниній *(дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе).*

Я ужъ сказалъ: не спрашивай меня.

Менонъ.

Какъ знаешь. Я пойду теперь съ докладомъ.
(Уходитъ въ дверь налѣво).

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Ниній и стража.

Симма *(пока Ниній мрачно смотритъ передъ собою).*

Набонассаръ, клянусь богами Малхисъ
Была права,—достоинъ онъ участья!

Набонассаръ.

Чѣмъ лучше онъ другихъ? Онъ просто—шутъ
Съ своимъ: „не спрашивай",—что дважды
Онъ Менону твердилъ. Дрянной холопъ!

Симма.

Онъ выглядитъ не по своей одеждѣ:
Какъ онъ печаленъ, какъ онъ неподвиженъ!
Мнѣ кажется: *тутъ* у него не ладно *(показываетъ на лобъ).*

Набонассаръ.

Навѣрное. У всѣхъ, кто съ этой цѣлью,
Сюда приходятъ, разумъ не въ порядкѣ.
(Ниній безпомощно опускается на ступени).

Симма.

Онъ кажется больнымъ,—стоять не можетъ
Отъ слабости. Заговори ты съ нимъ.

Набонассаръ.

Эй, другъ! *(Ниній не шевелится).*
Глупецъ представился глухимъ.

Симма *(участливо приближаясь къ Нинію).*

Ты нездоровъ? Сейчасъ прійдетъ царица.
Ты знаешь ли, какъ предъ ея лицомъ
Вести себя? Стать на колѣни—мало!
Челомъ земли предъ ней коснуться надо,
И отвѣчать лишь на ея вопросы,
И говорить не коротко и рѣзко,
Какъ съ Менономъ, а вѣжливо, учтиво...

Набонассаръ.

Оставь его. Онъ мнитъ себя царемъ.
А мы, вѣдь только слуги. Можетъ, завтра
Онъ помѣнялся бъ съ нами. Что постелешь,
На томъ и надо спать.

Симма.

Царица! Тише!
(Оба падаютъ ницъ).

3*

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА.

Прежніе. *(Изъ дверей слѣва выходятъ двѣ* рабыни, *которыя останавливаются у порога. Затѣмъ, въ сопровожденіи* Менона, *появляется* Милитта *въ длинной, бѣлой шерстяной одеждѣ, украшенной пурпуромъ и золотомъ. Обнаженныя ея руки прикрыты тонкимъ гранатоваго цвѣта покрываломъ, обвивающимъ ея грудь и шею. Черныя волосы схвачены золотой сѣткой. Діадемы нѣтъ. Золотыя сандаліи на голыхъ ногахъ. При ея входѣ,* Менонъ *указываетъ на* Нинія, *который, погруженный въ задумчивость, все еще продолжаетъ сидѣть на ступенькахъ.* Милитта *бросаетъ на него взглядъ; затѣмъ быстро подымаетъ руку. Всѣ уходятъ:* Менонъ *и* стражи*—въ дверь направо, гдѣ проложенъ коверъ;* рабыни*—въ дверь налѣво.*

Милитта.

Встань! Эй, не слышишь? Встань!

(Ниній подымается, бросаетъ на нее бѣглый взглядъ, потомъ опять опускаетъ глаза).

Какъ имя.

Ниній.

Ниній.

Милитта.

Родители твои въ живыхъ?

Ниній.

Въ живыхъ.

Милитта.

И стары?

Ниній.

Да, ужъ семьдесятъ отцу
Окончилось; моложе много мать.

Милитта.

И братья, сестры есть?

Ниній *(мрачно, не глядя на него).*

Былъ братъ, но умеръ.

Милитта.

И ты одинъ, одинъ теперь въ отцовскомъ домѣ?

Ниній.

Вдова покойнаго при насъ живетъ.

Милитта.

Она жена тебѣ? На ней женился
Ты по обычаю?

Ниній.

Она—больна;
Супруга смерть ей разумъ помрачила,—
Она безумной стала.

(Пауза).

Милитта.

Ты не зналъ,
Какъ долженъ былъ царицу встрѣтить?

Ниній *(смѣло глядя на нее).*

Зналъ.

Милитта.

И что же?

Ниній.

Мнѣ казалось недостойнымъ—
Лежать въ пыли тому, кто этой ночью
Уста царицы будетъ цѣловать.

Милитта *(поднимая голову).*

Кто научилъ тебя рѣчамъ надменнымъ?
Вѣдь, ты мужикъ. Рыбакъ и рабъ.

Ниній.

Рыбакъ я, но не рабъ, и мой отецъ
Въ своемъ трудѣ свободенъ былъ всегда.

(Пауза).

Милитта.

Ты юнъ еще. Лѣтъ двадцати не больше.

Ниній.

Узнала ты; царица.

Милитта *(пристально смотритъ на него; затѣмъ подымается по ступенькамъ и садится на ложе).*

Здѣсь, со мною
Сядь, Ниній! Ближе, рядомъ сядь со мною!
Я этого хочу,—ты долженъ слушать.

(Ниній медленно всходитъ по ступенькамъ, садится такъ, что между нимъ и царицей остается промежутокъ. Ея взглядъ смущаетъ его; онъ опускаетъ глаза).

Милитта.

Отецъ и мать твои—объ этомъ знаютъ,
Что ты сюда пришелъ? Они согласны
На то, чтобъ ихъ единственнаго сына
Постигла участь всѣхъ, стремящихся къ царицѣ?

Ниній.

Они не знаютъ. Я сказалъ имъ только:
На дальній путь меня благословите!
Они въ отвѣтъ: Мы стары, одиноки,
И ты, дитя, ты хочешь насъ покинуть?!
И я сказалъ, что долженъ я итти.
Тогда они меня благословили,
Проговоривъ: Исполни то, что долженъ.

Милитта.

Но почему ты долженъ? Что причиной?
Безуміе ли юноши, который
Такъ мало цѣнитъ жизнь, что, улыбаясь,
Готовъ отдать ее за приключеніе,
За сладкій бредъ одной—единой ночи?
Но нѣтъ, на молодыхъ твоихъ чертахъ
Лежитъ мечтательная грусть. Ужели
Такъ ослѣпилъ тебя мой взоръ, что ты,
Томимый жаждой дивныхъ упоеній,
Судьбы своей не въ силахъ избѣжать?
Ты—юноша,—ужель ты все узналъ,
Что можетъ дать любовь обычныхъ женщинъ,
И потому о страсти небывалой
Мечтаешь ты: прижать къ груди царицу,
Рожденную безсмертными богами?

Ниній *(просто).*

О, нѣтъ! Не знаю женщинъ я.

Милитта *(нахмурившись).*

Ты лжешь!
Такой, какъ ты, съ глазами огневыми,
Горящими изъ-подъ рѣсницъ пушистыхъ.
Иль, можетъ быть, тебѣ никто изъ женщинъ
Не говорилъ, какъ ты красивъ?

Ниній.

Не могъ
Прислушиваться къ женскимъ я рѣчамъ.

Съ утра до ночи рукъ не покладалъ,
Работалъ я. Потомъ—

Милитта.

Потомъ—

Ниній.

У насъ
Въ семействѣ дѣвушка жила—

Милитта.

Ее
Ты любилъ?

Ниній.

Да, я любилъ ее,
Съ тѣхъ поръ какъ дѣтскую одежду сбросилъ.
Родители мои ее жалѣли,
Какъ сироту,—и думалъ я, она
Когда нибудь моей женою станетъ,
Но вышло все иначе...

Милитта.

Какъ иначе?

Ниній.

Мой братъ хотѣлъ того же, что и я.
Онъ старше былъ—и онъ на ней женился.
Изъ города родного я ушелъ,
Ушелъ къ чужимъ рѣкамъ, къ чужому морю,
Но въ сердцѣ у меня за мной повсюду,
Какъ выжженный рѣзцомъ горячимъ, образъ
Неизгладимый слѣдовалъ,—предъ нимъ
Безсильны были женщины другія—
И вдругъ—

Милитта.

И вдругъ царицу ты увидѣлъ?

Ниній.

Нѣтъ, госпожа.

Милитта (*изумленная*).

Какъ нѣтъ?

Ниній.

И вдругъ ко мнѣ
Извѣстіе пришло въ страну чужую,

Что братъ мой мертвъ, и хуже, чѣмъ мертва,
Супруга молодая. Я вернулся
На родину; вошелъ я въ домъ печали,
И мнѣ тогда сказали все.

Милитта.

Что все?

Ниній.

Сказала мать, а мой старикъ—отецъ
Лишь головой своей поникъ печально.
У очага сидѣла Амитисъ—
Безумная; къ своей груди полѣно
Съ словами ласки нѣжно прижимала
И именемъ покойнаго звала,
И улыбалась—о, улыбка эта
На части рветъ мнѣ сердце!
(закрываетъ лицо руками).

Милитта.

Странно мнѣ.
Ты добръ, участливъ къ горестямъ родныхъ,—
Зачѣмъ же ты ихъ снова огорчилъ
И прочь ушелъ? Должно быть всемогуща
Была та страсть, что въ сердцѣ у тебя
Мой взглядъ зажегъ?

Ниній *(молчитъ).*

Милитта.

Ты можешь говорить
Со мною такъ, какъ говорятъ съ невѣстой.
Любезности придворныхъ мнѣ противны,
И съ радостью хвалу себѣ услышу
Я отъ тебя, изъ юныхъ, боязливыхъ,
Невинныхъ устъ.

Ниній *(отворачиваясь).*

Прости, я не могу.

Милитта *(кладетъ свою руку). на его руку*

Твои слова пріятны будутъ мнѣ.
Когда же ты почувствовалъ впервые,
Что предназначенно тебѣ судьбою
Изъ-за меня погибнуть?

Ниній (*медленно*).

Сказать всю правду?
Впервые я тебя сегодня вижу.
Прекрасна ты, прекраснѣй Амитисъ,
Я не видалъ красавицы такой,
Какъ ты, царица,—но въ груди моей
Я ничего къ тебѣ не ощущаю
Похожаго на чувство къ Амитисъ.

Милитта (*нахмурившись*).

Такъ это все капризъ?

Ниній.

Зови, какъ хочешь.
А, впрочемъ, нѣтъ, сказала ты - судьба.

Милитта (*быстро поднявшись, съ трудомъ сдерживаясь*).

Безспорно ты правдивъ. Но знать ты долженъ,
Что смерти тотъ достоинъ, кто рѣшился
Съ насмѣшкою къ царицѣ отнестись,
Изъ прихоти къ любви ея стремясь.

Ниній.

Казни меня, но лгать я не умѣю.

Милитта (*пристально глядя на него*).

Мнѣ кажется, безуміемъ однимъ
Поступокъ вызванъ твой,—иди домой,
Женись на Амитисъ, и наказаньемъ
За преступленіе твое пусть будетъ
Насѣдка съ кучею дѣтишекъ грязныхъ.

(*Отварачивается*).

Ниній (*поднимая руки съ мольбою*).

Не отсылай меня назадъ, царица!
Не сумасшедшій я, но стану имъ,
Когда меня отъ глазъ своихъ прогонишь.

Милитта.

Но ты сказалъ, что ничего ко мнѣ
Не чувствуешь?

Ниній *(мрачно глядя въ землю).*

Что чувствую къ тебѣ,
Узнаешь отъ меня лишь темной ночью,
Когда покровомъ тьмы она застелетъ
Все ясное, а тайное откроетъ.

Милитта *(вспыльчиво).*

Довольно мнѣ загадочныхъ рѣчей!
Ты съ тайною своею хитришь, упрямецъ,
Не надо мнѣ намековъ,—знать хочу!
Повѣрь,—чтобъ развязать языкъ твой,—средства
Есть у меня! *(Ниній молчитъ).*
Ну, что-же? Говори!
Глупецъ безумный!

(Ударяетъ въ щитъ; Менонъ и стражи входятъ).

Взять его! Языкъ
Неповоротливый его припечь
Желѣзомъ огненнымъ, чтобъ научился
Онъ говорить!

Ниній *(холодно взглядывая на нее).*

Ты думаешь, царица,
Что пыткою исторгнешь изъ груди
Признаніе. Предъ муками души
Ничтожны всѣ тѣлесныя страданія,
И будетъ смерть желанной гостью мнѣ.
Узнай же ты, что я тебя сильнѣе.
Я былъ глупцомъ, надъ тайною завѣсу
Неосторожно поднялъ,—но теперь
Безъ принужденья разскажу я все.
Вѣдь, ты тогда меня не пощадишь?
Принудить я хочу тебя, царица
Въ пощадѣ отказать.

Милитта.

Меня? Принудить?
Семирамиды дочь? Ты былъ бы первый!
Разсказывай!

Ниній.

Тебѣ одной скажу я.

(Милитта дѣлаетъ знакъ; Менонъ и стражи удаляются).

Ниній (*дѣлая шагъ по направленію къ Милиттѣ; глухимъ голосомъ*).

Настанетъ ночь, и если этой ночью
Сыграетъ свадьбу съ сыномъ рыбака
Семирамиды дочь, то утромъ рано
Найдутъ ея безжизненное тѣло.

Милитта (*скрестивъ руки на груди, спокойно смотритъ на него*).

Ты, какъ пророкъ пришелъ? Ты возвѣщаешь
Рѣшеніе боговъ и злую участь,
Которая мнѣ суждена богами?

Ниній.

То воля не боговъ, а человѣка,
Который лишь затѣмъ живетъ и дышитъ,
Чтобъ отомстить тебѣ за то несчастье,
Въ которомъ ты виновна.

Милитта.

Я виновна?
Впервые я тебя сегодня вижу
И одного добра тебѣ желаю.

Ниній.

Но погубила ты другого,—онъ
Былъ для меня дороже самой жизни.
Ты хочешь знать причину смерти брата?
Отъ страсти умеръ онъ, что въ немъ зажгли
Твои глаза, отъ страсти, отъ которой
Надѣялся спастись въ твоихъ объятіяхъ.

Милитта (*садится снова; пожимая плечами*).

Не я виновна въ томъ, что мать моя
Не обезьяной и не совой
Меня на свѣтъ произвела. И что мнѣ
До заболѣвшаго безумной страстью?
Я не могу припомнить даже, кто онъ.

Ниній.

О, мой Саркасъ! Единаго слѣда
Твоей погибшей жизни не осталось
У той, которая тебя сгубила!

Она лишь губы морщитъ, и съ презрѣніемъ
Мнѣ задаетъ вопросы о тебѣ!
Онъ поспѣшалъ, при мѣсячномъ сіяніи,
Вдоль по рѣкѣ, чтобы скорѣе дома
Быть близъ родныхъ, близъ молодой жены,
Но демоны завистливыя ночи,
Что замышляютъ гибель бѣдныхъ смертныхъ,
Направили его челнокъ туда,
Гдѣ возвышалась царская купальня.
Изъ-за стѣны высокой онъ услышалъ
И голоса, и пѣніе; томимый
Безумнымъ любопытствомъ, онъ
Къ стѣнѣ челнокъ причалилъ осторожно;
Онъ сталъ, прислушался, и все сильнѣе
Въ немъ волновалась кровь; взобрался
По скважинамъ на стѣны онъ, и тамъ
Средь зубцовъ, невидимый никѣмъ,
Онъ любовался той, кого забыть
Пыталось тщетно пламенное сердце,—
И только смерть дала ему забвеніе
И погасила страсть въ его груди.

Милитта.

Рѣшился онъ на то, что въ рукахъ
У палача погибнуть долженъ былъ.
Ты говоришь, что онъ имѣлъ жену,
И для своей забавы бросилъ,—дважды
Повиненъ смерти онъ,—и какъ же ты
Еще о долгѣ мести бредишь?

Ниній.

Нужды нѣтъ.
Изъ-за тебя онъ умеръ. Всюду, всюду
Я вижу трупъ его въ рѣкѣ, на части
Разорванный голодными зубами;
Въ ушахъ моихъ звучитъ вдовы безумной
Напѣвъ печальный колыбельной пѣсни.
И думалъ, я что не одинъ еще
Погибнетъ юноша, обвороженный
Твоею красотою, пока найдется
Такой, какъ я, отъ жгучихъ чаръ любви
Тоскою огражденный. Брачной ночью,
Когда въ своихъ объятіяхъ нагого
И беззащитнаго любви вампира
Держать онъ будетъ, сильными руками
Сжавъ шею бѣлую, задавитъ на смерть.
Теперь, царица, тайну я открылъ;
Не мѣшкай же, и гнусную змѣю
Подошвой золотою растопчи.

На свѣтѣ, гдѣ творится зло и ужасъ
Съ которыми мириться я не въ силахъ,
Не стоитъ жить, особенно съ тѣхъ поръ,
Какъ рушились мои мечты о мести.

(Пауза).

Милитта.

Что было бы, когда бы завтра мертвой
Ассиріи царицу здѣсь нашли
И близъ нея тебя живымъ?

Ниній.

Могли-бы
Меня на части разорвать,—но что же?
Утолена была бы жажда мести.
Но, впрочемъ иначе могло бы быть.

Милитта.

Какъ иначе?

Ниній.

Могли бы полубогомъ
За подвигъ мой меня признать, за то,
Что отъ чудовища я міръ избавилъ.

Милитта.

И, благодарные, могли-бъ тебя
Взамѣнъ чудовища признать царемъ?

Ниній.

Царемъ? Меня? Меня на этотъ тронъ,
Гдѣ мягкіе ковры обильно кровью,
Какъ пурпуромъ, окрашены? Богамъ
Благодареніе всесильнымъ шлю я
За низкое мое происхожденіе!
Кто кубокъ власти разъ поднесъ къ губамъ,
Тому вина хмѣльной напитокъ—прѣснымъ,
Лишеннымъ прелести, безвкуснымъ будетъ,
Иного жаждетъ онъ, и никогда
Желаніямъ его конца не будетъ.
Лежать нагимъ, безсильнымъ, беззащитнымъ
На горней вышинѣ, добычей стать
Для хищныхъ птицъ,—скорѣй согласенъ я,
Чѣмъ сѣсть на твой престолъ.

Милитта.

Твои слова
Достойны мудреца; изъ юныхъ устъ
Такихъ рѣчей, возвышенныхъ правдивыхъ,

Не приходилось слышать никому.
Сядь снова близъ меня, но осторожно,
И близостью моей не соблазняйся,
Чтобъ задушить меня,—одинъ лишь крикъ
Изъ устъ моихъ, и тотчасъ полубогъ
Почувствуетъ кулакъ рабовъ презрѣнныхъ.
Ты не рѣшаешься? Боишься ты,—
Чудовище въ тебя запуститъ зубы
И алой кровью жажду утолитъ?

Ниній.

Ты лишена волшебныхъ чаръ своихъ;
Не можешь ты прельстить,—я заколдованъ.

(Поднимается по ступенькамъ и садится снова возлѣ нея. Громко).

Смотри,—я ничего не опасаюсь.

Милитта.

И хорошо ты дѣлаешь, съ тобою
Мы видимся впервые, и, однако,
Признательна, какъ другу, я тебѣ.
Ты правду мнѣ сказалъ, ты мнѣ глаза
На самое меня открылъ. Такъ слушай,—
Похожа-ль я на злобнаго вампира.
Не кровожадна я, законъ кровавый,
Которымъ ты гнушаешься,—тогда лишь
Постановила я, когда узнала,
Что участь женщины, принадлежащей
Мужчинѣ одному, жалка, позорна.
Хотя-бъ она и въ пурпурѣ родилась.
Ты слушаешь?

Ниній *(сидитъ отвернувшись).*

Я слушаю, царица.

Милитта.

Великую царицу, мать мою,
Семирамиду, дочь богини, взялъ,
Похитивши отъ перваго супруга,
Царь Нимъ своей супругою; онъ зналъ
И красоту ея, и умъ, и чувство.
И вотъ когда любовный чадъ прошелъ,
Онъ пересталъ цѣнить свою жену,
Какъ будто бы купилъ ее на рынкѣ
Невольницей. Она терпѣла все,
Хоть въ гордости своей она глубоко
Оскорблена была,—она терпѣла,

Что близъ нея еще сто женщинъ жило
Въ дворцѣ царя. Когда же умеръ царь,
Ея супругъ, пренебрегавшій ею,
Поставила она ему гробницу,
Богаче и прекраснѣй которой
На свѣтѣ не было; всю жизнь она
Печалилась объ умершемъ супругѣ,
Я видѣла,—до вѣрности собачьей
Ее, приниженной въ высокомъ чувствѣ.
Она сказала мнѣ предъ самой смертью:
„Подобно мнѣ не дѣлайся рабою
Мужчинѣ. Дай обѣтъ, взойдя на тронъ,
За матери позоръ отмстить кичливымъ,
Что льстятъ лишь съ тѣмъ, чтобъ насъ поработить.
И пусть они тебѣ для ласкъ случайныхъ,
Для прихоти мгновенной служатъ, съ тѣмъ,
Чтобы потомъ обречь на гибель ихъ“.
Я поклялась. Ты слушаешь меня?

Н и н і й.

(Все болье и болье привлеченный ея взглядомъ).

Я слушаю тебя, моя царица.

М и л и т т а.

Сдержала слово—и не сожалѣла
Объ этомъ я, пока сегодня мнѣ
Ты, мудрый другъ, не объяснилъ, что я
Для Ассирійскаго всего народа
И зло, и ужасъ, и что громкимъ дѣломъ
Себя прославитъ тотъ, кто отъ меня
Избавитъ міръ. И въ зеркалѣ, что ты
Подставилъ мнѣ, я самое себя
Въ достойномъ ужаса изображеньи
Увидѣла Да! съ василискомъ сходство
Должна я до конца теперь продолжить.
Твоя рука поможетъ мнѣ. *(Ниній встаетъ).*
Не можешь?
Не хочешь заплатить ты долга мести?
Не радуетъ тебя, что можешь стать
Спасителемъ великаго народа?
Отвѣта жду! Но не словами—дѣломъ!

(Встаетъ, вынимаетъ изъ-за пояса кинжалъ, бросаетъ его къ ногамъ Нинія).

Возьми его, воспользуйся минутой!
И чтобъ не промахнулся.—*(Быстрымъ движеніемъ сбрасываетъ покрывало; стоитъ противъ него, высоко поднявъ голову, съ обнаженными плечами и полуобнаженной грудью).*

— Вотъ сюда!
Здѣсь жизнь стучитъ,—открой же двери ей!

Ниній.

О, боги, защитите. *(Шатаясь, сходитъ со ступенекъ).*

Милитта.

Медлишь ты?
Передъ тобой оружіе,—и ты,
Ты не рѣшаешься? Вотъ здѣсь стоитъ
Чудовище, тигрица, юной кровью
Она питается,—и почему
Колеблешься ты умертвить ее?

Ниній *(стоявшій все время въ оцѣпененіи, отворачивается и закрываетъ лицо руками).*

О, я, несчастный!

Милитта *(съ гнѣвомъ).*

Жалкій хвастунишка!
Не по твоимъ ничтожнымъ силамъ было-бъ,—
Сжать шею мнѣ, и на смерть задавить
Горячими, дрожащими руками!
Отъ бурнаго напитка брачной ночи
Ты захмѣлѣлъ бы весь. Вѣдь, вотъ теперь,
При свѣтѣ дня,—передъ ударомъ легкимъ
Ты содрогнулся! Неужели вдругъ
Инымъ ты сталъ, и ненависть твоя
Растаяла предъ жалкимъ наслажденіемъ,
И жажда мести въ сердцѣ охладѣла?
Что отвернулся?

Ниній.

Демонъ злой! Ты правду
Сказала. Страсть, что брата моего
Сгубила, мной теперь овладѣваетъ;
Но я противоядіе имѣю:
Тоску по мертвецѣ, печаль о той,
Которую любилъ, которая теперь,
Хоть и живетъ, но хуже, чѣмъ мертва.
Не улыбайся такъ побѣдоносно!
Дыханіемъ крови вѣетъ отъ тебя!
На шеѣ у тебя слѣды я вижу
Отъ поцѣлуевъ устъ, побитыхъ смертью!
Ты, женщина прекраснѣйшая въ свѣтѣ,
Ты кажешься богиней смерти мнѣ,

От пламенно-горящихъ глазъ которой
Зной страсти гаснетъ. Нѣтъ, ты не обманешь
Меня желаніемъ смерти! Хочешь ты
Обезоружить мстителя, ему
Влить въ сердцѣ ядъ, чтобъ онъ, какъ жалкій нищій,
Къ ногамъ твоимъ склонился; ты играешь
Въ коварную игру, но ты ее
Ужъ проиграла.

Милитта (*спокойно, безъ движенія*).

Умное дитя!
А если я, взамѣну наказанья
За рѣчи дерзкія, тебѣ признаюсь,
Что отгадалъ ты все?

(*Ниній смотритъ въ изумленіи*).

Хотѣла я
Обезоружить и привлечь тебя,
Но не тщеславье мной руководило.
Я чувствую къ тебѣ расположенье.
Изъ всѣхъ мужчинъ, что жаждали меня,
Ты первый равенъ мнѣ: они же были
То сластолюбцы женскіе, то власти
Безумные рабы, то негодяи,
Что ищутъ почестей. Въ надеждѣ тщетной,
Они ко мнѣ стремились всѣ, и смерти
Достойны были. Только ты одинъ
Передо мной стоишь, отъ сладострастья
И себялюбія свободный. Здѣсь
Даю тебѣ я руку, и клянусь
Я прахомъ матери, клянусь богиней,
Что родила ее, ея очами
Блестящими, какъ звѣзды въ небесахъ,
Беру тебя своимъ супругомъ я.
Но поклянись, что только мнѣ одной
Принадлежать ты будешь, что тобою
Не овладѣетъ жажда царской власти,
Что, будучи супругою тебѣ,
По прежнему *царицею* я буду,
И, средь мужей моей страны, сильнѣйшимъ,
Любимѣйшимъ ты будешь. Что-жъ молчишь?
Ты изумленъ, не вѣришь, и тобою
Сомнѣніе опять овладѣваетъ.
Даю тебѣ до вечера подумать:
Ты клятву дашь,—и брачные покои
Открыты для тебя; отвергнешь все,
Всѣ милости мои—тогда ступай,
Откуда ты пришелъ,—но берегись
Со мною въ жизни снова повстрѣчаться!
Не каждый день я такъ великодушна,

Чтобъ не отнять жизни у того, кто видѣлъ,
Какъ я слаба бываю. *(Бросаетъ на него долгій взглядъ, закутывается снова покрываломъ и медленно выходитъ въ дверь направо).*

ПЯТАЯ СЦЕНА.

Ниній *(одинъ. Восторженно слѣдитъ за ней взглядомъ: борется съ собою; весь дрожитъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ).*

О, мой братъ!
Чѣмъ отмолю передъ твоею тѣнью
Мои слова, сужденія мои,
Обидныя для памяти твоей?
Что значили тебѣ—отецъ и мать,
Твоя жена, - да, даже Амитисъ,—
Предъ этой женщиной? Ея глаза
Свѣтильники погасшіе зажгутъ,
Ея дыханье сердце отуманитъ!
И я, я могъ бы, я имѣю право,—
Не такъ, какъ ты, несчастный мой Саркасъ,
Изъ нѣжныхъ рукъ попавшій въ царство смерти,—
Со дня на день, изъ ночи въ ночь я могъ бы—
Кружится голова—проклятье часу,
Въ который я вошелъ въ жилье тигрицы!
(Опускается на ступеньки)

(Входятъ рабы, ставятъ низкій столикъ передъ Ниніемъ; другіе идутъ съ золотыми блюдами и сосудами съ виномъ. Рабы въ легкихъ одеждахъ, съ арфами и флейтами).

Прочь унесите все! Не надо мнѣ
Напитковъ и ѣды. Не утолятъ
Ни пиршество, ни золотыя блюда
Моихъ желаній! Прочь несите все!

Менонъ *(входитъ кланяясь до земли).*

Послала гостю своему царица
Поклонъ и просьбу,—что-бъ онъ веселъ былъ,
Чтобъ отдалъ честь онъ кушаньямъ, виномъ
Чтобъ усладилъ себя.

Ниній.

Вѣдь слышалъ ты,
Что приказалъ я—Прочь!

Менонъ.

Меня, раба,
Свѣтлѣйшій, ты несчастнымъ хочешь сдѣлать.
Служить тебѣ велѣла госпожа,
Какъ будто ей.

Ниній.

Благодаренье Богу,
Не схожъ я съ ней, съ твоею госпожей,
И сходствомъ съ ней себя не опозорю
Я никогда. Чего ты скалишь зубы,
Почтеннѣйшій старикъ? Иди къ царицѣ
И разскажи ей все. Когда отъ злобы
Она тебѣ прикажетъ подсластить
Мой кубокъ острымъ ядомъ, я тебя
Наслѣдникомъ своимъ назначу; будешь
Въ моемъ челнѣ на ловлю ѣздить ты
За рыбами, что вдоволь наѣдятся
У трупа моего.

Менонъ (*въ замѣшательствѣ*).

Ты превосходно
Шутить умѣешь, господинъ.

Ниній.

Уйди!
Въ твоей улыбкѣ рабской вижу сходство
Съ виномъ кабацкимъ. (*Менонъ смущенно удаляется; рабыни начинаютъ тихую мелодію*).

А, еще одна
Любовная приправа! Томной флейтой,
Плечами бѣлыми и нѣжнымъ взоромъ,
Желаніемъ горящимъ—погасить
И мужество, и ненависть, и гордость!
Такъ вотъ зачѣмъ дано мнѣ поразмыслить!—
Чтобъ убаюкать нѣгой, заглушить
Сомнѣнія свои! Безумецъ я,
Зачѣмъ стою я здѣсь, зачѣмъ я жду,
Пока змѣя горячей жаждой страсти
Мнѣ сердце обовьетъ, пока цвѣты
Удушливымъ и знойнымъ ароматомъ
Мнѣ сердце отуманятъ? Шагъ одинъ,—
И на свободѣ я! (*Поспѣшно встаетъ, поворачивается къ двери; въ это время входитъ мать Нинія*).

Мать!... Мать моя!

Вѣдь, это ты? Ты къ сыну своему
Пришла помочь въ его нуждѣ великой?
Пусть музыка молчитъ! На мѣстѣ томъ,
Гдѣ слышенъ голосъ матери—умолкнуть
Должны тамъ звуки даже арфъ и флейтъ!

(*Музыка умолкаетъ; рабыни удаляются черезъ садъ. Ниній беретъ мать за обѣ руки и быстро ведетъ за собою. Выходъ запирается*).

ШЕСТАЯ СЦЕНА.

Ниній и Мать.

Мать.

Дитя мое, мой сынъ!

Ниній.

О, мать моя!
Кто ввелъ тебя, кто указалъ дорогу?

Мать.

Путь къ сыну—мать сама отыщетъ. Ниній,
Какъ блѣденъ ты! (*Гладитъ его по щекѣ*).

Ниній.

Твои трепещутъ руки,
Объемлетъ страхъ твое больное сердце!
Сядь здѣсь и выпей этого вина!

Мать.

Нѣтъ, это брачный столъ; не приглашаетъ
Несчастныхъ матерей къ нему царица.
Но сѣсть—я сяду, если это можно.

Ниній (*ведетъ ее къ сидѣнью*).

Вотъ здѣсь!

Мать (*осматриваясь*).

Какъ хорошо, какая роскошь!
И сынъ мой здѣсь останется всегда?

Ниній.

Нѣтъ, мать моя, нѣтъ, ни за что!

Мать (*садится*).

Какъ мягко для костей старухи здѣсь!
И, можетъ быть, на этомъ самомъ мѣстѣ—
(*дрожитъ отъ ужаса*).
Изъ кубка этого—Однако, тише!

Нинiй.

О, мать, ужасно это!

Мать.

Да, мой сынъ!
Невыносимо! Все же я скажу, —
Ко мнѣ была добра царица.

Нинiй.

Какъ?
Ты видѣла ее?

Мать.

А развѣ пташка
Не полетитъ за схваченнымъ птенцомъ
Въ берлогу хищника? Когда отъ насъ
Ты въ дальнiй путь, какъ ты сказалъ, ушелъ,
Старуха Эрито къ намъ завернула:
„Такъ это правда все? Одинъ пропалъ,
Вы и другого отдали туда же?
Какъ вы могли не удержать его
Проклятiемъ отъ этого поступка"?
— Въ чемъ дѣло? Что?—спросили мы ее.
„Такъ вы не знаете?"—она сказала.
„Близъ царскаго дворца сегодня шла я
И видѣла тамъ Нинiя,—стройнѣе
Красивѣй всѣхъ онъ въ городѣ,—со стражей
Онъ говорилъ, затѣмъ вошелъ во-внутрь.
Что ищетъ тамъ онъ? Рыбу продавать?
Но онъ безъ сѣти былъ. Смотрите вы,
Чтобъ не было съ нимъ то же, что и съ братомъ".
И спала прочь отъ насъ завѣса;
Сказала я, что я должна идти
Царицу умолять, чтобы она
Намъ отдала тебя, сказать ей все,
Какъ только мать умѣетъ говорить:
Чѣмъ былъ ты намъ,—что ты для насъ и злой,
И дорогой, безжалостный ребенокъ—
Но нѣтъ, тебя я не хочу бранить;
Я знаю скорбь по Аннтисѣ, по брату
Вела тебя на смерть. Теперь же ты
Останешься въ живыхъ.

Ниній.

Въ живыхъ!—О, мать,
Ты грезишь?

Мать.

Нѣтъ, мой милый сынъ,
Ты будешь жить,—и это, вѣрь мнѣ, правда,
Какъ то, что я съ открытыми глазами
Сижу вотъ здѣсь. Она сама сказала.

Ниній.

Царица?

Мать (*утвердительно киваетъ*).

Къ ней меня ввели, когда я
Спросила о тебѣ. Мнѣ говорили,
Что жестока, безжалостна она,
Но нѣтъ, она, какъ добрая богиня.

Ниній (*мрачно*).

Которая бросаетъ брата рыбамъ?

Мать.

Да, бросила,—и не забыла я.
Но развѣ онъ не зналъ, на что идетъ?
Оставилъ онъ жену, тебя, меня
И старика-отца изъ-за своей
Безумной страсти!—И теперь она
Сказала мнѣ: „Благословенной будешь
Средь матерей!"—Приподняла меня,
Когда къ ея склонилась я ногамъ;
Сказала мнѣ, чтобъ сѣла возлѣ я;
Все о тебѣ вопросы задавала:
Каковъ ты въ дѣтствѣ былъ, каковъ потомъ
Сталъ юношей, какъ смотришь ты на женщинъ,—
Превознесла тебя я похвалами.

Ниній (*недовольно*).

О, мать!

Мать.

Сказала развѣ я неправду?
Ко мнѣ она склонилась, говоря:
„Да, онъ таковъ, изъ тысячей—избранный
По благородству сердца своего,
И красотѣ тѣлесной. Я хочу
Надъ всѣмъ его народомъ возвеличить,—

Чтобъ долгую со мной провелъ онъ жизнь.
Пойди къ нему, скажи ему, чтобъ онъ
Свою тоску и дикость прочь отбросилъ,
Отъ своего не отрекался счастья,
Что суждено ему богами. Ты-же
И твой супругъ у трона моего,
Князьями будете". Царица мнѣ
Сказала такъ; да, такъ она сказала.

Ниній (*горько*).

И это—мать посланницей явилась?
Старуха, у которой оторвали
Отъ сердца сына,—а теперь другого
Она сама ужъ отдаетъ царицѣ,
Чтобъ угодить ея капризной страсти?

Мать.

Молчи, мой сынъ, молчи совсѣмъ,—ни слова!
Пусть молнія мнѣ сердце поразитъ!
Отъ горя я сама уже забыла,
Чего желать, чего бояться мнѣ!

Ниній (*жметъ ея руки*).

Утѣшься, мать моя. Не *оба* сына
Твои погибнутъ. Вечеромъ съ тобой
Оставимъ мы и городъ, и страну,
И въ Мидію иль Вавилонъ уйдемъ;
И на развалинахъ погибшей жизни
Начнемъ тамъ новую. Въ крови моей
Горитъ желаніе—скорѣй отсюда!

Мать (*кладетъ ему руку на плечо*).

Дитя мое, безумное дитя!
Ты думаешь, что можно убѣжать,
И отъ нея уйти? Гдѣ-бъ ни былъ ты,
Она тебя всегда назадъ вернетъ.
Тебя она *желаетъ*, взглядъ ея,
Я видѣла, горитъ огнемъ желаній,—
Тотъ пламенный огонь сожжетъ насъ, если
Упрямиться ты будешь.

Ниній (*опустивъ на грудь голову; послѣ паузы, беззвучнымъ голосомъ*).

Мать моя,
Ты видѣла какъ хороша она!
Признаюсь я тебѣ въ моемъ позорѣ:
Когда она предстала предо мной

Въ волшебной красотѣ,—отъ жгучей страсти
Я весь горѣлъ, желаніемъ горѣлъ,—
Обнять ее, убійцу брата, въ жаркихъ
Задохнуться, забыться поцѣлуяхъ,—
Но въ этотъ мигъ передо мной съ укоромъ
Возсталъ Саркасъ и блѣдною рукой
Предостерегъ меня. И если я
Ее еще увижу—(*закрываетъ лицо руками; затѣмъ тревожно оглядывается*).
Прочь! Бѣжать!
Бѣжать, пока еще у насъ есть время!
(*Хватаетъ мать за руку*).

Мать.

Суровые стоятъ повсюду стражи;
Того, кого царица избрала,
Они пустить не могутъ; ты нигдѣ
Не скроешься отъ поисковъ ея.

Ниній.

Да... ты права, но посмотри сюда! (*Вынимаетъ кинжалъ*).
Царица мнѣ сама его дала,
Когда со мной она играла въ прятки.
Кто встрѣтится, оружіемъ моимъ
Я поражу его, и мы найдемъ
Къ спасенью путь! Идемъ! (*Оборачивается и поспѣшно влечетъ мать за собою къ двери. Въ этотъ же мигъ входъ отворяется; царица стоитъ на порогѣ, закрытая покрываломъ, но такъ, что ея плечи частью обнажены*).

СЕДЬМАЯ СЦЕНА.

Прежніе и Милитта.

Милитта (*выходитъ впередъ; дѣлаетъ шагъ въ сторону; указывая на дверь*).

Свободенъ путь!
Иди, клянусь великими богами,
Не буду я преслѣдовать тебя.
Лелѣялъ ты на сердцѣ мысль о смерти,
Вступая въ этотъ домъ, и это сердце
Тебя опять сюда неодолимо
Назадъ вернетъ. И гдѣ-бъ ни скрылся ты,
Передъ моей безсиленъ будешь властью;

Настанетъ день, на быстраго коня
Ты вскочешь и сюда ко мнѣ примчишься,
Желая вновь объятій этихъ рукъ,
Тебѣ открытыхъ рукъ! И такъ, иди—
Свободенъ путь тебѣ!

Ниній (*пристально и недвижимо глядя на Милитту; выпуская руку матери*).

О, дьяволъ злой!
Ты поняла безсиліе мое!
Пусть сотни разъ тебя считаю лгуньей,
Пусть бранью брошу я тебѣ въ лицо,
Распутницей и извергомъ средь женщинъ
Пусть назову тебя,—не заглушу
Въ душѣ своей я сокровенный голосъ,
Который шепчетъ мнѣ о томъ, что ты
Красавица и украшенье женщинъ;
Что я молюсь тебѣ и поклоняюсь,
Какъ тѣ глупцы, что за тебя погибли;
Что мудростью высокою считаю
Я гибель за твою любовь, а бѣгство—
Безуміемъ!

Милитта. (*Съ торжествующимъ взглядомъ идетъ къ нему навстрѣчу*).

О, наконецъ-то ты
Благоразумнымъ сталъ, мой нѣжный другъ!
Вѣдь, ты уже не будешь больше мнѣ
Сопротивляться, бѣгствомъ угрожать?
О, мать, какъ гордъ твой сынъ! Онъ можетъ
Похвастаться, что даже и царицей
Не сразу побѣжденъ!

Ниній (*оборачиваясь, хватаетъ мать за руку*).

Я побѣжденъ?
Нѣтъ, мама, нѣтъ,—она не побѣдила.
Она права,—нѣтъ мѣста на землѣ,
Куда-бъ бѣжать я могъ,—но все же рано
Она свою побѣду торжествуетъ.
Остался путь еще, еще осталось
Убѣжище, куда не долетитъ
Ея побѣдный возгласъ, смѣхъ ея
Мнѣ сердце слабое не очаруетъ!
И не позорно будетъ *это* бѣгство,
Но оторветъ оно меня отъ васъ!
(*Вонзаетъ кинжалъ въ грудь; падаетъ на ступеньки*).

Мать (*бросается къ нему, обнимаетъ его*).

Дитя мое, единый, милый сынъ!
Что сдѣлалъ ты, безжалостный ребенокъ?

Ниній (*съ трудомъ*).

Смотри:—бѣжать,—не значитъ—трусомъ быть;
Но *такъ* бѣжать, такъ отъ всего бѣжать,—
Здѣсь мужества обычнаго—не стало-бъ.

Мать.

Дитя, живи! Что дѣлать намъ—отецъ—

Ниній.

Скажи ему, что я ушелъ далеко,
Что я пошелъ Саркасу поклониться.
Теперь же—свѣтъ—о, краткій сонъ—прости!
(*Умираетъ*).

Мать (*падаетъ на его трупъ*).

О, милый мой, о, солнце глазъ моихъ!
Ушелъ ты отъ меня, меня оставилъ
Въ ночи и скорби вѣчной! Ужъ не бьется
Въ отважномъ сердцѣ кровь. Богиня смерти,
Какъ ты могла предъ алтаремъ своимъ
Такую жизнь цвѣтущую пресѣчь!
Зачѣмъ мое не разорвется сердце!

Милитта. (*Стоитъ безъ движенія*).

Оставь визжать и плакаться, старуха!
Не трогаетъ меня ни заунывный
Твой плачъ, ни сына твоего обманъ.
Не умеръ онъ, я знаю. (*Быстро идетъ къ нимъ; отталкиваетъ старуху ногой*).
Встань скорѣй!
Какъ могъ онъ умереть! Онъ мой,—и я,
Могучая, всевластная царица,
Хочу, что-бъ живъ онъ былъ (*Слушаетъ*)
Онъ повернулся!
Уйди ты прочь! Предъ матерью своей
Стыдится онъ мою исполнить просьбу.
Онъ знаетъ, вѣдь, что море сладкихъ чувствъ
Надъ головой его сомкнется, лишь
Откроетъ онъ глаза. Не такъ ли, милый?
Терпѣнья моего испытывать тебѣ
Не слѣдуетъ,—просить я не привыкла,

Повелѣвать умѣю только я.
И вотъ приказъ мой, подъ угрозой гнѣва:
Живи! Я такъ хочу!—
Что говорю я?
Не рабъ, не царедворецъ онъ, его
Не испугаетъ грозная царица;
Иное нужно здѣсь: за хитрость—хитрость.
(*Опускается возлѣ него на колѣни; беретъ въ руки его голову*).
Послушай-ка, что я скажу тебѣ:
Вкругъ головы твоей Милитты руки,
Чудовища, позора всѣхъ людей,
Убійцы брата твоего. Старуха,
Ты видѣла? При имени моемъ
Отъ дикой ярости онъ содрогнулся.
А если я его уста прижму
Къ своимъ устамъ, вѣдь, онъ отъ отвращенья
Такъ затрепещетъ весь, выдастъ мнѣ
Движеніе крови его волненіе;
Притворный сонъ нарушитъ онъ, меня
Онъ оттолкнетъ. Вниманіе! (*Наклоняется надъ нимъ, цѣлуетъ его*).
О, боги!
Онъ поцѣлуй мой вынесъ,—умеръ онъ
(*Выпускаетъ изъ рукъ голову, падаетъ на него*).

Мать (*про себя*).

Благодаренье вамъ, о боги мести!

Милитта. (*Послѣ паузы, поднявшись на половину, не сводя глазъ съ мертваго*).

Да, правда—все! Изъ этихъ блѣдныхъ устъ
Не прозвучитъ обида иль презрѣнье,
Что радость мнѣ дарили. Умеръ онъ,
Кому служить пріятнѣе мнѣ было,
Чѣмъ властвовать. Ужель ты такъ жестокъ,
Что будешь нѣмъ лежать передо мною,
Пока тебѣ я не скажу, что я
Люблю тебя безумно, безгранично,
Что ты мой богъ. Казалась я тебѣ
Тигрицею, безжалостно губящей
Жизнь юношей,—ты болѣе жестокъ.
Ты злѣе звѣря дикаго въ пустынѣ!
При жизни ты изъ обнаженной груди
Исторгнулъ сердце, и оставилъ такъ—
Дышать и жить и вѣчно изнывать
Въ желаніи единой капли счастья,
Которой и не знали эти губы...

Мать (*про себя*).

О немъ, она, несчастная, тоскуетъ,—
Забыла я о ненависти къ ней!

(*Милитта поднимается, не обращая вниманія на нее; медленно проводитъ рукою по лбу; идетъ съ высоко поднятой головой; громко ударяетъ въ щитъ. Менонъ и стражи входятъ*).

Милитта.

Возьмите мертваго, снесите въ храмъ
Четы боговъ—Ваала и Декрето;
Тамъ, въ усыпальницѣ царей, три дня
Пусть онъ лежитъ открыто передъ всѣми,
Передъ лицомъ народа Ниневіи,
Пока ему построятъ позлащенный
Костеръ сожженія. И пусть герольдъ
На площадяхъ объявитъ всѣмъ о томъ,
Что мертвый взялъ съ собой въ могилу клятву,—
Что клятву въ вѣрности ему дала
Царица Ассирійская, что никогда
И никому другому изъ мужей
Принадлежать она не будетъ,—лишь
Ему, единому ея супругу.
Пусть съ пламенемъ его костра и сердце
Мое гаснетъ, хоть быть можетъ будетъ
Оно еще и долго въ тѣлѣ биться,
Пока не превратится въ прахъ...

(*Занавѣсъ падаетъ*).

Пер. **М. Славинскій.**

Одинъ изъ дѣятелей эпохи реформъ.

Многократно въ разныхъ статьяхъ читалъ я похвальные отзывы о дѣятельности пробывшаго 18 лѣтъ (1863—1881 г.) главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, покойнаго генералъ-адъютанта Николая Васильевича Исакова, по военной учебно-воспитательной части, а недавно такой же отзывъ сдѣлалъ о немъ извѣстный публицистъ Е. Л. Марковъ, по отношенію къ Тульской гражданской гимназіи *), принадлежавшей къ составу Московскаго учебнаго округа, въ бытность Н. В. его попечителемъ. О томъ же, что Н. В. посвящалъ свои дарованія, средства и досуги благотворительности, ничего въ печати, кажется мнѣ, до сихъ поръ не появлялось. Между тѣмъ я имѣлъ съ нимъ, по этому предмету, частыя бесѣды и сношенія въ теченіе 7 лѣтъ, а потому предпославъ краткія біографическія и нѣкоторыя другія, мнѣ о немъ извѣстныя свѣдѣнія, — нахожу вполнѣ справедливымъ охарактеризовать свѣтлую личность покойнаго, со стороны его стремленія воздѣйствовать на современное ему общество печатнымъ словомъ и личными поступками къ смягченію положенія обездоленной меньшей братіи.

I.

Н. В. родился въ 1821 г., воспитывался въ I Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, произведенъ въ прапорщики въ артиллерію въ 1839 г., поступилъ, въ 1841 г., въ военную академію, кончилъ въ ней курсъ, „съ отличіемъ“ и переведенъ въ Генеральный Штабъ, а пробывъ, для практики, нѣкоторое время въ департаментѣ Генеральнаго Штаба и въ Штабѣ 3 пѣхотнаго корпуса, — въ 1846 г. отправился на Кавказъ, участвовалъ тамъ въ разныхъ экспедиціяхъ и сраженіяхъ противъ горцевъ, причемъ, между прочими наградами, получилъ золотую шпагу „за храбрость“, вернулся въ Петербургъ въ 1848 г., сопровождалъ, въ 1849 г., генерала Граббе въ Константинополь, для дипломатическихъ переговоровъ съ портою, потомъ участвовалъ въ Венгерскомъ походѣ, велъ переговоры съ Венгерскимъ генераломъ Клапкою, а по возвращеніи въ Россію—служилъ въ Преображенскомъ полку; затѣмъ во время крымской войны: сперва—ѣздилъ съ

*) См. ст. „Живая душа въ школѣ“, въ „Вѣстникѣ Европы“ за Февраль 1900 г.

дипломатическимъ порученіемъ къ королямъ: Баварскому, Вюртембергскому и Саксонскому, а потомъ былъ, въ Крыму, начальникомъ Штаба 6 пѣхотнаго корпуса, находился въ числѣ Севастопольскихъ защитниковъ и по окончаніи войны произведенъ былъ, въ 1856 г., въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Императора Александра II.

Вскорѣ послѣ того Н. В. поступилъ въ члены Статистическаго Комитета и занимался изслѣдованіемъ положенія земледѣльческаго сословія прибалтійскихъ губерній, въ 1859 г. назначенъ былъ попечителемъ московскаго учебнаго округа, а тамъ ему пришлось вводить въ дѣйствіе новые уставы: университетовъ и гимназій, открыть: въ первомъ— небывалыя ранѣе каѳедры, а въ послѣднихъ—педагогическіе курсы, для приготовленія учителей для гимназій и народныхъ школъ; кромѣ того по его настоянію былъ созданъ Румянцовскій музей, учреждено общество древне-русскаго искусства, для распространенія научныхъ и практическихъ свѣдѣній по этой части. Будучи попечителемъ, онъ, какъ многіе помнили, постоянно посѣщалъ, поочередно, всѣ университетскія аудиторіи и гимназіи, въ которыхъ проводилъ время на лекціяхъ и урокахъ, лично перезнакомился со всѣмъ педагогическимъ персоналомъ, тщательно разбиралъ и безпристрастно рѣшалъ просьбы и даже жалобы воспитанниковъ, а во время происходившихъ въ Москвѣ, въ 1862 г., студенческихъ безпорядкахъ, настоятельно просилъ тогдашняго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта П. А. Тучкова, относиться къ нимъ, по ихъ молодости, снисходительно, ибо они поступаютъ легкомысленно и сами образумятся. Московская интеллегенція настолько уважала Н. В., что избрала его почетнымъ членомъ университета, обществъ: испытателей природы, исторіи и древностей исторіи.

Мѣсто хранителя памятниковъ науки и искусства, по мнѣнію Н. В. (отчетъ московскаго и Румянцевскаго музея въ 1864 г.), естественно вызываетъ, даже обязываетъ хранителей знакомить публику, съ тѣми сокровищами, которыя находятся подъ ихъ надзоромъ. Большая часть европейскихъ музеевъ, подобныхъ учрежденію московскаго музея, выполняя главное свое назначеніе—сберегать находящіеся въ нихъ памятники и доставлять публикѣ всевозможныя удобства въ пользованіи ими, вмѣстѣ съ тѣмъ заботятся и объ обнародованіи не только ихъ, но и памятниковъ подобныхъ имъ, хранящихся въ другихъ мѣстахъ. Нѣкоторыя ученыя изданія, напр., собраніе фотографическихъ снимковъ съ миніатюръ греческихъ рукописей, сразу поставили Московскій музей на одинаковую высоту не только съ подобными ему русскими, но и съ иностранными учрежденіями. „Основывая при музеѣ общество древне-русскаго искусства, Н. В. вмѣнялъ ему въ особенную обязанность: а) распространять научныя и практическія свѣдѣнія о древне-русской иконописи и древне-русскомъ пѣніи вообще и б) приводить въ извѣстность памятники обѣихъ этихъ отраслей древне-русскаго искусства. Планъ этотъ послѣ расширился и на общество возложено было собираніе и научная разработка памятниковъ русской древности и древне-русскаго церковнаго и народ-

наго искусства во всѣхъ его отрасляхъ. (Уставъ Общества Высочайше утвержденъ 22 мая 1864 г.). Академія художествъ, цѣня заслуги Н. В. для искусства, въ томъ же 1864 г., включила его въ сонмъ своихъ почетныхъ членовъ.

Занявъ, послѣ назначенія бывшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, великаго князя Михаила Николаевича, Намѣстникомъ Кавказскимъ (въ 1868 г.)—постъ главнаго начальника этихъ заведеній, Н. В. оказался на высотѣ своего положенія: при главномъ его участіи, подъ руководствомъ бывшаго военнаго министра Графа Д. А. Милютина, состоялась реформа военно-учебныхъ заведеній, изданъ цѣлый рядъ новыхъ положеній, штатовъ, табелей, учебныхъ программъ, обусловливавшихъ воспитательную и учебную дѣятельность новыхъ заведеній, учреждены вспомогательныя заведенія для подготовки учителей, образованы педагогическіе музеи и библіотеки, основанъ журналъ „Педагогическій Сборникъ“ и возведено зданій на 5 мил. рублей. Нѣкоторыя изъ учрежденій, основанныхъ по мысли Н. В., имѣли не только спеціальное, но и общее значеніе; существующій, напр., съ 1864 г., „Педагогическій музей“, имѣющій цѣлью составленіе образцовыхъ коллекцій всякаго рода. учебныхъ пособій и ознакомленіе съ ними учебныхъ заведеній,—находится въ столь цвѣтущемъ состояніи, что обладаетъ коллекціями, стоимостью до 200.000 руб. До начала шестидесятыхъ годовъ, главнымъ, по численности, источникомъ комплектованія офицеровъ арміи являлось производство въ офицеры нижнихъ чиновъ, а выпусками изъ военно-учебныхъ заведеній пополнялось не болѣе 30% всего наличнаго числа офицерскихъ вакансій, а къ исходу періода управленія этими заведеніями Н. В. военныя и юнкерскія училища могли уже замѣщать своими выпусками до 30% ежегодной убыли офицеровъ въ войскахъ всѣхъ родовъ оружія.

Дабы педагогическій персоналъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію, Н. В. впервые допустилъ къ преподаванію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ лицъ, гражданскихъ. Оттого въ Петербургскихъ военныхъ гимназіяхъ и училищахъ преподавали разные предметы всѣ, имѣвшіе громкую извѣстность, нынѣ покойные педагоги: А. И. Разинъ, В. Я. Стоюнинъ, В. И. Водовозовъ, Ѳ. Ѳ. Резенеръ, А. Я. Гердъ, В. А. Евтушевскій, К. Д. Ушинскій и другіе.

II.

Управляя громаднымъ военно-учебнымъ вѣдомствомъ, Н. В. при всѣхъ своихъ обременительныхъ, и разнообразныхъ занятіяхъ, находилъ еще время и на помощь нуждающимся вообще. Такъ, когда въ 1870 г., образовалось, въ Петербургѣ, благотворительное общество для доставленія сиротамъ, выпущеннымъ изъ больницъ и тюремъ, простолюдинамъ дарового помѣщенія и производительнаго труда,—Н. В. принялъ въ этомъ обществѣ живое участіе и уступилъ ему, состоявшее въ его вѣдомствѣ, на Петербургской сторонѣ,—зданіе, въ которомъ былъ открытъ въ столицѣ, первый

„домъ трудолюбія". Въ учрежденномъ покойною М. И. Засѣцкою, въ 1871 г., первомъ же „ночлежномъ пріютѣ" Н. В. былъ также близко заинтерессованъ и оказывалъ ему вліятельное свое содѣйствіе. Соболѣзнуя о подслѣдственныхъ малолѣтнихъ преступникахъ, находившихся въ тюрьмѣ, гдѣ было чрезвычайно затруднительно заниматься ихъ перевоспитаніемъ,—Н. В. охотно уступилъ Тюремному Комитету другое зданіе, въ которое Комитету не удалось перевести мальчиковъ лишь „по независящимъ отъ него обстоятельствамъ:" находили, что ихъ нельзя держать „безъ рѣшетокъ и часовыхъ". Въ 1870-хъ годахъ не было, кажется, ни одного благотворительнаго дѣла, которому Н. В. горячо не сочувствовалъ бы и не принялъ бы въ немъ искренняго участія.

Увлекаемый христіанскимъ долгомъ о помощи ближнимъ, Н. В., въ 1873 г., поступилъ въ дѣйствительные члены Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, а ознакомившись съ различными видами русской благотворительности, онъ, постепенно, какъ писалъ, убѣдился, что „хотя на этотъ предметъ въ Россіи и употребляется чрезвычайно много денежныхъ средствъ, а многія лица, участвующія въ благотвореніи безмезднымъ трудомъ,—пріобрѣли въ этой сферѣ опытность, но вызывающая благотворительность нужда имѣетъ несравненно болѣе разнообразныя формы". Оттого „благотворительность еще не отзывается на многія нужды, а благотворительныя учрежденія нарождаются часто случайно, безъ всякой связи и соотвѣтствія между собою", тогда какъ и формы, отвѣчающія спеціальнымъ видамъ человѣческой немощи не появляются у насъ даже и тогда, когда за границею онѣ давно уже получили право гражданства". Наша благотворительность, по справедливому мнѣнію Н. В., „сосредоточивалась преимущественно въ большихъ лишь городахъ, а благотворительныя общества, стоя уединенно и дѣйствуя безъ связи и общенія съ другими,—представлялись далеко не достаточными и не достигавшими цѣли, тѣмъ болѣе, что ни администрація, ни лица, посвящающія себя этой профессіи, не знаютъ: сколько какихъ именно у насъ благотворительныхъ учрежденій, какъ они устроены, какія преслѣдуютъ задачи, въ какихъ мѣстностяхъ ихъ достаточно и въ какихъ вовсе нѣтъ, гдѣ настоятельная нужда и въ какихъ формахъ благотворительности" и т. д.

Задавшись мыслію помочь дѣлу, Н. В. рѣшился издавать періодически, по мѣрѣ скопленія матеріаловъ, „Сборникъ свѣдѣній по общественной благотворительности", въ „интересахъ собственно ознакомленія публики съ положеніемъ важнаго, для государственной жизни, благотворительнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и въ странахъ старѣйшихъ въ дѣятельности на этомъ поприщѣ". Хотя Совѣтъ человѣколюбиваго общества и не ассигновывалъ средствъ на задуманное Н. В. изданіе, тѣмъ не менѣе онъ назвалъ его изданіемъ этого общества, для приданія ему большей солидности. Затѣмъ извѣстно, что лицу, облеченному властію надъ цѣлымъ вѣдомствомъ, располагающему по должности во 1-хъ всестороннимъ вліяніемъ, котораго многіе ищутъ для личныхъ цѣлей, а во 2-хъ массою подчиненныхъ,—легко

осуществить и безъ значительныхъ матеріальныхъ затратъ свое желаніе. И. Н. В. безъ затрудненій удалось выпустить, въ 1880 г., еще въ бытность его во главѣ военно-учебнаго вѣдомства, *первый* томъ „Сборника (490 стран. большого формата), о Петербургскихъ благотворительныхъ: приходскихъ обществахъ, воспитательныхъ заведеніяхъ, богадѣльняхъ, пріютахъ для падшихъ женщинъ и о дешевыхъ квартирахъ. Томъ этотъ разработанъ по свѣдѣніямъ статистическаго Комитета П. П. Семеновымъ и покойнымъ профессоромъ И. Е. Андреевскимъ.

Въ Іюлѣ 1881 г. Н. В. назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта. Освободившись отъ тяжелыхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, Н. В. ревностно предался занятію Сборникомъ, но для собранія разнородныхъ данныхъ и для составленія изъ нихъ статей для сборника ощутилъ онъ чувствительный недостатокъ въ опытныхъ сотрудникахъ. Тогда онъ, чрезъ нашего общаго знакомаго, покойнаго же шталмейстера В. С. Давыдова, пригласилъ меня къ себѣ, какъ автора нѣсколькихъ книгъ по тюремной части и филантропіи. Онъ принялъ меня на столько привѣтливо и просто, что черезъ 5 минутъ я совершенно забылъ, что предо мною сидѣлъ членъ государственнаго совѣта, военный, полный генералъ, да еще генералъ-адъютантъ.

— Весьма недавно мнѣ, съ предупредительною готовностію, помогли бы очень, очень многіе, заговорилъ онъ. Каждый безошибочно разсчитывалъ бы на полезность для него той власти, которою я располагалъ, но теперь, когда я безвластный,—я долженъ самъ искать такихъ уже сотрудниковъ, которые пособили бы мнѣ *безкорыстно*, исключительно изъ сочувствія къ дѣлу. Конечно люди заботятся, естественно, прежде всего о себѣ, значитъ я и не вправѣ ни на кого претендовать, тѣмъ болѣе, что вѣдь „свѣтъ не безъ добрыхъ людей", а потому я увѣренъ, что найду ихъ. Какъ вы думаете?..

Мнѣ очень понравилась его откровенность и я отвѣтилъ утвердительно.

— Вотъ на этомъ-то условіи, если можете,—займитесь, пожалуйста, вмѣстѣ. Ваше содѣйствіе мнѣ важно: вы, по своей продолжительной практикѣ, знаете истинное положеніе столичныхъ благотворительныхъ учрежденій, слѣдовательно можете предостеречь меня отъ неправильныхъ о нихъ сужденій печатно, а вольно или невольно вводить читателей въ заблужденіе—я считаю непозволительнымъ.

Согласившись безкорыстно собирать и доставлять, какія понадобятся, свѣдѣнія, я въ то-же время навелъ его на мысль о полезности для дѣла личнаго его обозрѣнія заведеній, при чемъ прибавилъ, что онъ будетъ встрѣченъ вездѣ не только безпрепятственно, но еще съ подобающимъ его сану почетомъ.

— Почетъ мнѣ давно уже надоѣлъ, да и почетнымъ посѣтителямъ удается видѣть, какъ мнѣ извѣстно, только показную, а небудничную жизнь, тогда какъ намъ надо описывать не первую, а послѣднюю.

Онъ набросалъ краткую программу данныхъ, какія желалъ бы

имѣть, развилъ мнѣ планъ своихъ будущихъ дѣйствій, внимательно выслушалъ мои доводы, обѣщалъ побывать въ нѣсколькихъ заведеніяхъ, пригласилъ меня къ себѣ чрезъ двѣ недѣли и дружелюбно отпустилъ меня.

III.

Въ назначенный день и часъ явился я къ нему съ рукописью, по его предложенію прочелъ ее, онъ одобрилъ и поблагодарилъ меня.

— Совѣтомъ вашимъ я уже воспользовался,—побывалъ въ одномъ мѣстѣ, продолжалъ онъ, но, къ сожалѣнію, безуспѣшно, а почему я вамъ обстоятельно разскажу, если будете любезны, запишите: авось когда нибудь кстати напечатаете въ назиданіе, ну, хоть потомству, такъ какъ я уже старъ, а вы еще молоды и вѣроятно переживете меня.

Я придвинулся къ столу, взялъ бумагу и карандашъ

— Благоволите говорить, а я буду писать: я умѣю почти стенографировать.

— Пожалуйста. Пріѣхалъ я въ Комитетъ для призрѣнія нищихъ. Швейцаръ снялъ съ меня пальто и, увидавъ мой сюртукъ и аксельбанты,—такъ растерялся, что съ трудомъ отворилъ мнѣ дверь въ контору. Вхожу и вижу нѣсколькихъ пишущихъ лицъ и прохаживающагося пожилого господина въ вицъ-мундирѣ. Онъ приближается ко мнѣ и рекомендуется мнѣ смотрителемъ. Я называю ему себя и прошу его позволить мнѣ посмотрѣть: гдѣ и какъ живутъ нищіе, да поясняю ему, что меня это интересуетъ, какъ *совершенно частнаго человѣка*, занимающагося изученіемъ нашей благотворительности. Онъ краснѣетъ, смущается, но видимо не вѣритъ моимъ словамъ. Я убѣждаю его, что въ какомъ бы видѣ я не засталъ нищихъ—онъ ни передъ кѣмъ никакой отвѣтственности не подвергнется, почему можетъ спокойно впустить меня къ нимъ. Онъ подходитъ къ одному изъ пишущихъ, что-то шепчетъ ему, возвращается ко мнѣ и почтительно ведетъ меня, вы думаете къ нищимъ? Нѣтъ: въ церковь, а самъ словохотливо докладываетъ мнѣ на какія средства она сооружена, какія изъ многочисленныхъ иконъ, подсвѣчниковъ и лампадъ кѣмъ и когда пожертвованы, кто украсилъ алтарь, какіе поютъ пѣвчіе и т. д. Я терпѣливо слушаю: мнѣ, какъ православному, не подобаетъ отказываться отъ знакомства съ принадлежностями храма. Изъ церкви проводитъ онъ меня по тремъ комнатамъ, въ которыхъ стоятъ и лежатъ различные ремесленные инструменты, но нигдѣ не замѣтно никакихъ рѣшительно признаковъ людской работы. Это однако не затрудняетъ его сообщить мнѣ, что портные, сапожники и переплетчики только что ушли обѣдать, но прилежнымъ ихъ трудомъ значительно сокращается расходъ на разныя вещи заведенія; при этомъ добавляетъ, что инструменты и матеріалы преимущественно тоже пожертвованія комитетскихъ членовъ, очень, дескать, радѣющихъ о процвѣтаніи заведенія. Спускаемся по лѣстницѣ внизъ, надѣваемъ пальто и онъ ведетъ меня

пустыми корридорами и продолжаетъ прославлять свое начальство а вѣрнѣе, по мѣткому народному выраженію, заговариваетъ мнѣ зубы, чтобы выиграть время. Вотъ мы на просторномъ дворѣ, по которому люди, какъ я вижу, торопливо несутъ тюки, а онъ показываетъ мнѣ громадныя полѣнницы длинныхъ дровъ и просвѣщаетъ меня ихъ дешевою стоимостью и способомъ пилки призрѣнниками. Достигаемъ, наконецъ, помѣщенія нищихъ мужчинъ и толпа надзирателей заслоняетъ меня отъ нихъ, ибо одни—застилаютъ на кровати сѣрыя одѣяла и надѣваютъ наволочки на подушки, другіе-прячутъ подъ кровати и въ углы лохмотья, а третьи—облачаются въ форменные пиджаки, метутъ полъ и куда-то скрываются. Смотритель не успѣлъ, значитъ, заключаю я мысленно, приготовиться къ внезапному смотру, не взирая на всѣ свои ухищренія. Я пытаюсь заговаривать съ нищими о ихъ положеніи и они расточаютъ признательность благодѣтельному начальству. Переходимъ въ дѣвичій пріютъ и насъ встрѣчаетъ изящно разодѣтая, манерная, красивая, рослая молодая женщина, которой мѣсто въ свѣтскомъ салонѣ, а не въ н щенскомъ пріютѣ. Ее, надзирательницу, окружаютъ 15—20 опрятно одѣтыхъ дѣвочекъ. Я ее спрашиваю біографіи нѣкоторыхъ, указываемыхъ мною дѣвочекъ, но она ихъ не знаетъ и путается. Я предлагаю ей вопросы какъ и чѣмъ продовольствуютъ дѣвочекъ, но она наивно недоумѣваетъ и ссылается на смотрителя, а онъ увѣряетъ меня что ихъ кормятъ ни чуть не хуже, чѣмъ въ любомъ институтѣ. Я любопытствую отъ надзирательницы о системѣ воспитанія дѣвочекъ, но она отзывается, что ихъ учатъ грамотѣ и вышиванью, бросается въ свои комнаты, приноситъ оттуда и съ гордостью показываетъ мнѣ какіе-то узоры, кружевца и еще что то. Я всматриваюсь, вслушиваюсь и мнѣ такъ и кажется, что дѣвочками никто не занимается, а содержатся онѣ для благополучія надзирательницы, но отнюдь ни она для ихъ полезнаго воспитанія. Переходимъ въ ветхій деревянный домъ къ старухамъ—богадѣленкамъ. Постельныя принадлежности и одежда на старухъ приличныя, а онѣ чинно вяжутъ и штопаютъ чулки и чинятъ рубашки. Я спрашиваю одну о ея положеніи—отвѣчаетъ „Слава Богу", другую—отмалчивается, а смотритель объясняетъ мнѣ, что она глуха; задаю третьей вопросъ: какъ имъ живется, но она усмѣхается и бросаетъ злобный взглядъ на смотрителя. Обращаюсь къ четвертой и она смѣло отзывается, что все, что я вижу-это сдѣланъ для меня парадъ, а ихъ содержатъ обыкновенно прескверно, никто изъ членовъ къ нимъ никогда не заглядываетъ, ихъ съ жалобами къ нимъ не пускаютъ, а держатъ взаперти, впроголодъ и т. д. Смотритель поспѣшно отстраняетъ ее отъ меня и докладываетъ мнѣ, разумѣется въ свое оправданіе, что она полоумная, раздражительная, способна наговорить и мнѣ дерзостей, да ведетъ меня въ кухню, а тамъ подаютъ такъ называемую пробу: вкусные щи, кашу, хлѣбъ и квасъ. Возвращаемся въ контору и онъ безцеремонно заявляетъ мнѣ, что частныхъ лицъ, безъ предварительнаго разрѣшенія предсѣдателя, дальше конторы и церкви никогда не впускаютъ, но, что я окажу имъ

честь, если удостою написать хоть нѣсколько словъ въ книгѣ для почетныхъ посѣтителей. Я говорю ему, что похвальнаго отзыва написать не могу, а потому и расписываться не стану. Такимъ образомъ я удаляюсь, не пріобрѣвъ, въ теченіе 2-хъ часовъ, ни малѣйшаго представленія о дѣйствительномъ состояніи заведенія. Въ швейцарской уже предо мною предстаетъ старичекъ, рекомендуется мнѣ старшимъ членомъ, выражаетъ сожалѣніе о внезапномъ моемъ прибытіи и проситъ меня назначить день и часъ, а тогда мнѣ съ удовольствіемъ покажетъ заведеніе во всѣхъ подробностяхъ. Я поблагодарилъ его за любезность и уѣхалъ съ грустью при воспоминаніи какъ за границею гостепріимно растворяются двери всѣхъ рѣшительно благотворительныхъ заведеній, для всякаго, желающаго обозрѣть ихъ и какъ охотно тотчасъ же снабжаютъ всѣхъ всякими свѣдѣніями, потому что тамъ все ведется честно, открыто и въ образцовомъ порядкѣ.

IV.

Въ общихъ чертахъ я зналъ состояніе Комитетскихъ заведеній, а потому вызвался дознаться подробностей. Съ этою цѣлію явился я въ контору Комитета нарочно утромъ во время происходившаго тамъ разбора нищихъ. Ихъ стояла толпа. Я и помѣстился, незамѣченный, сзади нея. За столомъ сидѣли въ вицъ-мундирахъ: старшій членъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и секретарь, а по отдаль отъ нихъ смотритель. Секретарь выкликалъ по фамиліямъ нищихъ, которые по очередно подходили къ столу.

— Ты опять попался?, строго спросилъ членъ дряхлаго старика, въ лохмотьяхъ. Тебя отправили въ Кронштадтъ, съ наказомъ не смѣть попрошайничать и являться сюда, ну и болтался бы тамъ, а ты, скотина эдакая, все-таки вернулся сюда и къ прежнему скверному ремеслу.

— Кронштадтъ мнѣ не родина, а я туда только *даромъ* приписанъ, какъ бывшій дворовый. Пока барыня жива была,— она меня содержала, а какъ умерла—мнѣ некуда стало дѣваться: ремесла я никакого не знаю, работать, либо служить я не въ силахъ и поневолѣ христовымъ именемъ питаюсь.

— Врешь, по лѣни и праздности нищенствуешь, а за это въ тюрьмѣ посидишь. Отправить его съ протоколомъ въ часть, а оттуда къ мировому.

— Явите Божескую милость опредѣлите меня въ богадѣльню: по старости моихъ 65 лѣтъ, я вѣдь уже недолго буду занимать мѣсто.

— Знаю я васъ, тунеядцевъ. Посидишь въ тюрьмѣ, образумишься. Пошелъ.

— Въ тюрьмѣ, такъ въ тюрьмѣ, по крайности въ теплѣ и на казенныхъ харчахъ, заключилъ съ горечью старикъ и направился въ сторону къ смотрителю, а отъ него въ другую дверь.

Къ столу приблизилась сгорбленная старушка въ отрепанной кацавейкѣ.

— Какъ тебѣ, карга, не стыдно, на старости лѣтъ, приставать къ прохожимъ?

— И просить и подавать милостыню самъ Господь велѣлъ, такъ никакого въ этомъ, батюшка, стыда нѣтъ.

— Это запрещено закономъ.

— Красть—точно запрещено, а просить отъ нужды на хлѣбъ, не можетъ быть запрещено.

— Не смѣй мнѣ возражать, а вѣрь моему слову: запрещено, значитъ такъ.

— Но коли я голодаю, такъ по твоему, батюшка, слову я околѣвать должна, а просить не смѣю?

— Да, не смѣешь, если тюрьмы не боишься.

— Здѣсь, слышала я, для такихъ, какъ я, старухъ богадѣльня есть. Помѣсти, батюшка, меня въ нее и я не токма перестану побираться, но еще Богу за тебя буду молиться.

— Богадѣльня-то есть, да не про твою честь: она и безъ тебя переполнена старухами. Ты попадаешься впервые, такъ можешь уходить, да запомни, что за вторичное попрошайство непремѣнно отправимъ къ мировому, а онъ тебя въ тюрьму запрячетъ.

— Не боюсь я мирового: я ему тоже скажу, что мнѣ жить негдѣ и ѣсть нечего, стало быть отъ нищеты христорадничаю, а за это въ тюрьму сажать нельзя: всякому старому и бѣдному человѣку должно дать пристанище и прокормъ, а вы сытые, голодныхъ не разумѣете.

— Мнѣ некогда слушать твою болтовню: надо разобрать еще толпу архаровцевъ. Вонъ пошла, озорница этакая.

Старуха уходитъ, продолжая ворчать, а ее мѣсто занимаетъ пожилой, всклокоченный мужчина въ рваной рубашкѣ, люстриновыхъ брюкахъ и опоркахъ.

— Тебя, наглеца, высылали: первый разъ—въ Колпино и ты вернулся, второй разъ—въ Лугу и ты тоже вернулся, третій разъ—въ Новгородъ и оттуда ты также вернулся. Три раза казна тратила деньги на пересылку тебя, забулдыга поганая...

— Да, все это было, было, да пожалуй еще будетъ..

— Нѣ—ѣтъ, больше не будетъ: теперь ты отправишся по этапу на родину въ Сольвычегодскъ, Вологодской губерніи, и тебѣ больше уже не удастся увидѣть Петербурга, какъ ушей своихъ.

— Какая же, позвольте узнать, моя родина какой-то Сольвычегодскъ, когда я Петербургскій уроженецъ и ремесленникъ?

— Будь ты хоть раздѣшній уроженецъ, но коль скоро ремесленная управа отъ тебя отступилась, то непремѣнно очутишься въ Сольвычегодскѣ.

— Управа отреклась отъ меня за то, что я повинностей не платилъ, я и не нуженъ ей. Правда, я сбился съ панталыку, но все-таки я родомъ здѣшній и про какой-то Сольвычегодскъ даже и не слыхивалъ, а вы меня туда, да еще на родину!.. Помилуйте ваше превосходительство, меня надо поддержать, приструнить и я исправлюсь: я вѣдь отличный портной. Сажайте меня лучше

ужъ въ тюрьму, чѣмъ въ Сольвычегодскъ, куда, пожалуй, и воронъ костей не заносилъ...

— Тамъ и исправляйся, а насъ оставь въ покоѣ, наглецъ ты этакій! Сейчасъ же заготовить бумагу въ губернское правленіе о высылкѣ его на родину въ Сольвычегодскъ, а самаго его одѣть въ наше платье, отослать въ пересыльную тюрьму, а оттуда платье взять назадъ: въ Сольвычегодскъ доставятъ его въ казенной одеждѣ.

— Моя родина Петербургъ, а коли пишете Сольвычегодскъ, то это фальшь и я буду жаловаться..

— Сколько хочешь: никто тебя слушать не станетъ, а здѣсь молч — чать!..

— Такъ подарите хоть одежонку, чтобы наготу прикрыть? Вѣдь казенную, куда приведутъ, тоже снимутъ и я почитай нагишомъ останусь.

— Тѣмъ скорѣе захочешь работать. Дарить тебѣ вещи не стоитъ: продашь ихъ, а деньги пропьешь.

— Здѣшнія вещи пожертвованныя—жалѣть вамъ нечего: для васъ проку отъ нихъ не будетъ.

— За дерзости вывести его, мерз - завца, да на намять надавать подз - зад...

Сторожа мигомъ исполняютъ приказанія и чрезъ минуту изъ коридора доносится брань защищающагося отъ сторожей.

— Ты, чучело гороховое, почему клянчила? вопрошаетъ членъ кривую, пожилую женщину, съ разбитою щекою. Отвѣч — чай...

— Извольте. Все это поклепъ: барыня увидала меня съ ребенкомъ на рукахъ и подала мнѣ пятачекъ на гостинецъ малюткѣ, а городовой сцапалъ меня, потащилъ въ часть и я тамъ натерпѣлась колотушекъ...

— Такъ я вотъ и повѣрилъ твоимъ розсказнямъ... По твоей рожѣ видно, что ты попрошайка, лѣнтяйка. Кто тебѣ раскваснлъ морду?

— Это, по глупости, ребенокъ расцарапалъ мнѣ щеку.

— А городовой показалъ, что ты, вмѣсто ребенка, - держала, въ тряпкахъ, полѣно.

— Вретъ онъ, ей ей вретъ, по злобѣ на меня: ему не удалось отнять отъ меня пятачекъ, который барыня мнѣ подарила, потому какъ я закричала карауль.

— Кто это видѣлъ, слышалъ?

— Разные прохожіе, а кто они—не знаю.

— Мировой все узнаетъ и, надѣюсь, накинетъ тебѣ недѣльки три высидки за выдумки на городоваго. Съ протоколомъ.

Описаннымъ манеромъ продолжался разборъ часа два, а когда онъ кончился, я подошолъ къ члену и попросилъ его позволенія ознакомиться съ внутреннимъ бытомъ заведенія. Онъ съ удивленіемъ выслушалъ меня и освѣдомился съ какою цѣлію я этого домогаюсь? Я объяснилъ ему. Онъ предложилъ мнѣ написать объ этомъ, на имя предсѣдателя, прошеніе, обѣщалъ доложить ему и о его резолюціи—дать мнѣ знать. Я тамъ же исполнилъ его совѣтъ и оставилъ ему записку, а выждавъ три

дня,—письмомъ повторилъ свою просьбу. Онъ отвѣтилъ мнѣ чрезъ день, что предсѣдатель уѣхалъ изъ Петербурга и, когда вернется и разрѣшитъ,—увѣдомитъ меня. Опасаясь посредствомъ формальнаго разрѣшенія присутствовать только на парадѣ,—я попросилъ содѣйствія знакомаго, который, по знакомству съ пріютскою надзирательницею, представилъ меня ей, при чемъ, освѣдомленный изъ разговоровъ съ нею о времени ежедневнаго отсутствія изъ зданія члена и смотрителя,—я, втайнѣ отъ нихъ, по соглашенію съ надзирательницею, чрезъ пріютъ, 4 раза побывалъ во всѣхъ комитетскихъ помѣщеніяхъ, видѣлъ всѣхъ нищихъ и богадѣльницъ и ихъ *будничный бытъ*, бесѣдовалъ со всѣми и получилъ обо всемъ самое точное понятіе. Спустя двѣ недѣли членъ оповѣстилъ меня о послѣдовавшемъ разрѣшеніи. Я явился къ назначенному часу, былъ повсюду проведенъ и увидѣлъ только казовую сторону, а просьба моя о статистическихъ и денежныхъ свѣдѣніяхъ была отклонена до новаго разрѣшенія, затѣмъ когда и оно состоялось,—членъ снабдилъ меня цифровыми данными, но сопоставивъ ихъ съ тѣми, какіе мнѣ уже были извѣстны,—я убѣдился, что они далеко не соотвѣтствовали дѣйствительности.

V.

Представивъ Н. В. рукопись, я разсказалъ ему о своихъ похожденіяхъ. Онъ похвалилъ мою изобрѣтательность и пожалѣлъ, что по своему положенію не можетъ поступать такъ, какъ я поступилъ.

— Въ свою очередь, продолжалъ онъ, я вамъ передамъ то, что какъ ни странно, но мнѣ приходится отказаться отъ личнаго изученія состоянія какихъ либо заведеній, вслѣдствіе моей формы и моего званія, лишающихъ меня всякой самостоятельности. Я поѣхалъ вечеромъ, въ шинелѣ, чтобы не видать погоновъ, на обводный каналъ, посмотрѣть ночлежный пріютъ Засѣцкой, оставилъ, нарочно, за угломъ экипажъ, а самъ прошелъ къ пріюту пѣшкомъ и остановился вблизи калитки, гдѣ помѣщалась будка, изъ окошечка которой кассиръ принималъ пятачки и выдавалъ билеты на входъ въ пріютъ. Шло туда множество мужчинъ, женщинъ и подростковъ во всевозможныхъ отрепьяхъ и, лишь нѣкоторые,—сносно одѣтые. Стоявшій около дома городовой удалился, какъ я замѣтилъ, за уголъ и я умозаключилъ, что совершенно свободно осмотрю пріютъ въ его настоящемъ видѣ. Когда весь народъ ушелъ отъ кассира, внутрь, я разспросилъ его о родѣ его занятій, да узналъ отъ него, что за пять копѣекъ каждому дается вечеромъ большая кружка чая и фунтъ хлѣба, ночлегъ на общихъ нарахъ, на которыя кладутся чистые матрацы, подушки и одѣяла, а утромъ всѣ также получаютъ по кружкѣ чаю съ фунтомъ хлѣба и расходятся, что помѣщаются ночлежники—въ одномъ, а ночлежницы—въ другомъ деревянныхъ домахъ, которыми завѣдуетъ смотритель и смотрительница, имѣющіе въ помощь прислугу. Я безпрепятственно прошелъ дво-

ромъ и, сзади людей,—вошелъ въ слабо освященную обширную комнату съ длинными нарами и остановился въ углу, за колонною. Человѣкъ 200—300 ходили кругомъ, лежали и сидѣли на нарахъ, ѣли и пили, среди гулкаго говора, смѣха, легкаго пѣнія и даже бранчивыхъ окликовъ. На меня никто не обращалъ никакого вниманія, а я старался осмыслить то, что видѣлъ и слышалъ. Вдругъ сзади меня раздалась зычная команда: „Смирно, встать" и въ комнатѣ появилось нѣсколько дополнительныхъ лампъ, ярко освѣтившихъ всѣхъ и все. Я оглянулся, увидалъ полицейскаго штабсъ-капитана, 3-хъ околодочныхъ, а за ними городовыхъ. Я съ досадою спросилъ офицера для чего онъ скомандовалъ?

— Для порядка, ваше высокопревосходительство, отвѣтилъ онъ; нельзя же допускать хаоса въ вашемъ присутствіи.

— Да вы меня развѣ знаете?

— Точно такъ-съ: я изъ кадетскаго корпуса, нѣсколько разъ разъ удостаивался чести видѣть васъ и даже имѣю вашъ фотографическій портретъ.

— Но кто васъ сюда-то позвалъ?

— Я самъ, по обязанности исправляющаго должность мѣстнаго пристава, явился, какъ только узналъ, что ваше высокопревосходительство изволили пожаловать.

— Но кто и для чего вамъ объ этомъ сообщилъ, когда я въ качествѣ *частнаго* человѣка, зашелъ сюда, изъ любопытства, посмотрѣть какъ проводятъ бѣдняки ночное время.

— Постовой городовой увидѣлъ васъ, подошелъ къ вашему экипажу, спросилъ кучера и далъ мнѣ знать, а я счелъ себя обязаннымъ явиться: мы должны слѣдить гдѣ высокопоставленныя особы бываютъ и докладывать градоначальнику, особливо въ здѣшнихъ мѣстахъ, гдѣ всякія оказіи случаются.

— А если я васъ попрошу удалиться отсюда и оставить меня одного?

— Сдѣлать это я, ваше высокопревосходительство, простите,— не могу: не смѣю нарушить приказанія моего непосредственнаго начальника—градоначальника.

Пока мы говорили—народъ засуетился, забѣгалъ во всѣ стороны, а многіе изъ нихъ наровили выйти на дворъ, но околодочные и городовые никого не выпускали, отчего происходила толкотня и молчаливая борьба. Я попросилъ офицера не мѣшать людямъ выходить. Онъ велѣлъ своимъ подчиненнымъ отойти отъ двери и люди ринулись вонъ, а на дворѣ, какъ я изъ окна увидѣлъ, многіе полѣзли даже чрезъ заборъ. Въ какія нибудь пять минутъ въ комнатѣ не доставало человѣкъ, пожалуй, до сотни. Я спросилъ офицера, что это значитъ?

— Они испугались облавы и бѣжали, отозвался онъ. Это навѣрно все безпаспортные, бродяги, либо и преступники, которыхъ мы, по ночамъ, тутъ ловимъ, такъ какъ днемъ они бродятъ гдѣ попало и ихъ нельзя поймать.

— Но вѣдь вы лишаете покоя честныхъ бѣдняковъ и подрываете благотворное значеніе пріюта.

— Совершенно справедливо изволите судить: годъ тому назадъ тутъ бывало ночевало по 600 и больше, а теперь, вслѣдствіе облавы,—разъ или два въ мѣсяцъ,—не ночуетъ и 300 чел., но мы творимъ волю начальства.

Явился запыхавшійся смотритель, а оставшійся народъ притихъ. Попробовалъ Н. В., какъ разсказывалъ мнѣ, побесѣдовать съ нѣкоторыми, но они при офицерѣ и смотрителѣ затруднялись съ нимъ откровенничать, по этому, чтобы ихъ не тревожить,—онъ вышелъ, но настоятельно былъ приглашенъ къ ночлежницамъ, гдѣ нашелъ уже противный парадъ, а потомъ, сопровождаемый полицейскимъ конвоемъ онъ сѣлъ въ экипажъ и, разстроенный, отправился домой.

Утративъ надежду быть принятымъ гдѣ либо *частнымъ человѣкомъ*, Н. В. пересталъ этого домогаться, а посѣтилъ дешевыя квартиры днемъ, окруженный всѣмъ мѣстнымъ начальствомъ. Въ квартирахъ этихъ нашелъ онъ однѣхъ женщинъ: мужья ихъ находились на ихъ службахъ; онѣ же, почти всѣ благородныя,—не стѣснялись говорить съ нимъ, но это его не удовлетворило: онъ очень жалѣлъ, что ему никакъ не удавалось прослѣдить простой народъ въ его столичномъ водоворотѣ.

— Я охотно надѣлъ бы частное платье, неоднократно говорилъ онъ, но внутри Россіи военныя правила мнѣ это не позволяютъ, а въ формѣ я самъ стѣсненъ и стѣсняю другихъ, начиная съ смотрителей, которые стараются ограждать мои слухъ и зрѣніе отъ всего, что, по ихъ соображеніямъ, мнѣ не слѣдуетъ ни слышать, ни видѣть, а сами рисуютъ мнѣ все лишь въ розовомъ свѣтѣ...

VI.

Однажды пригласилъ онъ меня въ пріютъ. Тамъ встрѣтила насъ начальница-старушка съ такимъ изумленіемъ, что долго не могла ничего объяснить, но и оправившись,—городила столь несообразную ахинею, что мы усомнились, въ здравомъ ли она разсудкѣ. Правда, въ комнатахъ было чистенько, а дѣвочки выглядѣли здоровыми, но ничѣмъ не занимались. Желая дознаться чьи именно дѣвочки дѣти и во что обходится ихъ содержаніе Н. В. попросилъ начальницу показать намъ ихъ бумаги и отчетность, но она вся задрожала отъ страха, пошарила въ столѣ и въ шкафу, а потомъ отвѣтила, что всю письменную часть ведетъ самъ попечитель у себя дома, а затѣмъ подумавъ прибавила, что онъ боленъ и воспретилъ его безпокоить. Однако уходя, мы на лѣстницѣ услышали, какъ старикъ унтеръ упрекалъ ее за то, что она намъ лгала, ибо отчетность вся была въ пріютѣ, но попечитель только не велѣлъ ее показывать постороннимъ.

Заведенія человѣколюбиваго общества Н. В. посѣщалъ какъ прямое начальство, въ качествѣ члена Совѣта, при чемъ завѣдывавшіе заведеніями безпрекословно доставляли ему свѣдѣнія о нихъ чрезъ Канцелярію Совѣта. Вслѣдствіе возникшихъ моихъ

сношеній съ Канцеляріею, я перезнакомился съ ея персоналомъ и дознался, что весь онъ состоялъ изъ родственниковъ между собою и устраивалъ еще „родныхъ человѣчковъ“ смотрителями разныхъ заведеній. Должностямъ этимъ присваивались готовыя квартиры и оклады въ 400—600 руб. въ годъ, но это не мѣшало инымъ смотрителямъ проживать гораздо больше.. да еще существовали также участковые попечители надъ бѣдными, при чемъ для оказанія имъ помощи отпускалось авансомъ по 150—200 р. въ мѣсяцъ. Однажды мнѣ понадобилась справка отъ одного изъ попечителей, служившаго смотрителемъ казармъ. Отправившись къ нему, я засталъ на казарменномъ дворѣ толпу стариковъ и старухъ, созванныхъ за пособіями, да смотрителя съ писаремъ. Писарь выкликалъ фамиліи, а смотритель выдавалъ подходившимъ по 50—75 коп., а рѣдкимъ по рублю и приказывалъ писарю отмѣчать въ спискѣ. Прослѣдивъ раздачу и побесѣдовавъ съ смотрителемъ, я услышалъ отъ него, что раздавалъ онъ пособія на дворѣ, чтобы просители не пачкали пола его квартиры, а не бралъ съ нихъ росписокъ въ полученіи денегъ потому, что его донесенія о розданныхъ въ мѣсяцъ столькимъ—то человѣкамъ столькихъ—то денегъ признавалось совершенно достаточнымъ отчетомъ. Объ этой патріархальной системѣ я сообщилъ Н. В. и, по его настоянію, обязали попечителей представлять росписки получителей. Вѣрность раздачъ продолжала, впрочемъ, подвергаться сомнѣнію: являлись росписки за неграмотныхъ, а какъ говорили, и за грамотныхъ, фигурировавшихъ, въ видѣ „мертвыхъ душъ“, но оживить ихъ никто, по трудности задачи, не брался... Такимъ образомъ право питаться крохами почиталось естественнымъ, въ силу изреченія „служащіе алтарю, отъ него да кормятся“.

Въ теченіе 7 лѣтъ Н. В. велъ со мною личныя сношенія, присылалъ мнѣ письма, рукописи, для прочтенія и исправленія, внимательно выслушивалъ мои отзывы, заключенія и возраженія. Выпустилъ онъ постепенно еще 6 объемистыхъ тома Сборника; именно: 2-й,—о Московскихъ пріютахъ, школахъ, богадѣльняхъ, безплатныхъ, дешевыхъ квартирахъ и приходскихъ обществахъ; 3-й—статистика общественнаго призрѣнія въ губерніяхъ и уѣздахъ Россіи; 4-й,—библіографія; 5-й,—объ исправительныхъ заведеніяхъ для дѣтей въ Россіи и за границею; 6-й,—о призрѣніи малолѣтнихъ въ Россіи и за границею и 7-й,—о призрѣніи въ Россіи, въ Европѣ и Америкѣ новорожденныхъ и ихъ матерей; слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, идіотовъ, слабоумныхъ, калѣкъ, эпилептиковъ и отсталыхъ дѣтей; о дѣтскихъ больницахъ, о патронатствѣ надъ дѣтьми, освобождѐнными изъ заключенія и исправительныхъ колоній. Сборникъ этотъ, по полнотѣ своего содержанія, долженъ считаться весьма почтеннымъ вкладомъ въ русскую литературу. Въ продажу Н. В. сборника не пускалъ, а разсылалъ его *даромъ*, чтобы быстрѣе способствовать распространенію идей объ истинномъ значеніи благотворительности. Мало того: Н. В. очень лелѣялъ и развивалъ мысль объ устройствѣ земледѣльческихъ колоній для бродячихъ дѣтей, чтобъ устранить ихъ отъ городского соблазна. Исходя изъ этого взгляда, ему очень нравилась

здѣшняя земледѣльческая колонія для малолѣтнихъ преступниковъ, которые были неузнаваемы въ своемъ положеніи сельскихъ обывателей (за пороховымъ заводомъ).

Помянувъ преступниковъ, приведу, кстати, слѣдующій фактъ. Въ 1882 г. возникло предположеніе о передачѣ хозяйственной части столичныхъ тюремъ изъ вѣдѣнія Тюремнаго Комитета въ распоряженіе отвѣтственныхъ ихъ начальниковъ. Въ 1883 г. Комитетъ, получивъ проектъ,—опровергалъ его цѣлесообразность различными доводами, которымъ однако не вняли, а бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, покойный Графъ Д. А. Толстой внесъ проектъ въ Государственный Совѣтъ. Заинтересованный этимъ дѣломъ и тщательно изучивъ его, Н. В. принялъ сторону Комитета и неоднократно выражалъ В. А. Давыдову (вице-президенту), М. П. Тучкову и мнѣ (Директорамъ Комитета), что представители его, какъ общественный элементъ, — безспорно заслуживали несравненно большее довѣріе, нежели тюремные начальники, ибо первые, въ качествѣ благотворителей, не могли ни карать, ни миловать заключенныхъ, отчего они имѣли свободу претендовать на матеріальные недостатки, если ощущали ихъ, тогда какъ послѣдніе, по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ, всегда въ состояніи были заглушать всякія жалобы арестантовъ и они оставались бы беззащитными. Въ Совѣтѣ Н. В. остался, какъ говорилъ намъ, въ меньшинствѣ, а по утвержденіи, въ 1884 г. проекта, изъ него явствовало, что изъ директоровъ вправѣ были участвовать въ наблюдательныхъ Коммиссіяхъ лишь по 2 чел. въ тюрьмѣ, а остальнымъ преграждался даже входъ въ тюрьмы и, тѣмъ не менѣе, благотворительная часть была оставлена на обязанности Комитета. Тогда 23 директора сразу отказались и отъ званія: они находили, что могли приносить пользу только внутри тюрьмы. При свиданіи съ Н. В. я разъяснялъ ему о происшедшемъ. Онъ впалъ въ грустное настроеніе.

— Какъ же, освѣдомился онъ, помолчавъ, оставшіеся въ Комитетѣ думаютъ осуществлять свое назначеніе?

Я отозвался невѣдѣніемъ, ибо считалъ это крайне затруднительнымъ.

— Да, вы правы. Помогать людямъ и хлопотать за нихъ можно конечно, только тогда, когда знаешь ихъ; но, коль скоро не будете видѣть ихъ въ тюремныхъ: церквахъ, школахъ, мастерскихъ и лично не ознакомитесь съ ихъ прошлымъ, настоящимъ и будущимъ;—то радѣть о неизвѣстныхъ вамъ людяхъ, разумѣется, не согласно съ совѣстью, которая повелѣваетъ дѣйствовать сознательно, а не зря, чѣмъ можно только себя компрометировать. Съ этой точки зрѣнія я оправдываю вашихъ товарищей, покинувшихъ Комитетъ. Но съ другой стороны я искренно желаю, чтобы оставшіеся въ Комитетѣ члены постарались приспособиться къ новому порядку, потому что: во 1-хъ заключенные не повинны въ его установленіи и грѣшно лишать ихъ участія; во 2-хъ, чѣмъ тяжелѣе дѣло, тѣмъ больше чести тѣмъ, которые умудряются хорошо его вести; наконецъ въ 3-хъ умъ человѣческій такъ гибокъ и разносторонненъ, что въ состояніи преодолѣть всякія пре-

грады, создаваемыя въ особенности несовершенными законами. Оттого людямъ, преданнымъ идеѣ о необходимости помогать несчастнымъ узникамъ, просто нельзя отступаться отъ этой идеи, коренящейся въ завѣтахъ Спасителя. Словомъ я совѣтую вамъ и вашимъ товарищамъ подавить самолюбіе и, безъ смущенія, продолжать дѣлать, въ интересахъ заключенныхъ, все, что сможете и благо вамъ будетъ.

Вообще Н. В. въ долголѣтнюю свою дѣятельность разновременно сдѣлалъ очень много хорошаго по медицинской академіи, красному кресту, музею прикладныхъ знаній, техническому и профессіональному образованію и т. д Умеръ 25 февраля 1891 г. въ Петербургѣ, а погребенъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Даниловскаго монастыря, въ фамильномъ склепѣ. Въ одномъ изъ многочисленныхъ некрологовъ вполнѣ справедливо говорилось, что „въ лицѣ Н. В. Россія потеряла одного изъ полезнѣйшихъ и честнѣйшихъ дѣятелей, посвятившихъ свой умъ и волю на благо родины. Помощникамъ Н. В., массѣ его подчиненныхъ, питомцевъ и другимъ, его знавшимъ, навсегда останется памятнымъ его нравственный обликъ: умѣнье выбрать людей и дать имъ просторъ въ ихъ дѣятельности, умѣнье выслушать чужое мнѣніе, вызвать исполненіе обязанностей, основанное на чувствѣ долга, поощреніе правдивости и личное прямодушіе, въ связи съ теплымъ сердцемъ и самостоятельностью мысли—вотъ главныя черты свѣтлой личности покойнаго“.

В. Никитинъ.

ЗА ВСЕМІРНОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(*Продолженіе*).

XXIII [1]).

Митридатъ, дѣйствительно, приближался къ Фазису, разсчитывая врасплохъ напасть на почти беззащитный, какъ ему донесли, римскій флотъ.

Но онъ ошибся. Онъ не зналъ, что легіоны Помпея находятся въ нѣсколькихъ часахъ перехода къ Фазису.

Когда Помпей, съ легіонами и плѣнными, а равно заложниками отъ иберовъ и албанцевъ, прибылъ къ своему флоту, и вступилъ на палубу триремы навмарха, онъ пораженъ былъ гигантскими размѣрами кораблей Митридата, подходившихъ къ устьямъ Фазиса, гдѣ въ узкомъ, но очень длинномъ портѣ, укрывался римскій флотъ.

Скоро съ палубы триремы навмарха Помпей могъ различить исполинскую фигуру царя Понта и около него стройную фигурку Клеопатры. Флотъ Митридата шелъ на всѣхъ парусахъ, и Помпей понялъ, что ему предстоитъ жестокая битва съ врагомъ, у котораго такіе гигантскіе корабли, что, въ сравненіи съ римскими, послѣдніе казались маленькими морскими судами рыбаковъ или пиратовъ.

Но эта разница во флотахъ и послужила въ пользу Помпею.

Скоро онъ и Сервилій замѣтили, что флотъ Митридатаересталъ двигаться впередъ.

— Я такъ и зналъ, что это случится,—весело сказалъ Сервилій.

— Что случится?—спросилъ Помпей.

— Да вотъ это самое.—Гиганты Митридата наткнулись на мель—дальше ни шагу! Фазисъ нанесъ столько съ горъ и долинъ

---

[1]) См. іюньскую книгу.

илу и песку, что засыпалъ наноснымъ иломъ входъ въ фазійскій портъ, и только наши мелкоходные корабли могли перейти черезъ отмели, а кораблямъ Митридата дальше нѣтъ ходу,—говорилъ Сервилій, замѣчая тревогу на понтійскихъ корабляхъ.—Слишкомъ велики ложки у Митридата—въ ротъ не лѣзутъ.

Но эта неудача не остановила Митридата. Съ каждаго его корабля были спущены на воду небольшія лодки, въ которыя и помѣщались воины, поскольку каждая лодка могла вмѣстить ихъ. Дикари же—скиѳы, сарматы, язиги, роксоланы и яксоматы—прямо бросались въ воду, и вплавь направлялись въ портъ, къ римскимъ кораблямъ.

Митридатъ и Клеопатра помѣщались въ особой, ярко раскрашенной лодкѣ.

Вдругъ въ воздухѣ, со стороны кораблей Митридата, зашипѣли и завизжали огненныя змѣи, летѣвшія на крайній римскій корабль, стоявшій у выхода изъ порта въ море.

То былъ знаменитый „греческій огонь", который бросали на римскій флотъ метательныя машины съ триремъ Митридата.

Вскорѣ крайній римскій корабль сталъ загораться. Тогда бывшіе на немъ воины, по примѣру дикарей, побросались въ воду, и вступили съ послѣдними въ рукопашный бой. Но скоро и съ той, и съ другой стороны стали раздаваться вопли.

— Въ водѣ чудовища! — Спасайтесь! — кричали римскіе воины.

Нѣкоторые скрылись подъ водой, увлекаемые невидимыми чудовищами.

Между скиѳами и сарматами тоже слышались крики.

— О, Перуне! о, Свароже!

Римскій корабль, между тѣмъ, пылалъ, какъ костеръ. Но до дальнѣйшихъ кораблей Помпея метательныя машины не въ силахъ были добрасывать „греческій огонь".

Воины нѣсколькихъ понтійскихъ лодокъ успѣли высадиться на берегъ и вступили въ бой съ римлянами.

Клеопатра, узнавъ, по блестящимъ латамъ и другому вооруженію, на статномъ конѣ подъ легіоннымъ орломъ Помпея, прицѣлилась въ него изъ лука, упершись правой ногой въ бортъ лодки. Но Помпей слѣдилъ за нею, и когда стрѣла Клеопатры со свистомъ понеслась прямо на вождя римлянъ, Помпей уклонился, и стрѣла какъ-бы съ сердитымъ плачемъ скользнула по чешуѣ лать римлянина.

— Non habet, virgo!—громко разсмѣялся Помпей.

— Habet!—крикнулъ стоявшій около дочери Митридатъ, бросая въ Помпея свое копье.

— Non habet!—отвѣчалъ послѣдній, когда копье Митридата было перехвачено щитомъ стараго Корвуса.

— Habet!—сказалъ онъ, посылая копье прямо въ голову Митридата.

Копье Корвуса пронизало верхушку его шлема, но головы Митридата не коснулось.

Между тѣмъ римляне, отбивая натискъ понтійскихъ воиновъ, ломившихся на берегъ, успѣли оттѣснить ихъ къ водѣ.

Съ обѣихъ сторонъ берегъ укрывали уже трупы понтійцевъ и римлянъ.

Но быстро наступившая ночь прекратила битву. Это была мрачная осенняя ночь.

„Греческій огонъ", однако, сдѣлалъ свое дѣло:—загорѣлся и второй римскій корабль.

Боясь пожара всего флота, Сервилій продвинулъ его въ самую глубь устья Фазиса, куда не достигалъ „греческій огонь".

Митридатъ, возвратившись на свой царскій корабль, быстро начертилъ въ умѣ планъ дальнѣйшаго сраженія. Онъ видѣлъ, что, по превосходству его флота, Помпей не приметъ морскаго сраженія. Оставалось задавить римлянъ на сушѣ тѣми громадными массами скиѳовъ, сарматовъ и прочихъ союзниковъ, которыми онъ располагалъ. Предстояло сдѣлать обходное движеніе съ лѣваго берега Фазиса, въ тылъ римлянамъ. Ночь онъ употребитъ на высадку, при помощи всѣхъ имѣющихся въ его флотиліи лодокъ, всѣхъ союзниковъ въ такомъ мѣстѣ морского берега, откуда римляне будутъ окружены съ трехъ сторонъ „варварами", которые и загонятъ ихъ въ рѣку съ ея страшными невѣдомыми чудовищами, а его собственные воины—понтійцы—ударятъ въ тылъ или въ лицо римлянамъ, смотря по ходу битвы.

Но и Помпей не менѣе быстро сообразилъ рискъ своего положенія:—онъ вѣрно угадалъ, что Митридатъ именно такъ поведетъ дѣло, какъ уже съ вечера подсказалъ ему его военный геній.

— Море для насъ—вѣрная гибель,—сказалъ онъ Сервилію:—морской битвы мы не можемъ принять... Открытое море для насъ—могила. Но мы на сушѣ изловимъ этого понтійскаго льва, хоть-бы силы его и его „варваровъ" превосходили наши силы въ десять разъ. Мы должны укрыть наши корабли.

— Гдѣ же мы укроемъ ихъ отъ „греческаго огня", кото-

рый Митридатъ будетъ бросать въ насъ малыми метательными машинами не съ кораблей, а съ лодокъ, прямо намъ въ лицо?— съ тревогой спросилъ Сервилій.

— Мы поплывемъ вглубь Кавказа по-суху, — отвѣчалъ Помпей.—Я рѣшилъ отступленіе—другаго выхода нѣтъ... Ночь велика... Мы потянемъ наши суда волокомъ, и къ утру „греческій огонь" будетъ имъ не страшенъ.—Но чтобъ облегчить наше отступленіе, мы всѣ излишнія тяжести, золото, всѣ сокровища и всѣхъ плѣнныхъ сейчасъ же отправимъ къ квестору Афранію, въ Артаксату.

На томъ и порѣшили. Всѣ легіоны принялись за работу. Корабли задолго до полуночи были повытасканы на берегъ при наивозможной тишинѣ. Тяжести и плѣнные тотчасъ же были отправлены въ Артаксату—и отступленіе началось [1]).

Каково же было изумленіе Клеопатры, Фокіона, Гая Постума, виночерпія Мосхина, египтянина Радамы и навмарха изъ колховъ Артоса и ярость Митридата и скиѳа оруженосца Яра, когда утромъ они увидѣли опустѣвшее устье Фазиса, гдѣ дымились только остовы двухъ римскихъ кораблей, сожженныхъ „греческимъ огнемъ", а римлянъ—не было!

— О римская ехидна!—рвалъ на себѣ волосы Митридатъ.— Но я же дождусь тебя!—Не по воздуху же ты перелетишь съ своими жалкими лодчонками въ твой волчій городъ, въ которомъ волки вскормили вашихъ первыхъ царей.

Неистовствовалъ и Яръ. Онъ столько добычи сулилъ своимъ соотечественникамъ скиѳамъ, и вдругъ—добыча ушла!

— О, Перунъ!—пошли ты на нихъ громы твои!—бѣсновался онъ.

Клеопатра выражала свое разочарованіе по-женски—слезами.

А брошенные остовы римскихъ кораблей продолжали дымить.

Фокіонъ всѣми силами старался утѣшить своего бывшаго ученика.

— Въ исторіи нашей Эллады было славное, геройское отступленіе десяти тысячъ эллиновъ съ Ксенофонтомъ,—сказалъ онъ:— это—„Anabasis"... А новое отступленіе Помпея, его „Anabasis"—безславное бѣгство! Но онъ и въ Тартарѣ не спрячется отъ царя Понта.

Когда Митридатъ и его приближенные съѣхали на царской лодкѣ на берегъ, то около тлѣвшаго остова корабля они уви-

---

[1]) Объ этомъ способѣ волока судовъ Помпеемъ черезъ Кавказъ говоритъ Julius Solinus въ своихъ „Collectaneae rerum memorabilium", XIX, 4.

дѣли на берегу воткнутый на остріе копья клокъ пергамента. На пергаментѣ было написано:

„Когда Митридатъ безпечно спалъ въ объятіяхъ Морфея, Помпей съ своими легіонами, подъ кровомъ ночи, благополучно вышелъ въ море. Vae Sinopae!—*Гней Помпей*".

Митридатъ повѣрилъ.

XXIV.

Вѣсть объ отступленіи и пораженіи, будто-бы, римлянъ быстро разнеслась по Кавказу. И колхи, и иберы, и албанцы ликовали—ихъ побѣдителя наказали боги!

Страшно труднымъ оказалось для римлянъ это отступленіе. Въ горахъ уже настала глубокая осень. Часто стали выпадать снѣга. Горные ручьи отъ дождей и снѣговъ превращались въ бурныя рѣки. Продовольствіе для войска добывалось съ неимовѣрными трудами. Приходилось питаться большею частью дикими плодами лѣсовъ да мясомъ мѣстныхъ животныхъ и птицъ, на которыхъ охотились римляне во время роздыховъ. Пока легіоны волочили свои суда въ верховьяхъ Фазиса, ихъ пищу составляли преимущественно, по словамъ Юлія Солина, дикія козы—«олень-козелъ» или «трагелафы»[1]. Но чѣмъ дальше подвигались эти удивительные люди, тѣмъ путь ихъ становился труднѣе, и легіонамъ приходилось часто голодать. Они претерпѣвали неимовѣрныя трудности..

Кто проѣзжалъ по этимъ странамъ до проведенія тамъ нынѣшнихъ желѣзныхъ дорогъ, тотъ пойметъ весь ужасъ пути, по которому, въ глубокую зиму, римляне волокли на себѣ свой флотъ!

Но римляне—это были люди изумительной энергіи и выдержки!

— Римляне!—часто обращался Помпей къ своимъ легіонамъ:—мы завоевали весь свѣтъ; насъ палило знойное солнце Нумидіи и Египта... Насъ ли могутъ остановить эти снѣга!

— Я бралъ неприступную Нуманцію,—говорилъ своему легіону старый Корвусъ,—а съ вами мы уже взяли обѣ Арменіи, разбили иберовъ и албанцевъ—возьмемъ и весь Кавказъ, всю Скиѳію, Сарматію!—Впередъ, львы державнаго Рима!

---

[1]) «*Τραγέλαφοι*» (Iulius Solinus, XIX, 19.— «У нихъ,—говоритъ Солинъ—мохнатыя переднія лопатки и длинная борода».

Какъ ни радовала всѣхъ обитателей Кавказа вѣсть о мнимомъ пораженіи римлянъ Митридатомъ, однако ни колхи, ни иберы, ни албанцы не осмѣливались напасть на этихъ грозныхъ пришельцевъ. Почти всю зиму двигались они съ своею сухопутною флотиліей вдоль южныхъ склоновъ Кавказа, побѣждая всѣ ужасы природы и зимнія невзгоды.

— Теперь я только понимаю все величіе и силу сына Астрея и Авроры,—говорилъ все опоэтизировавшій мечтатель, старый Ауфидій, глядя на снѣжную мятель, бушевавшую въ горахъ и засыпавшую глаза героямъ, волочившимъ свою флотилію.

— Кто этотъ сынъ Астрея и Авроры?—спросилъ добродушный рубака Эмилій Самнитъ.

— Сынъ Астрея и Авроры—это богъ Борей, засыпающій землю снѣгами, превращающій воды въ ледъ, рвущій въ гнѣвѣ деревья съ корнемъ.

— Немилостивый богъ,—покачалъ головою Самнитъ.— Хвала болѣе могущественнымъ богамъ, что они не пускаютъ его въ мою загородную виллу, что въ Неаполѣ, рядомъ съ виллою моего друга Лукулла.

— Но, благородный Эмилій, ты не понимаешь, какія благодѣянія оказываетъ намъ великій богъ гипербореевъ,— возразилъ Ауфидій.

— Какія же это?—Что отморозилъ многимъ храбрымъ воинамъ носы и уши?—Это ли не благодѣянія!—не соглашался упрямый Самнитъ.

— Нѣтъ, мой другъ,—еслибъ Борей не посылалъ намъ свои дары—снѣгъ, то по камнямъ мы не протащили бы нашихъ кораблей черезъ Кавказъ и въ продолженіе всего года.

Дѣйствительно, по снѣгу корабли легче скользили, чѣмъ по камнямъ, такъ что къ половинѣ декабря римляне дошли до того мѣста, гдѣ уже можно было флотилію спустить на воду въ рѣку Куру, или—по однимъ источникамъ—*Κύρος*, по другимъ—*Κύρνος*.

Рѣкой Курой Помпей думалъ войти въ Гирканское или Каспійское море и напасть съ востока на Фанагорію и Пантикапею, которыми Митридатъ дорожилъ больше всего за ихъ богатства и обширную мѣновую торговлю.

— Воины!—сказалъ Помпей своимъ легіонамъ передъ тѣмъ, какъ, починивъ нѣкоторые корабли, пострадавшіе отъ тренія и паденій, спустить ихъ на воду, завтра, 17 декабря, я дамъ вамъ роздыхъ на цѣлую недѣлю. Завтра мы должны

принести жертвы величайшему изъ боговъ, пожравшему всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ Юпитера,—богу Сатурну. Завтра—начало «сатурналій».

Въ знакъ радости легіоны испустили воинственный крикъ, и ударили въ щиты.

Но имъ не удалось отдохнуть.

У Плутарха мы читаемъ:—«когда римляне собирались отпраздновать «сатурналіи», то албанцы (ободренные, конечно, слухами о мнимомъ пораженіи Помпея Митридатомъ въ устьяхъ Фазиса), въ числѣ сорока тысячъ человѣкъ, напали на нихъ, переправившись черезъ рѣку Κύρνος. Помпей, которому не трудно было воспрепятствовать переходу албанцевъ черезъ рѣку, спокойно смотрѣлъ на ихъ переходъ, но потомъ напалъ на нихъ, разбилъ войско, и убилъ большое множество непріятелей. Царя же ихъ (Оройза), который черезъ посольство просилъ о помилованіи, простилъ, и возобновилъ съ нимъ союзъ».

Послы Оройза, униженно прося о помилованіи, и повергая къ ногамъ побѣдителя новыя груды золота и другихъ драгоцѣнностей, головою выдали иберовъ. Они сознались, что иберы подбили ихъ напасть на изнуренныхъ якобы римлянъ, и что они и сами немедленно сдѣлаютъ на нихъ нападеніе.

Такъ и случилось. Иберы настигли римлянъ съ тылу, но не сломили желѣзныхъ легіоновъ, и Помпей самъ ударилъ на нихъ.

«Иберы—пишетъ Плутархъ—народъ столь же многочисленный, какъ и албанцы, но болѣе воинственный, во что бы то ни стало хотѣли угодить Митридату, и стали всей силой отражать Помпея. Эти иберы – говоритъ далѣе Плутархъ—прежде не покорялись ни мидянамъ, ни персамъ; они даже избѣжали «македонскаго ига», такъ какъ Александръ Македонскій съ поспѣшностью удалился изъ Гирканіи. Но Помпей разбилъ ихъ въ большомъ сраженіи, такъ что девять тысячъ изъ нихъ осталось на мѣстѣ, и больше десяти тысячъ было взято въ плѣнъ [1]).

Послѣ сраженія Помпей, осматривая поле битвы вмѣстѣ съ Сервиліемъ и легатами—начальниками легіоновъ, замѣтилъ у нѣкоторыхъ убитыхъ длинные арканы.

— Это не иберы и не албанцы,—сказалъ Помпей, останавливая своего коня около убитаго:—у нихъ арканов я не видѣлъ.

[1]) Плутарха «Помпей», гл. XXXIV.

— Это колхъ,—замѣтилъ Сервилій:—когда я стоялъ съ флотомъ въ устьяхъ Фазиса, то ко мнѣ часто приходили колхи вотъ съ такими арканами [1]).

— Да и волосы слишкомъ курчавы, точно у египтянъ, и цвѣтъ кожи темнѣе, чѣмъ у иберовъ и албанцевъ,—продолжалъ разсматривать убитаго Помпей.

— Вѣрно,—я къ нимъ присмотрѣлся, подтвердилъ Сервилій:—курчавые и смуглы, какъ египтяне [2]).

— А замѣтьте, изъ чего у него соткана туника,—сказалъ въ свою очередь легатъ Корвусъ, щупая подъ овечьей верхней одеждой рубаху убитаго:—кажется, изъ тростника [3]).

Въ это время къ Помпею подошелъ его рабъ, нумидіецъ Адгербалій, съ убитою козою за плечами.

— Господинъ,—обратился онъ къ Помпею,—я ходилъ сейчасъ охотиться на фазановъ—«на тетари», а мое копье угодило въ дикую козу—вотъ она тебѣ на ужинъ. Но я тамъ, въ лѣсу, увидѣлъ тысячи маленькихъ лодокъ, спрятанныя по кустамъ, и всѣ онѣ просто выдолблены изъ цѣльныхъ дубовъ и сосенъ [4]).

Отправились осматривать находку нумидійца. Дѣйствительно, весь лѣсъ и особенно кусты представляли цѣлую флотилію небольшихъ лодокъ, изъ которыхъ каждая была выдолблена изъ гигантскихъ стволовъ деревьевъ и могла вмѣщать въ себѣ отъ 25 до 30 человѣкъ [5]).

— Ясно,—сказалъ Помпей,—что и колхи возстали противъ насъ. Но вѣчные боги покровительствуютъ священному Риму.

— Подобно намъ, они переволокли свою флотилію въ верховья рѣки Кира, спустились ниже, соединились съ иберами и напали на насъ,—сказалъ въ свою очередь Сервилій,

---

[1]) Argonautica. Fragm. 6. Müller. Fragmenta hist Graec.—Діонисій Милетскій.

[2]) «Жители Колхиды, кажется—египтяне».—говоритъ Геродотъ:—у колховъ темный цвѣтъ кожи и волосы курчавые. Комментарій Евстафія на Діонисія Періегета тоже утверждаетъ, что у колховъ курчавые волосы, какъ у египтянъ, темная кожа и египетскіе обычаи—напр., они соблюдаютъ обычай обрѣзанія, и носятъ, какъ и египтяне, льняныя одежды», 689.

[3]) Каллимахъ свидѣтельствуетъ, что у колховъ роетётъ тросникъ, изъ котораго они дѣлаютъ холстъ, какъ египтяне. Fragmentum 265.

[4]) Гиппократъ («De aeribus, aquis et locis») говоритъ, что колхи «свою землю объѣзжаютъ на челнокахъ, выдолбленныхъ изъ цѣльнаго ствола дерева», гл. XV.

[5]) Страбонъ утверждаетъ, что «употребляютъ узкія и легкія лодки, которыя вмѣщаютъ въ себѣ 25, рѣдко 30 человѣкъ. Эти лодки эллины называютъ *καμάραι* II, 12.

заглядывая въ одну лодку. Да тутъ у нихъ и провизія—фазаны и вяленое мясо барановъ.

Помпей былъ возмущенъ коварствомъ колховъ.

— Этому народу я не причинилъ ни малѣйшаго зла,—гнѣвно сказалъ онъ.—Я щадилъ ихъ жалкія жилища, ихъ стада... Мое войско больше питалось тѣмъ, что добывало копье воиновъ на охотѣ... Такъ я примѣрно накажу варваровъ!

И онъ исполнилъ угрозу. Жилища колховъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ были выжжены, царь ихъ палъ въ битвѣ, и Помпей назначилъ царемъ Колхиды своего квестора Аристарха, снабдивъ его достаточнымъ гарнизономъ [1]).

XXV.

Наказавъ такимъ образомъ колховъ и иберовъ, Помпей возвратился съ войскомъ къ своему флоту, оставленному подъ охраною албанцевъ, своихъ новыхъ союзниковъ.

Здѣсь, спустивъ на рѣку Киръ корабли и приказавъ Сервилію съ частью войска плыть къ Гирканскому морю, Помпей съ большею частью своихъ легіоновъ направился въ Гирканію, куда его влекла слава походовъ Александра Македонскаго. Онъ зналъ, что Митридатъ не уйдетъ отъ него, а таинственная Гирканія такъ манила ненасытнаго въ честолюбіи римлянина.

Давно задумавъ походъ противъ Митридата, Помпей прочелъ всѣхъ греческихъ и римскихъ писателей, у которыхъ онъ могъ почерпнуть всевозможныя свѣдѣнія о Востокѣ. Поэтому онъ многое зналъ о Гирканіи и о народахъ, кромѣ гирканов, населявшихъ эту страну—анаріаковъ, мардовъ, кадусіевъ, амардовъ, утіевъ [2]). Онъ зналъ, что гирканы морятъ голодомъ стариковъ свыше 70 лѣтъ, а потомъ выбрасываютъ ихъ въ пустыню, и наблюдаютъ за тѣлами ихъ издали:—если увидятъ, что орлы и другія хищныя птицы стаскиваютъ трупы съ мѣста, то считаютъ умершихъ блаженными, а менѣе блаженными считаютъ тѣхъ, коихъ трупы растаскиваютъ хищные звѣри или собаки. Если же не случится ни того, ни другого, то такихъ считаютъ несчастными.

— Гирканія, особенно же части ея—Сакасена и Гага-

---

[1]) Eutropii «Breviarium historiae romanae», VI. 14.—Festi Rufi «Breviarium rerum gestarum populi romani», XVI.

[2]) Ἀναρίακοι, μάρδοι, καδούσιοι, ἄμαρδοι, οὐίτιοι.

рена,—говорилъ Помпей квестору Самниту, слѣдуя съ нимъ впереди перваго легіона,—изобилуютъ прекрасными плодами и масличными деревьями. Виноградъ тамъ такого качества, что каждая лоза даетъ до трехъ ведеръ вина, а фиговое дерево приноситъ не менѣе десяти четвериковъ плодовъ.

— Вотъ сторонка!—покачалъ головой Самнитъ, косясь на носителя легіоннаго орла, который, покачиваясь на своемъ конѣ, дремалъ.—Не урони святыню!—предостерегъ дремавшаго старый воинъ.

— Тамъ почти не сѣютъ хлѣбъ—продолжалъ Помпей—а онъ самъ родится.

— Вѣчные боги! — воскликнулъ старый квесторъ: — да тамъ и великому Люцію Квинкцію Цинциннату нечего было бы дѣлать, и со скуки онъ умеръ бы безъ плуга.

— Тамъ, добрый другъ Эмилій,—продолжалъ Помпей, забавляясь наивностью своего слушателя, — тамъ во время жатвы падаетъ столько зеренъ на землю, что на другой годъ на мѣстѣ сжатаго хлѣба—новое поле прекрасно уродившагося ячменя или пшеницы. Ростетъ тамъ дерево, похожее на дубъ, а съ листьевъ его сочится настоящій медъ...

— Чудеса!—изъ дуба — медъ!.. Попробую гирканскаго меду... А пчелъ тамъ, значитъ, нѣтъ?

— Есть тамъ маленькое крылатое насѣкомое, которое эллины называютъ ἀνθρηδών. Оно меньше пчелы, но усердно собираетъ въ горахъ воскъ и медъ, и свои гнѣзда съ медомъ устраиваетъ въ трещинахъ скалъ [1]).

— Чудеса!—вотъ сторонка!

— Да, счастливая страна—просто элизіумъ... Въ этомъ элизіумѣ смертные живутъ, какъ циклопы—слышалъ о нихъ?

— Кто они, благородный Гней?—я не знаю.

— Это былъ въ древности народъ одноглазый... Развѣ ты не читалъ Гомера? про циклопа Полифема.

— Какой тамъ Гомеръ въ казармахъ!

— Такъ эти народы, что въ Гирканіи, живутъ, какъ циклопы—ничего не дѣлаютъ, только пасутъ овецъ и выше ста считать не умѣютъ [2]).

Нѣсколько дней подвигались впередъ римляне подъ знойнымъ небомъ преддверій Гирканіи, какъ вдругъ, однажды, они замѣтили въ степи массы одѣтыхъ въ шкуры, шерстью наружу,

---

[1]) Eutropii «Breviarium historiae romanae», VI, 14.—Diodori Siculi «Bibliotheca historica», Lib. XVII, 76, 77.

[2]) Коммен. Евстафія къ Діонисію Періегету, 730.

невѣдомыхъ людей на коняхъ. То были южные кочующіе скиѳы.

Остановясь на нѣкоторое время и, видимо, посовѣтовавшись между собою, они съ дикимъ крикомъ, похожимъ на вой голодныхъ шакаловъ, ринулись на первый легіонъ, на всемъ скаку пуская въ римлянъ стрѣлы изъ кривыхъ луковъ. Сообразивъ, что римскіе воины защищены прочными латами, скиѳы направляли свои стрѣлы имъ въ лицо или мѣтили въ ноги, и нѣкоторыхъ воиновъ ранили. Но сотни копій, брошенныхъ изъ переднихъ легіоновъ и положившихъ на мѣстѣ десятки нападавшихъ варваровъ, тотчасъ обратили ихъ въ бѣгство.

Но скоро всѣ, кто изъ римлянъ были ранены, умирали въ страшныхъ мученіяхъ. Оказалось, что стрѣлы скиѳовъ были отравлены быстро убивающимъ ядомъ [1]).

Но на слѣдующій день римляне встрѣтили непреодолимое препятствіе.

То тамъ, то въ другомъ мѣстѣ слышались отчаянные крики воиновъ.

— Что тамъ случилось?—спросилъ Помпей.

— Клянусь мракомъ Орка!—да тутъ легіоны громадныхъ змѣй! воскликнулъ легатъ Ригоръ.

Дѣйствительно, ядовитые гады кишѣли вокругъ массами, и какъ бѣшеные бросались на римлянъ, нанося укусы преимущественно въ ноги, выше ремней сандалій, и, судя по колыханію впереди на далекое разстояніе травы, гадовъ было несмѣтное количество.

— О, боги!—слышались болѣзненные крики со всѣхъ сторонъ

— Да это змѣиное царство! — говоритъ Помпей, топча копытами своего коня извивавшихся гадовъ, которые впивались въ ноги коня.

Благородное животное становилось на дыбы и билось.

— Трубить отступленіе!—скомандовалъ полководецъ Рима, которому пришлось отступать не отъ людей, а отъ гадовъ.

— Рвите сухую траву!—крикнулъ своему легіону Корвусъ,— поджигайте степь!... Вѣтеръ погонитъ пламя на гадовъ.

Въ разныхъ мѣстахъ вспыхнула степь, и сухая горящая трава огненными языками побѣжала прямо на змѣй.

---

[1]) Lucani «Pharsalia», III, 264.

Стень все болѣе и болѣе пылала. Трескъ горящей травы и сухихъ бурьяновъ смѣшивался съ злобнымъ шипѣніемъ убѣгавшихъ гадовъ.

— Побѣда! побѣда!—радостно восклицалъ квесторъ Эмилій.

— Такъ вотъ кто стражи заколдованной Гирканіи,—говорилъ Помпей, осматривая укушенныя ноги своего коня.— Бѣдный Дарій! — тебя придется оставить при обозѣ, у конюха—гладилъ онъ по шеѣ своего коня.

— Благородный Гней все зналъ о чудесахъ Гирканіи,— сказалъ квесторъ, подходя къ Помпею,—а вотъ о змѣяхъ, вѣроятно, не написано въ книгахъ.

— Да, этого я не нашелъ въ книгахъ,—согласился Помпей.

Въ это время къ нему подошелъ Ауфидій, который подъ бременемъ лѣтъ и усталости находился въ обозѣ вмѣстѣ съ больными воинами.

— Это все дѣло рукъ сестры и супруги отца боговъ, Юпитера,—покачалъ головою, глядя на укушенныхъ воиновъ.

— Что такое говоришь ты, дорогой учитель?—спросилъ его Помпей.

— Да вотъ это насланіе змѣй... Это наслала ихъ на насъ мстительная Юнона, какъ когда-то она наслала змѣй на жреца Аполлонова, на Лаокоона и его сыновей.

— Чѣмъ же я прогнѣвилъ богиню?—улыбнулся Помпей, который всю эллинскую и римскую миѳологію относилъ къ дѣтскимъ сказкамъ.

— А тѣмъ прогнѣвилъ всесильную богиню, что, предпринимая походъ въ Гирканію, ты не умилостивилъ ее жертвоприношеніями, и она чуть не повторила съ тобой того, что испыталъ на себѣ Лаокоонъ и его сыновья.

— А вѣдь онъ правъ,—вмѣшался въ разговоръ старый Корвусъ.—Передъ взятіемъ Нуманціи Сципіонъ приносилъ жертвы Марсу и Беллонѣ.

— Вѣрно, благородный легатъ,—подтвердилъ и вѣрующій Ауфидій.

— Впередъ буду исполнять требованія религіи предковъ,— наружно согласился Помпей и, обратясь къ квестору Эмилію Самниту, сказалъ:—всѣхъ укушенныхъ отправить въ обозъ.— Можетъ быть, укусы и не смертельны.

Такъ змѣи и остановили походъ Помпея въ Гирканію [1]).

---

[1]) Плутархъ, гл. XVI. Въ этой мѣстности, о которой здѣсь говорится, въ настоящее время еще встрѣчаются нерѣдко змѣи огромной величины.

XXVI.

Возвратясь изъ неудачнаго похода въ Гирканію, Помпей засталъ свой флотъ въ устьяхъ рѣки Куры (Киръ и Кирнъ), и нашелъ Сервилія въ самыхъ миролюбивыхъ отношеніяхъ съ албанцами, которые привозили на римскіе корабли, въ своихъ легкихъ лодкахъ, то наловленную ими въ морѣ рыбу, то дичь, то вкусные плоды.

Увидѣвъ приближавшіеся легіоны Помпея, прежніе враги встрѣтили римскихъ воиновъ, какъ братьевъ [1]).

Тотчасъ же, запасшись водою въ бурдюкахъ и достаточнымъ количествомъ провизіи, неутомимый вождь Рима вступилъ съ своимъ флотомъ въ невѣдомое Гирканское или Каспійское море.

Но когда нѣкоторые корабли не успѣли еще отчалить отъ берега, какъ къ нимъ приблизился римскій всадникъ, сопровождаемый отрядомъ армянъ.

— Да это Квинтъ Теофанъ, квесторъ, — сказалъ одинъ центуріонъ, вглядываясь въ прибывшаго.

— Онъ и есть!—подтвердили другіе.

— Эвои Эскулапъ, сынъ Аполлона и Корониды!—онъ исцѣлилъ мои раны!—радостно махалъ руками прибывшій.— Слава богамъ!—я вижу Гирканское море, и счастливо соединяюсь съ непобѣдимымъ Помпеемъ.

Это былъ квесторъ Квинтъ Теофанъ, родомъ изъ Сиракузъ, прошедшій военную школу въ Римѣ при Маріѣ. Въ сраженіи съ Митридатомъ въ устьяхъ Фазиса онъ былъ опасно раненъ мстительнымъ копьемъ Клеопатры и потому былъ отправленъ оттуда, въ ночь отступленія римлянъ, вмѣстѣ съ сокровищами и плѣнными амазонками, въ Артаксату, гдѣ придворный врачъ царя Тиграна и вылѣчилъ его.

Его тотчасъ же взяли въ лодку, и доставили на корабль Помпея.

Всѣ обрадовались его пріѣзду, потому что онъ былъ любимъ всѣми близкими къ Помпею лицами и самимъ ихъ вождемъ за свою задушевность.

— Эвои!—привѣтъ царю царей отъ Тиграна!—обратился

---

[1]) Юстинъ, XXIV, 2.

онъ къ Помпею.—Царь Арменіи прислалъ тебѣ со мною дары:— царскій вѣнецъ и золотую державу.

И Теофанъ вынулъ изъ серебрянаго ковчежца золотую корону, усыпанную драгоцѣнными камнями Индіи, и золотой державный шаръ [1]).

Всѣ любовались дорогимъ подаркомъ Тиграна.

— А какъ здоровье царя Арменіи?—спросилъ Помпей.

— Боги милостивы къ нему,—отвѣчалъ Теофанъ —На дняхъ онъ праздновалъ свадьбу своего сына, царевича Тиграна Артакса, женившагося на прекрасной амазонкѣ, дочери Мосхина, виночерпія царя Митридата.

— Это одна изъ амазонокъ, взятыхъ нами въ плѣнъ въ битвѣ съ албанцами?—спросилъ Помпей.

— Именно... Она вмѣсто дочери Митридата Клеопатры вела въ битву когорту амазонокъ и, будучи ранена, попала въ плѣнъ.

— Такъ она—моя добыча,—сказалъ Помпей,—и въ Римѣ она должна будетъ, вмѣстѣ съ другими знатными плѣнными, слѣдовать за моей тріумфальной колесницей.

Корабли между тѣмъ плавно разсѣкали бирюзовую поверхность Гирканскаго моря. Слѣва высились, уходя въ небо, снѣжные конусы исполиновъ Кавказа, справа—безконечная синева невѣдомаго дотолѣ Риму моря, о которомъ римляне имѣли самое смутное представленіе.

Сидя на возвышенной палубѣ корабля, Ауфидій мечтательно созерцалъ то далекія, подернутыя дымкою горы, то гладкое, какъ зеркало, безбрежное море.

— Я теперь какъ будто переживаю то, что когда-то съ захватывающимъ интересомъ читалъ въ молодости,—говорилъ онъ въ волненіи.—О Прометеѣ у Гезіода и въ его Ἔργα καὶ ἡμέραι и въ его Θεογονία... А Προμηθεὺς δεσμώτης Эсхила!—сколько мощи!

Сервилій, замѣтивъ на сѣверо-востокѣ полосу земли, далеко выступавшую въ море, распорядился взять курсъ много правѣе. Это было вблизи нынѣшняго Апшеронскаго полуострова. Корабли римлянъ шли въ это время такъ близко отъ берега, что съ палубъ ихъ виденъ былъ отчетливо какой-то городъ, расположенный террасами на берегу моря, и виднѣлись даже люди.

[1]) Съ этимъ шаромъ въ лѣвой рукѣ впослѣдствіи Помпей былъ воспроизведенъ въ превосходной статуѣ, которая и находилась въ римскомъ сенатѣ. Къ подножію этой статуи и палъ Цезарь, поражаемый мечами Брута и другихъ заговорщиковъ.

— Повидимому это не албанцы,—замѣтилъ Помпей, всматриваясь въ даль:—на этихъ совсѣмъ другое одѣяніе.

— Это не катанны ли, о которыхъ говоритъ Гекатей, что они живутъ у Гирканскаго моря.—предположилъ Ауфидій [1]).

— Можетъ быть,—согласился Помпей.—Да и городъ не похожъ на городъ «варваровъ».

Онъ, повидимому, вспомнивъ что-то, пошелъ въ свою каюту, и вынесъ оттуда какой-то чертежъ.

— Что это?—спросилъ Ауфидій.

— Карта Эратосоена—orbis terrarum secundum Eratosthenem.—отвѣчалъ Помпей, показывая карту Ауфидію. Тутъ, какъ видишь, mare Hircanum прямо соединяется съ Oceanus Arcticus, а вотъ выше—островъ Thule.

— Эратосоенъ былъ порядочный неучъ!—горячо возразилъ Ауфидій.—Онъ даже Геродота не читалъ,—и туда же! —издастъ Orbem Terrarum!—Геродотъ прямо говоритъ, что ἡ Ὑρκανία θάλασσα стоитъ отдѣльно отъ другихъ морей и не имѣетъ сообщенія съ океанами, между тѣмъ какъ тѣ моря, по которымъ плаваютъ эллины, какъ Атлантическое — ἡ Ἀτλαντίς — что за Геркулесовыми столбами, и Красное море — ἡ ἐρυθρή—имѣютъ сообщеніе съ океанами. Гирканское же совершенно отдѣлено отъ нихъ. Геродотъ говоритъ даже, что длину его измѣряютъ въ пятнадцать дней плаванія на веслахъ, а ширину въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно самое широкое — въ восемь дней плаванія [2]).

— Дѣйствительно, по этой картѣ я самъ вижу, что Эратосоенъ былъ совершенный невѣжда, хотя и жилъ послѣ Геродота болѣе чѣмъ на 280 лѣтъ, — согласился Помпей.—А городъ все еще виднѣется вдали,—сказалъ онъ, оглядываясь назадъ.

— Это, должно быть, городъ Бадъ-Кудъ [3]), что по-персидски значитъ «ударъ вѣтра»,—пояснилъ всезнающій Ауфидій.

— Да вѣтеръ, кажется, и начинается,—замѣтилъ Сервилій, всматриваясь на сѣверо-востокъ.

— Да и мудрѣйшій Аристотель, учитель Александра Македонскаго, былъ такой же невѣжда въ географіи, какъ и болванъ Эратосоенъ.—продолжалъ ворчать Ауфидій.—Въ своихъ Meteorologica [4]) онъ утверждаетъ, будто Гирканское и

---

[1]) Гекатей—κατανvοί.
[2]) Геродотъ, I, 202—203.
[3]) Нынѣ городъ Баку.
[4]) Аристотеля „Meteorologica", II, гл. 2, 1.

Каспійское моря — *ἡ Ὑρκανία καὶ Κασπία θάλασσα* — совершенно отдѣльныя моря, и что берега ихъ кругомъ заселены... Можетъ быть, послѣднее и вѣрно, но...

Строгій ученый не кончилъ. Порывомъ вѣтра такъ колыхнуло корабль, что критикъ Аристотеля едва не свалился въ море, и упалъ бы навѣрное, если бъ его хилое, слабое тѣло не поддержалъ Помпей.

Между тѣмъ, вѣтеръ крѣпчалъ. Море изъ бирюзоваго превратилось въ свинцовое. Волны, какъ горы, съ сѣдыми гривами на хребтахъ, яростно ревѣли, неистово трепля корабли, то вскидывая ихъ на вершины водяныхъ горъ, то бросая въ пропасть.

Но опытные кормчіе и испытанные въ морскихъ буряхъ гребцы мужественно боролись съ неистовавшимъ Посейдономъ.

Только неумолимый судья Эратосѳена и Аристотеля, слабый тѣломъ Ауфидій заболѣлъ, тщетно взывая къ милости боговъ, и обѣщая богатыя жертвы и Посейдону-Нептуну, и свирѣпому Борею, сыну Астрея и Авроры.

Всю ночь бушевали стихіи, и только къ утру буря улеглась, и море опять изъ свинцоваго и чернаго превратилось въ бирюзовое и ласковое.

XXVII.

Снова потянулись слѣва горные хребты, которыхъ ночью не было видно, а теперь, съ утра, они такъ и горѣли на солнцѣ, и искрились снѣжными вершинами. Всѣ снова оживились.

Выползъ изъ каюты и Ауфидій, поблѣднѣвшій и пожелтѣвшій, но радостный: боги услышали его моленія.

Помпей, желая дать роздыхъ воинамъ, которые половину прошлаго дня и всю ночь мужественно боролись съ бушевавшимъ моремъ, и совсѣмъ не спали, велѣлъ кораблямъ, по совѣту Сервилія, пристать къ берегу.

Воспользовавшись этимъ, нѣкоторые центуріоны, которые были свободны ночью отъ работъ, и потому не были утомлены, сошли на берегъ, чтобы поохотиться въ незнакомой странѣ на звѣрей и птицъ.

Охота ихъ увѣнчалась блистательнымъ успѣхомъ. Они принесли нѣсколько убитыхъ фазановъ, бѣлую, совершенно безъ роговъ, козу и при томъ тупоносую, нѣсколько неиз-

вѣстныхъ римлянамъ птицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя величиною съ самаго большого пѣтуха, съ пестрыми и яркими перьями, а другія—крупнѣе самаго большого гуся, у коихъ ноги какъ у журавля, спина совершенно чистаго алаго цвѣта, брюхо зелёное и бѣлая шея, съ разбросанными по ней крапинами шафрановаго цвѣта—длиною не менѣе двухъ локтей, а голова маленькая, продолговатая и чорный клювъ.

— Кричитъ эта диковинная птица, какъ лягушка,—говорилъ убившій ее копьемъ центуріонъ, показывая свою добычу Сервилію.

— Да и эта — тоже чудная птица, — говорилъ другой центуріонъ: — когда летитъ, то вытягиваетъ ноги къ шеѣ, точно хочетъ поднять себя ногами—чудная! А летаетъ плохо, и кричитъ такъ смѣшно, точно собачка лаетъ.

— А эта кричитъ, какъ коза, — показывали охотники и третью птицу, величиною съ гуся, съ плоскою маленькою головой, съ длинными ногами, съ блестящею пурпуроваго цвѣта спиною, съ бѣлыми головою и шеей, а нижняя часть тѣла — красиваго алаго цвѣта.

— Но какія чудеса мы тамъ видѣли! — заговорилъ четвертый охотникъ къ своимъ слушателямъ. — Вообразите! — видимъ мы—пасется въ травѣ драхва... Откуда ни возьмись лисица, возьми да и присядь въ травѣ, и подняла, подлая, изъ травы хвостъ—точь-въ-точь шея драхвы!—Глупая птица возьми да и пойди къ хвосту—думаетъ, свой братъ, драхва!.. —А та, подлая, цапъ ее—и потащила!—Я въ нее копьемъ! —и уложилъ обѣихъ на мѣстѣ.

— Это что!—вмѣшался еще одинъ центуріонъ. — Вотъ мы съ Терціемъ Яктусомъ подходимъ тихонько къ рѣкѣ и видимъ—черезъ рѣку движется какая-то живая цѣпь—ни то огромная во всю ширину рѣки змѣя, ни то — боги вѣдаютъ что! — Подбѣгаемъ ближе и видимъ — это мыши! Представьте себѣ!—эти маленькіе, юркіе звѣрушки, уцѣпившись, каждая, зубками за каждую переднюю—за хвостъ—и катаютъ черезъ рѣку!—А рѣка горная, быстрая [1]).

Послѣ достаточнаго отдохновенія римляне продолжали путь прямо на сѣверъ, и плыли день и ночь.

По ночамъ Помпей и Сервилій, не зная, конечно, упо-

[1]) Это явленіе, какъ и все предыдущее, подтверждаетъ впослѣдствіи Эліанъ въ своемъ сочиненіи—„De natura animalium", VI, 24; VII, 17, 33—34, 38.

требленія компаса, направляли свой путь, сообразуясь съ положеніемъ на небѣ созвѣздія Оріона [1]).

— Вотъ Оріонъ, — разсуждалъ Ауфидій, любившій пофилософствовать, — хоть и не былъ богомъ, а только искуснымъ охотникомъ, за что Зевсъ и взялъ его на небо... Хоть онъ и не богъ, а все же помогаетъ смертнымъ, особенно мореплавателямъ.

Помпей лукаво улыбнулся, подмигнувъ Квинту Теофану

— Боюсь я, какъ бы Зевсъ не лишилъ насъ лучшихъ центуріоновъ, — сказалъ онъ.

— Какихъ? — за что? — удивился Ауфидій.

— А тѣхъ, что сегодня, подобно Оріону, искусно охотились.

— Не смѣйся надъ божествомъ, смертный! — строго замѣтилъ наставникъ Помпея.

На пятый день плаванія, горы, громадами возвышавшіяся слѣва, отошли, наконецъ, въ дымчатую даль, и римляне скоро приблизились къ устью какой-то многоводной рѣки.

— Это, должно быть, рѣка Алонтасъ, — сказалъ онъ Сервилію.

— Почему ты это думаешь? — спросилъ Сервилій.

— Оройзъ, царь албанцевъ, говорилъ мнѣ, что къ сѣверу отъ Кавказа впадаетъ въ Гирканское море большая рѣка, которая питается вѣчными снѣгами самой высокой горы всего Кавказа.

Это и былъ нынѣшній Терекъ.

— Здѣсь, у устьевъ Алонтаса, я и оставлю тебя съ флотомъ, — сказалъ Помпей, — а я съ легіонами двинусь равнинами, вдоль всего Кавказа, къ Меотійскому морю, собственно къ выходу его въ Понтъ Эвксинскій — громить Фанагорію. Этимъ только я и могу заманить въ свои тенета страшнаго шакала Востока — Митридата.

— Мнѣ объ этомъ пути разсказывали въ Артаксатѣ армянскіе купцы, — заговорилъ Ауфидій. — Я разспрашивалъ ихъ о томъ, что находится сѣвернѣе Кавказа, и они сказали, что тамъ безконечная равнина до самаго Меотійскаго моря и до рѣки Танаиса. Тамъ, на берегу Гиркнаскаго моря живетъ народъ аорсы — народъ не воинственный, но занимающійся перевозкою товаровъ на верблюдахъ вплоть до Фанагоріи. А товары эти привозятся изъ самой Индіи къ тому берегу этого

---

[1]) Флоръ „Bellum Mithridaticum". I, XXXVIII, 65.

моря, гдѣ обитаютъ массагеты. Потомъ товары эти переправляются на корабляхъ сюда, къ аорсамъ, а ужъ аорсы, подрядившись и условившись съ индійскими и армянскими купцами, вьючатъ товары на своихъ верблюдовъ и везутъ прямо въ Фанагорію.

Въ это время на горизонтѣ показалось парусное судно. Оно держало курсъ, повидимому, нѣсколько сѣвернѣе устьевъ Алонтаса, гдѣ причалилъ римскій флотъ, и плыло отъ восточнаго берега Гирканскаго моря.

Но что это?—Оно вдругъ спустило паруса и, перемѣнивъ курсъ, на веслахъ торопливо направилось назадъ.

— Клянусь богами—они испугались насъ,—сказалъ Сервилій.

— На весла! — въ погоню! — скомандовалъ Помпей, не отрывая глазъ отъ убѣгавшаго судна.

Быстро закипѣла работа. Корабль Помпея летѣлъ, какъ птица—гребцы не жалѣли своихъ силъ.

Черезъ полчаса корабль Помпея настигъ убѣгавшее судно.

— Остановитесь! — крикнулъ Сервилій. — Кто вы?

— Не бойтесь—мы не разбойники—остановитесь!—громко закричалъ и Помпей.

Судно остановилось; гребцы подняли весла. Помпею показалось, что двое, повидимому хозяева — армяне по облику.

— Вы армяне?—спросилъ Помпей.

— Да... Мы подданные царя Тиграна, его рабы,—отвѣчали съ судна.

— Такъ благодарите боговъ вашей страны:—царь Арменіи, Тигранъ — мой союзникъ и другъ, — сказалъ Помпей.— Откуда вы и куда направляетесь?

— Мы изъ Индіи, съ товарами, и держимъ путь черезъ пустыню къ Фанагоріи.

— Такъ снова благодарите боговъ:—и я съ войскомъ иду къ Фанагоріи... Вы мнѣ покажете путь, а я въ пути буду оберегать васъ и ваши товары отъ хищныхъ варваровъ... Давно вы изъ Артакеаты?

— Мы изъ Тиграноцерты,—и вотъ уже двадцать четыре раза дневное свѣтило мѣняло свой ходъ то на лѣто, то на зиму.

— Два года, значитъ?

— Два года, господинъ... А кто ты самъ, смѣемъ униженно спросить.

— Я римлянинъ, вождь Рима и другъ вашего царя.

— Боги милостивы къ намъ... Слава богамъ!—И армяне подняли руки къ небу.—Дающіе жизнь и смерть, радости и казни, великіе боги Ваалъ-Молохъ и Астарта благополучно провели насъ чрезъ непроходимыя горы, чрезъ всѣ ужасы пустыни и песчаные океаны, и послали намъ тебя, друга царя нашего — да живетъ онъ вѣчно!

— Слѣдуйте же за моимъ кораблемъ,—сказалъ Помпей.

— Кормчій, обратно руль, — приказалъ Сервилій. — Мочите весла, воины гребцы.

— Благодареніе богамъ! — набожно возвелъ Ауфидій глаза къ небу. — Они видимо сопутствуютъ намъ.

И корабль Помпея, и судно армянскихъ купцовъ направились къ римскому флоту.

Д. Мордовцевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Китайская императрица-регентша Си-Тай-Гэу.

Китай привлекаетъ взгляды всей Европы въ настоящее время, и среди личностей, руководящихъ судьбами этого громаднаго государства, первенствующее мѣсто принадлежитъ императрицѣ Си-Тай-Гэу,—китайской Семирамидѣ, какъ ее теперь называютъ.

.Біографія этой энергичной женщины, произведшей уже три государственныхъ переворота, весьма замѣчательна. Си-Тай-Геу была дочерью небогатаго дворянина монгольскаго происхожденія. Она родилась въ ноябрѣ 1834 года и попала въ гаремъ богдыхана въ качествѣ супруги низшаго разряда, попросту, наложницы. Но она была чрезвычайно красива, отличалась стройностью и особенной привлекательностью своихъ карихъ глазъ. Видѣвшіе ее находили ее положительно красавицей; но, сверхъ того, Си-Тай-Геу выдѣлялась своимъ образованіемъ изъ числа своихъ сверстницъ и обладала умѣньемъ привлекать на себя вниманіе, „какою-то особою обворожительною вкрадчивостью“, по словамъ всѣхъ.

По смерти Тао-Коанга (1850), на престолъ вступилъ его старшій сынъ Гіэнъ-Фонгъ. Законной супругой его, настоящей императрицей, была Тонгъ-Тай-Геу, но, сверхъ такой главной жены, мать царствующаго богдыхана, выбираетъ ему еще цѣлый гаремъ изъ дѣвицъ менѣе знатныхъ фамилій; эти затворницы живутъ въ красивыхъ павильонахъ, разсѣянныхъ въ роскошномъ дворцовомъ саду, проводя время въ изящныхъ рукодѣльяхъ, разведеніи цвѣтовъ и тому подобныхъ мелкихъ забавахъ. Нѣкоторыя рисуютъ, сочиняютъ стишки, но охотнѣе всего посѣщаютъ другъ друга и занимаются дворцовыми сплетнями, касаясь и государственныхъ интересовъ, — хотя такое вмѣшательство въ политическія внутреннія или внѣшнія дѣла строго преслѣдуется и подвергаетъ виновныхъ разжалованію изъ высшаго разряда наложницъ въ нижайшій.

Но Си-Тай-Геу, несмотря на все свое честолюбіе, не нуждалась въ интригахъ для своего возвышенія. Ей помогла счастливая случайность. Императрица оставалась все еще безплодною и къ концу того пятилѣтняго срока, который, по закону, отводится императорамъ для рожденія сына. Она потеряла уже всякую надежду имѣть дѣтей; между тѣмъ, у Си-Тай-Геу родился мальчикъ. Богдыханъ былъ въ восторгѣ и осыпалъ щедротами счастливую мать. Ей дали оффиціально другое имя: *Тсе-Ги*, что значитъ: *Милостивая благодѣтельница.* Согласно обычаю, ей былъ предоставленъ особый дворецъ и она стала почти равною настоящей императрицѣ.

Чтобы понять такое положеніе вещей, надо знать основныя правила китайскаго ученія. Имѣть сына — не только счастіе для китайца, но и его первѣйшая обязанность. Конфуцій гласитъ: „Сыновнее почтеніе — основа всякой добродѣтели. Ей ставятъ препятствіе три преступленія: величайшее изъ нихъ неимѣніе потомства". Эти слова „премудраго" составляютъ коренной догматъ для правовѣрнаго китайца и человѣкъ, не имѣющій сыновей, считаетъ себя несчастнѣйшимъ, погибшимъ, виновнымъ передъ закономъ и даже передъ предками, которыхъ онъ лишаетъ въ будущемъ почестей, воздаваемыхъ потомками прародителямъ. Такимъ образомъ, бездѣтность — это позоръ, несчастіе, недостатокъ почтенія къ семейному принципу, отсутствіе перваго условія для добродѣтельнаго житія. По этой же причинѣ, женщина, крайне приниженная въ семьѣ, безправная какъ жена и дочь, переходитъ разомъ на болѣе высокую степень, родивъ сына, и пріобрѣтаетъ голосъ въ домашнихъ дѣлахъ.

При господствѣ такихъ идей, не только во дворцѣ, но во всемъ государствѣ, нѣтъ никакого основанія приписывать возвышеніе Си-Тай-Геу особымъ ея интригамъ, говоритъ Луи Кольдръ, долго жившій въ Китаѣ. Рожденіе наслѣдника престола было встрѣчено повсюду съ восторгомъ, потому что сопровождалось различными милостями правительства. Но если Си-Тай-Геу или Тсэ-Ги, какъ ее иначе зовутъ, достигла своего высокаго положенія не происками, то она съумѣла отлично воспользоваться имъ для своихъ честолюбивыхъ цѣлей.

---

*) Миссіонеръ Кольдръ, изъ статьи котораго заимствуются всѣ послѣдующія подробности о дѣйствіяхъ вдовствующей китайской императрицы, приводитъ указъ, которымъ двѣ наложницы переводились изъ третьяго разряда въ пятый за такое вмѣшательство.

Согласно фамильнымъ законамъ, сынъ императора и Тсэ-Ги становился тоже сыномъ безплодной Тонгъ-Тай-Геу. Пріемнымъ матерямъ нѣтъ причинъ противиться такому обычаю, потому что онъ выдвигаетъ и ихъ, предоставляетъ имъ всѣ права, какъ и дѣйствительной матери царственнаго младенца. Къ тому же, Тонгъ-Тай-Геу была женщина благоразумная, ссоръ не любила; она съумѣла сохранить во дворцѣ миръ и согласіе, поддерживая свой авторитетъ гдѣ было нужно, но предоставляя инищіативу во всемъ своей подругѣ, болѣе предпріимчивой, страстной и дорожившей внѣшними проявленіями власти...

Послѣдовавшіе затѣмъ года были крайне тяжелыми для царствующей династіи. Ей угрожали тайпинги; союзные англо-французскія войска одерживали побѣды, одну за другой, надъ китайцами. Наконецъ былъ взятъ и Пекинъ. То былъ какъ бы громовой ударъ, нарушившій безмятежный сонъ, въ которомъ покоились Сыны Неба, воображавшіе себя міровыми владыками. Наступило общее смятеніе; всѣ видѣли не только реальную картину бѣдствія, но нѣчто большее, фантастичное, нарушавшее порядокъ вселенной...

Тсэ-Ги выказала большую твердость среди этой общей растерянности. Говорятъ, что она противилась бѣгству императорскаго двора въ Манджурію при примиреніи союзныхъ войскъ (октябрь 1860). И потомъ, она постоянно совѣтовала императору возвратиться въ Пекинъ ради защиты государственныхъ и личныхъ своихъ династическихъ интересовъ. Но ся мнѣніе не восторжествовало и ей пришлось оставаться съ дворомъ въ Гэ-Голѣ, гдѣ вокругъ нея группировались „противники“ старой „партіи“, которая, съ принцемъ Уэномъ и министромъ Суиномъ во главѣ, гордо провозглашала старинный китайскій принципъ: отражать бѣлыхъ дьяволовъ (иностранцевъ) всякимъ оружіемъ,—„ложью, обманомъ, вѣроломствомъ, недопущеніемъ въ государство“.

Братъ императора, принцъ Конгъ, былъ оставленъ въ Пекинѣ для переговоровъ съ европейцами. Это былъ человѣкъ проницательный и осуждавшій нечестные извороты китайскихъ властей, накликавшіе непріятельское нашествіе на столицу и позорное пораженіе императорскихъ войскъ. По его мнѣнію, было всего разумнѣе склониться теперь передъ силою, завязать правильное сношеніе съ державами и тѣмъ оградить независимость Китая. Надо было идти на добровольныя уступки,— потому что онѣ могли стать и вынужденными...

7*

Тсэ-Ги дѣятельно поддерживала своего деверя противъ происковъ старой партіи, которая старалась овладѣть умомъ императора, обвиняя Конга въ томъ, что онъ предаетъ Китай въ руки враговъ. Гіенъ-Фонгъ не отличался ни умомъ, ни характеромъ, а послѣднія печальныя событія совершенно ослабили его волю. Онъ колебался между двумя противоположными направленіями, то подчиняясь вліянію своей любимицы,—благодаря чему былъ созданъ Цунгъ-Ли-Яменъ съ предсѣдательствомъ въ немъ принца Конга (1861 г.),—то повинуясь вновь желаніямъ старой партіи. Онъ скончался въ Гэ-Голѣ, въ августѣ 1861 г., оставя завѣщаніе, дававшее перевѣсъ въ регентствѣ именно ретроградамъ: наслѣдникомъ престола, еще при жизни своей, онъ призналъ сына своего, подъ именемъ Тонгъ-Чи; но этому владыкѣ 400 милліоновъ подданыхъ было еще лишь шесть лѣтъ и потому назначалось регентство, во главѣ котораго былъ принцъ Чэнъ, а сочленами его состояли министръ Суинъ и другіе приверженцы старой партіи. Обѣ императрицы были регентшами лишь номинально: имъ предоставлялось одно непосредственное попеченіе объ императорѣ—ребенкѣ, а вся власть была въ рукахъ верховнаго совѣта.

Но прошло три мѣсяца, и все измѣнилось: во главѣ правительства были императрицы и принцъ Конгъ. Что же случилось? По мѣстнымъ слухамъ, подтвердившимся впослѣдствіи самими фактами, произошло слѣдующее: старая партія подготовляла низверженіе династіи Чинговъ; съ этою цѣлью она старалась нарушать, по возможности, всѣ договоры, заключенные съ европейцами, послѣдствіемъ чего долженъ былъ наступить разрывъ съ этими послѣдними, которымъ, между тѣмъ, было бы внушено стороною, что, при господствѣ другой, національной династіи, дѣла пошли бы правильнѣе и честнѣе; надо было заручиться въ особенности благосклонностью Англіи, которая издавна уже склонялась въ пользу тайпинговъ, и тогда вызвать переворотъ и возвести на престолъ китайскую династію. Достигнувъ успѣха, можно уже было обморочить «бѣлыхъ дьяволовъ» и выжить ихъ изъ Китая. Мысль о возможныхъ препятствіяхъ, о страшной опасности для страны не могла остановить партію, въ которой главенствовали личности ограниченныя, исполненныя тупѣйшаго самомнѣнія, убѣжденныя въ превосходствѣ «Небесной Имперіи» надъ цѣлымъ свѣтомъ.

Но подобный заговоръ не могъ оставаться тайною долгое время, и слухи о немъ дошли до принца Конга, все еще остававшагося президентомъ Цунгъ-Ли-Ямена. Конгъ былъ преданнымъ другомъ и довѣреннымъ лицомъ Тсэ-Ги. Злые языки говорили, что дружба эта не ограничивалась одними политическими бесѣдами. Существованіе любовной связи между пылкой двадцатисемилѣтней красавицей и молодымъ принцемъ было очень правдоподобно, но оно придавало тѣмъ большую силу намѣренію Тсэ-Ги уничтожить тѣхъ, кто угрожалъ династіи. Она пустила въ ходъ всю свою хитрость, свою обворожительность, изворотливость, для того чтобы привлечь на свою сторону вліятельнѣйшихъ мандариновъ и главнѣйшихъ военно-начальниковъ: Тсэнъ-Куэ-Фана, Тсо-Тсонгъ-Танга и Ли-Хунъ-Чанга.

Расправа произошла съ поразительной быстротою. Регенты отвезли останки почившаго Гіенъ-Фонга въ родовую усыпальницу Чанговъ, находящуюся внѣ Пекина. Прежде, нежели они успѣли вернуться, они были схвачены и немедленно казнены (ноябрь 1861). Главнѣйшіе приверженцы ихъ въ Пекинѣ подверглись той же участи, затѣмъ появился императорскій декретъ, скрѣпленный Конгомъ, съ объявленіемъ о томъ, что регенты дерзнули не исполнить установленныхъ похоронныхъ обрядовъ при погребеніи императора,—что было страшнымъ кощунствомъ, доказывавшимъ, на сколько эти правители могли нарушать постановленія менѣе священныя, но, тѣмъ не менѣе, необходимыя для блага народа. Въ силу этого, императоръ осуждалъ виновныхъ на казнь, соразмѣрную съ ихъ беззаконіемъ. Несчастные узнали все это, находясь уже на томъ свѣтѣ... Остался не обезглавленымъ одинъ только принцъ Чэнъ, какъ членъ императорской фамиліи, но ему былъ преподнесенъ подарокъ: *золотые листики*, съ настойчивымъ приглашеніемъ проглотить ихъ немедленно. Онъ повиновался и отравился вслѣдъ за своими приверженцами. Въ тотъ же день вышелъ второй декретъ, вручавшій власть тѣмъ, которые его и составили: Императрица Тонгъ-Тай-Геу назначалась регентшей; Тсэ-Ги со-регентшей; принцъ Конгъ президентомъ Верховнаго Совѣта или имперскимъ канцлеромъ. Дворцовая жизнь потекла своимъ порядкомъ, и принесенные въ жертву были забыты.

Надо отдать справедливость Тсэ-Ги, говоритъ патеръ Кольдръ. Она воспользовалась завоеванной властью весьма

разсудительно, не злоупотребляя ею. При своемъ безспорномъ вліяніи на принца Конга, она была душою Верховнаго Совѣта, но привлекла къ дѣламъ и другихъ даровитыхъ людей, между прочими Уэнъ-Сіанга, человѣка умнаго и пользовавшагося большимъ уваженіемъ среди европейцевъ, проживавшихъ въ Пекинѣ. Въ нѣсколько лѣтъ, регенты успѣли успокоить страну, подавивъ возстаніе тайпинговъ, допустивъ для этой цѣли сформированіе полуевропейскихъ отрядовъ: Ли-Хунгъ-Чангъ командовалъ своимъ совмѣстно съ Гордономъ, Тсо-Тсонгъ-Тангъ съ Просперомъ Гикель. Для усмиренія морскихъ пиратовъ была отряжена, въ видѣ опыта, европейская флотилія подъ начальствомъ Осборна (1862), но дѣло остановилось на этомъ, потому что англичане захотѣли воспользоваться случаемъ и навязать китайцамъ въ адмиралы британца съ англійскою эскадрой, вмѣсто китайской, какъ того желали въ Пекинѣ [1]).

Вскорѣ (1866) регентша одобрила планъ Тсо-Тсонгъ-Танга, предложившаго построить въ Фу-Чу свой, китайскій, арсеналъ, директоромъ котораго былъ назначенъ Гикель. Словомъ, она шла навстрѣчу прогрессу и, несмотря на сопротивленіе мандариновъ, подтверждала многими указами уваженіе къ свободѣ совѣсти и къ проповѣдничеству миссіонеровъ. Въ дипломатическомъ отношеніи Тсэ-Ги позволила себѣ неслыханное нововведеніе: всякій знатный китаецъ, покидающій территорію своего отечества, рисковалъ своей головою, а смѣлая регентша отправила въ Европу троихъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, аккредитовавъ ихъ при одинадцати кабинетахъ (1868).

Изъ этого краткаго очерка, говоритъ Кольдръ, явствуетъ достаточно, что Тсэ-Ги не противилась европейскому прогрессу, хотя не была расположена къ иностранцамъ, не хотѣла допускать ихъ до эксплуатированія Китая, предчувствуя ихъ территоріальные захваты. Исторія отдаетъ справедливость этой женщинѣ въ томъ, что она не безъосновательно желала выиграть время для того, чтобы доставить китайцамъ возможность сдѣлать самимъ успѣхи на пути прогресса. Она не переставала призывать въ Совѣтъ людей съ выдающимися способностями: Тсэнъ-Куэ-Фана въ 1865 г., Ли-Хунгъ-Чанга

[1]) Англичане отистили за такой отказъ тѣмъ, что не уступили китайцамъ уже вполнѣ снаряженнаго флота, предпочтя лучше распустить экипажъ и, возвратить полученныя за заказы деньги, хотя это заставило ихъ потерять громадныя суммы. Тсэ-Ги была такъ возмущена этимъ, что едва не отняла управленіе таможнями у ихъ организатора, англичанина Лай.

въ 1868. Этотъ послѣдній пробылъ, однако, въ Пекинѣ недолго. Принцъ Конгъ, чуя въ немъ соперника, съумѣлъ удалять его съ разными порученіями въ отдаленныя провинціи.

Если вѣрить скандальной дворцовой хроникѣ, то красавица-регентша не довольствовалась однимъ Конгомъ, но мѣняла часто своихъ фаворитовъ, не пренебрегая и евнухами въ порывахъ своей пылкой или утонченой страсти. Ходили тоже слухи о томъ, что она была на столько хитра, что ввела къ себѣ во дворецъ, подъ видомъ евнуха, вовсе не искалѣченаго любовника. Всѣ эти разсказы страдаютъ преувеличеніемъ, по всей вѣроятности, уже по одному тому, что дворцовый этикетъ самъ по себѣ мѣшаетъ открытому разврату. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Тсэ-Ги, при своемъ крайнемъ честолюбіи, не затруднялась пользоваться своею обворожительностью для привлеченія себѣ нужныхъ сторонниковъ, и выбирала своихъ фаворитовъ между людьми, полезными ей въ ту или другую минуту, удовлетворяя, съ тѣмъ вмѣстѣ, и требованіямъ своего пылкаго темперамента. Избранники ея, съ своей стороны, считали для себя счастіемъ достигать одновременно и почестей, и любви своей повелительницы. Но смѣняемые любимцы не могли оставаться хладнокровными зрителями чужихъ побѣдъ. Принцъ Конгъ, при охлажденіи къ нему императрицы, встрѣтилъ сначала соперника въ лицѣ главы евнуховъ, отъ котораго избавился убійствомъ. Послѣ того игралъ роль одинъ родственникъ министра Тсэнъ-Куэ-Фана, затѣмъ младшій братъ Конга, принцъ Чуэнъ, и, наконецъ, Ли-Хунгъ-Чангъ, котораго Конгъ успѣвалъ удалять, какъ сказано выше, но страшная тіензинская рѣзня (1870) заставила правительство вызвать его обратно для усмиренія мятежа. Ли-Хунгъ-Чангъ былъ назначенъ Печелійскимъ губернаторомъ, и его значеніе при дворѣ стало быстро возростать съ этой поры.

Въ 1873 г., молодой императоръ Тонгъ-Чи достигъ совершеннолѣтія и вступилъ въ бракъ, съ чѣмъ вмѣстѣ вліяніе обѣихъ императрицъ-регентшъ, въ особенности Тсэ-Ги, его матери, къ которой онъ повидимому, никогда не былъ привязанъ, стало ничтожнымъ. Онъ окружилъ себя новыми совѣтниками и воздавалъ особыя почести своей супругѣ А-Лу-Тэ, какъ-бы съ цѣлью досаждать матери, опека которой надъ нимъ во время регентства его тяготила. Но униженіе Тсэ-Ги было непродолжительно. Тонгъ-Чи, благодаря своей, почти

съ самаго дѣтства, развратной жизни, давно уже подорвалъ свое здоровье и погубилъ его окончательно, ставъ неограниченнымъ властелиномъ. Вскорѣ (январь 1875), по городу разнеслась вѣсть о его смерти и о томъ, что онъ назначилъ себѣ наслѣдниковъ.

Слухъ о томъ, что Тсэ-Ги отравила своего сына, едва ли правдоподобенъ, не смотря на отрицательныя стороны ея характера. Тонгъ-Чи былъ уже едва живъ; зачѣмъ было ей ускорять его смерть? говоритъ патеръ Кольдръ, объясняя и самоубійство бѣдной А-Лу-Тэ (проглотившей «золотые листки» передъ своимъ разрѣшеніемъ отъ бремени) слабохарактерностью молодой вдовы, не выдержавшей мысли о томъ, что и она заразилась отъ мужа страшнымъ недугомъ и должна влачить жалкое, болѣзненное существованіе... Насколько все это вѣрно, трудно судить, но не подлежитъ сомнѣнію то, что сама Тсэ-Ги назначила преемника своему сыну. Вотъ что разсказывали лица, стоявшія близко къ высшимъ дворцовымъ сановникамъ:

Видя упадокъ силъ больного императора, Тсэ-Ги, во имя своихъ материнскихъ правъ, заняла мѣсто у его изголовья, удалила всѣхъ подозрительныхъ ей приближенныхъ и отклоняла отъ умиравшаго всякую мысль о близости смерти, съ той цѣлью, чтобы онъ не подумалъ самъ назначить себѣ наслѣдника. Наступаютъ, наконецъ, послѣднія минуты; Тонгъ-Чи произноситъ лишь невнятныя слова въ отвѣтъ на вопросы; едва ли даже онъ слышитъ ихъ. Тогда императрица-мать приказываетъ ударить въ гонгъ для призыва принцевъ и важнѣйшихъ чиновъ. Возлѣ одра отходящаго императора (не усопшаго ли уже? это осталось загадкою) стоитъ секретарь и читаетъ династическое завѣщаніе, по которому Тонгъ-Чи назначаетъ своимъ преемникомъ трехлѣтняго ребенка, сына своего дяди, принца Чуэна. Черезъ нѣсколько минутъ, императоръ признанъ почившимъ. Надо скорѣе провозгласить новаго, при которомъ, въ силу того же завѣщанія, обѣ вдовствующія императрицы назначаются регентшами. Нѣсколько евнуховъ бѣгутъ во дворецъ принца Чуэна за царственнымъ младенцемъ, котораго приносятъ въ тронную залу при звукѣ трубъ, литавръ и пушечной пальбѣ. Обѣ императрицы стоятъ по сторонамъ трона, на который усаживаютъ испуганнаго, плачущаго ребенка, и онъ принимаетъ поклоненіе отъ высшихъ лицъ въ государствѣ...

Этотъ дворцовый переворотъ, совершенный умѣлою рукою, доказываетъ находчивость и смѣлость императрицы. Онъ предоставлялъ ей фактическую власть еще на четырнадцать лѣтъ. И она распорядилась ею благоразумно: не казнила никого, но только отставила или удалила въ провинціи сторонниковъ покойнаго императора, людей почти поголовно бездарныхъ и осыпанныхъ слишкомъ щедро его милостями.

Собственно выборъ наслѣдника былъ сдѣланъ неправильно, и Тсэ-Ги нарушила, въ этомъ случаѣ, фамильный законъ. Богдыханъ имѣетъ, дѣйствительно, право выбирать себѣ преемника между своими сыновьями или другими родственниками, но онъ долженъ назначать *старѣйшаго* и, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, напр., при недостойномъ поведеніи такого лица, можетъ отдать преимущество младшему, болѣе заслуживающему чести. Не имѣя прямого потомка, императоръ выбираетъ кого-либо изъ своихъ братьевъ или другихъ близкихъ родственниковъ, но непремѣнно по старшинству, измѣняя этому правилу, какъ указано выше, лишь по крайне важнымъ причинамъ,—которыхъ въ данномъ случаѣ не было. Отецъ нынѣшняго китайскаго императора Коангъ-Су, принцъ Чуэнъ, былъ седьмымъ братомъ покойнаго Гіэнъ-Фонга (мужа Тсэ-Ги), и между нимъ и этимъ послѣднимъ были семьи болѣе старшихъ принцевъ Тоана и Конга (остальные братья не имѣли мужского потомства). Но императрица обошла сыновей принца Тоана подъ предлогомъ его собственной бездарности, а сыновей принца Конга, бывшаго перваго министра, потому что онъ былъ нуженъ въ совѣтѣ. Чтобы понять эту послѣднюю причину, надо узнать, что отецъ царствующаго императора обязанъ удалиться изъ дворца и вести жизнь частнаго человѣка. Это странное правило порождено столкновеніемъ формальностей китайскаго ритуала почтительности: всѣ должны падать ницъ передъ Сыномъ неба; какъ же будетъ держать себя отецъ императора, живя во дворцѣ или являясь туда по какому либо дѣлу? Падая ницъ, онъ нарушитъ родительское достоинство; не дѣлая этого, оскорбитъ величіе императорскаго сана. Поэтому отецъ императора живетъ внѣ стѣнъ дворца и не занимаетъ никакой должности, обязывающей его являться на аудіенціи. Императоръ посѣщаетъ его изрѣдка, но лишь въ качествѣ сына, и тогда самъ падаетъ ницъ передъ нимъ.

Принцъ Чуэнъ (или Чунъ), другъ императрицы, былъ че-

ловѣкъ сговорчивый, мирный, достаточно даровитый для того чтобы быть полезнымъ правительству и не занимая никакой оффиціальной должности. Онъ дѣйствительно умѣлъ завязать сношенія со всѣми европейскими миссіями въ Пекинѣ. Слѣдуетъ прибавить, что юный императоръ, Конгъ-Су, былъ рожденъ родною сестрою императрицы Тсэ-Ги, законною супругою принца Чуэна. Это доказываетъ, кстати, что Тсе-Ги была не простаго происхожденія; иначе, ея сестра никакъ не могла бы быть избранною въ первыя супруги императорскаго брата.

Въ тѣ четырнадцать лѣтъ, которыя протекли до совершеннолѣтія Коангъ-Су (1875—1888), настоящимъ правителемъ Китая былъ Ли-Хунгъ-Чангъ. Дѣятельность этого государственнаго человѣка, его направленіе, успѣхи сыновъ Небесной Имперіи на пути цивилизаціи при посредствѣ европейской науки, но и лозунга: китай для китайцевъ описаны подробно патеромъ Кольдръ въ другой его интересной статьѣ въ „Revue de Paris“. Императрица—регентша вполнѣ раздѣляла идеи министра; онъ съ своей стороны, оставался преданнымъ ей. Дворцовая и городская молва приписывала имъ весьма близкія отношенія.... И я долженъ признаться, говоритъ Кольдръ, что бывшій секретарь Ли-Хунгъ-Чанга, передавшій мнѣ всѣ вышеприводимыя подробности о воцареніи Коангъ-Су, нисколько не сомнѣвался, повидимому, въ справедливости такихъ слуховъ Императрицѣ Тсэ-Ги, которую онъ имѣлъ случай видѣть тогда, было сорокъ лѣтъ, но она была, по его словамъ, «еще весьма очаровательна».

Ея со-регентша, Тангъ-Тяй-Гэу, умерла въ 1881 г.; такимъ образомъ, Тсэ-Ги оставалась одна у власти до совершеннолѣтія Конгъ-Су, то есть, до 4-го марта 1888 г. Незадолго передъ тѣмъ, именно въ февралѣ того же года, молодой императоръ вступилъ въ бракъ. Тся-Ги переселилась изъ большаго дворца въ свой собственный, великолѣпно обставленный и находящійся къ западу отъ императорской резиденціи.

Тсэ-Ги шелъ въ это время, уже пятьдесятъ пятый годъ. Казалось бы, что она могла желать отыха послѣ своей кипучей государственной дѣятельности и только наслаждаться жизнью среди окружавшей ее роскоши. Но ея безпокойная натура не мирилась съ этимъ, требовала движенія, интригъ. Сверхъ того, Коангъ-Су обнаруживалъ крайнее легкомысліе, способность увлекаться внѣшнимъ лоскомъ вещей; вообще,

онъ былъ человѣкъ безхарактерный, робкій и ослабѣвшій физически, вслѣдствіе преждевременныхъ излишествъ. Тсэ-Ги, поддерживаемая Ли-Хунъ-Чангомъ и принцемъ Конгомъ, сохраняла голосъ въ государственныхъ вопросахъ и ни одно важное рѣшеніе не предпринималось безъ ея одобренія. Однако, мало по малу, новый президентъ Верховнаго Совѣта, Уэнъ-Тонгъ-Го, сталъ одерживать верхъ надъ нею. Такъ, въ 1884 г., при натянутыхъ отношеніяхъ Китая съ Японіей, Тсэ-Ги стояла за мирное уложеніе дѣлъ, находя государство еще недостаточно сильнымъ для борьбы съ страною, уже успѣвшею уйти далеко на пути прогресса, но императоръ подъ вліяніемъ своихъ совѣтниковъ, упорно желалъ войны, «чтобы проучить дерзкій, ничтожный народъ, осмѣливавшійся не уважать великую Небесную Имперію».

Какъ извѣстно, предсказанія императрицы насчетъ печальнаго исхода этой напрасной похвальбы оправдались. Симоносекскій договоръ нанесъ ударъ Китаю, особенно въ томъ отношеніи, что открылъ дорогу вожделѣніямъ европейскихъ державъ на наслѣдіе этого, истинно „больнаго человѣка".

Но если, говоритъ Кольдръ, борьба за вліяніе (можетъ быть и за территоріальныя пріобрѣтенія) интересуетъ пять державъ, а именно, Россію, Японію и Германію на сѣверѣ Китая, а Францію на югѣ его, то Англія стремится укрѣпиться и на сѣверѣ, и на югѣ, и въ центрѣ,—иначе говоря, повсемѣстно. И эти британскіе притязанія вызвали новый государственный переворотъ въ Пекинѣ.

Англіи требуются рынки для сбыта своихъ безчисленныхъ издѣлій. Усматривая подходящій для этого пунктъ, она говоритъ цинично: „надо его прибрать къ рукамъ", и не задумывается надъ средствами. Но при окончаніи японско—китайской войны, Англія сдѣлала большую ошибку. Слѣдуя своей традиціоной политикѣ: идти на перекоръ другимъ державамъ, она круто повернула въ пользу Японіи противъ Китая, стоя прежде всего на сторонѣ послѣдняго во все продолженіе распри. Это заставило ее потерять разомъ всѣ достигнутые ею дотолѣ успѣхи: вліяніе ее въ Пекинѣ тотчасъ же ослабѣло. Но англійскіе дипломаты удвоили свою энергію, ловко прибѣгнувъ къ своимъ обычнымъ средствамъ, главнымъ образомъ къ созданію своей партіи среди той самой націи, которую они хотятъ себѣ подчинить. Тайныя общества были всегда многочисленны въ Китаѣ и къ нимъ принадлежатъ не

мало значительныхъ лицъ. Существуя подъ различными названіями и подъ главенствомъ различныхъ вождей, они сносятся, однако, между собою и преслѣдуютъ одну цѣль: избавить Китай отъ татарской династіи. Англійскія масонскія ложи Крайняго востока вступили уже давно въ сношенія съ ними и англійская дипломатія воспользовалась этимъ путемъ. Сверхъ того, англійскія школы открыли свои двери молодымъ китайскимъ ученымъ, выпуская ихъ потомъ въ образѣ техниковъ, учителей и пр. Такимъ образомъ, создались своего рода кадры изъ будущихъ мандариновъ, сторонниковъ англичанъ... Не были забыты и старики: при юбилейныхъ празднествахъ въ честь королевы Викторіи, старый китайскій дипломатъ Чангъ-Юнгъ-Хоанъ былъ осыпанъ всякими милостями въ Лондонѣ. Для воздѣйствія на большую публику субсидируется и понынѣ газета „Китайскій прогрессъ", издаваемая молодымъ кантонскимъ публицистомъ Кангъ-Ю-Уи, котораго англо-китайская пресса называетъ вторымъ Конфуціемъ.....

Тсэ-Ги, освѣдомленная обо всемъ Ли-Хунгъ-Чангомъ, не могла оставаться равнодушною къ ходу дѣлъ. Уступки правительства передъ европейскими захватами приводили ее въ негодованіе. Она видѣла, что во главѣ всѣхъ управленій стояли люди неспособные, слабодушные или продажные,—большею частью, ставленники Англіи и по ея убѣжденію, безчисленныя реформы которыя вводилъ съ такой необдуманнок поспѣшностью императоръ грозили искоренить не одно дурное, но и все то, на чемъ держалось Серединное Царство. Въ программѣ пекинскаго университета выражалось явное презрѣніе къ китайскимъ ученымъ традиціямъ, въ основу экзаменовъ полагались совсѣмъ другія начала: знакомство съ иностранными литературами и пр. Изъ восьми професоровъ четверо, въ томъ числѣ и предсѣдательствующій, были англичане. Сверхъ многихъ другихъ, тому подобныхъ указовъ, было издано еще множество мелкихъ, но затрогивавшихъ національное чувство китайцевъ и матеріальные интересы тысячъ бонзъ, увидавшихъ при своихъ кумирняхъ элементарныя школы на европейскій образецъ; имъ сочувствовала и толпа мандариновъ—чиновниковъ, удаленныхъ со своихъ насиженныхъ мѣстъ. Всѣ эти реформы были конечно полезны, но онѣ сыпались такою щедрою рукою, что ошеломляли сыновъ Небесной Имперіи, привыкшихъ къ своей неподвижности, и потому недовольство росло. А правительство дѣлало

иностранцамъ одну уступку за другою: нѣмцы заняли Кіао-Чу, русскіе Портъ-Артуръ и Тан-Ліенъ-Ванъ, французы Коангъ-Чу-Ванъ, англичане Вей-Га-Вей. Было сдѣлано много и другихъ уступокъ, но императрица обратила особое вниманіе на то, что, при всякомъ подобномъ отводѣ территоріи какой либо державѣ, Англія тотчасъ же требовала,—и всегда успѣшно,—такого же, или еще болѣе значительнаго, дара себѣ. Между тѣмъ, при полученіи чего нибудь выгоднаго англичанами, прочія правительства не могли выговорить себѣ ничего равнозначущаго; случалось даже, что начатые переговоры прерывались при оппозиціи со стороны англійской дипломатіи. Такихъ примѣровъ было не мало, но самымъ замѣтнымъ изъ нихъ было, въ глазахъ Тсэ-Ги, обязательство китайскаго правительства передъ Англіей (февраль 1888) „не сдавать въ аренду, не закладывать и не уступать ни одной державѣ какой либо территоріи въ басейнѣ Янгъ-Тзи“. Франція потребовала подобной же привилегіи для себя въ провинціяхъ Ноангъ-Тонгъ, Коангъ-Си и Юнъ-Намъ. Несмотря на подписанный въ этомъ смыслѣ договоръ, Англія получила концессію на мѣстность въ Коангъ-Тангѣ, напротивъ Гонконга, между тѣмъ какъ французы тщетно добивались того же въ Шанхаѣ. Проведеніе русскихъ желѣзныхъ дорогъ на сѣверѣ встрѣчало постоянное противодѣйствіе со стороны китайскихъ чиновниковъ — англофиловъ.

Въ тоже время, въ разныхъ мѣстахъ имперіи вспыхивали мятежи; странѣ грозила полная анархія. Тогда Англія приняла на себя роль спасительницы и британскій флотъ, подъ командою адмирала Бересфорда, былъ отправленъ въ китайскія воды. Но пока онъ былъ еще въ пути, императрица поняла (можетъ быть, она вспомнила Египетъ?) что результатомъ благодѣтельнаго вмѣшательства Британіи будетъ закрѣпощеніе Китая, при замѣнѣ царствующей династіи другою, подчиненною Англіи. Нельзя было терять времени ради собственнаго спасенія, и Тсэ-Ги, которой удались два государственные переворота, рѣшилась на третій, и прежде чѣмъ успѣлъ прибыть Бересфордъ, она уже овладѣла положеніемъ.

Послѣ одной бурной сцены, вызванной ничтожнымъ поводомъ, но при которой императрица осыпала Конгъ-Су самою ожесточенною бранью, приближенные его совѣтовали ему заточить Тсэ-Ги въ ея дворцѣ, не дозволяя ей никакихъ внѣшнихъ сношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, находя минуту удобною для

своихъ революціонныхъ цѣлей, они настаивали на томъ чтобы императоръ вызвалъ армію изъ Тіенъ-Тзина. Войско было совершенно излишнимъ по отношенію къ императрицѣ, но оно могло быть сильною поддержкою для заговорщиковъ. Однако, именно эта предосторожность ихъ погубила.

Коангъ-Су послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ къ генералу Вэну съ изустнымъ повелѣніемъ явиться въ Пекинъ съ своимъ отрядомъ. Но тотъ, не видя письменнаго приказа, не послушался, согласясь лишь лично прибыть во дворецъ. Здѣсь, несмотря на весь гнѣвъ императора, онъ продолжалъ стоять на своемъ, говоря, что двинетъ войска лишь по форменному декрету, снабженному государственною печатью. Прогнанный съ бранью и подъ угрозою ссылки или казни, Вэнъ бросился обратно въ Тіенъ-Тзинь, но успѣлъ сообщить о происшедшемъ племяннику Тсэ-Ги, губернатору Печелійской области, Іонгъ-Лу. Въ тотъ же день къ вечеру, все дошло до свѣдѣнія императрицы; она понимала что Коангъ-Си былъ только слѣпымъ орудіемъ замысла, направленнаго противъ него самого и всей династіи, но онъ былъ все же номинальнымъ вождемъ движенія, и потому надо было начать съ него. Окруживъ себя вѣрнымъ военнымъ отрядомъ, она проникла, въ ту же ночь, во дворецъ императора. Она осыпала его упреками; онъ запирался сначала, потомъ, при явныхъ уликахъ и признаніяхъ четырнадцати евнуховъ, участниковъ заговора, узналъ объ участи, дѣйствительно готовившейся ему со стороны его мнимыхъ сторонниковъ, совершенно упалъ духомъ, отдалъ государственную печать императрицѣ и издалъ декретъ, которымъ назначалъ ее регентшей (ночь съ 21 на 22 сентября 1898).

Вслѣдъ затѣмъ началась кровавая расправа. Сказанные четырнадцать евнуховъ были обезглавлены еще до разсвѣта; за ними послѣдовали другія лица, арестованныя тутъ же, во дворцѣ или въ городѣ. Всѣ были казнены, за исключеніемъ двухъ или трехъ, осужденныхъ только на ссылку. Однако, душа всего заговора, Кангъ-Ю-Ци, успѣлъ спастись на англійскій фрегатъ; Ліангъ-Чи-Чао, утопистъ, мечтавшій о золотомъ вѣкѣ для своей родины, бѣжалъ въ Японію и пишетъ теперь весьма реакціонерныя статьи въ одномъ изъ ниппонскихъ журналовъ.

Англичане были поражены катастрофою, уничтожившею ихъ приверженцевъ, погибшихъ почти поголовно*). Съ этой

*) Сэръ Макдональдъ добился у Тсэ-Ги обѣщанія не казнить вмѣстѣ съ другими бывшаго министра финансовъ, Чангъ-Ю-Гоана. Она дала слово не *обезглавливать* этого старика: но, по ея распоряженію, его *удавили* на пути въ ссылку...

минуты, всѣ англійскія и англофильскія газеты стали осыпать императрицу жесточайшими упреками въ ретроградствѣ. Дѣйствительно, говоритъ патеръ Кольдръ, нѣкоторыя изъ мѣръ, именно касательно обученія, экзаменовъ и пр. были крайне радикальны. Но привить прогрессъ 400 милліонамъ людей однимъ мановеніемъ,—положительно невозможно и потому Тсэ-Ги, по своему, права. Китай не усвоитъ себѣ ничего до измѣненія своего языка,—этого главнаго рычага китайскаго міровоззрѣнія. Съ одной стороны, онъ ведетъ образованнаго китайца къ способу мышленія, совершенно несходному съ нашимъ; съ другой, по причинѣ своей трудности, онъ замыкаетъ народную массу, неграмотную по необходимости, въ крайне ограниченный кругъ общихъ понятій. И поэтому слѣдуетъ выжидать, стараясь извлекать пользу изъ существующихъ элементовъ развитія, а не уничтожать ихъ совершенно...

Но Тсэ-Ги не коснулась уже основанныхъ учрежденій. Она лично открыла пекинскій университетъ (31 дек. 1898), не препятствовала сооруженію желѣзныхъ дорогъ, усилила привилегіи иностранцевъ, сдѣлала доступными для нихъ нѣсколько новыхъ портовъ; Си-Кіангъ и Янгъ-Тси были объявлены свободными для европейскихъ пароходовъ на всемъ ихъ судоходномъ протяженіи; внутреннія таможни упорядочены; ожидались и другія разумныя реформы. Но при всѣхъ этихъ нововведеніяхъ Тсэ-Ги избѣгала исключительныхъ преимуществъ въ пользу той или другой націи, предпочитая политику „открытыхъ дверей", и это не нравится англичанамъ. Но еще болѣе негодуютъ они на суровость, съ которою Тсэ-Ги преслѣдовала уцѣлѣвшихъ участниковъ заговора, главу котораго, Кангъ-Ю-Ци, имъ удалось спасти.

Европейская пресса, говоритъ Кольдръ, питается извѣстіями, приносимыми англійскимъ кабелемъ, но надо быть на мѣстѣ чтобы понимать, до чего искажаются разныя мѣропріятія китайскаго правительства въ этихъ сообщеніяхъ. Такъ, когда Коангъ-Су назначилъ своимъ наслѣдникомъ Пу-Тзина, внука принца Туана, въ Европѣ заговорили о новомъ государственномъ переворотѣ, совершенномъ императрицей, между тѣмъ какъ императоръ, вступившій въ бракъ въ 1889 г., былъ бы долженъ, собственно, выбрать себѣ преемника еще въ 1894, въ силу фамильнаго закона, обязывающаго царствующее лицо дѣлать этотъ выборъ черезъ пять лѣтъ бездѣтнаго супружества. Такимъ образомъ тутъ не было никакого переворота, ника-

кого правонарушенія, и могли быть недовольны лишь тѣ, которые предпочли бы простое отреченіе Коангъ-Су отъ престола и возможность возвести на его мѣсто своего ставленика...

Съ тѣхъ поръ, какъ патеръ Кольдръ написалъ свои замѣтки, времени прошло немного, но событія въ Китаѣ несутся съ ужасающей быстротой. Возстаніе „кулаковъ", гоненіе на миссіонеровъ и вообще христіанъ, вмѣшательство державъ, убійство германскаго посланника и массовое движеніе китайцевъ—противъ „бѣлыхъ дьяволовъ" грозятъ страшными политическими осложненіями. По послѣднимъ извѣстіямъ, вдовствующая императрица бѣжала изъ Пекина .. По другимъ слухамъ, она въ плѣну у мятежниковъ.

С. В.

Обычаи и личность.

Извѣстно, что еще двѣсти—триста лѣтъ тому назадъ, наши предки, даже титулованные, и въ письменныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, и въ особенности въ обращеніяхъ къ власти, не иначе какъ образно „били челомъ“ и „припадали къ стопамъ всеуниженно“,—и при этомъ именовали себя „холопами“, „рабами“, „ваньками“, „мишками“. „машками“, „сынишками“, „женишками“ и пр. Противъ такихъ уничижительныхъ названій въ подписяхъ впервые высказался Петръ I. Въ 1701 году, онъ повелѣлъ всегда и всѣмъ подписываться „цѣлыми именами съ прозваніями своими, а полуименами никому не писаться“ [1]). Но въ старину, немногіе русскіе люди обладали прозваніями или фамиліями [2]). Въ низшихъ слояхъ нашего населенія, до сихъ поръ еще далеко не всѣ имѣютъ фамиліи [3]) Очень естественно, что издавна и возникло такое обозначеніе лица: «Иванъ, сынъ Петровъ». Упоминаніе о томъ, чей сынъ,—этотъ родъ многоглаголанія—сохраняется еще, по старой памяти, очень долго, судя по историческимъ актамъ. Оно встрѣчается, какъ результатъ долгаго употребленія, и въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о лицѣ обладающемъ и фамиліею. Такъ, въ одной судной записи, совершенной въ 1695 г., говорится: «Се азъ Григорій, Ларіоновъ сынъ, по прозванію отца своего Волоньяновъ» [4]). Въ такой же формѣ

---

[1]) В. Гольцевъ.—„Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка“, изд. 2-ое, О. Поповой, 90.

[2]) „Читая родословныя, я подмѣтилъ такой законъ образованія прозвищъ,—говоритъ М. Яблочковъ: Первоначально они давались въ самой семьѣ, если въ ней было нѣсколько сыновей: чтобы не смѣшаться, называя каждаго изъ нихъ по отчеству, къ нимъ присоединялись разныя прозвища; если же былъ только одинъ сынъ, или же были сыновья, которые занимали какую либо должность, то они не получали прозвища“. („Исторія дворянскаго сословія въ Россіи“, 81).

[3]) Не такъ давно въ газетахъ была напечатана слѣдующая замѣтка: „Патріархальность наша настолько еще велика, что во многихъ мѣстностяхъ крестьяне и мѣщане имѣютъ только имя и отчество. и совсѣмъ не имѣютъ фамилій. Это обстоятельство создаетъ множество затрудненій, особенно обнаруживающихся при отбываніи воинской повинности. Въ устраненіе этихъ затрудненій, въ подлежащихъ вѣдомствахъ разработанъ законопроектъ, по которому дача фамилій неимѣющимъ ихъ новобранцамъ и семьямъ, изъ которыхъ происходятъ они. возлагается на уѣздныя по воинской повинности присутствія. которыя предположенія свои по этому поводу должны будутъ представлять на утвержденіе казенныхъ палатъ“.

[4]) И. Бѣляевъ.—„Крестьяне на Руси“, 192.

и при такихъ условіяхъ, „овъ“ или „евъ“ въ отчествѣ лица, очевидно, не заключало въ себѣ ничего унижающаго или самоуничижительнаго и какъ бы вовсе не говорило о различіи въ означеніи отчества на „овъ“ или на „вичь“, съ точки зрѣнія чести, общей или особенной. Однако, само по себѣ это различіе сознавалось издавна,—и „вичь“ прилагалось къ отчеству лицъ именно высшихъ сословій, составляло признакъ особенной чести, особыхъ личныхъ правъ, принадлежавшихъ не каждому. Между прочимъ, и въ государственныхъ актахъ, напримѣръ, въ жалованныхъ грамотахъ на имя лицъ высшихъ ранговъ,—всегда употреблялось „вичь“ или „ичь“. Такъ, въ грамотѣ на городъ Серпейскъ, данной въ 1469 году, говорится: „Се азъ великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи пожаловалъ есми боярина своего Якова Гавриловича Рюмы-Бестужево“ [1]). Далѣе, въ той же упомянутой выше судной записи, „Григорій, Ларіоновъ сынъ“, объясняетъ, что онъ—„старинной (то есть, давно, изстари состоящій въ холопахъ) Ерофея Ивановича Мостинина“. Такимъ образомъ, еще при царевнѣ Софіи, указомъ 31 января 1685 года предписано было взыскивать „безчестье“ съ того кто напишетъ безъ „овна“ или „ивна“ жену думнаго дворянина [2]).

Очень естественно, что въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху развитія сословныхъ привиллегій, употребленіе „вичь“ въ отчествѣ лицъ сдѣлалось предметомъ болѣе подробной регламентаціи. А. Романовскій-Славатинскій и указываетъ, на основаніи Полнаго Собранія Законовъ: что, въ 1765 году, генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій докладывалъ сенату, чтобы о томъ, кому въ жалованныхъ на деревни и достоинства грамотахъ писать отчество на „вичь“, доносить государынѣ, такъ какъ „это зависитъ отъ благоволенія ея къ тѣмъ персонамъ“: что, затѣмъ, до 1780 г., при занесеніи должностныхъ лицъ въ списки, соблюдалась извѣстная постепенность: высшіе чины до коллежскаго совѣтника записывались съ окончаніемъ „вичь“, надворные совѣтники и маіоры обозначались—„овъ, сынъ такого-то“, дальнѣйшіе же низшіе чины заносились въ списки и вовсе безъ отчества [3]).

Въ истекающемъ столѣтіи сдѣлало большіе успѣхи и окончательно состоялось признаніе за лицами всѣхъ сословій безъ исключенія извѣстныхъ общихъ гражданскихъ правъ, правъ личности. Значеніе „вичь“, получившей начертаніе „вичъ“, какъ частицы, означавшей отчество высшаго ранга, и утрачивается [4]). Въ практикѣ высшихъ государственныхъ установленій, принято нынѣ означать отчество всякаго лица безъ исключенія на „ичъ“,

---

[1]) „Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ Н. Калачова, кн. 3 за 1859 г.: А. Толстой—„Древніе акты къ родословнымъ“.

[2]) „Дворянство въ Россіи“, 516.

[3]) В. Гольцевъ, 112.

[4]) Въ образцахъ различныхъ актовъ и дѣловыхъ бумагъ, извлеченныхъ Н. Варадиновымъ изъ Свода Законовъ и, частію, составленныхъ имъ самимъ для „Руководства къ дѣлопроизводству“, во второмъ изданіи, вышедшемъ въ 1881 году, можно наблюдать, что иногда отчество лица привиллегированнаго означается на „овъ“, иногда же и отчество лица непривиллегированнаго отмѣчено частицею „ичъ“: часть I: 38, 39, 41, 42, 54, 55, 69, 80,140; часть II: 5, 10, 20 и т. д.

сообразно съ дѣйствующимъ правомъ, несомнѣнно, относящимъ настоящій признакъ къ области общихъ правъ, правъ личности. Такимъ образомъ, напримѣръ, мы видимъ, что во всѣхъ актахъ, печатающихся въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства", употребляется „ичъ" каждый разъ, когда почему либо обозначается отчество лица, совершенно независимо отъ его сословія, чина, положенія.

Что же касается до практики различныхъ низшихъ установленій, то она въ настоящемъ отношеніи имѣетъ совершенно иной характеръ. Понынѣ она сознательно дѣлаетъ разсматриваемое различіе между привиллегированными и непривиллегированными лицами, или же,—подчиняясь имѣющему нынѣ большее значеніе, чѣмъ сословное, классовому дѣленію населенія,—между лицами высшихъ и низшихъ классовъ. Сплошь и рядомъ практика низшихъ установленій какъ бы подчеркиваетъ это различіе, признаетъ въ извѣстномъ юридическомъ значеніи чисто-фактическія отличія. Въ актахъ, исходящихъ даже изъ учрежденій дѣйствующихъ по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г., можно наблюдать систематическое означеніе на „овъ" отчества лицъ непривиллегированныхъ, а подчасъ и привиллегированныхъ, но неимѣющихъ высшихъ ранговъ и не пользующихся особымъ положеніемъ. То же самое относится до формы непосредственнаго обращенія въ судѣ къ участвующимъ въ дѣлахъ лицамъ. Нечего и говорить о земскихъ начальникахъ, уѣздныхъ съѣздахъ, губернскихъ присутствіяхъ и пр. Бумаги исходящія изъ низшихъ установленій, и форма обращенія здѣсь къ гражданамъ—постоянно рѣжутъ чувствительное уже ухо нынѣшняго обывателя частицею „овъ",—напоминаютъ о томъ, что лицо мѣщанскаго или крестьянскаго сословія остается еще „подлымъ", лишеннымъ общечеловѣческихъ правъ. Чѣмъ ниже установленіе, тѣмъ систематичнѣе проводитъ оно указываемое различіе. Частица „овъ" настолько излюблена низшими учрежденіями, что, несмотря на установленіе въ новѣйшее время инструкціею министра финансовъ по взиманію государственнаго квартирнаго налога означенія на бумагахъ, касающихся взиманія этого налога, всѣхъ лицъ безъ различія на „ичъ",—казенныя палаты и податныя присутствія, въ окладныхъ листахъ и объявленіяхъ по взиманію разныхъ налоговъ, попрежнему, сохраняютъ различіе въ употребленіи „ичъ" или „овъ", сообразуясь съ классовымъ или сословнымъ положеніемъ лица.. Не менѣе любопытное явленіе представляютъ учрежденія, составляющія списки лицъ съ ограничиваемою дѣеспособностію: въ этихъ спискахъ отчество лицъ и привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ, и даже титулованныхъ, означается безразлично на „овъ"; но напримѣръ, въ случаяхъ, когда справка берется изъ „Собранія узаконеній и распоряженій правительства", вслѣдствіе ограниченія чьей либо дѣеспособности по Высочайшему повелѣнію,—отчество лица означается на „ичъ", будетъ ли данное лицо привиллегированнымъ и непривиллегированнымъ (въ виду именно такого, сообразнаго съ закономъ и съ современнымъ состояніемъ нравовъ, означенія отчества въ актахъ, обнародуемыхъ въ „Со-

бранія“ высшими государственными установленіями). Такимъ образомъ, и тутъ примѣръ высшихъ ихъ установленій не оказываетъ вліянія на низшія; привиллегированныя и непривиллегированныя лица, правда, уравниваются ими,—но на почвѣ „овъ“, а не „ичъ“... Отсюда можно видѣть въ этихъ спискахъ, что иногда отчество лица титулованнаго: графа, князя, означается на „овъ“, если дѣеспособность его ограничена въ обыкновенномъ порядкѣ,—и наоборотъ, отчество лица низшаго ранга означено на „ичъ“, коль скоро ограниченіе дѣеспособности его послѣдовало по Высочайшему повелѣнію, и справка дается по „Собранію узаконеній“ [1]).

Отъ низшихъ правительственныхъ учрежденій не отстаютъ въ настоящемъ отношеніи, въ упоминаемой практикѣ, и общественныя установленія, органы самоуправленія. Всесословныя по своему составу, городскія и земскія учрежденія отличаютъ своихъ членовъ, своихъ гласныхъ по отчеству, награждая однихъ частицею „ичъ“ и означая отчество другихъ на „овъ“. Лишеніе частицы „ичъ“ крестьянина особенно рѣзко бросается въ глаза [2]).

Неуваженіе къ личности крестьянина въ формѣ извращенія отчества до сихъ поръ проявляется даже тамъ, гдѣ, казалось бы, этого можно было ожидать всего менѣе... Такъ, въ сборникѣ „Пѣсни русскаго народа“, выпущенномъ особою коммиссіею географическаго общества въ 1894 году, отчества крестьянскихъ пѣвцовъ, пѣвицъ и сказателей, помагавшихъ дѣлу собиранія пѣсенъ и напѣвовъ, означаются на „овъ“, „ова“, вмѣсто „ичъ“, „ивна“: „дѣвица Авдотья Иванова Бѣляева“; „крестьянка Матрена Анфимова Борисова“; „крестьянинъ Иванъ Трофимовъ Рябининъ“...

II.

Какъ же теперь должна быть разсматриваема описанная практика низшихъ установленій съ точки зрѣнія нынѣшнихъ нравовъ и дѣйствующаго права?—Несомнѣнно, что послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ и происшедшихъ глубокихъ измѣненій въ общественномъ сознаніи, не можетъ быть приведено ни одного основанія ни въ пользу различія въ означеніи отчества лицъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ, ни въ пользу означенія отчества всѣхъ лицъ безъ различія на „овъ“, вмѣсто „ичъ“. На-

[1]) Нужно замѣтить, кстати, что въ наименованіи указываемыхъ списковъ употреблено выраженіе „правоспособность“ (согласно съ практикою и нотаріальныхъ учрежденій),—тогда какъ рѣчь идетъ въ нихъ именно объ ограниченіи „дѣеспособности“.

[2]) Въ спискѣ гласныхъ мышкинскаго уѣзда ярославской губерніи, напримѣръ, напечатанномъ въ № 208 „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ за 1895 г., гласные перваго и втораго избирательныхъ собраній—дворяне, чиновники, почетные граждане и купцы—поименованы съ означеніемъ отчества ихъ на „ичъ“; гласные же отъ сельскихъ обществъ поименованы съ означеніемъ ихъ отчества на „овъ“, хотя эти гласные почти исключительно должностныя лица,—сельскіе старосты, волостные старшины, предсѣдатели волостныхъ судовъ. Такимъ образомъ, и нахожденіе крестьянъ на общественной службѣ не уравняло ихъ въ глазахъ всесословнаго общественнаго установленія съ привилегированными лицами высшихъ сословій. То же самое наблюдается въ спискахъ гласныхъ романо-борисоглѣбскаго и ярославскаго уѣздовъ, напечатанныхъ въ №№ 202 и 203 „Яр. Г. В.“ за 1895 г.

оборотъ, можно сдѣлать цѣлый рядъ возраженій противъ практикующагося нынѣ указываемаго извращенія отчества.

Прежде всего, различіе въ юридическомъ положеніи лицъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ относится въ настоящее время всецѣло къ области особенныхъ правъ, а не общихъ; извѣстныя общія, элементарныя, необходимыя права, права личности—принадлежатъ нынѣ всѣмъ безъ исключенія въ мѣрѣ равной одинаковой. Такимъ образомъ, напримѣръ, уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, угрожаетъ извѣстными взысканіями за обиды совершенно безотносительно къ званію обиженнаго лица. Повышеннымъ наказаніемъ ограждается честь женщины,—и совершенно безразлично, къ какому бы сословію она ни принадлежала. Нанесеніе обиды „лицу женскаго пола" считается, по смыслу ст. 131, одинаково отягчающимъ вину обстоятельствомъ, будетъ ли это лицо крестьянка или дворянка. Отягчающимъ вину обстоятельствомъ считается также, по этой статьѣ, нанесеніе обиды лицу, имѣющему, по особымъ къ обидчику отношеніямъ, право и на особое собственно отъ него уваженіе. И тутъ имѣются въ виду отношенія между обидчикомъ и обиженнымъ не какъ между членами разныхъ сословій, а какъ между лицами, индивидуально находящимися между собою именно въ особыхъ отношеніяхъ, по закону или по договору. Такимъ образомъ, между прочимъ, временно-обязанный крестьянинъ, нанесшій обиду своему бывшему помѣщику или члену его семейства, наказывался, согласно ст. 154 Общаго Положенія 19 февраля 1861 г., усиленно,—не потому, что обида наносилась потомственному дворянину, а потому, что помѣщику принадлежало право вотчинной полиціи, и онъ являлся по отношенію къ оскорбителю должностнымъ лицомъ. Усиленное наказаніе и опредѣлялось именно по статьямъ 394 и 395 уложенія о наказаніяхъ раздѣла пятаго, главы девятой, посвящаемой „преступленіямъ и проступкамъ въ сношеніяхъ между начальниками и подчиненными".

Субъективный элементъ, необходимый для наличности обиды въ той или иной формѣ обращенія, также—въ виду современнаго состоянія нравовъ и поднятія личности—можетъ быть съ полнымъ основаніемъ выставленъ противъ извращенія отчества лица и низшаго сословія или класса.

Прошли уже тѣ времена, когда и титулованные русскіе люди подписывались „Васьками", „Ваньками", „Дуньками", „рабами" и „холопами" [1]). Никто, безъ сомнѣнія, не означитъ нынѣ и

---

[1]) Сохранилось только, какъ родъ переживанія, наименованіе себя нѣкоторыми „слугами", „покорными слугами"... Но эта форма—страннымъ образомъ—употребляется до сихъ поръ, хотя и очень рѣдко, и въ англійскомъ языкѣ: „Obedient servant"— „most obedient servant"... Съ удивленіемъ, мы видимъ эту форму подписи рекомендуемою—правда, въ качествѣ наиболѣе сухой, „формальной" въ нѣсколькихъ образцахъ писемъ, помѣщенныхъ въ школьномъ пособіи: „A New Book of Fables, Anecdotes and Stories, for the Purposes of Composition". (Professor Meiklejohn's Series)". Fifth edition, 1897, P. 138.

своего отчества на „овъ“, письменно или устно [1]). Такъ точно, никто и ни къ кому не обратится въ настоящее время на „овъ“ въ частныхъ сношеніяхъ. Даже заочно всегда и всѣми употребляется частица „ичъ“ въ означеніи отчества. Она стала общею принадлежностью, признакомъ общихъ правъ, правъ личности, отличающимъ ту степень простаго человѣческаго достоинства, которая во всѣхъ предполагается нынѣ и закономъ равною. Непосредственное обращеніе на „овъ“ въ частныхъ сношеніяхъ положительно каждымъ было бы признано обиднымъ. Такое обращеніе можетъ быть и наблюдаемо нынѣ въ частныхъ сношеніяхъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда имѣется въ виду выказать лицу извѣстное пренебреженіе, указать ему разстояніе, отдѣляющее его отъ того, кто удостоиваетъ къ нему обращаться. Во всякомъ случаѣ, это возможно только въ самой грубой средѣ. Обидное значеніе „овъ“ чувствуется весьма живо уже съ момента освобожденія и бывшимъ помѣщичьимъ крестьяниномъ. Некрасовскій дворовый Иванъ, забитый—„были зубы, били въ зубы; нѣтъ.—трещитъ скула“—но освобожденный и чувствующій огромную перемѣну въ своемъ положеніи, плачется—весьма характерно—за всю свою жизнь:... „хоть бы разъ Иванъ Мосеичъ кто меня назвалъ!“... Элементарная вѣжливость и современная мягкость нравовъ требуютъ даже, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ письменныхъ сношеніяхъ, сокращенныя отчества „Иванычъ“, Васильичъ“—замѣнялись болѣе изысканными формами: „Ивановичъ“, „Васильевичъ“. Крестьяне, въ свою очередь, безусловно усвоили себѣ эту лучшую форму обращенія не только съ посторонними, но и другъ съ другомъ [2]).

Но то что обязательно въ сношеніяхъ между частными лицами, то тѣмъ болѣе обязательно въ сношеніяхъ власти съ гражданами. Съ тѣмъ смысломъ, который, съ точки зрѣнія развившихся нравовъ населенія, принимаетъ въ его глазахъ извѣстная форма обращенія,—власть не можетъ не сообразоваться, не подвергая опасности элементарныя права лица. Органамъ власти вмѣняется въ обязанность „правый и равный судъ всякому состоянію“, „покровительство невинному и скорбящему“... Служащіе обязываются закономъ прямо къ „человѣколюбію“ [3]). Рѣчь идетъ, въ послѣнемъ случаѣ о нравственной обязанности. Какъ же можетъ не

---

[1]) Совершенно напрасно, поэтому, указываются уничижительныя подписи на „овъ“, вмѣсто „ичъ“ С. Громаченскимъ въ образцахъ и формахъ дѣловыхъ бумагъ, даваемыхъ имъ въ практическомъ пособіи—„Охранительное судопроизводство“ (Спб., 1896 г.). Точно также едвали умѣстна подпись: „Вашего ...ства, Милостивѣйшаго Государя, всепокорнѣйшій слуга“.. рекомендуемая Н. Мартыновымъ въ его пособіи. „Образцы и формы дѣловыхъ бумагъ“ (Спб., 1893 г.),—на тотъ случай, когда подписывающійся желаетъ „выразить больше почтительности“. Если такія формы въ подписяхъ еще сохраняются, то, по крайней мѣрѣ, не слѣдовало бы указывать ихъ въ пособіяхъ, которыя, по существу своему, должны заключать въ себѣ лучшіе образцы.

[2]) Это можно видѣть, между прочимъ, по пѣснямъ, помѣщеннымъ въ томъ самомъ сборникѣ географическаго общества, въ которомъ сказатели пѣвцы и пѣвицы означаются съ извращеніемъ ихъ отчества.

[3]) Томъ III, уст. о службѣ по опред. отъ правит., изд. 1896 г., ст. 705.

выполняться представителями власти обязанность юридическая,— не нарушать существенныхъ правъ гражданъ, не умалять ихъ личности, не оскорблять ихъ человѣческое достоинство? Ст. 271 устава о содержащихся подъ стражею (изд. 1890 г.) установляетъ, какъ особое дисциплинарное наказаніе для чиновныхъ лицъ, содержимыхъ въ тюрьмахъ, наименованіе ихъ „однимъ только именемъ при крещеніи даннымъ, а не по отчеству“. Другими словами, законъ обязываетъ тюремщиковъ называть такихъ заключенныхъ, если они не подверглись упомянутому дисциплинарному взысканію, не иначе какъ по имени и отчеству, при чемъ, конечно, разумѣется употребленіе въ означеніи отчества „ичъ“, а не „овъ“, такъ какъ въ устномъ обращеніи послѣдняя частица сама по себѣ находится въ наименьшемъ употребленіи, несвойственна разговорному языку, и кромѣ того, могла бы сказаться для упоминаемыхъ лицъ болѣе обидною, чѣмъ полное опущеніе отчества, какъ наказаніе. Въ такомъ же случаѣ, очевидно, что прочія лица, не подвергшіяся тюремному заключенію за преступленія, но пользующіяся личною свободою и всѣми общими правами личности безъ всякихъ исключеній, имѣютъ право на то, чтобы органы власти, входя въ сношенія съ ними, не извращали ихъ отчества такъ, какъ это можетъ казаться для нихъ обиднымъ. Законъ, поражая многія и общія права важнаго преступника, оставляетъ нынѣ его человѣческое достоинство, все же, неприкосновеннымъ для кого бы ни было, и не дѣлаетъ ненаказуемою какую либо обиду, ему нанесенную,—въ противоположность прежнему времени, когда (по Воинскимъ Артикуламъ) „шельму“ (лишеннаго всѣхъ правъ состоянія, подпавшаго гражданской смерти) всякій могъ безнаказанно бить и грабить, и не могъ только убивать до смерти [1])... Насколько же участливо—предполагается—долженъ относиться законъ къ личности гражданина, незапятнаннаго преступленіемъ?

При всемъ томъ, употребленіе въ означеніи отчества частицы „овъ“ вмѣсто „ичъ“ приводитъ къ явнымъ безсмыслицамъ и недоразумѣніямъ. Теперь когда отчество лица непривилегированнаго, означаемое на „овъ“, не поясняется болѣе словами „сынъ такого то“; когда за этимъ, безъ этого поясненія, уже уничижительнымъ, отчествомъ слѣдуетъ и фамилія, кончающаяся обыкновенно также на „овъ“, и у лицъ непривилегированныхъ особенно часто производимая отъ личныхъ именъ, напримѣръ, Василій Ивановъ Ивановъ, Марія Иванова Семенова, Татьяна Семенова Семенова, Василій Кузьминъ Кузьминъ, Петръ Васильевъ Николаевъ, Иванъ Николаевъ Васильевъ; теперь, когда вы читаете эти наименованія, въ особенности при отсутствіи, въ означеніи ихъ, знаковъ препинанія, или при неправильной разстановкѣ послѣднихъ, или же когда вы слышите эти наименованія въ устномъ произношеніи, вамъ нелегко бываетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ тутъ фамилія и гдѣ отчество, вмѣсто шести лицъ вамъ покажется, что

---

[1]) Н. Фойницкій,—„Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ“, изд. 1889 г., 175; Н. Сергіевскій,—„Русское уголовное право“, изд. 1890 г., 200.

рѣчь идетъ о большомъ числѣ, и нѣкоторымъ лицамъ вы припишите двойныя фамиліи... Съ чѣмъ же все это сообразно? Но ничего подобнаго не вызываетъ правильное устное и письменное означеніе отчества. Поставьте частицы „ичъ“ или „овна“... Для глаза, слуха и пониманія всѣ эти имена представятся въ совершенно иномъ видѣ: отъ нихъ не будетъ рябить въ глазахъ, и они не будутъ также рѣзать уха; для васъ будетъ, равнымъ образомъ, ясно, о комъ и о сколькихъ лицахъ и съ какими фамиліями идетъ рѣчь...

Такимъ образомъ, и состояніе нравовъ, и законы человѣческихъ обществъ, и законы логики, и законы языка, и законы гармоніи и слуха безусловно требуютъ оставленія обветшалыхъ формъ сословной исключительности и мертвой канцелярщины и уваженія въ каждомъ его человѣческаго достоинства. Личность переростаетъ формы, и не она, конечно, должна приспособляться къ формамъ, забывая о своихъ существенныхъ правахъ, а формы должны приспособляться къ ней, сообразоваться съ ея новыми требованіями, въ особенности глубоко вкоренившимися въ общественномъ сознаніи, утвердившимися въ нравахъ и низшихъ классовъ, и получившими постепенно, исторически, признаніе въ самомъ правѣ, незыблемое основаніе въ законѣ [1])...

III.

Нельзя не отмѣтить въ заключеніе, что въ средѣ населенія развились нынѣ обычаи, которые впадаютъ даже въ крайность, стремясь отвѣтить наблюдаемому въ немъ подъему чувства чести и личнаго достоинства... таковъ обычай приложенія съ нѣкотораго времени къ каждому и каждой наименованій: „баринъ“, „барыня“, „барышня“; „господинъ“, „госпожа“; „милостивый государь“, „милостивая государыня“... Это—титулы прежнихъ помѣщиковъ и членовъ ихъ семей. Нынѣ же они становятся общими хотя, правда, слово „господинъ“ пріобрѣтаетъ болѣе такой смыслъ: „самъ себѣ господинъ“. Но этого мало. Помѣщикъ утратилъ большую долю своего значенія въ сознаніи населенія, и вотъ, въ послѣднее время широко распространяется титулованіе всѣхъ и

---

[1]) Нельзя не пожалѣть о томъ, что нынѣшній министръ юстиціи, говорившій въ извѣстной рѣчи своей въ Ревелѣ, въ сентябрѣ 1895 г., о необходимости, между прочимъ, для чиновъ судебнаго вѣдомства „культурной мягкости пріемовъ“, не обратилъ вниманія въ циркулярѣ своемъ отъ 17 октября 1895 г. о недостаткахъ канцелярскаго дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ, на указываемый — практикуемый и судебными установленіями (напримѣръ, ярославскимъ окружнымъ судомъ) некультурный и даже неправомѣрный пріемъ. Неправомѣрность же указываемаго пріема въ особенности въ судебныхъ мѣстахъ вытекала со всею ясностью изъ слѣдующихъ прекрасныхъ словъ, произнесенныхъ министромъ при открытіи иркутской судебной палаты въ 1897 году: „Судъ—говорилъ онъ—вѣдаетъ по дѣламъ, не по лицамъ; передъ нимъ всѣ равны,—сильный и слабый, богатый и бѣдный; судъ воздаетъ каждому должное, но помнитъ, что кому много дано съ того много и взыщется. Судъ признаетъ въ каждомъ передъ нимъ предстоящемъ его человѣческую и гражданскую личность, его неотъемлемыя права. Даже карая и взыскивая, судъ бережетъ человѣка, а не угнетаетъ и не унижаетъ его“ („Юридическая Газета“, № 56 за 1897 г.).

каждаго въ адресахъ по самому привилегированному лицу въ современномъ русскомъ обществѣ, по чиновнику...—„Его Высокоблагородію"—украшаетъ теперь конверты, адресуемые лицамъ всѣхъ сословій.

Скоро можетъ оказаться мало и этого, тѣмъ болѣе, что теперь лицо съ титуломъ „превосходительства" нерѣдко унижается этою обычною, механически употребляемою, формулою „высокоблагородія". Не будетъ ничего удивительнаго, если еще до уничтоженія чиновъ (предполагавшагося лѣтъ пятнадцать тому назадъ),—и лица непривилегированныя станутъ именоваться въ адресахъ „превосходительствами" и „высокопревосходительствами", — и число „тайныхъ совѣтниковъ" возрастетъ неимовѣрно, къ „благонамѣренному" ужасу многихъ.

Подобные обычаи, безъ сомнѣнія, не заслуживаютъ поддержанія. Наоборотъ, съ точки зрѣнія лучшихъ стремленій нашего времени и сообразно съ нравами образованной части населенія, можно было бы, кажется, и совсѣмъ оставить нынѣ между частными лицами чиновничьи и помѣщичьи титулы. Имя, отчество, фамилія-наименованія совершенно достаточны для личности, для ея общей части. Всякій образованный человѣкъ, обладающій вполнѣ развитымъ чувствомъ чести, личности,—вполнѣ ими удовлетворяется. Самое отчество, собственно говоря, не необходимо (и употребленіе его можно было бы умѣрить) Всякій человѣкъ, какъ нравственная личность, существуетъ самъ по себѣ, безъ отношенія къ отцу, безъ необходимости, для его личности, указанія на имя отца. Обладая общею честью, онъ, самостоятельно, лично, пріобрѣтаетъ честь особенную. Поэтому, и личность незаконнорожденнаго нисколько не умаляется тѣмъ, что она не можетъ быть отмѣчена правильнымъ отчествомъ. Отчество можетъ быть нужно въ видахъ родовой, особенной чести (утрачивающей, однако, свое значеніе по сравненію съ честью, пріобрѣтаемою лично, и долженствующею составлять предметъ непремѣнныхъ стремленій для лица и съ большою родовою особенно честью). Отчество можетъ быть также нужно для удостовѣренія личности, для отличія ея отъ другихъ въ цѣляхъ полицейскихъ. Но оно не представляется необходимымъ собственно для нравственной личности, для полноты общихъ правъ лица, для ненарушимости его чести (откуда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы описанное выше извращеніе отчества, разъ лицо имъ непосредственно отмѣчается, и при современномъ состояніи нравовъ и обычаевъ, не было обиднымъ).

Возможность же оставленія прежнихъ титуловъ явствуетъ изъ того, что «господинъ» и не примѣняется нынѣ уже очень часто къ означенію лицъ, участвовавшихъ въ дѣятельности высокой, почетной, увѣковѣчивающей ихъ имена. Такъ это наименованіе вовсе не употребляется Н. Семеновымъ въ извѣстномъ

[1]) Англійскій путешественникъ М. Уоллесъ называетъ присоединеніе отчества къ имени „курьезнымъ русскимъ обычаемъ": „Russia" (Collection of British Authors—Tauchnitz Edition), vol. I, p. 66.

трудѣ его «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II»,—безъ всякаго умаленія личности дѣятелей 19 февраля 1861 г. Довольно рѣдко употребляются лѣтописцемъ великаго дѣла и отчества. Такъ точно, наименованія „господинъ“ «госпожа» не употребляются въ примѣненіи къ умершимъ людямъ и самой достойной памяти. Только православные священнослужители, при поминовеніи умершихъ, отличаютъ дворянъ отъ отошедшихъ въ вѣчность лицъ иныхъ сословій,—именуя дворянина словомъ „боляринъ“ [1]).

Что же касается до чиновничьихъ титуловъ, то собственно говоря, они уже почти и оставляются въ частныхъ сношеніяхъ. Это въ особенности можно сказать о титулахъ низшихъ—„благородія“, „высокородія“. (Тѣмъ болѣе нелѣпымъ представляется получающее въ то же самое время широкое распространеніе употребленіе въ адресахъ титула „высокоблагородія“). Дороже цѣнится и чаще употребляется въ частныхъ сношеніяхъ титулъ „превосходительства“. Однако, нынѣ есть немало тайныхъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, которымъ не доставляетъ никакого удовольствія титулованіе ихъ «превосходительствами» даже и со стороны подчиненныхъ. Вспомнимъ Ровинскаго въ прекрасной характеристики Кони. Съ точки-же зрѣнія такихъ воззрѣній лучшей части современнаго русскаго общества, едвали представляется опирающимся на достаточныя основанія, то, что коммиссія статсъ-секретаря Перетца, пересматривающая уставъ о службѣ государственной, отказалась, по слухамъ, отъ уничтоженія чиновъ и проектировала лишь значительное сокращеніе правъ на титулъ «превосходительства». Съ точки зрѣнія тѣхъ же воззрѣній, представляется чистѣйшимъ курьезомъ то, что, по со-

---

[1]) Аналогичный вопросъ возникъ недавно въ англійской періодической печати по поводу употребленія выраженій „lady“ и „gentleman“ — и разрѣшенъ въ иномъ смыслѣ, противъ того, въ которомъ мы предполагаемъ разрѣшить вопросъ объ употребленіи выраженій „господинъ“, „госпожа“. Одинъ изъ сотрудниковъ газеты „The Daily Chronicle“ примѣнилъ наименованія „ladies“ и „gentlemen“ къ нѣкоторымъ бѣднякамъ, обитателямъ „рабочихъ домовъ“ не пенитерціарныхъ, собственно какъ учрежденій, содержимыхъ на основаніи закона о бѣдныхъ, — Poor—Law. Это возмутило одного „подлиннаго джентльмена“,—и онъ, по англійской манерѣ, выразилъ свои чувства въ письмѣ къ издателю. „Швеи и кухарки не лэди—говорилъ онъ— и носильщики съ докерами не джентльмены“. За этимъ послѣдовалъ, по обыкновенію, рядъ писемъ къ издателю по тому же вопросу. Однако, большинство авторовъ отстаивало примѣненіе наименованій „лэди“ и „джентльменъ“ не къ однимъ только лицамъ, имѣющимъ право на такіе титулы по своему рожденію. „Выраженія „лэди“ и „джентльменъ“—писалъ, напримѣръ, одинъ „поэтъ“—должны быть примѣнены ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя дѣйствуютъ соотвѣтствующимъ образомъ. Занятіе и вещественное богатство—не имѣютъ тутъ никакого значенія. Всѣ честные, трудолюбивые, ничѣмъ незапятнанные, пользующіеся доброй славой люди, съ которыми я прихожу въ соприкосновеніе, суть, въ моихъ глазахъ, или лэди или джентльмены. Быть можетъ, вашъ корреспондентъ—(авторъ упомянутаго письма къ издателю)—будетъ такъ добръ, что укажетъ, какова должна быть наименьшая сумма ежегоднаго дохода или какимъ должно быть занятіе лица, для того чтобы оно могло имѣть право на наименованіе его лэди или джентльменомъ. Съ своей стороны, я склоняюсь скорѣе къ тому, чтобы принять умъ мѣрою чести человѣка, а не талантъ его портного, выразившійся въ его пышномъ домѣ, наличный капиталъ или занятіе“. („The Daily Chronicle“, December 28, 1898).

общенію „Русскихъ Вѣдомостей". (№ 22 за 1897 г.),—«въ одномъ провинціальномъ университетскомъ городѣ», мѣстный цензоръ отличаетъ титуломъ „господина" лицъ, состоящихъ на государственной службѣ: когда говорится о правительственныхъ чиновникахъ, онъ обязательно вставляетъ «г.» (господинъ),—но не дѣлаетъ этого никогда по отношенію къ представителямъ выборныхъ учрежденій... Лица, состоящія на общественной службѣ,—на это, конечно, и не въ претензіи... Само по себѣ нелѣпо то, что практикуется въ дѣловыхъ бумагахъ,—присоединеніе слова „господинъ" къ означенію должности служащаго лица, титулуемаго и безъ того, и притомъ называемаго по имени, отчеству и фамиліи,—напримѣръ: „его высокоблагородію господину земскому начальнику... Ивану Ивановичу Иванову".... Слово „господинъ" (какъ имя, отчество и фамилія) тутъ, безъ сомнѣнія, совершенно излишне....

Но съ другой стороны, въ виду этого послѣдняго обычая, нельзя не сказать въ подтвержденіе необходимости окончательнаго изгнанія разсмотрѣннаго выше извращенія отчества частныхъ лицъ представителями власти,—что если частныя лица, въ обращеніяхъ къ представителю власти, титулуютъ его и по чину, и по должности, и по почетному наименованію, принадлежавшему помѣщикамъ, и означаютъ, кромѣ того его имя, отчество (безъ всякаго извращенія) и фамилію,—то тѣмъ менѣе допустимо для представителя власти умаленіе ихъ простаго человѣческаго достоинства, путемъ разсмотрѣннаго извращенія отчества... Затѣмъ, во всякомъ случаѣ, примѣръ высшихъ установленій долженъ быть обязателенъ для низшихъ...

Н. Дружининъ.

Бабиды.

(Страничка персидской исторія).

Изученіе религіозныхъ сектъ интересно не только въ историческомъ отношеніи, оно нерѣдко освѣщаетъ идеальную сторону жизни народа такъ, какъ не можетъ освѣтить ее этнографическое, изслѣдованіе. Многія стороны исторической жизни ярко и выпукло обрисовываются на этомъ фонѣ исторической картины и осязательнѣе выступаетъ народная физіономія. Исторія альбигойцевъ, гусситовъ, пуританъ въ высокой степени отмѣчена національнымъ колоритомъ, въ которомъ тонутъ и расплываются стороннія культурныя вліянія, давшія начало тому или другому направленію религіозной мысли.

Въ исторія европейскихъ государствъ сектантство играетъ роль скорѣе второстепенную, такъ какъ широкое развитіе науки и искусства даетъ просторъ работѣ духовныхъ силъ и вливаетъ свѣжіе соки въ общественную жизнь націи. На Востокѣ, гдѣ вліяніе культуры крайне незначительно, пытливость и жажда духовной дѣятельности принимаютъ другія формы. Не даромъ этотъ дряхлый Востокъ является для Европы источникомъ религіознаго обновленія, колыбелью монотеизма; не даромъ въ немъ получили начало наиболѣе замѣчательныя религіозныя системы. Въ теченіе вѣковъ онъ поражалъ замѣчательной живучестью религіозно-философской мысли; послѣдняя проникала въ Европу и, несмотря на свои нерѣдко крайне причудливыя формы, оставляла замѣтный слѣдъ въ философіи, порождая такія явленія, какъ неоплатонизмъ, гностицизмъ и проч.

Одной изъ особенностей развитія религіозной философіи на Востокѣ является *синкретическій* характеръ, способность воспринимать и сочетать чуждые элементы нерѣдко подвергая ихъ своеобразной переработкѣ. Въ этомъ нельзя не видѣть стремленія разорвать оковы, связующія свободное развитіе мысли, придать ей болѣе универсальный характеръ. Магометанство, позже другихъ религій выступившее на арену исторіи не избѣжало общей участи; въ немъ время отъ времени возникали религіозныя направленія, стремившіяся обновить ѳеологію и мораль свѣжими теченіями, обогатить ихъ идеями, почерпнутыми изъ христіанской и индійской теософіи. Наиболѣе яркимъ явленіемъ въ этой области слѣдуетъ

считать такъ называемый суфизмъ, съ его отрицаніемъ внѣшней обрядности, проповѣдью милосердія, обузданія страстей. Ближайшимъ къ нашему времени отпрыскомъ суфизма является особая секта, возникшая и довольно распространенная въ Персіи,— бабизмъ.

Убійство персидскаго шаха Насcръ Эдина фанатикомъ бабидомъ возбудило интересъ къ этой своеобразной сектѣ. Съ цѣлью познакомить образованное общество съ бабизмомъ въ Лейпцигѣ издана доцентомъ берлинской семинаріи оріенталистовъ D-r F. Andreos книжка «Die Babis in Persien, 1896. Verlag der Akademischen Buchhandlung. Въ предисловіи издатель (не авторъ) объясняетъ цѣль сочиненія, „снять позорное пятно цареубійства, которое, по общераспространенному въ Европѣ мнѣнію, лежитъ на послѣдователяхъ такого возвышеннаго религіознаго и соціальнаго движенія, какимъ является бабизмъ". Книжка имѣетъ цѣлью дать обзоръ исторіи бабизма и выяснить важнѣйшіе пункты этой доктрины. Она представляетъ несомнѣнный интересъ, такъ какъ авторъ является однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Персіи; матеріалъ собранный имъ на мѣстѣ и провѣренный по источникамъ, даетъ понятіе о положеніи бабидовъ въ современной Персіи. Авторъ книжки высоко ставитъ ученіе Баба, основателя секты, и видитъ въ немъ залогъ возрожденія страны; сближенія ея съ европейскою культурою.

Какъ и всякая новая религіозная система, бабизмъ имѣетъ своихъ подвижниковъ и мучениковъ. Много свѣтлыхъ страницъ, полныхъ высокаго самоотверженія, представляетъ исторія этой сравнительно недавней секты. Дѣлать окончательные выводы относительно роли этого ученія въ будущемъ во всякомъ случаѣ преждевременно, а тѣмъ болѣе трудно сближать его съ христіанствомъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, трудно уже потому, что первые шаги бабизма запечатаны кровавою борьбою въ которой послѣдователи новаго ученія выступали съ оружіемъ въ рукахъ, внося въ страну не миръ, но мечъ, хотя принципы бабизма весьма симпатичны; ученіе это проникнуто гуманностью, уваженіемъ къ личности человѣка, но при всемъ томъ въ основѣ его лежитъ довольно узкое и одностороннее начало; въ общемъ философія бабизма не возвышается надъ мусульманскимъ міровоззрѣніемъ. Это видно изъ того, что каббалистика и фатализмъ играютъ видную роль въ этомъ ученіи.

Что же такое бабизмъ? Какова роль этой секты во внутренней жизни Персіи? Отвѣта на это нужно, разумѣется, искать въ исторіи возникновенія и распространенія секты.

Основатель ея *Мирза Али Мугамедъ* отличался выдающимся ораторскимъ талантомъ и обнаруживалъ склонность къ созерцательной жизни. Проникшись идеями своего учителя *Хаджи-Сеида* проповѣдывавшаго о пришествіи магди, Али-Мугамедъ сталъ выдавать себя за посланника небесъ, и принялъ имя Бабъ (по-персидски „врата»). Самъ Бабъ, положившій начало философской и богословской литературѣ секты, не игралъ видной роли въ распространеніи своего ученія и сосланный въ сѣверо-восточныя обла-

сти Персіи, жилъ тамъ въ полномъ уединеніи до своей трагической смерти въ 1850 году. Миссію прозелитизма взяли на себя два энергичные ученика Баба: Мулла Гуссейнъ и Мугамедъ Али; благодаря ихъ проповѣдническимъ трудамъ, новое ученіе, встрѣченное на первыхъ порахъ, недружелюбно стало быстро распространяться. Преслѣдованія, которымъ стали подвергаться бабиды, придали еще больше рѣшительности апостоламъ секты, и они, не ограничиваясь нравственной стороной ученія, стали проповѣдывать распространеніе царства бабидовъ по всей землѣ. Была сдѣлана попытка утвердить новое ученіе силою оружія, и Гуссейнъ палъ въ битвѣ съ персидскими войсками. Дѣятельность Баба и первыхъ его послѣдователей, Гуссейна, Мугамеда Али и женщины *Зеррины Таджъ*, прозванной «утѣшеніемъ очей», и запечатлѣвшей свою проповѣдь мученической смертью, способствовала распространенію секты въ предѣлахъ Персіи. Военные подвиги бабидовъ, покрывшихъ себя славою въ борьбѣ съ персидскими войсками, несмотря на неудачный исходъ возстанія послѣдователей новой секты, распространили ученіе въ такой же мѣрѣ, какъ и религіозная ревность первыхъ его проповѣдниковъ. Гуманные и высокіе принципы морали, внесенные новымъ ученіемъ въ полную косности и застоя жизнь мусульманскаго общества, должны были возвысить новое ученіе въ глазахъ благомыслящихъ и лучшихъ людей Персіи. Наиболѣе рьяными противниками бабизма явились мусульманское духовенство и юристы, а также персидское правительство, встревоженное броженіемъ вызваннымъ проповѣдниками новой вѣры и притязаніями послѣдней на повсемѣстное распространеніе и господство. Шахъ Насеръ-Эддинъ былъ для бабидовъ тѣмъ же, чѣмъ былъ для первымъ христіанъ Неронъ. Не говоря уже о безпощадномъ истребленіи всѣхъ бабидовъ взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, мучительной казни вождей бабизма, Зеррина Таджъ была сожжена на кострѣ,—персидское правительство послѣ неудачнаго покушенія на жизнь шаха, произведеннаго тремя бабидами, рѣшило устроить поголовное избіеніе ненавистныхъ еретиковъ. Душою этой новой Варѳоломеевской ночи былъ первый министръ Мирза Нури. Были привлечены къ дѣлу истребленія бабидовъ рѣшительно всѣ классы персидскаго общества, не исключая духовенства и чиновниковъ; даже принцы крови и министры приняли въ этомъ участіе. Старались склонить и лейбъ-медика шаха француза Кіоке, но послѣдній отдѣлался шуткою, сказавъ что на своемъ вѣку онъ и безъ того отправилъ на тотъ свѣтъ немало людей. Ужасы, имѣвшіе мѣсто при этой безчеловѣчной бойнѣ, не поддаются описанію; бабидамъ вырывали глаза, разстрѣливали привязывая несчастныхъ къ жерламъ пушекъ, разсѣкали топорами, саблями, дѣлали надрѣзы на тѣлѣ и вставляли въ зіяющія раны зажженныя свѣчи. Убійцы старались превзойти другъ друга въ изобрѣтательности. Бабиды выказали изумительную стойкость; они спокойно и безропотно шли на смерть, выносили самыя ужасныя истязанія. Ни одинъ изъ нихъ не отрекся отъ исповѣдуемаго имъ ученія. Безчеловѣчность палачей, убивавшихъ дѣтей на глазахъ родителей, не могла сломить

мужества бабидовъ. Легендарный героизмъ проявилъ одинъ изъ бабидовъ, которому палачъ грозилъ, что онъ отрубитъ на его груди головы двумъ его сыновьямъ. Отецъ, не говоря ни слова, легъ на землю, а старшій сынъ 14 ти лѣтній мальчикъ настойчиво требовалъ чтобы его казнили первымъ. Въ числѣ погибшихъ во время этой рѣзни находились двое старѣйшихъ послѣдователей Баба.

Персидское правительство не ограничилось этими ужасами. Оно напечатало въ газетахъ списокъ убитыхъ бабидовъ, поименовавъ ихъ палачей, и указавъ самый родъ казни. Намѣреніе его предать поруганію тѣла убитыхъ не было приведено въ исполненіе, благодаря твердости европейца Поллака, доцента тегеранской медицинской школы. Онъ отказался подвергать вскрытію тѣла убитыхъ бабидовъ, хотя этого желали приближенные шаха.

Какъ бы мы ни смотрѣли на ученіе Баба, нельзя не признать, что оно наиболѣе свѣтлое явленіе въ мусульманскомъ мірѣ. Если отбросить притязанія на всемірное господство, которыя проглядываютъ въ дѣятельности ближайшихъ послѣдователей Баба, и имѣть въ виду исключительно этическую сторону этого ученія, то культурная заслуга бабизма окажется не малой. Уже одно возвышеніе женщины, признаніе за нею человѣческихъ правъ— есть крупный шагъ впередъ. Но бабизмъ не ограничивается этимъ: онъ дѣлаетъ попытку разбить оковы мусульманской исключительности, внеся въ свою догму своеобразно понятую идею прогресса. Послѣдняя выражается въ мѣнѣ отдѣльныхъ цикловъ откровенія. Старое мусульманство признавало преемственность откровеній отъ Адама и Ноя до Магомета, но видѣло въ послѣднемъ завершеніе религіознаго развитія, наиболѣе совершенную его форму. Бабизмъ далекъ отъ подобной исключительности, исходя изъ пантеистическаго взгляда, въ силу котораго всѣ явленія въ жизни человѣчества составляютъ лишь отраженіе верховной воли божества, онъ не ограничиваетъ развитія религіозныхъ идей проповѣдью своего основателя Баба, а разсматриваетъ его дѣятельность, какъ подготовительную ступень для послѣдующихъ болѣе совершенныхъ и возвышенныхъ религіозныхъ откровеній.

Тегеранская рѣзня не остановила распространенія бабизма, но свободное исповѣданіе его и особенно пребываніе въ предѣлахъ Персіи главы новой секты стало невозможнымъ. Послѣ казни Баба пророкомъ бабидовъ сталъ мирза *Ягія*. Преслѣдуемый персидскимъ правительствомъ, онъ поселился въ Багдадѣ, куда въ 1854 г. переселился и его сводный братъ мирза Гусейнъ-Али, извѣстный подъ именемъ Беги („блескъ"). Послѣдній явился дѣятельнымъ помощникомъ Ягіи, мало по малу забралъ въ свои руки завѣдываніе всѣми дѣлами секты, и поддерживалъ постоянныя сношенія съ своими единовѣрцами въ Персіи. Ягію было предоставлено почетное званіе пророка. Бега занялъ еще болѣе видное мѣсто, сдѣлавъ въ своемъ сочиненіи „Иканъ", вышедшемъ въ 1861 году, первую попытку обосновать съ философской стороны принципы бабизма, чего не удалось сдѣлать Бабу и другимъ богословамъ секты. Сочиненіе это, въ которомъ

авторъ обнаруживаетъ большую ученость и сильную діалектику, написано блестящимъ языкомъ и представляетъ, безспорно, одно изъ выдающихся явленій восточной литературы. Бега въ одинаковой степени обнаруживаетъ знаніе Пятикнижія, Евангелія, Корана, изъ которыхъ онъ почерпаетъ доказательства для своего ученія. Важность этой книги обусловлена тѣмъ, что она есть единственный богословскій трактатъ бабидовъ, вышедшій въ свѣтъ. Бабиды вообще не придаютъ большаго значенія распространенія своего ученія при помощи печатнаго слова; такъ названный трактатъ Беги, литографированный, по всей вѣроятности, въ Индіи, распространенъ лишь среди наиболѣе вліятельныхъ бабидовъ, которые съ большою разборчивостью допускаютъ другихъ пользоваться этой книгой.

Въ 1864 г. по настоянію персидскаго правительства, бабиды были переселены изъ Багдада въ Константинополь и Адріанополь. Послѣдній городъ сталъ пользоваться среди нихъ особымъ уваженіемъ и былъ названъ „градомъ тайны", такъ какъ въ немъ Бега, черезъ два года послѣ своего переселенія объявилъ себя пророкомъ, преемникомъ Баба, провозвѣстникомъ новаго, болѣе современнаго религіознаго откровенія. Ягія отказался признать своего своднаго брата пророкомъ, и среди бабидовъ возникъ расколъ, сопровождавшійся кровавыми междоусобіями. Турецкое правительство рѣшило сослать обоихъ вождей. Ягія былъ отправленъ въ Кипръ, гдѣ онъ жилъ еще въ 1893 г. шестидесяти трехлѣтнимъ старикомъ, а Бега въ сирійскій городъ Акку. Впрочемъ приверженцы Беги, такъ называемые *эземисты*, весьма немногочисленны: въ Персіи они встрѣчаются рѣдко. Бега умеръ въ 1892 гору.

Въ числѣ сочиненій Беги обращаютъ вниманіе весьма интересныя посланія къ европейскимъ государямъ и сановникамъ, въ которомъ онъ предлагаетъ имъ ни больше, ни меньше какъ принять новое ученіе. Такія посланія адресованы турецкому султану Абдулъ-Азису, королевѣ Викторіи, Наполеону III, даже папѣ. Въ посланіи къ персидскому Шаху Бега обвиняетъ персидское духовенство въ преслѣдованіи бабидовъ, называетъ себя вѣрнымъ подданнымъ шаха, далекимъ отъ всякой мысли возмущать спокойствіе въ государствѣ, ссылается на то, что только благодаря его вліянію прекратились возстанія бабидовъ. Онъ требуетъ для бабидовъ права свободно исповѣдывать свою вѣру, грозя, въ противномъ случаѣ, шаху новыми покушеніями на его жизнь. Нашелся самоотверженный молодой бабидъ, взявшійся передать посланіе Беги Насеръ-Эдину. Онъ исполнилъ это религіозное дѣло съ сознаніемъ предстоящей опасности. Раздраженный содержаніемъ письма и смѣлостью молодого фанатика, шахъ приказалъ подвергнуть его мучительной казни: его тѣло жгли раскаленными кирпичами. Бабидъ съ радостью принялъ извѣстіе о смерти за вѣру и съ изумительнымъ мужествомъ переносилъ страданія.

Преслѣдованія бабидовъ въ Персіи продолжались, хотя и не отличались столь ожесточеннымъ характеромъ, какъ въ 50-хъ годахъ. Иниціатива, какъ и прежде, принадлежала мусульман-

скому духовенству, со взглядами котораго на бабизмъ должны были считаться правители областей. Немалую роль играли здѣсь случайные мотивы мести и корыстолюбія, какъ показываютъ факты, имѣвшіе мѣсто въ 1880 году въ Испагани, гдѣ были умерщвлены два богатыхъ купца, принадлежавшіе къ сектѣ; не помогло даже заступничество живущихъ въ Испагани европейцевъ. Губернаторъ Испагани, Зиль—султанъ, старшій сынъ шаха, жестоко преслѣдовалъ бабидовъ, онъ осуждалъ на смерть людей весьма уважаемыхъ за то только, что они принадлежали къ числу послѣдователей Баба. Тегеранскій дворъ обнаруживалъ полное равнодушіе къ такимъ злодѣяніямъ и предоставилъ губернаторамъ областей поступать съ бабидами по своему усмотрѣнію. Правители областей прибѣгали къ жестокимъ мѣрамъ даже тогда, когда не могли сослаться на фанатизмъ персидскаго простонародья и вліяніе духовенства; такъ было, напр., при преслѣдованіи бабидовъ въ Султанабадѣ, столицѣ провинціи Иракъ, въ въ 1862 году.

Англичанинъ Гренвиль Браунъ, путешествовавшій по Персіи, имѣлъ возможность наблюдать и изучать послѣдователей секты. Онъ сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній о бабидахъ. Такъ въ Ширасѣ онъ познакомился съ письмоносцемъ бабидовъ, который съ опасностью жизни доставлялъ въ Персію посланія Беги изъ Сиріи, выбирая длинный, кружной путь изъ опасенія быть узнаннымъ и предать въ руки персидскаго правительства своихъ единовѣрцевъ, пересылавшихъ черезъ его посредство свою корреспонденцію. Ни неудобства пути, который онъ совершаетъ пѣшкомъ, ни скудная пища, ни постоянныя опасности, которыхъ находчивый и смѣлый бабидъ умѣетъ искусно избѣгать, не могутъ отклонить его отъ служенія дѣлу, которое онъ считаетъ святымъ. И такихъ подвижниковъ не мало среди бабидовъ.

Любопытны свѣдѣнія о личности *Джемалэддина*, имя котораго связано съ убійствомъ шаха Нассръ-Эддина. Этотъ шейхъ, довольно образованный человѣкъ, пользовался широкою извѣстностью во всемъ мусульманскомъ мірѣ, въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ его, каковы: Индія, Суданъ, Тунисъ. Будучи богословомъ онъ не былъ чуждъ философскихъ воззрѣній на сущность и значеніе религіи, враждебно относился къ піэтизму и мистицизму, господствующимъ во многихъ высшихъ мусульманскихъ школахъ, и въ самомъ коранѣ умѣлъ находить подтвержденіе своихъ свободныхъ взглядовъ. Джемалэдинъ бывалъ и въ Европѣ; такъ въ 1890—1891 году онъ слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ и еще раньше посѣтилъ Лондонъ. Среди мусульманъ онъ пользовался большимъ вліяніемъ. Пребываніе его при дворѣ шаха, гдѣ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пользовался расположеніемъ Нассръ-Эддина, возбудило зависть персидскихъ вельможъ и, по интригамъ послѣднихъ, Джемалэддинъ былъ удаленъ отъ двора. Онъ долженъ былъ покинуть Тегеранъ. Оскорбленный шейхъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ Нассръ-Эддина, и нашелъ случай возмутить населеніе Персіи, воспользовавшись общимъ неудовольствіемъ по поводу введенія табачной монополіи. Чтобы

избавиться отъ опаснаго заговорщика, Насеръ-Эддинъ обратился къ содѣйствію турецкаго султана, который призвалъ Джелалэддина въ Константинополь, подарилъ ему дворецъ, далъ содержаніе и приблизилъ къ себѣ. Упрямый шейхъ склонился на убѣжденія падишаха и обѣщалъ не предпринимать ничего противъ персидскаго государя. Тѣмъ не менѣе Джемалэддину былъ воспрещенъ выѣздъ изъ Константинополя, и за всѣми его дѣйствіями и сношеніями зорко слѣдили. Видя постепенное охлажденіе султана, Джемалэддинъ, несмотря на бдительный надзоръ, поддерживалъ сношенія съ недовольными персидскими эмигрантами, въ числѣ которыхъ находился будущій убійца шаха Мугамедъ-Риза. Персидское правительство нѣсколько разъ требовало выдачи Джемалэддина, но султанъ не соглашался на это, считая такой поступокъ нарушеніемъ права гостепріимства. Персидскій посланникъ не могъ добиться выдачи опаснаго шейха даже послѣ убійства шаха, хотя сношенія Джемалэддина съ Мугамедомъ-Ризой обнаружились, при чемъ послѣдній игралъ роль слѣпого орудія въ рукахъ шейха. Джемалэддину удалось бѣжать изъ Константинополя по однимъ извѣстіямъ въ Каиръ, по другимъ—въ Лондонъ.

Несомнѣнно, что внѣшнія потрясенія, внесенныя бабизмомъ въ жизнь Персіи, находятся въ противорѣчіи съ духомъ этого ученія, о которомъ изслѣдователи и историки Персіи отзываются съ похвалою, какъ о самобытной формѣ прогрессивнаго движенія въ мусульманскомъ мірѣ. Бабидамъ совершенно чужда обычная среди мусульманъ нетерпимость по отношенію къ представителямъ другихъ религій. Воинствующее направленіе секты обусловливается, повидимому, двумя причинами: преслѣдованіями, которымъ они подвергались на родинѣ, а также тяжелымъ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ Персіи. Можно надѣяться, что съ измѣненіемъ прежняго суроваго режима въ отношеніи бабизма, послѣдній сосредоточитъ свои силы на внутренней работѣ, и явится надежнымъ союзникомъ персидскаго общества въ дѣлѣ распространенія европейской культуры.

Адр. Круковскій.

На рубеже XIX века.

Между тѣмъ Дюмурье, выполняя свой завѣтный планъ, вторгся въ Голландію. Голландцы приняли его лучше, чѣмъ бельгійцы; народъ радостно встрѣчалъ французовъ, какъ своихъ освободителей отъ оранско-англійскаго ига. Французскій генералъ быстро проникъ въ глубь Голландіи: онъ скоро завоевалъ бы ее всю, потому что генералъ-штатгальтеръ принималъ мѣры противодѣйствія очень медленно и неумѣло. Но когда Дюмурье взялъ Бреду и Гертруйденбургъ, съ сѣверо-запада австрійцы вторглись въ Бельгію. Защиту Бельгіи Дюмурье поручилъ своему подчиненному Мирандѣ; это былъ южно-американецъ, увлекавшійся примѣромъ Лафайета. Клерфэ, командовавшій австрійцами, еще раньше разбилъ при Ахенѣ французскаго генерала Мязинскаго (Miazinski), которому пришлось искупить свои ошибки на эшафотѣ. Миранда, осадившій Мастрихтъ, также былъ отброшенъ и разбитъ. Угрожаемый съ тыла, Дюмурье быстро выступилъ изъ Голландіи, и соединился съ остатками корпуса Миранды. Дюмурье со своей обычной отвагой рѣшилъ все поставить на карту и дать сраженіе австрійцамъ. Это сраженіе произошло 18 марта 1793 года при Неервинденѣ. Австрійцами здѣсь предводительствовали Клерфэ и молодой эрцгерцогъ Карлъ Австрійскій, огромный талантъ котораго здѣсь впервые проявился во всемъ блескѣ. Лѣвое свое крыло Дюмурье поручилъ неспособному Мирандѣ и далъ ему значительное войско. Но австрійцы отбросили Миранду; войско его, несмотря на то, что оно своею численностью превосходило австрійцевъ, было прогнано и разсѣяно, такъ что правое крыло австрійцевъ могло броситься на Дюмурье, какъ разъ собиравшагося окружить врага. Теперь, когда на него напала преобладающая сила австрійцевъ, онъ долженъ былъ отступить: однако говорили, будто его сопротивленіе не было достаточно энергичнымъ, будто онъ

изъ ненависти къ республикѣ нарочно позволилъ австрійцамъ одержать побѣду. Онъ потерялъ 7000 человѣкъ, большую часть своихъ орудій и долженъ былъ очистить Бельгію. Онъ утратилъ ее въ одной этой битвѣ, которая имѣла не менѣе громадныя послѣдствія, чемъ битва при Жемапнѣ

Теперь Дюмурье открыто выступилъ противъ конвента. Еще до битвы при Неервинденѣ онъ написалъ конвенту письмо, полное угрозъ, и жаловался на якобинцевъ. Теперь онъ послалъ въ конвентъ второе письмо съ еще болѣе сильными угрозами. Якобинцы вслѣдствіе нападокъ Марата уже давно питали злобу противъ Дюмурье; теперь они послали трехъ членовъ своего клуба для наблюденія за генераломъ, который снова сблизился съ жирондистами. Конспирируя съ жирондистами, Дюмурье вступилъ въ переговоры и съ австрійскимъ генераломъ Маккомъ. Онъ заключилъ перемиріе съ австрійцами, во время котораго хотѣлъ двинуться на Парижъ и на конвентъ, чтобы возстановить конституцію 1791 года и объявить королемъ герцога Шартрскаго. Когда послы якобинцевъ: Проли, Дюбюиссонъ и Перейра стали разспрашивать его о его мнѣніяхъ, онъ сказалъ, что конвентъ—сборище изъ 200 разбойниковъ и 600 дураковъ, что невозможно допустить учрежденіе революціоннаго трибунала. „Вы не признаете конституціи?“ спросилъ его Проли.—„Новая слишкомъ глупа!“ отвѣтилъ Дюмурье и сказалъ, что онъ хочетъ возстановить конституцію 1791 года съ королемъ. Послѣ этого конвентъ послалъ въ лагерь Дюмурье въ Сенъ-Аманѣ четырехъ комиссаровъ: Камю, Банкаля, Кинетте и Ламарка съ военнымъ министромъ Бернонвиллемъ; они должны были привести генерала въ конвентъ, а въ случаѣ его сопротивленія, удалить отъ должности. Когда эти комиссары прибыли къ Дюмурье, его соглашеніе съ австрійцами дошло уже до того, что онъ окружилъ себя австрійскими гусарами, въ качествѣ лейбъ-гвардіи. Дюмурье обращался съ Бернонвиллемъ, своимъ другомъ, очень вѣжливо, къ комиссарамъ же отнесся крайне надменно. Онъ отказался подчиниться постановленію конвента, призывавшему его въ Парижъ, повернулся спиной къ комиссарамъ и ушелъ. Но комиссары пошли за нимъ въ его генеральный штабъ. Камю спросилъ генерала въ присутствіи его офицеровъ; „хотите ли вы повиноваться конвенту, или нѣтъ?“— „Нѣтъ!“ отвѣтилъ Дюмурье.—„Въ такомъ случаѣ, вы удалены отъ должности,—сказалъ Камю:—ваши бумаги будутъ опечатаны и вы сами—арестованы“.—„Ну, это ужъ слишкомъ

сильно!—воскликнулъ Дюмурье.—Эй, гусары, сюда!"—Такимъ образомъ, этотъ генералъ велѣлъ австрійскимъ гусарамъ арестовать комиссаровъ, передалъ ихъ австрійцамъ, у которыхъ тѣ и должны были вынести продолжительный и постыдный плѣнъ. Бернонвилль былъ тоже арестованъ. „Этимъ я спасаю васъ,—сказалъ ему Дюмурье,—отъ революціоннаго трибунала".

Эта позорная измѣна возмутила офицеровъ арміи Дюмурье противъ генерала. Преданный конвенту, Данпьерръ сталъ во главѣ его противниковъ, какъ нѣкогда поступилъ и самъ Дюмурье послѣ отложенія Лафайета. Нѣкоторое время армія оставалась пассивной, но когда декретъ конвента объявилъ генерала-измѣнника внѣ закона, гнѣвъ арміи обрушился на него. Дюмурье, преслѣдуемый выстрѣлами и проклятіями французовъ, едва успѣлъ подъ охраною австрійскихъ гусаръ бѣжать въ австрійскій лагерь, вмѣстѣ съ герцогомъ Шартрскимъ и другими своими единомышленниками. Начальствованіе надъ войскомъ было передано Данпьерру.

Австрійцы надѣялись на противо-революціонную дѣятельность Дюмурье; теперь онъ былъ безсиленъ и они отвернулись отъ него. Англія изъ милости выдавала ему содержаніе, и онъ, отчасти презираемый, а отчасти совершенно забытый, составлялъ за это планы противъ своего отечества. Судьба обрекла его еще на долгую жизнь, во время которой онъ уже никогда не могъ выступить въ видной роли.

Измѣна Дюмурье была тяжелымъ ударомъ для Жиронды, потому что она набрасывала на нее подозрѣніе въ соучастіи въ планахъ генерала, и оправдывала нападки Горы.

Когда французское оружіе терпѣло такія тяжелыя неудачи, и въ лагеряхъ гнѣздилась измѣна, когда снаряжалась коалиція когда Вандея грозила подняться за короля, а южные департаменты—за жирондистовъ,—въ самомъ конвентѣ свирѣпствовала ожесточенная борьба между Жирондою и Горою. Гора, опираясь на парижское населеніе, начинала получать все большее и большее преобладаніе въ конвентѣ. Но жирондисты не хотѣли легко сдаться, и, такимъ образомъ, борьба партій приняла небывалую еще въ парламентскихъ собраніяхъ рѣзкость. Возбужденіе этого времени сдѣлало свое дѣло. Стороны осыпали другъ друга ругательствами и угрозами, обвиняли

другъ друга въ соглашеніи съ иностранцами и аристократами. Иногда на сцену появлялось оружіе и дѣло доходило до рукопашной свалки. Судороги, въ которыхъ билась Франція, угрожаемая Европой и предательствомъ, терзаемая множествомъ разнообразныхъ интересовъ и страстей,—со всею силою отзывались въ конвентѣ. Въ это бурное время, казалось, здѣсь идетъ борьба титановъ. Тутъ раздавался патетическій голосъ Верніо, жаловавшійся на угрозы смертью, ядовитыя выходки Гадэ, бурные взрывы Иснара и Барбару. Рѣзкій голосъ Марата обвинялъ «государственныхъ людей» въ подготовленіи гражданской войны; могучая гортань Дантона, точно набатъ, гремѣла противъ реакціонеровъ, а Робеспьеръ изливался въ широковѣщательныхъ жалобахъ на вездѣсущую измѣну. Среди этого шума и гама притаились люди долины, «болотныя жабы»; они радовались, что буря проносится надъ ихъ головами, не задѣвая ихъ. Были тутъ и глубокіе мыслители, размышлявшіе среди этого шума о труднѣйшихъ вопросахъ обновленія государства и общества.

Энергическія требованія Горы большею частью принимались. Такъ, 28 марта по предложенію парижской коммуны было постановлено организовать общественную помощь, которую объявили долгомъ господствующихъ классовъ передъ обществомъ. Затѣмъ принялись за раздѣлъ общинныхъ земель; Triage, «историческое право» землевладѣльцевъ на треть общинныхъ имуществъ еще раньше было уничтожено: общины получили обратно всѣ свои имущества. Но и теперь люди не съумѣли концентрировать общинную собственность и организовать хозяйство въ крупныхъ размѣрахъ. Общинныя имущества и общинное самоуправленіе, какъ говоритъ одинъ современный писатель, могли бы образовать самые прочные устои демократіи. Но конвентъ, въ противоположность парижской коммунѣ, не хотѣлъ и знать ничего о широкомъ самоуправленіи общинъ; такимъ образомъ, общинныя имущества были раздроблены. Сперва было постановлено раздѣлить общинныя угодья между тѣми гражданами, которые имѣли не болѣе 100 франковъ дохода, впослѣдствіи декретомъ 10 іюня было предписано раздѣлить ихъ между всѣми жителями по числу душъ. Но этотъ раздѣлъ былъ произведенъ лишь до извѣстной степени.

Такимъ образомъ, конвентъ увеличилъ число собственниковъ мелкихъ участковъ. Этимъ онъ создалъ тотъ классъ, который долженъ былъ стать такимъ сильнымъ тормазомъ дальнѣйшаго демократическаго развитія Франціи. Конвентъ не воспользо-

вался удобнымъ случаемъ для организаціи общественнаго земледѣльческаго хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ. Люди не думали о томъ, чтобы возстановить старинное общинное хозяйство въ улучшенномъ и болѣе совершенномъ видѣ: въ мелкихъ собственникахъ они видѣли настоящихъ буржуазно-нормальныхъ людей. Такимъ образомъ, новая демократія стала на наклонную плоскость, что не могло обѣщать ей долговѣчности. Можно возразить, что эта демократія въ борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами не имѣла времени основательно подумать о преобразованіи земледѣльческаго хозяйства; но ни у одного изъ ея самыхъ свѣтлыхъ умовъ не появилось даже мысли о томъ, что увѣковѣченіе карликоваго хозяйства воспитаетъ эгоистическое, недоступное для идеаловъ поколѣніе. Двѣ наполеоновскихъ имперіи были плодомъ этой системы мелкихъ участковъ.

Гора принуждала конвентъ ко все болѣе и болѣе энергичнымъ мѣрамъ. Когда, по предложенію коммуны, было рѣшено устроить близъ Парижа лагерь на 40,000 человѣкъ, и домовладѣльцамъ было предписано обозначать на дверяхъ имена, состояніе и возрастъ ихъ квартирантовъ,—послѣдовало отложеніе генерала Дюмурье, и Горѣ удалось осуществить свой планъ сильнаго диктаторскаго правительства въ самомъ конвентѣ. Возбужденіе, вызванное измѣной Дюмурье, привело, 6 апрѣля 1793 года, къ учрежденію знаменитаго комитета благосостоянія, чѣмъ было осуществлено Маратовское требованіе диктатуры. Этотъ комитетъ стоялъ выше министерствъ и его девять членовъ были уполномочены дѣлать все, что они найдутъ нужнымъ для благосостоянія страны. Комитетъ благосостоянія, совѣщанія котораго были тайными, надзиралъ за министрами и министры должны были слѣдовать его предписаніямъ. Надъ нимъ не было никакой власти, кромѣ того, что мѣры, принятыя имъ, впослѣдствіи подтверждались конвентомъ. Но идея комитета благосостоянія не совсѣмъ соотвѣтствовала мысли Марата о диктатурѣ. Маратъ хотѣлъ соединить власть въ рукахъ одного лица; «ядро на ногѣ» диктатора должно было состоять въ его отвѣтственности передъ конвентомъ. Конвентъ же вручилъ диктатуру различнымъ лицамъ, раздробилъ ея силу и создалъ почву для тѣхъ внутреннихъ неурядицъ, которыя привели къ паденію демократіи.

Въ рукахъ комитета безопасности и комитета благосостоянія была внутренняя полиція; но комитетъ благосостоянія могъ отдавать приказы и объ арестахъ должностныхъ лицъ. Поэтому власть его благосостоянія была всемогущей. Отразивъ нападеніе

Европы на республику и поразивъ ея внутреннихъ враговъ, онъ пріобрѣлъ великую славу. Но пока что—жирондистамъ удалось парализовать его дѣятельность. Правда, они дали свое согласіе на предложеніе арестовать членовъ орлеанской фамиліи за ея заговоры съ Дюмурье, такъ какъ хотѣли очистить себя отъ подозрѣнія въ томъ, что они сами поддерживали планы Дюмурье. Однако они постарались, чтобы въ комитетъ благосостоянія были избраны почти исключительно люди долины, и поэтому комитетъ не проявлялъ той энергіи, какой ожидала отъ него Гора.

Между тѣмъ, Жиронда, пользуясь своимъ перевѣсомъ въ конвентѣ, въ значительной степени парализовала усилія Горы, въ парижскомъ населеніи озлобленіе противъ жирондистовъ возросло до того, что было рѣшено уничтожить ихъ и этимъ избавить республику отъ столь сильнаго тормаза.

Уже по тѣмъ угрозамъ, которыми партіи осыпали другъ друга, можно было предугадать трагическій исходъ дѣла. Въ пылу борьбы партіи взводили другъ на друга страшныя обвиненія: Гора, утверждала, что жирондисты подкуплены Питтомъ; Жиронда же говорила, что Гора продалась пруссакамъ и австрійцамъ. Стороны грозили другъ другу смертью. Когда Дантонъ объявилъ жирондистамъ войну на жизнь и смерть, Робеспьеръ называлъ ихъ врагами революціи, а Маратъ въ своемъ журналѣ требовалъ ихъ уничтоженія,—на улицахъ Парижа явились «союзники» и солдаты, преданные жирондистамъ, и требовали головъ Марата, Дантона и Робеспьера. Разъ даже должны были вмѣшаться въ дѣло власти, потому что разъяренные марсельцы хотѣли поджечь домъ, въ которомъ жилъ Маратъ.

Маратъ въ это время предсѣдательствовалъ въ клубѣ якобинцевъ; появился за его подписью адресъ клуба, призывавшій населеніе провинціи подняться противъ жирондистовъ. Въ этомъ адресѣ встрѣчались сильныя выраженія, бывшія обычными въ этой страшной партійной борьбѣ и употреблявшіяся всѣми. Жирондисты, считавшіе Марата своимъ главнымъ врагомъ, рѣшили употребить противъ него мѣры, введенныя Горою. Пугливые люди центра помогли имъ, и послѣ большихъ усилій имъ удалось провести въ конвентѣ декретъ объ обвиненіи Марата. Такимъ образомъ, Маратъ предсталъ передъ революціоннымъ трибуналомъ. Но это обвиненіе, вмѣсто того, чтобы погубить Марата, привело къ его тріумфу.

Революціонный трибуналъ до сихъ поръ произнесъ четыре

смертныхъ приговора; между прочимъ, страннымъ образомъ, была приговорена къ смертной казни одна кухарка за то, что она выражала недовольство республикой, такъ какъ ея любовникъ долженъ былъ уйти на войну. Теперь жирондисты ожидали отъ него осужденія Марата. Но извѣстіе объ обвиненіи Марата взволновало Парижъ и коммуна со всей энергіей вступилась за него. Мэръ Пашъ явился передъ барьеромъ конвента и въ петиціи, одобренной 35 секціями, потребовалъ исключенія изъ конвента 22 выдающихся жирондистовъ, какъ враговъ революціи. Петиція требовала народнаго голосованія относительно жирондистовъ. Но жирондисты, сами требовавшіе народнаго голосованія въ процессѣ короля, теперь отвергли это предложеніе и друзья Дантона поддержали ихъ. Конвентъ отвергъ петицію 35 секцій, какъ исполненную злобы и клеветы. Такимъ образомъ, нападеніе коммуны на жирондистовъ пока потерпѣло крушеніе и Маратъ 24 апрѣля 1793 года предсталъ передъ революціоннымъ трибуналомъ. Онъ обвинялся въ возбужденіи къ грабежамъ и убійствамъ, въ стремленіи къ власти, враждебной народу, и къ уничтоженію конвента,—слѣдовательно, въ своего рода государственной измѣнѣ.

Маратъ держалъ себя съ полной увѣренностью, и далъ совсѣмъ иной оборотъ дѣлу, выступивъ съ обвиненіемъ противъ жирондистовъ. Его единогласно оправдали. Передъ зданіемъ трибунала его ждала необозримая толпа народа; какъ Маратъ ни сопротивлялся, народъ посадилъ его на убранныя цвѣтами носилки, возложилъ ему на голову вѣнокъ и на рукахъ понесъ его въ конвентъ. Здѣсь онъ снова занялъ свое мѣсто; тутъ одинъ бородатый саперъ выступилъ изъ толпы и сказалъ конвенту: „Мы принесли вамъ Марата назадъ. Маратъ всегда былъ другомъ народа, и народъ всегда будетъ другомъ Марата. Если же слетитъ голова Марата, то, раньше его головы, слетитъ голова сапера". Онъ взмахнулъ своимъ топоромъ, и народъ прошелъ черезъ залу засѣданій, а Маратъ въ это время съ трибуны заявилъ конвенту, что онъ принесъ съ собою оправданное имя.

Этотъ процессъ былъ прелюдіей низверженія жирондистовъ, и кличъ объ исключеніи двадцати двухъ сталъ паролемъ для Парижа и провинцій. Между тѣмъ какъ жирондисты опирались на конвентъ и свои департаменты, Гора взывала къ парижскому населенію. Исходъ этой борьбы въ конвентѣ не могъ быть сомнительнымъ.

На сѣверной границѣ Франціи было сконцентрировано множество союзныхъ войскъ; неспособный принцъ Іосія Кобургскій и Клерфэ командовали здѣсь австрійцами, а герцогъ Іоркскій — англичанами. Положеніе Даньерра, принявшаго послѣ Дюмурье, начальствованіе надъ французами было очень тяжелымъ. Армія была дезорганизована и съ нею не легко было рѣшиться на битву въ открытомъ полѣ. Произошли мелкія стычки и въ одной изъ нихъ Даньерръ былъ убитъ. Мѣсто его занялъ Кюстинъ, не сумѣвшій раньше ни отстоять Франкфурта, ни помѣшать пруссакамъ осадить завоеванный имъ Майнцъ. Онъ укрѣпился въ такъ называемомъ цезаревомъ лагерѣ при Камбрэ, но его отсюда прогнали. Его неспособность стала внѣ всякихъ сомнѣній, и его поведеніе привело его на эшафотъ.

Опасности были грозныя и если бы теперь во главѣ союзниковъ стоялъ какой-нибудь энергичный полководецъ, то Парижу и республикѣ пришлось бы очень круто. Но принцъ Кобургскій, Клерфэ, герцоги Іоркскій и Брауншвейгскій были людьми слишкомъ неопасными. Когда эти полководцы осаждали крѣпость, и давали время республикѣ вооружиться, одно лишь счастье охраняло Францію, потому что массовое ополченіе нужно было еще собрать. Пруссаки стояли подъ Майнцемъ, герцогъ Іоркскій—подъ Дюнкирхеномъ, а герцогъ Кобургскій—подъ Мобежомъ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи конвента было немного времени, которымъ онъ и воспользовался съ необычайной энергіей. Воодушевленіе народа возрастало вмѣстѣ съ опасностями, такъ какъ теперь, увидѣвъ, что конвентъ охваченъ партійною борьбою, подняли свои головы и внутренніе враги.

Коммиссіи набора во многихъ департаментахъ были приняты очень плохо. Большіе южные города: Ліонъ, Марсель и Бордо держали сторону жирондистовъ. Особенно сильную непріязнь къ Горѣ проявлялъ большой торговый городъ Ліонъ. Купечество этого города не хотѣло ничѣмъ жертвовать для демократіи. Когда въ Парижѣ были низвергнуты жирондисты, Ліонъ въ тотъ же день возсталъ противъ своего якобинскаго муниципалитета и свергъ его. Возстаніе Ліона противъ конвента вызвало продолжительную и кровавую гражданскую войну.

Но гораздо страшнѣе была опастность, возникшая для конвента въ Вандеѣ. Мы уже до нѣкоторой степени изобразили состояніе этой провинціи. Здѣсь дворянство и духовенство, отвергавшее присягу, не сочло нужнымъ эмигрировать, такъ

какъ народъ столь крѣпко держался за своихъ помѣщиковъ и священниковъ, что правительственныя учрежденія, по скольку они сами не симпатизировали роялистамъ, не пользовались ни властью, ни уваженіемъ. Для демократическихъ идей въ этой странѣ не было мѣста и феодализмъ, казалось, былъ здѣсь такъ же силенъ, какъ и до 1789 года. Можно было думать, что въ этой провинціи, еще существуетъ старая Франція. Охотой здѣсь по патріархальнымъ обычаямъ дворянство занималось сообща съ крестьянами, поэтому крестьяне были прекрасными стрѣлками, что имѣло громадное значеніе для возстанія. Мелкія хозяйства наслѣдственныхъ арендаторовъ приносили по большей части отъ 500 до 600 франковъ дохода, изъ чего еще часть отдавалась помѣщику. Одичалое крестьянское населеніе было довольно своими скудными средствами къ существованію, потому что его пріучили ограничивать свои потребности до послѣдней степени. Дворянство и духовенство пользовалось у крестьянъ громаднѣйшимъ вліяніемъ. Возможно, что конвентъ могъ бы разумнѣе распорядиться съ Вандеей, но столкновеніе было неизбѣжнымъ, потому что дворянство и духовенство послѣ казни короля не могли оставить своихъ подстрекательствъ вандейскаго населенія противъ конвента.

Рѣшенное конвентомъ массовое ополченіе послужило поводомъ къ возстанію. Вандейцы не хотѣли сражаться за республику. Комиссары и солдаты, производившіе здѣсь наборъ, повсюду наталкивались на враждебную сдержанность или открытое сопротивленіе. Въ деревнѣ Машекуль былъ убитъ офицеръ руководившій составленіемъ ополченія, и возстаніе съ поразительной быстротой распространилось по всей провинціи. Крестьяне нападали на республиканскіе отряды и истребляли ихъ. У нихъ была очень своеобразная тактика, вполнѣ подходящая къ характеру мѣстности ихъ родины. Они изъ-за кустовъ и деревьевъ стрѣляли въ республиканцевъ и своими мѣткими выстрѣлами приводили ихъ въ замѣшательство; затѣмъ, они съ дикими криками выскакивали изъ засады и избивали республиканцевъ дубинами. Скоро нашлись у этихъ инсургентовъ популярные вожди, какъ бывшій извозчикъ Кателино, Шареттъ, офицеръ флота, Стофле, лѣсничій, Боншанъ, Лекюръ, д'Эльбэ и Ларошъ-Жакеленъ. Возстаніе имѣло сперва большой успѣхъ—уже потому, что конвентъ поручалъ усмиреніе его неспособнымъ генераламъ. Англія давала деньги на возстаніе и оно вскорѣ вполнѣ организовалось; цѣлью его было возведеніе на престолъ Людовика XVII, малолѣтняго сына Лю-

довика XVI, сидѣвшаго въ заключеніи вмѣстѣ со своею матерью, и возстановленіе прежняго положенія католической церкви.

Война велась со страшною жестокостью съ обѣихъ сторонъ и поставила республику въ столь опасное положеніе, что конвентъ рѣшился на самыя крайнія мѣры. Жирондисты противились этимъ мѣрамъ и, такимъ образомъ, возстаніе въ Вандеѣ послужило однимъ изъ поводовъ къ низверженію этой партіи, нѣкогда столь ревностно боровшейся съ дворомъ.

Конвентъ прибѣгъ къ самымъ рѣзкимъ средствамъ; онъ постановилъ, что всѣ священники и дворяне, которые будутъ принимать участіе въ какомъ либо народномъ волненіи, объявляются внѣ закона, что всѣ бывшіе привиллегированные должны быть обезоружены, что эмигранты изгоняются навсегда изъ Франціи и въ случаѣ возвращенія подвергаются смертной казни.

Противъ этихъ мѣропріятій многое можно сказать съ точки зрѣнія гуманности и свободы, но Гора не входила въ эти соображенія, потому что дѣло шло не о теоріяхъ, а о спасеніи республики, во что бы то ни стало. Конвентъ принялъ эти мѣры, потому что онъ не могъ придумать ничего иного. Одни лишь жирондисты во время этого неслыханнаго до сихъ поръ кризиса все продолжали противиться энергичнымъ мѣрамъ Горы. Они, казалось, свои доктрины и партійныя распри ставили выше Франціи и республики. Эта партія до крайности озлобила противъ себя Парижъ, завоевавшій для Франціи свободу. Озлобленный Парижъ долженъ былъ уничтожить ее.

Изгнаніе жирондистовъ изъ конвента стало требованіемъ государственнаго блага, и Дантонъ, Маратъ и Робеспьеръ соединились съ коммуной чтобы устранить эту партію, которая, казалось, поставила себѣ единственной задачей ослабленіе силъ революціи. Правда, Дантонъ долго противился этому; ему казалось, что арестъ и обвиненіе членовъ конвента должны имѣть опасныя послѣдствія. Но его возраженія исчезли во время борьбы.

Секціи образовали комитетъ, открыто засѣдавшій въ городской ратушѣ. Но изъ довольно значительнаго числа членовъ этого учрежденія былъ избранъ еще болѣе тѣсный комитетъ, засѣдавшій въ архіепископскомъ дворцѣ, гдѣ предсѣ-

дательствовалъ нѣкій Добсанъ. Этотъ центральный комитетъ занялся подготовленіемъ возстанія противъ жирондистовъ, и такъ какъ онъ стоялъ въ связи съ комитетомъ секцій въ городской ратушѣ, то онъ въ каждую минуту могъ поднять секціи и призвать ихъ къ оружію.

Объ этихъ планахъ и подготовленіяхъ стало извѣстнымъ въ конвентѣ и жирондисты хотѣли предупредить коммуну. Президентомъ былъ избранъ Иснаръ, вызывающее поведеніе котораго относительно лѣвой ускорило дѣло. Гадэ, одинъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ Горы и коммуны думалъ, что грозящее возстаніе можно предупредить постановленіемъ конвента. Онъ разразился рѣчью противъ заговора 10 марта и потребовалъ, чтобы конвентъ удалилъ парижскій муниципалитетъ, и призвалъ на его мѣсто президентовъ секцій; затѣмъ, чтобы были созваны въ Буржъ замѣстители членовъ конвента, которые бы и функціонировали въ качествѣ конвента, если конвентъ, засѣдающій въ Парижѣ, будетъ уничтоженъ.

Гора на минуту растерялась отъ такихъ притязаній; затѣмъ произошла большая суматоха. Раздались грозные крики по адресу Гадэ, что заговорщики теперь сами разоблачили свои планы, направленные противъ единства республики. Барреръ положилъ конецъ этой суматохѣ: онъ, по соглашенію съ тогда еще довольно вялымъ комитетомъ благосостоянія, предложилъ учредить особую комиссію изъ двѣнадцати членовъ подъ именемъ инспекторовъ залы, которая бы занялась разслѣдованіемъ всѣхъ плановъ, направленныхъ противъ жирондистовъ. Въ комиссію двѣнадцати были избраны все враги Горы, и понятно, что теперь все озлобленіе Горы обрушилось на эту комиссію. Уничтоженіе комиссіи стало паролемъ революціонаго Парижа, и заранѣе было рѣшено, что 31 мая произойдетъ возстаніе, которое уничтожитъ эту комиссію. Но съ комиссіей должна была пасть также и Жиронда. Возстаніе это уже теперь называли «моральнымъ», такъ какъ можно было заранѣе сказать что дѣло обойдется безъ кровопролитій. Начальствованіе національной гвардіи было возложено на Анріо (Henriot), потому что Сантерръ былъ посланъ съ войскомъ противъ вандейцевъ. Этотъ Анріо былъ человѣкъ очень сомнительнаго прошлаго, фразеръ и мало-способный; но въ данную минуту, для той роли, которую ему поручили, онъ оказался совершенно подходящимъ.

Комиссія двѣнадцати предприняла много арестовъ рѣшительныхъ революціонеровъ. Она арестовала между прочимъ и

Гебера, помощника прокурора общины. Геберъ былъ очень популяренъ и любимъ народомъ за свой журналъ: «Pére Duchesne». Журналъ этотъ говорилъ очень рѣзкимъ языкомъ, но не рѣзче, чѣмъ журналы жирондистовъ и роялистовъ. Коммуна протестовала противъ ареста Гебера, и объявила себя постоянной; то же самое сдѣлали революціонные комитеты и клубы. 27 мая въ конвентъ явилась депутація общиннаго совѣта и потребовала освобожденія Гебера и уничтоженія комиссіи двѣнадцати. Одна секція требовала даже, чтобы коммиссія двѣнадцати была предана суду революціоннаго трибунала. Иснаръ отвѣтилъ: «Если возстаніе затронетъ народное представительство, то я объявляю, что Парижъ будетъ уничтоженъ, и впослѣдствіи нужно будетъ отыскивать, на какомъ берегу Сены онъ стоялъ!»

Это было ужъ слишкомъ сильно. «Такое безстыдство,— воскликнулъ Дантонъ: становится невыносимымъ; мы окажемъ свое противодѣйствіе».

Возникла страшная суматоха и такъ какъ жирондисты призвали для своей защиты вооруженныхъ людей, то дѣло грозило дойти до кровопролитія. Народъ массами врывался въ залу. Стали кричать, что вооруженные люди угрожаютъ конвенту, и призвали министра внутреннихъ дѣлъ и мэра, чтобы разспросить ихъ о состояніи Парижа. Министръ и мэръ увѣряли, что конвенту не грозитъ никакой опасности, что движеніе имѣетъ цѣлью только уничтоженіе комиссіи двѣнадцати, а Пашъ прибавилъ, что виною всѣхъ волненій была комиссія двѣнадцати.

Было поздно, и жирондисты, чтобы уклониться отъ рѣшенія вопроса, хотѣли закрыть засѣданіе. Но Гора настаивала на своемъ, и Иснаръ оставилъ мѣсто президента, которое и занялъ другъ Дантона, Геро де-Сешелль. Геро сказалъ: «Власть разума и власть народа—одно и тоже. Народу будетъ оказана справедливость». Произошло голосованіе, и конвентъ постановилъ уничтожить комиссію двѣнадцати, освободить Гебера и арестованныхъ съ нимъ лицъ. Торжество народа, толпившагося вокругъ конвента, было внѣ всякихъ предѣловъ; Гебера увѣнчали и на рукахъ отнесли въ клубъ кордельеровъ.

На слѣдующій день Ланжюинэ, ярый жирондистъ, заявилъ, что этотъ декретъ недѣйствителенъ. Дантонъ грозно предостерегалъ, что въ такомъ случаѣ онъ доведетъ борьбу до послѣдней степени. Но ослѣпленные, своевольные, исполненные ненависти къ Горѣ, жирондисты сами стремились къ своей

гибели. Конвентъ послушался ихъ и хотя освобожденныя лица не были снова арестованы, но комиссія двѣнадцати была возстановлена. Это постановленіе снова усилило озлобленіе секцій. Комитетъ, засѣдавшій въ архіепископскомъ дворцѣ, со всей энергіей подготовлялъ возстаніе. Но все еще имѣлось въ виду произвести только «моральное» возстаніе. 30 мая Ляпжюинэ напалъ въ конвентѣ на секціи, когда эти послѣднія явились толпой и требовали уничтоженія и обвиненія комиссіи двѣнадцати. Они не получили никакого отвѣта и коммуна привела теперь въ движеніе народныя массы. Утромъ 31 мая возстали предмѣстья; раздался набатъ и Анріо велѣлъ въ знакъ тревоги стрѣлять изъ пушекъ. Секціи моментально явились съ оружіемъ въ рукахъ и окружили конвентъ, собравшійся въ 6 часовъ утра. Все это движеніе все-таки носило характеръ «моральнаго» возстанія, потому что нигдѣ дѣло не дошло до борьбы.

Собраніе обсуждало вопросъ объ уничтоженіи комиссіи двѣнадцати. Тюріо и Дантонъ требовали этого уничтоженія при бурныхъ крикахъ съ галлерей, занятыхъ женщинами, которыхъ называли швейками Робеспьера. Робеспьеръ былъ любимцемъ этихъ женщинъ; онъ разразился длинной рѣчью противъ жирондистовъ и обвинялъ ихъ въ томъ, что они старались спасти короля и вели заговоры съ Дюмурье. Онъ требовалъ обвинительнаго декрета противъ нихъ. Но Баррерь и центръ снова выступили въ качествѣ посредниковъ. Они теперь сами предложили уничтожить ими же введенную комиссію двѣнадцати,— смущенные и испуганные депутаціями, предъявлявшими то же требованіе. Затѣмъ было рѣшено оставить вооруженную силу Парижа постоянной и поручить комитету благосостоянія разслѣдованіе всѣхъ возможныхъ комплотовъ. Конвентъ принялъ предложеніе Баррера, и такимъ образомъ, моральное возстаніе одержало по вопросу о комиссіи полную побѣду. Но предводители возстанія были недовольны результатами 31 мая. Они хотѣли полнаго низверженія Жиронды и видѣли, что опасность, грозившая имъ, отнюдь не устранена уничтоженіемъ комиссіи двѣнадцати. Они хотѣли ковать желѣзо, пока оно было горячо. Исключеніе изъ конвента и арестъ 22 его членовъ были цѣлью новаго движенія, подготовлявшагося 1 іюня. Коммуна снова взяла на себя руководство возстаніемъ и поручила Гассенфратцу 1 іюня прочесть передъ конвентомъ грозный адресъ, въ которомъ она требовала удаленія жирондистовъ. Маратъ проявилъ въ это время необычайную дѣятельность; онъ и его

другъ Гусманъ, испанецъ, впослѣдствіи казненный, собственноручно звонили въ набатный колоколъ.

Съ разсвѣтомъ 2 іюня парижское населеніе снова поднялось съ оружіемъ въ рукахъ и двинулось на конвентъ. Подъ начальствомъ Анріо было около 100,000 чел. съ 60 орудіями. О «моральномъ» возстаніи теперь уже не было и рѣчи и Анріо объявилъ, что возставшіе не сложатъ оружія, пока не добьются ареста 22 членовъ конвента. Жирондисты два дня тому назадъ видѣли страшное озлобленіе народа и нѣкоторые изъ нихъ боялись худшаго исхода дѣла. Поэтому въ 10 часовъ утра 2 іюня, когда возставшіе окружили конвентъ, на правой сторонѣ конвента было лишь немного депутатовъ. Когда по улицамъ возмутившагося города шли толпы вооруженнаго народа, раздавался набатъ и гремѣли пушечные выстрѣлы, возбужденіе охватило и конвентъ. Лянжюинэ, человѣкъ реакціонныхъ взглядовъ, но очень мужественный, быстро взошелъ на трибуну и сталъ обвинять коммуну, говоря, что она тащила свою петицію по уличной грязи. «Замолчи»!— яростно крикнулъ на него мясникъ Лежандръ:—«замолчи!—или я тебя убью!» на что Лянжюинэ съ настоящимъ юморомъ висѣльниковъ отвѣтилъ: «Пусть прежде конвентъ постановитъ, что я—быкъ!» Якобинцы и жирондисты устремились къ ораторской трибунѣ: одни, чтобы стащить съ нея Лянжюинэ, другіе—чтобы защитить его. Возникаетъ побоище, являются на сцену пистолеты и кинжалы. Кто-то приставилъ пистолетъ ко лбу Лянжюинэ. Наконецъ суматоха мало-по-малу утихаетъ, является новая депутація коммуны и заявляетъ: четыре дня уже парижскіе граждане не выпускаютъ изъ рукъ оружія; четыре уже дня требуютъ они отъ своихъ уполномоченныхъ возстановленія своихъ столь недостойно попранныхъ правъ, и четыре дня эти уполномоченные смѣются надъ спокойствіемъ и бездѣйствіемъ своихъ довѣрителей. Необходимо исключить и временно арестовать заговорщиковъ. Необходимо немедленно же спасти народъ—или онъ спасетъ себя самъ!».

Конвентъ колеблется; говорятъ, нельзя принять никакого рѣшенія, потому что конвентъ несвободенъ. Рѣшаютъ передать петицію комитету благосостоянія. Депутація съ угрозами оставляетъ залъ и Левассеръ предлагаетъ просто арестовать жирондистовъ, какъ подозрительныхъ людей. Но это предложеніе не обсуждается. Жирондистовъ приглашаютъ сложить свои полномочія; но они отказываются всѣ, кромѣ Иснара, Фоше и Лантена. Барреръ хочетъ испытать, свободно ли собраніе. Онъ предла-

гаетъ, чтобы собраніе съ президентомъ Геро во главѣ оставило залъ и убѣдило народъ, собравшійся передъ зданіемъ, разойтись. «Представители народа,—говоритъ онъ,—воспользуйтесь вашей свободой, перенесите ваше засѣданіе на улицу, и заставьте опуститься передъ вами штыки, окружающіе васъ»!

Конвентъ принимаетъ предложеніе Баррера, но Маратъ спѣшитъ на улицу и говоритъ Анріо, чтобы онъ задержалъ конвентъ до тѣхъ поръ, пока у него не вынудятъ постановленія объ арестѣ двадцати двухъ. Конвентъ длинной процессіей съ Геро во главѣ выходитъ на карусельскую площадь. Здѣсь Геро наталкивается на коменданта Анріо, который верхомъ на конѣ стоитъ у своихъ орудій. «Чего хочетъ народъ?—спрашиваетъ президентъ конвента:—конвентъ занимается лишь счастьемъ его!» Но Анріо не безъ ироніи отвѣчаетъ ему: «Геро, народъ возсталъ не затѣмъ, чтобы слушать красивыя слова; онъ хочетъ, чтобы ему выдали 22 виновныхъ. Раньше чѣмъ вы не сдѣлаете такого постановленія, вы не уйдете»! Геро хочетъ убѣдить національныхъ гвардейцевъ арестовать своихъ офицеровъ, какъ бунтовщиковъ, но Анріо командуетъ громкимъ голосомъ: «канониры къ орудіямъ»! Жерла двухъ пушекъ направляются на конвентъ и депутаты малодушно возвращаются въ залу засѣданій. Конвентъ жертвуетъ жирондистами и Маратъ, распоряжающійся теперь, точно диктаторъ, вычеркиваетъ одни имена изъ списка изгоняемыхъ и пишетъ другія. Наконецъ, принимается декретъ, который гласитъ:

«Конвентъ приказываетъ подвергнуть домашнему аресту нижепоименованныхъ депутатовъ, оставляя ихъ подъ охраной французскаго народа, національнаго конвента и честности парижскихъ гражданъ. Депутаты эти—слѣдующіе: Жансонэ, Гадэ, Бриссо, Гора, Петіонъ, Верніо, Салль, Барбару, Шанбонъ, Бюзо, Бирото, Лидонъ, Рабо, Сэтъ-Этьенъ, Ласурсъ, Ляижюинэ, Гранженевъ, Легарди, Лесажъ, Лувэ, Валязэ, Кервелеганъ, Гардьянъ, Буало, Бертранъ, Виже, Молльво, Ляривьеръ, Гомэръ, Бергоенъ. Подобнымъ же образомъ домашнему аресту подвергаются граждане: Клавьеръ, министръ налоговъ и Лебрэнъ, министръ иностранныхъ дѣлъ».

Такъ пала партія жирондистовъ, трагическая судьба которой можетъ вызвать большое участіе къ ней, нисколько не ослабляя того убѣжденія, что только полнымъ низверженіемъ этой партіи можно было спасти республику. Не геройское это было дѣло — пушками и штыками изгонять изъ конвента

какихъ-нибудь двѣ дюжины депутатовъ, но врядъ ли можно было найти иной выходъ. Парижскій народъ однимъ ударомъ избавился отъ этихъ людей, имѣвшихъ притязаніе играть роль буржуазныхъ аристократовъ въ республикѣ. Между ними были люди, оказавшіе громадныя услуги революціи. Но они вообразили, что революція остановится тамъ, гдѣ имъ хочется. При такихъ тщетныхъ и безумныхъ стремленіяхъ ихъ поглотилъ водоворотъ революціи.

Жиронда могла бы пріобрѣсти себѣ лучшее имя въ исторіи, если бы она съ честью принимала участіе въ великой защитительной войнѣ, предпринятой Горою противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ республики. Но она лишь ставила препятствія энергическимъ мѣропріятіямъ Горы, сама же была не въ состояніи дать лучшія или вообще какія-либо иныя гарантіи республикѣ. Ее низвергли перевороты 31 мая и 2 іюня. Гора можетъ взять на себя отвѣтственность передъ исторіей за эти безкровные перевороты, потому что они были вызваны безусловной необходимостью.

---

2 іюня 1793 г. кончился жирондистскій періодъ конвента, и начался періодъ террористическій, или время ужаса. Опираясь на народныя массы, Гора господствовала въ конвентѣ и посредствомъ конвента держала въ своихъ сильныхъ рукахъ всю машину правленія государствомъ. 31 мая имѣло еще свой эпилогъ въ конвентѣ: 73 члена правой долины протестовали противъ исключенія жирондистовъ и воздержались отъ всякихъ голосованій. Но съ этихъ поръ борьба партій въ конвентѣ затихла на долгое время. Теперь здѣсь меньше раздавалось изящно отдѣланныхъ рѣчей, но тѣмъ громаднѣе были труды, совершаемые теперь конвентомъ въ его комитетахъ и засѣданіяхъ.

Гора, овладѣвшая всѣмъ и принявшая на себя отвѣтственность за все, въ этомъ чрезвычайномъ положеніи, при столь многочисленныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ врагахъ, почувствовала необходимость единодушнаго дѣйствія. Въ партіи Горы было три направленія, группировавшіяся около трехъ главныхъ вождей демократіи: Дантона, Робеспьера и Марата. Различія между ними въ эту эпоху еще не выступали отчетливо: впослѣдствіи они должны были послужить причиною раздоровъ и кровавыхъ катастрофъ. Жирондисты изъ — за партій-

ныхъ распрей совсѣмъ потеряли изъ глазъ благосостояніе республики; Гора была достаточно патріотична, чтобы имѣть въ виду лишь одно: спасеніе отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Эта могучая демократія ради спасенія свободы своей страны бросилась въ самую пучину революціи, какъ нѣкогда бросился въ пропасть римлянинъ Курцій, и пожертвовавъ собою, она одержала побѣду.

Единодушіе Горы вызвало также единодушіе конвента. Комитетъ благосостоянія, вскорѣ занятый людьми Горы, не встрѣчалъ уже противодѣйствія въ конвентѣ. Члены долины тоже подчинились необходимости и признали, что чрезвычайное положеніе требуетъ также и чрезвычайныхъ средствъ. Такимъ образомъ, диктаторское правительство получило силу, единство и быстроту дѣйствія, которыя ему были такъ нужны, чтобы управиться съ чрезвычайными обстоятельствами. Дѣйствительно, можетъ быть, никогда еще ни одно правительство не было въ столь отчаянномъ положеніи, какъ правительство французской республики лѣтомъ 1793 года. Жирондисты, точно свинцовая тяжесть, затрудняли до сихъ поръ всѣ дѣйствія республики. Но теперь Гора могла уже развернуть свои силы и за нею дѣло не стало.

Англо-испанскій флотъ стерегъ берега Франціи, отрѣзалъ подвозъ въ нее извнѣ, уничтожилъ ея торговлю и всячески старался усилить бѣдствія голода въ странѣ. Казалось, однако сама природа пришла на помощь республикѣ: сборъ хлѣба и винограда въ 1793 г. былъ необычайно обиленъ, такъ что французская земля, несмотря на внутренній кризисъ Франціи, могла прокормить свои двадцать пять милліоновъ обитателей. Но на всѣхъ границахъ стояли непріятельскія войска, готовыя обрушиться на республику. Еще болѣе страшныя опасности возникли въ самой республикѣ. Вандея образовала три значительныхъ арміи, которыя выступили противъ конвента. Главное начальствованіе надъ ними принадлежало Кателино. Въ каждой арміи было около 12,000 человѣкъ. Бошанъ съ Анжуйской арміей стоялъ на Луарѣ; «великая армія» подъ начальствомъ д'Эльбэ составляла центръ вандейскихъ войскъ, а въ нижней Вандеѣ стоялъ Шареттъ съ «арміей болотъ».

Къ этому еще присоединились возстанія въ пользу низвергнутыхъ жирондистовъ. Вслѣдствіе событій 31 мая и 2 іюня большинство южныхъ и сѣверныхъ департаментовъ поднялось противъ конвента. Муниципальную власть въ городахъ большею частью взяли въ свои руки якобинцы, тогда какъ гос-

подствовавшая въ секціяхъ высшая буржуазія держалась жирондистовъ. Отсюда вездѣ возникла ожесточенная борьба. Этой инсуррекціи дали названіе «федералистической», хотя жирондисты протестовали противъ такого названія. Федерализмъ, дѣйствительно, сталъ политическимъ преступленіемъ въ это время, когда одна лишь желѣзная центральная власть могла спасти республику.

Якобинскіе муниципалитеты на Югѣ и Сѣверо-Западѣ были большею частью низвергнуты и замѣнены жирондистскими. Бордо, Тулуза, Марсель, Тулонъ и Ліонъ поднялись противъ конвента еще до низверженія Жиронды. Роялисты, бывшіе вездѣ на-сторожѣ, принимали участіе въ эти мѣстныхъ и провинціальныхъ возстаніяхъ, и придавали имъ характеръ совершенно отличный отъ того, какой имѣли въ виду ихъ инціаторы. Ліонъ совершенно попалъ въ руки роялистовъ, потому что въ этомъ торговомъ городѣ только рабочіе держались Горы. Здѣшнія секціи были всецѣло подъ вліяніемъ купечества. Онѣ низвергли муниципалитетъ и казнили главу якобинцевъ, Шалье. Затѣмъ, въ городъ были приняты эмигранты и начальствованіе надъ военными силами Ліона поручено роялисту стараго пошиба, маркизу де-Преси. Когда этотъ второй городъ въ государствѣ поднялся противъ правительства, положеніе его стало чрезвычайно критическимъ и это объясняетъ тѣ мѣры которымъ конвентъ подвергъ возмутившійся городъ.

Съ жирондистами, арестованными въ Парижѣ, сперва обращались не строго, они даже получали по 18 франковъ въ день,—содержаніе, назначенное для членовъ конвента. Но значительная часть ихъ бѣжала въ провинцію и присоединилась къ возставшимъ, слѣдствіемъ чего должны были явиться болѣе строгія мѣры противъ ихъ товарищей, оставшихся въ Парижѣ. Ролланъ бѣжалъ въ Руанъ, между тѣмъ какъ его жена была арестована въ Парижѣ; бѣжали также Кондорсэ и Ляревелльеръ-Лено, между тѣмъ какъ Верніо и Жансонэ остались въ Парижѣ; Бриссо былъ арестованъ въ Муленѣ, а Манюэль въ Монтаржи. Изъ-подъ домашняго ареста ушло нѣсколько жирондистовъ при помощи подкупа караульныхъ; бѣжали: Гадэ, Лувэ, Бюзо, Петіонъ, Барбару, Испаръ, Корвелеганъ, Ланжюинэ и другіе; они ушли въ Нормандію и собрались въ Кальвадо въ Каенѣ. Каенъ сталъ центральнымъ пунктомъ жирондистскаго возстанія, охватившаго вскорѣ всю Нормандію и Бретань. Такимъ образомъ, 60 департаментовъ находились въ открытомъ вооруженномъ возстаніи противъ кон-

вента, тогда какъ онъ могъ вполнѣ положиться врядъ-ли и на двадцать департаментовъ.

Изъ этого видно, что Горѣ нужно было большое мужество, чтобы сразу же не упасть духомъ въ этой борьбѣ.

Окруженный со всѣхъ сторонъ возставшими, угрожаемый на границахъ внѣшними врагами, конвентъ прибѣгъ къ самымъ сильнымъ и страшнымъ мѣрамъ, между тѣмъ какъ люди способные къ ношенію оружія, толпами стекались подъ знамена республики. Революціонный трибуналъ удвоилъ свою дѣятельность и бѣжавшіе жирондисты были объявлены внѣ закона, такъ что если они попадали въ руки властей, то этимъ послѣднимъ оставалось только установить ихъ личность и отправить на эшафотъ. Со всею скоростью были образованы особыя арміи и отправлены противъ возставшихъ: централизованная власть оказалась несравненно сильнѣе федералистическаго возстанія.

Конвентъ имѣлъ такой успѣхъ, что нѣкоторые изъ возставшихъ городовъ, испуганные строгостью его мѣропріятій, сейчасъ же снова подчинились ему. Другіе же только ждали подходящаго случая, чтобы сдѣлать то же самое. Конвентъ хотѣлъ предоставить имъ такой случай и съ этой цѣлью среди бурь гражданской войны и революціонной борьбы выработалъ конституцію. Жирондисты безпрестанно обвиняли Гору въ тираніи и анархіи. Гора же, составивъ конституцію, показала, какъ она думала устроить республику, когда окончится внѣшняя и внутренняя война. Этотъ пріемъ былъ не менѣе удаченъ, чѣмъ и направленный противъ федерализма декретъ объ единствѣ и нераздѣльности республики.

Конституціонный комитетъ конвента еще раньше работалъ надъ составленіемъ конституціи и Кондорсэ выработалъ уже основныя положенія ея. Разумѣется, въ своемъ проектѣ онъ провелъ взгляды жирондистовъ. Теперь Гора отвергла работу Кондорсэ и для составленія конституціи избрала новый комитетъ, который весь состоялъ изъ якобинцевъ. Президентомъ этого комитета былъ Геро де-Сешелль: отъ него-то и исходитъ конституція 1793 года. Она была составлена въ нѣсколько дней, потому что Гора не имѣла времени работать надъ ней такъ долго, какъ, примѣрно, впослѣдствіи работалъ франкфуртскій парламентъ надъ составленіемъ германской имперской конституціи.

Тьеръ говоритъ, что эта конституція была составлена «въ моментъ демократическаго бѣшенства»—упрекъ, котораго ко-

нечно, невозможно сдѣлать такому философскому уму, такому спокойному мыслителю, какъ Геро.

Эта конституція служила выраженіемъ абсолютной и чистой демократіи. Она устанавливала, что каждый французъ, достигшій 21 года, становится гражданиномъ, получаетъ всѣ политическія права безъ всякихъ имущественныхъ ограниченій. Граждане образуютъ первичныя собранія и съ этой цѣлью страна должна быть раздѣлена на округа съ 50,000 жителей въ каждомъ. Первичныя собранія созываются ежегодно 1-го мая. Они избираютъ депутатовъ въ національное собраніе посредствомъ прямыхъ выборовъ. Національное собраніе должно быть верховнымъ учрежденіемъ и вести въ своихъ комитетахъ всѣ дѣла правленія и управленія республикою. Его постановленія должны быть законами, если въ теченіе опредѣленнаго времени противъ нихъ не выскажутся первичныя собранія. Вэто, такъ много способствовавшее низверженію Людовика XVI, было здѣсь превращено въ демократическую институцію, и передано въ руки державнаго народа. Исполнительная власть должна была состоять изъ исполнительнаго совѣта, въ которомъ имѣло быть двадцать четыре члена. Этотъ исполнительный комитетъ—замѣтимъ мимоходомъ: совершенно излишнее прибавленіе къ конституціи—долженъ былъ избираться первичными собраніями посредствомъ прямыхъ выборовъ. Они должны были представлять списки кандидатовъ, въ которыхъ національное собраніе имѣло вычеркивать столько лицъ, пока, наконецъ, не оставалось 24.

Введеніе къ этой конституціи содержало также указаніе на право на трудъ. Здѣсь говорилось: «Общественныя вспомоществованія составляютъ священный долгъ. Общество обязано оказывать поддержку несчастнымъ гражданамъ или доставленіемъ имъ работы, или путемъ обезпеченія средствъ къ существованію неспособнымъ къ труду». Въ этомъ пунктѣ сказалось, что конституція должна была основать чисто буржуазную демократію, предполагающую классовыя различія. Она давала народу полное равенство политическихъ правъ, но не коснулась великаго вопроса, какъ обезпечить существованіе гражданина, и для этого она не предусматривала никакихъ иныхъ средствъ, кромѣ общественныхъ подачекъ, на которыя теоретики партіи Горы — напр., Робеспьеръ въ своей деклараціи правъ— смотрѣли, какъ на долгъ богатыхъ передъ бѣдными, потому что съ этой точки зрѣнія смотрѣли тогда и на работу, которую

нужно было доставлять нуждающимся. Объ организаціи труда никто вообще и не думалъ.

Тѣмъ не менѣе, народныя массы крѣпко стояли за эту конституцію. Во время большихъ возстаній предмѣстій въ 1795 году, Сенъ-Антуанскіе рабочіе писали мѣломъ на своихъ шляпахъ: «Хлѣба и конституцію 93 года!» Они прекрасно понимали, что одна конституція 93 г. еще не дастъ имъ хлѣба. Эта конституція была принята конвентомъ 24-го іюня, но сейчасъ же пріостановлена съ той мотивировкой, что во время такой борьбы невозможно управлять на основаніи демократической конституціи: это, конечно, было совершенно вѣрно, потому что безъ строгой диктатуры Горы республика должна была бы распасться на части.

Врядъ-ли стоитъ говорить о томъ, осуществима ли конституція 1793 года, такъ какъ она никогда не вступала въ силу и поэтому объ осуществимости ея нельзя ничего сказать на основаніи опыта. Но если заявляютъ, будто она была неосуществимой, потому что допускала къ участію въ дѣлахъ правленія людей всѣхъ слоевъ народа, то это возраженіе совершенно не выдерживаетъ критики, такъ какъ противъ него именно говоритъ правительство конвента, которое состояло изъ людей всѣхъ слоевъ, и спасло Францію отъ одного изъ самыхъ страшныхъ кризисовъ всѣхъ временъ.

Принятіе этой конституціи сразу же имѣло то послѣдствіе, что значительная часть департаментовъ снова перешла на сторону конвента. Конституцію нужно было предложить на утвержденіе департаментовъ, и конвентъ далъ для этого первичнымъ собраніямъ только трехдневный срокъ. Но провинціи теперь увидѣли, что тѣ обвиненія, которыя безпрестанно выдвигали противъ Горы, будто она стремится къ монархіи или къ постоянной диктатурѣ, были клеветой.

Такимъ образомъ, конституція укрѣпила власть Горы и увеличила довѣріе къ ней.

Послѣ низверженія жирондистовъ, Маратъ сталъ нѣсколько меньше посвящать себя общественной дѣятельности; онъ полагалъ, что республика спасена, — послѣ того, какъ «государственные люди и интриганы» изгнаны изъ конвента и лишены политическаго вліянія. Напряженная дѣятельность послѣднихъ мѣсяцевъ переутомила его, а прежнее проживаніе въ подвалахъ и подземельяхъ оставило на его кожѣ сыпь, за которую враги злостно клеветали на него. Онъ видѣлъ, что республика

приняла его идеи и что правительство, снабженное диктаторскою властью, поразило и сдѣлало безвредными явныхъ и тайныхъ враговъ. Въ этотъ моментъ судьба положила конецъ дѣятельности замѣчательнаго человѣка, когда онъ достигъ пятидесятаго года своей жизни и величайшаго вліянія на парижское населеніе.

Изъ всѣхъ революціонеровъ враги революціи больше всего ненавидѣли Марата, потому что онъ никого не щадилъ, проникалъ своимъ взоромъ во всѣ комплоты, не боялся никакихъ послѣдствій и обладалъ величайшей энергіей. Жирондисты, представители высшей буржуазіи, ненавидѣли Марата, какъ представителя интересовъ пролетаріата. Они изображали Марата какимъ-то чудовищемъ, исполненнымъ кровожадности, грубости и низости. Они безпрестанно клеветали на него и оплели его цѣлою сѣтью лжи и извращеній. Такъ какъ онъ въ столь сильной степени способствовалъ ихъ низверженію, то они приписывали ему самые ужасные и безумные планы, точно всѣ его мысли и стремленія были направлены на то, чтобъ залить Францію моремъ крови. Они не знали бóльшого несчастія для Франціи, чѣмъ жизнь Марата.

Эти взгляды проникли въ душу одной двадцати-двухлѣтней дѣвушки, дворянскаго происхожденія, Шарлотты Кордэ д'Арманъ, жившей въ Каенѣ и состоявшей въ сношеніяхъ съ бѣглыми жирондистами. Эта замѣчательная дѣвушка относилась къ революціи съ самымъ пламеннымъ увлеченіемъ. Изъ сочиненій древнихъ она усвоила идеалы республиканской добродѣтели и — также какъ и г-жа Ролланъ — чрезвычайно изумилась, когда увидѣла, что французская республика такъ мало подходила къ этимъ идеаламъ. Шарлотта Кордэ раздѣляла взгляды жирондистовъ; она чтила вождей этой партіи и ненавидѣла якобинцевъ, потому что они были врагами жирондистовъ. Говорятъ, будто прекрасная, серьезная и талантливая Шарлотта любила одного роялистическаго офицера, который былъ казненъ за свои убѣжденія, и будто его смерть зажгла въ ней непримиримую ненависть къ якобинцамъ. Эта дѣвушка въ Маратѣ видѣла несчастье своей родины и приняла твердое рѣшеніе убить Марата, чтобы спасти родину.

Мотивы, укрѣпившіе въ ней это рѣшеніе, конечно, въ своей существенной части останутся навсегда тайной. Играли ли здѣсь роль суетность и тщеславіе, хотѣла ли эта дѣвушка сыграть роль въ революціи, чтобы передать свое имя потомству? Были ли въ ней ненависть къ якобинцамъ и сочувствіе

къ ея гонимымъ друзьямъ достаточно сильными для того, чтобы въ ея душѣ могло созрѣть такое рѣшеніе? Впослѣдствіи говорили, будто она питала страстную любовь къ жирондисту Барбару, человѣку необычайной красоты, а Барбару не отвѣчалъ на ея любовь, и будто эта безнадежная любовь сдѣлала для Шарлотты жизнь невыносимой вслѣдствіе чего она рѣшила пожертвовать своею жизнью и уничтожить вмѣстѣ съ тѣмъ самаго опаснаго и ненавистнаго врага жирондистовъ. Но для этого нѣтъ никакихъ доказательствъ, также какъ невозможно доказать и того, чтобы жирондисты подстрекали Шарлотту Кордэ къ убійству Марата.

Какъ бы то ни было, Шарлотта въ первой половинѣ іюля 1793 г. уѣхала изъ Каена въ Парижъ. Она была настолько всецѣло поглощена своимъ планомъ, что отвергла одно очень подходящее предложеніе руки, вызванное ея красотою и сдѣланное ей въ пути. Она прибыла въ Парижъ и запаслась большимъ острымъ ножомъ, который спрятала въ платкѣ, покрывавшемъ ея грудь. Сперва она хотѣла убить Марата въ самомъ конвентѣ, на Горѣ; но тутъ она узнала, что Маратъ боленъ и сидитъ теперь дома. Два раза должна была она приходить къ Марату, раньше чѣмъ ее допустили къ нему. Шарлотта сказала, что она ревностная патріотка изъ Кальвадо, что она имѣетъ сообщить Марату важныя вѣсти и этимъ устранила подозрѣнія подруги Марата, Симони. Она также письменно сообщила Марату, что хочетъ разоблачить передъ нимъ жирондистскіе комплоты въ Каенѣ.

Когда Шарлотта снова пришла къ Марату, фальсовщица изъ типографіи не хотѣла пропустить ее къ нему. Маратъ сидѣлъ въ это время въ ваннѣ и писалъ; онъ услыхалъ разговоръ за своей дверью и велѣлъ впустить незнакомку. Симони, бывшая въ комнатѣ Марата, вышла. Шарлотта сѣла возлѣ Марата, закутаннаго простынею, такъ что онъ не могъ хорошо наблюдать за нею. Онъ и не подозрѣвалъ ничего дурного и спросилъ, что новаго въ Каенѣ. Шарлотта сказала, что тамъ собралось восемнадцать бѣглыхъ жирондистовъ, которые съ согласія управленія департамента захватили власть въ свои руки. Она назвала ихъ имена и Маратъ позаписывалъ ихъ. Затѣмъ онъ сказалъ: «Ладно; недолго уже имъ своевольничать: скоро пойдутъ они на гильотину!» Шарлотта вскакиваетъ, вынимаетъ ножъ, который она держала наготовѣ, и вонзаетъ его по самую рукоятку въ грудь ничего не предчувствовавшаго Марата. «Сюда, милый другъ, сюда!» вскрикиваетъ Маратъ над-

ломленнымъ голосомъ къ Симони и, испуская духъ, падаетъ въ окрашенную кровью воду. Когда прибѣжала Симони, жизнь его уже угасла. Шарлотта Кордэ стоитъ, какъ окаменѣлая; сбѣжавшіеся сосѣди схватили ее и передали властямъ, которымъ лишь съ трудомъ удалось защитить ее отъ взрывовъ народной ярости.

Въ Парижѣ было необычайное возбужденіе: убитаго «друга народа» съ большимъ торжествомъ похоронили въ саду кордельеровъ. Знаменитый живописецъ Давидъ написалъ его портретъ, который былъ помѣщенъ въ конвентѣ и впослѣдствіи уничтоженъ роялистами.

Послѣ Марата остался наличными деньгами одинъ ассигнатъ въ 25 sols (около 50 копѣекъ золотомъ). Демократія, послѣ его смерти, идолопоклонствовала передъ нимъ, что было столь же пошло, какъ и мерзости реакціонеровъ и «порядочныхъ людей», которые впослѣдствіи взяли прахъ Марата изъ Пантеона и бросили его въ клоаку.

Въ крайностяхъ системы ужаса всегда обвиняли, главнымъ образомъ, Марата. Но въ дѣйствительности, настоящая система ужаса началась лишь послѣ его смерти, потому что съ 17 августа 1792 года, когда былъ учрежденъ первый революціонный комитетъ, до дня смерти Марата осуждено въ Парижѣ, въ качествѣ заговорщиковъ, всего 64 человѣка. Со дня же смерти Марата до низверженія Робеспьера, въ періодъ времени нѣсколько больше 11 мѣсяцевъ, казнено 2,572 челов. Маратъ никогда даже не пытался возводить на эшафотъ настоящихъ демократовъ изъ личной ненависти; всѣ свои нападенія онъ направлялъ на враговъ демократіи. Судьба пощадила его отъ того зрѣлища, когда Гора стала терзать свою же собственную грудь. Онъ называлъ себя «окомъ народа» — и совершенно основательно, потому что своимъ зоркимъ взглядомъ онъ видѣлъ дальше всѣхъ. Его постигла та же участь, которая не миновала и многихъ иныхъ: за то, что онъ отстаивалъ интересы бѣднаго люда, на него обрушилась ненависть людей богатыхъ и сильныхъ и ихъ приспѣшниковъ. Клевета исказила его образъ. Безпристрастные же люди видятъ въ немъ человѣка страстнаго, неугомоннаго, но исполненнаго любовью къ народу и справедливости, а отнюдь не то пугало, какимъ его стараются выставить реакціонные и мѣщанскіе историки.

Шарлотта Кордэ была предана суду революціоннаго трибунала; здѣсь она проявила большое и непоколебимое муже-

ство. Но на допросѣ она сама признала безуміе своего поступка. «Чего хотѣли вы достигнуть убійствомъ Марата?» спросилъ ее президентъ трибунала.—«Я хотѣла положить конецъ волненіямъ во Франціи,—отвѣтила Шарлотта:— и возвратить моей родинѣ миръ».— «Думаете ли вы, что вы, что убили всѣхъ Маратовъ?» спросилъ ее снова президентъ. — «Нѣтъ», печально сказала Шарлотта; но затѣмъ она воскликнула громкимъ голосомъ: «Я убила *одного* человѣка, чтобы спасти сотни тысячъ, — убила *одного* злодѣя, чтобы спасти многихъ людей!» Этимъ Шарлотта показала, что она не понимала хода революціи.

Она была приговорена къ смертной казни и казнена 15 іюля. Парижане тысячами толпились, когда ее везли на эшафотъ; ея молодость и красота волновали многихъ. Рабочіе же, лишенные своего могучаго защитника, пылали къ ней дикой яростью. Одинъ депутатъ, нѣмецъ Люксъ изъ Майнца, влюбился въ нее до безумія; онъ заявилъ что она «выше Брута» и пошелъ на эшафотъ. Сама же Шарлотта умерла съ большимъ мужествомъ. Палачъ поднялъ ея отрубленную голову и далъ ей пощечину; народъ отвѣтилъ на это ропотомъ негодованія и власти наказали палача.

Шарлотта Кордэ ошиблась. Думая, что однимъ ударомъ ножа она можетъ дать миръ Франціи, она преувеличивала свое собственное значеніе и значеніе Марата.

Герцогъ Брауншвейгскій, оправившись отъ невзгодъ вынесенныхъ имъ въ Шампани, рѣшилъ напасть на занятый французами Майнцъ. Онъ перешелъ Рейнъ, близъ Бахараха, и оттѣснилъ отъ Майнца французовъ, стоявшихъ здѣсь подъ начальствомъ неспособнаго генерала Богарнэ, такъ что теперь онъ могъ уже совершенно блокировать крѣпость.

Въ Майнцѣ, съ помощью французовъ, достигла полнаго господства и взяла въ свои руки все правленіе и управленіе страной демократическая партія, которую отъ клуба, засѣдавшаго въ старинномъ курфюршескомъ замкѣ, называли «клубистами». Былъ созванъ рейнско-нѣмецкій національный конвентъ, президентомъ котораго былъ республиканецъ, профессоръ Гофманъ изъ Вюрцбурга. Этотъ конвентъ объявилъ всѣ земли отъ Ландау до Бингена республикой и удалилъ всѣхъ крупныхъ и мелкихъ владѣтельныхъ особъ, всѣ духовныя и свѣтскія власти. Затѣмъ было рѣшено включить страну

въ составъ французской республики и съ этой цѣлью была послана въ Парижъ депутація изъ трехъ членовъ, между которыми находился и знаменитый ученый, Георгъ Форстеръ.

Но тѣмъ временемъ пруссаки окружили Майнцъ и все дальше и дальше оттѣсняли Богарнэ. Они подвергли Майнцъ страшной бомбардировкѣ, но онъ держался съ неменьшимъ упорствомъ. Полъ-города лежало уже въ развалинахъ и 22 іюля 1793 г. французскій гарнизонъ, за отсутствіемъ продовольствія, долженъ былъ сдаться. Побѣдители сурово расправлялись съ демократами и клубистами, помѣстивъ ихъ въ майнцскія крѣпости: Кенигштейнъ и Петерсбергъ (близъ Эрфурта). Курфюршеское правительство было снова возстановлено. Такъ исчезла рейнско-нѣмецкая республика съ той же быстротой, съ какой она и возникла; французскій же гарнизонъ Майнца отправился въ Вандею, потому что онъ для полученія свободнаго пропуска долженъ былъ дать обѣщаніе не участвовать впредь въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ союзниковъ. А въ Вандеѣ дѣла конвента шли плохо. Правда, войскамъ конвента легко удалось уничтожить вызванное жирондистами федералистическое возстаніе. Роялистическій генералъ Вимпффенъ (Wimpffen), командовавшій отрядами, собравшимися въ Каенѣ, потерпѣлъ 15 іюля 1793 г. при Вернонѣ столь позорное пораженіе, что жирондистовъ охватилъ паническій страхъ и они бѣжали изъ Каена. Города: Ліонъ, Бордо, Марсель и Тулонъ ограничивались лишь принятіемъ защитительныхъ мѣръ. Тулуза же подчинилась конвенту.

Но Вандея оказывала конвенту энергичное и страшное сопротивленіе. Отряды инсургентовъ почти вездѣ разбивали республиканскія войска. Въ Сомюрѣ, разбивъ неспособнаго генерала Мену, они захватили 80 орудій и 100,000 ружей; они взяли также Анжеръ. Вандейскія арміи сошлись на нижней Луарѣ и хотѣли взять Нантъ, напавъ на него въ числѣ 30,000 челов. Республиканскій генералъ Канкло, защищавшій Нантъ, едва имѣлъ въ своемъ распоряженіи 10,000 чел. и то еще половина ихъ состояла изъ національныхъ гвардейцевъ. Уже казалось, что яростное нападеніе вандейцевъ на Нантъ удастся, какъ былъ смертельно раненъ пулею главнокомандующій инсургентовъ, Кателино. Смерть любимаго и уважаемаго вождя такъ испугала вандейцевъ, что они отступили. Такимъ образомъ, Нантъ устоялъ въ большой битвѣ 29 іюня. Тѣмъ временемъ Вестерманнъ, командовавшій республиканскимъ войскомъ и побѣдоносно прошедшій до Шатильона, потерпѣлъ

5 іюля такое пораженіе, что потерялъ все свое войско и орудія. Вандейскія войска неоднократно отступали въ лѣса, тамъ они снова пополнялись и, послѣ каждаго пораженія, снова являлись столь же страшными, какъ и прежде.

Эта ужасная гражданская война велась съ самыми изысканными жестокостями съ обѣихъ сторонъ. Республиканцы, озлобленные возстаніемъ, предательски напавшимъ съ тыла на республику, когда на нее шла почти вся Европа, повсюду свирѣпствовали огнемъ и мечемъ, за что вандейцы мстили имъ разстрѣливаніемъ плѣнныхъ. Скоро обѣ стороны стали разстрѣливать плѣнныхъ; ихъ ставили при этомъ передъ ямами, выкопанными для ихъ труповъ, и вандейцы хвастались, что они поступаютъ человѣчнѣе республиканцевъ, потому что они позволяютъ плѣннымъ исповѣдываться передъ разстрѣляніемъ.

Эта гражданская война терзала внутренности Франціи. Жестокости, столь обычныя въ гражданскихъ войнахъ, всегда оскорбляютъ чувство человѣчности, но здѣсь политическій фанатизмъ, достигшій крайней степени у обѣихъ сторонъ, довелъ эти жестокости до неимовѣрныхъ размѣровъ.

Когда правительство республики вооружало и обучало военному дѣлу громадныя массы народа, чтобы защитить границы отъ угрожающихъ враговъ; когда внутри Франціи свирѣпствовали возстанія и наступило разстройство во всѣхъ дѣлахъ, доведшее во многихъ мѣстностяхъ недостатокъ продовольствія и всеобщія бѣдствія до самой послѣдней степени,— конвентъ придумывалъ средства дать новый толчекъ народному воодушевленію. Положеніе Франціи было теперь — если это возможно, — еще хуже, чѣмъ въ сентябрѣ 1792 года, когда пруссаки шли на Парижъ, а реакція подпимала голову внутри страны. Возникла мысль, почтить принятіе конституціи 1793 года празднествомъ братства и именно 10 августа, въ день низверженія династіи Бурбоновъ. При этомъ можно было видѣть, какъ быстро повернулось колесо революціи, потому что многіе изъ выдающихся политиковъ, подготовившихъ 10 августа, сидѣли теперь въ тюрьмахъ или скрывались, какъ объявленные внѣ закона.

Представители 44,000 общинъ Франціи толпой устремились въ Парижъ; явилось около 8,000 представителей первичныхъ собраній. Только Вандея, Корсика, Марсель, Тулонъ и Ліонъ не прислали своихъ представителей. Въ другихъ мѣстахъ

первичныя собранія вездѣ приняли конституцію; одна лишь община Сенъ-Тоннанъ въ сѣверномъ департаментѣ отвергла конституцію и высказалась за Бурбоновъ.

10 августа состоялся торжественный праздникъ федераціи; празднество это устраивалъ знаменитый живописецъ Давидъ, одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ членовъ партіи Горы.

Утромъ въ 4 часа на площади Бастиліи явился конвентъ, представители общинъ и 83 старѣйшинъ изъ департаментовъ. Здѣсь былъ устроенъ большой фонтанъ, фонтанъ возрожденія. Изъ грудей высокой статуи, изображавшей природу, текла въ водоемъ холодная вода. Геро де-Сешелль, президентъ конвента, руководилъ празднествомъ. Подошли клубы и вооруженныя секціи, и восходъ солнца былъ встрѣченъ громовыми звуками марсельезы, вырывавшимися изъ многихъ тысячъ грудей. Затѣмъ, Геро, красивый молодой человѣкъ, выступилъ впередъ и взялъ сосудъ. Онъ зачерпнулъ воду изъ источника возрожденія, окропилъ ею землю и выпилъ самъ. 83 старѣйшины также пили эту воду. Затѣмъ торжественное шествіе направилось на площадь революціи. Члены революціи несли пучки колосьевъ и въ особомъ ковчегѣ конституціонную грамоту. Старѣйшины несли масличныя вѣтви и копья.

На площади революціи была сожжена «колесница несчастныхъ грѣшниковъ», нагруженная эмблемами рабства, и изъ ея пламени возстала статуя свободы, привѣтствуемая громомъ орудій. Тысячи птицъ, украшенныя трехцвѣтными лентами, взлетѣли на воздухъ, чтобы разнести вѣсть о свободѣ и братствѣ французовъ во всѣ страны.

Затѣмъ, шествіе двинулось на Марсово Поле, гдѣ были возложены на алтарь отечества акты голосованій департаментовъ. Здѣсь, среди грома орудій была произнесена клятва защищать конституцію до послѣдней крови. Послѣ этого президентъ связалъ копья старѣйшинъ въ одинъ пучекъ, изображая этимъ узы, соединяющія департаменты. Этотъ пучекъ копій сталъ эмблемой республики, какъ нѣкогда fasces у римлянъ.

Народныя торжества завершились великолѣпнымъ празднествомъ, которое оставило глубокое и неизгладимое впечатлѣніе во всѣхъ участникахъ, и французскій народъ дружно объединился вокругъ конвента. Представители коммунъ согласились, чтобы конституція не вступала въ силу до окончанія великой борьбы и одобрили энергичную террористическую политику Горы.

Послѣ праздника федераціи Гора была сплочена и укрѣплена. Но Геро, руководившій праздникомъ федераціи и составившій конституцію 1793 года, уже черезъ три четверти года долженъ былъ взойти на эшафотъ.

Если Гора была неразборчива въ средствахъ, принимаемыхъ ею для защиты Франціи, то къ этому она была вынуждена поведеніемъ Питта, который оказался еще менѣе разборчивымъ въ своихъ средствахъ. Британскій государственный дѣятель, казалось, рѣшилъ уничтожить республику во что бы то ни стало,—во-первыхъ, потому, что онъ надѣялся этимъ навсегда ослабить Францію и доставить прочныя выгоды англійской торговлѣ, а во-вторыхъ, также и потому, что, какъ настоящій британскій аристократъ, онъ всею душою ненавидѣлъ революцію. Онъ не задумывался пускать въ дѣло всѣ средства, чтобы повергнуть французскій народъ въ самыя страшныя лишенія, и надѣялся уморить демократію голодомъ. Послѣ низверженія жирондистовъ, Англія блокировала всѣ французскія гавани и даже захватывала нейтральные корабли, подвозившіе товары во Францію. Это увеличивало бѣдствія во Франціи до крайней степени.

Кромѣ того, Питтъ выпускалъ цѣлые милліарды поддѣльныхъ ассигнатовъ и распространялъ ихъ во Франціи изъ Швейцаріи и Италіи. Это еще быстрѣе понижало и безъ того падавшій курсъ ассигнатовъ: англійскій государственный мужъ не стыдился прибѣгать къ такому средству, на которое частные люди смотрятъ, какъ на самое гнусное преступленіе. Французовъ, понятно, очень раздражала эта масса поддѣльныхъ ассигнатовъ и за распространеніе ихъ они наказывали смертью. Было извѣстно, что въ одномъ городкѣ, Кузелѣ, въ Пфальцѣ близъ французской границы существуетъ фабрика для поддѣлыванія ассигнатовъ. Такъ какъ этой фабрики нельзя было открыть, то по приказанію депутата Гентца, былъ сожженъ весь городъ, что, понятно, не помѣшало англичанамъ продолжать распространеніе поддѣльныхъ ассигнатовъ ко вреду республики.

Еще въ началѣ 1793 года ассигнатовъ было выпущено на сумму номинальной стоимости около $3^1/_2$ милліардовъ. Первоначально было постановлено уничтожать эти квитанціи, ставшія бумажными деньгами, если онѣ поступаютъ въ уплату за отчуждаемыя національныя имущества. Камбонъ изъ Монпелье, управлявшій, въ качествѣ члена комитета благосостоянія

финансами, прозванный, хотя и неосновательно, «палачемъ финансовъ», сжегъ на 1 милліардъ ассигнатовъ; но въ остальныхъ случаяхъ поступавшіе ассигнаты снова пускались въ обращеніе, а если правительство нуждалось въ деньгахъ, то печатало новые ассигнаты.

Этой бумажно-финансовой системой, служившей гипотекой національнымъ имуществамъ, правительство могло спасать себя изъ кризисовъ революціи, но народъ страшно страдалъ отъ колебанія цѣнностей денежнаго и товарнаго рынковъ. Если торговля была подорвана и почти уничтожена уже блокадой гаваней и закрытіемъ границъ, то переполненіе страны революціонными бумажными деньгами страшно подняло цѣны на всѣ товары. Металлическія деньги, ставшія теперь также товаромъ, попадались крайне рѣдко; масса товаровъ совершенно исчезла съ рынка, потому что владѣльцы не хотѣли отдавать ихъ за бумажныя деньги. Безъ реквизицій и раціоновъ хлѣба, выдаваемыхъ коммуною, парижскому населенію пришлось бы умереть съ голоду. Къ этому еще присоединились ростовщичество и спекуляція. Все еще было достаточно безсовѣстныхъ людей, которые среди этихъ бѣдствій старались обогатиться и способствовали увеличенію зла. По одному биржевому указателю изъ Базеля въ январѣ 1793 года сто ливровъ ассигнатами стоили 55 ливровъ на металлическія деньги; этотъ курсъ падалъ каждый мѣсяцъ, упалъ въ сентябрѣ до 29, затѣмъ въ ноябрѣ поднялся снова до 44; а въ декабрѣ до 51. Такое повышеніе было слѣдствіемъ побѣдъ, одержанныхъ республиканскими войсками.

Продавцамъ товаровъ было еще хорошо потому, что они брали ассигнаты по курсу: иначе они не отпускали товаровъ. Но рантье и государственные кредиторы должны были получать свои проценты по номинальной стоимости; рабочіе и должностныя лица получали плату и жалованье ассигнатами также по номинальной стоимости. Несоотвѣтствіе между цѣнами товаровъ и денежнымъ курсомъ стало столь значительнымъ и бѣдствія дошли до такой степени, что уже въ маѣ рѣшено было прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ: къ такъ называемому максимуму цѣнъ. Мѣра эта была предложена Тиріономъ и принята въ конвентѣ уже въ началѣ мая. Жирондисты настойчиво возражали противъ нея; она нѣсколько смягчила самыя рѣзкія бѣдствія, но слѣдствіемъ ея было множество волненій и противодѣйствій. Сперва было воспрещено подъ страхомъ строгаго наказанія обмѣнивать золото и серебро на

ассигнаты выше номинальной стоимости. Этимъ хотѣли уничтожить ажіотажъ. Но такъ какъ невозможно было устранить экономическихъ законовъ, управляющихъ денежнымъ рынкомъ, то зло осталось въ прежней силѣ, золотая и серебряная монета все-таки цѣнилась выше ассигнатовъ, циркулировавшихъ въ громадномъ количествѣ. Ажіотажъ продолжался. Былъ воспрещенъ вывозъ и храненіе металлическихъ денегъ. 4 мая 1793 года была установлена максимальная цѣна на хлѣбъ, затѣмъ,—на мясо, зелень, горючіе матеріалы, мыло, овощи, напитки, обувь, платье и т. п. предметы. Но скоро конвентъ увидѣлъ себя вынужденнымъ опредѣлить максимальную цѣну не только готовыхъ товаровъ, но и сырого матеріала. Примѣненіе этого закона было очень затруднительно. Оказалось нужнымъ безчисленное множество обысковъ, разслѣдованій, отнимающее много времени изготовленіе таблицъ и т. п. Порядокъ торговыхъ сношеній былъ нарушенъ. Товары все больше и больше уходили съ рынка, такъ что впослѣдствіи скрытіе запасовъ предметовъ первой необходимости наказывалось смертью. Скоро стало яснымъ, что эти мѣропріятія и частная торговля должны всегда стоять въ непримиримомъ противорѣчіи, и членъ конвента Дюбуа-Крансэ предложилъ поэтому, чтобы власти основали во всѣхъ городахъ и селахъ магазины, въ которыхъ бы продавались съѣстные припасы за сумму, равную стоимости ихъ производства съ небольшою прибавкою. Но этотъ призывъ къ національзаціи торговли хлѣбомъ и предметами первой необходимости остался безуспѣшнымъ. Въ рѣшеніи вопроса о цѣнахъ конвентъ не пошелъ дальше максимума.

Партія Горы не пришла къ организаціи производства и потребленія по новымъ идеямъ; да и идей такого рода тогда не было. Лишь Бабефъ представилъ придуманную новую соціально-экономическую систему, но и она, сравнительно съ выработаннымъ теперь соціализмомъ, является очень недостаточною. Гора издавала предписанія, которыя казались ей самыми подходящими въ данную минуту, но они не всегда были удачны. Ассигнаты и максимумъ помогали поддерживать революцію — въ связи съ терроромъ, выдвинутымъ національной юстиціей противъ враговъ революціи. Но нужно признать, что страшная борьба, которую конвету пришлось вести со столь многочисленными врагами, не давала ему времени заняться глубокими соціально-экономическими проблеммами.

Парижское населеніе чрезвычайно страдало отъ недостатка припасовъ, отъ паденія курса бумажныхъ денегъ и соединенныхъ съ этимъ золъ. Что оно, содѣйствуя уничтоженію враговъ, геройски терпѣло такія бѣдствія, это величайшая жертва, принесенная парижскимъ населеніемъ ради революціи.

Гора уже давно возвѣстила міру свои демократическіе принципы, основанные на соціальной философіи Жанъ-Жака Руссо; въ противоположность жирондистамъ, которые умѣли отстаивать лишь интересы «порядочныхъ людей», она явилась представительницей всенародной демократіи со свободой, равенствомъ и братствомъ. Она хотѣла основать республику для всего народа, а не для одного лишь класса. Но чрезвычайныя обстоятельства принудили ее теперь подавить въ себѣ всѣ чувства человѣчности и прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ насилія, отъ которыхъ только и можно было ожидать спасенія Франціи.

Представители муниципалитетовъ, явившіеся на праздникъ союза въ Парижъ, потребовали отъ конвента трехъ крупныхъ мѣропріятій: пріостановки дѣйствія конституціи до заключенія мира, народнаго ополченія, продолженія революціоннаго состоянія или революціоннаго правленія, которое бы дѣйствовало самыми энергичными мѣрами, и, наконецъ, ареста всѣхъ подозрительныхъ лицъ.

Конвентъ безъ колебаній выполнилъ эти требованія. 28 августа было рѣшено новое массовое ополченіе; этимъ рѣшеніемъ всѣ французы, способные къ ношенію оружія, призывались явиться на защиту отечества. Декретъ гласилъ: «Французскій народъ объявляетъ черезъ своихъ представителей, что онъ всей своей массой поднимется для защиты своей свободы, конституціи и для окончательнаго освобожденія своей земли отъ враговъ. Съ этого момента до тѣхъ поръ, пока непріятели не будутъ прогнаны съ территоріи республики, всѣ французы готовы нести военную службу въ арміяхъ. Молодежь пойдетъ въ битвы, женатые люди будутъ ковать оружіе и заботиться о доставкѣ продовольствія; женщины будутъ приготовлять палатки, одежду, бѣлье и служить въ госпиталяхъ; дѣти станутъ щипать корпію и, наконецъ, старики выступятъ на общественныя площади, чтобы всенародно поддерживать мужество воиновъ».

Конвентъ вдохнулъ свою страстную энергію во всю Францію; больше милліона французовъ явилось подъ знамена и было образовано четырнадцать армій.

28 августа объявлено, что революціонное состояніе продолжается. Этимъ было распространено на всю Францію военное положеніе, что въ данномъ случаѣ являлось мѣрой, необходимой для общественнаго блага. Наконецъ, 17 сентября изданъ законъ о подозрительныхъ, предписывавшій арестовывать всѣхъ лицъ, заподозрѣнныхъ во враждебности къ республикѣ. Сѣть эту выплелъ Мерленъ изъ Дуэ и всѣ подозрительные должны были попасть въ нее.

Революціонное правительство, вновь образовавшееся теперь подъ именемъ комитета благосостоянія и имѣвшее достаточно смѣлости, чтобы вступить въ борьбу со столь многочисленными врагами, было совершенно диктаторскимъ, что и требовалось въ данную минуту; оно наложило свою руку на всѣ дѣла Франціи. Комитетъ благосостоянія получилъ новую силу. Въ этомъ знаменитомъ комитетѣ собрались самые рѣшительные и энергичные государственные дѣятели революціи. Здѣсь находился Барреръ, бывшій обыкновенно оффиціальнымъ ораторомъ комитета въ конвентѣ; его умѣло составленные доклады вызывали новое воодушевленіе народа; Колло д'Эбруа и Билло-Вареннъ, давно уже выдвинувшіеся въ клубѣ якобинцевъ, завѣдывали сношеніями комитета съ департаментами; здѣсь былъ Сенъ-Жюстъ, юноша бурныхъ порывовъ и стремленій, вмѣстѣ съ другимъ другомъ Робеспьера, Кутономъ, разбитое тѣло котораго не могло ослабить его революціонной энергіи; здѣсь же были: Геро де-Сешелль, Ленде, оба Пріёра и Жанъ-Бонъ Сентъ-Андре. Дантонъ не вступилъ въ комитетъ. Тюріо и Гаспаренъ вышли изъ комитета и вмѣсто нихъ теперь поступили два человѣка, которые собственно и должны были придать комитету его полное значеніе: Робеспьеръ и Карно.

Робеспьеръ, входя въ составъ правительства, дѣлалъ его очень популярнымъ. Изъ руководящихъ государственныхъ людей этого времени онъ пользовался наибольшимъ вліяніемъ на массы. Народъ почтилъ его именемъ «Неподкупнаго». Ему была знакома простая фигура Робеспьера, также какъ и его простая жизнь. Онъ жилъ у одного столяра, на дочери котораго онъ впослѣдствіи хотѣлъ жениться, когда настанутъ болѣе спокойныя времена. Его непритязательность много способствовала увеличенію его популярности; онъ всегда являлся въ одномъ и томъ же простомъ синемъ сюртукѣ, желтомъ жилетѣ и желтыхъ брюкахъ. Рѣчи его были тщательно обработаны и разсчитаны преимущественно на революціонныя страсти. Онъ безпрестанно обвинялъ враговъ народа и народъ отвѣчалъ

ему полнымъ довѣріемъ. Послѣ смерти Марата, Робеспьеръ еще больше выдвинулся на первый планъ. Своимъ участіемъ въ комитетѣ благосостоянія, онъ чрезвычайно увеличилъ его силу. Онъ уже началъ затемнять собою Дантона, у котораго проявленія необычайной энергіи смѣнялись полною вялостью. Съ этихъ поръ голосъ Робеспьера слышала вся Европа. Показалась уже тѣнь его грядущей диктатуры.

Съ Карно явился, наконецъ, въ комитетѣ военный геній, въ которомъ онъ такъ нуждался. До революціи Карно былъ инженернымъ офицеромъ. Гордый и вмѣстѣ съ тѣмъ скромный человѣкъ строгихъ правилъ, онъ какъ въ опасностяхъ революціи, такъ и во время наполеоновскаго деспотизма, всегда держалъ себя съ одинаковымъ благородствомъ. Его геній создалъ совершенно новое военное искусство. Безпорядочныя толпы массоваго ополченія Карно превратилъ въ стройныя, прекрасно вооруженныя арміи. Противъ коалиціи онъ выставилъ четырнадцать армій, которыя оперировали на границахъ по его плану. Противъ союзниковъ, все еще державшихся старой тяжеловѣсной линейной тактики, арміи Карно дѣйствовали стычками, въ разсыпную и имѣли полнѣйшій успѣхъ. Геній Карно отразилъ союзниковъ, вторгшихся во Францію, на всѣхъ границахъ—и никто въ большей степени, чѣмъ онъ, не заслужилъ своего почетнаго имени, когда его назвали «Организаторомъ Побѣды».

Комитетъ благосостоянія взялъ на себя, хотя и непризнанную, но фактическую диктатуру, и конвентъ не представлялъ никакихъ возраженій, потому что она была необходима. Комитетъ безопасности получилъ новый составъ: онъ состоялъ изъ различныхъ членовъ партіи Горы, между которыми, впрочемъ, было нѣсколько грубыхъ людей, продѣлывавшихъ жестокія издѣвательства надъ арестованными и осужденными. Комитетъ безопасности представлялъ собою высшее полицейское учрежденіе въ правительствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, революціонный трибуналъ также получилъ новый составъ. Президентомъ его теперь былъ Дюма, проявившій въ немъ чрезмѣрное усердіе, и Фукье-Тенвилль, въ качествѣ обвинителя, началъ создавать себѣ свое страшное имя. Дѣятельность этого трибунала не мало компрометировала революцію, такъ какъ вслѣдствіе того, что приходилось рѣшать дѣла съ соблюденіемъ судебныхъ формальностей, часто нужно было выдумывать преступленія тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было. Фукье-Тенвилль

былъ человѣкъ довольно подходящій для этого дѣла, но его обвиненія и заключенія не часто отличались умомъ.

Трибуналъ долженъ былъ въ этой борьбѣ оглушать враговъ республики быстрыми и страшными ударами. Но онъ съ самаго же начала впалъ въ опасную ошибку, осуждая за пустяки и совершенно незначительныхъ людей. «Думали,— говоритъ одинъ современникъ:—что трибуналъ учрежденъ не для большихъ преступниковъ».

Такъ было организовано то революціонное правительство, которое носитъ имя правительства ужаса, потому что оно обезоруживало своихъ враговъ ужасомъ своихъ мѣропріятій. Если бы одержали верхъ враги этого правительства, то Францію постигли бы несравненно большіе ужасы.

Комитетъ благосостоянія принималъ свои мѣры для защиты республики въ широкихъ размѣрахъ; коммуна же занялась положеніемъ парижскаго населенія. Рабочіе этого большого города въ своихъ недавнихъ движеніяхъ сдѣлали все, чтобы двинуть конвентъ впередъ. 31 мая и 2 іюня они массами явились на призывъ набата. Они готовы были каждую минуту все сдѣлать для республики, но они не могли удовольствоваться только одними политическими мѣропріятіями Горы. Они требовали хлѣба. Еще во время низверженія жирондистовъ, предмѣстья требовали учрежденія, такъ называемой, революціонной арміи; затѣмъ, они требовали установленія постоянной цѣны на хлѣбъ въ три су за фунтъ и основанія оружейныхъ фабрикъ для народа. Конвентъ колебался. Но 4 сентября 1793 г. бѣдствія въ предмѣстьяхъ снова до того возросли, что возникло большое волненіе на площади Гревъ. Прокуроръ коммуны, Шометтъ прочелъ декретъ конвента объ установленіи максимума, но толпа отвѣчала, что она ничего не можетъ сдѣлать съ этимъ декретомъ, что ей сейчасъ же нуженъ хлѣбъ. Коммуна доставила все, самое необходимое. На слѣдующій день Шометтъ и Пашъ съ депутаціей коммуны явились въ конвентъ. Они изобразили бѣдствія народа и конвентъ рѣшилъ организовать революціонную армію въ 6,000 человѣкъ. Эта армія, начальство надъ которой вручено генералу Ронсену,— бывшему раньше писателемъ, — должна была ходить по странѣ, задерживать аристократовъ, обезпечить доставку предметовъ первой необходимости и всѣми способами содѣй-

ствовать дѣлу республики. Эту армію сопровождалъ подвижной эшафотъ.

Коммуна взяла на себя выполненіе закона о подозрительныхъ и конвентъ возобновилъ позволеніе производить ночные обыски. Революціонные комитеты въ муниципалитетахъ были замѣщены новыми людьми и члены ихъ получали по три франка въ день. Затѣмъ, по инициативѣ коммуны было постановлено, что каждая секція въ Парижѣ должна имѣть по два засѣданія въ недѣлю. За участіе въ этихъ засѣданіяхъ каждому члену секціи, живущему своимъ трудомъ, должно было уплачиваться по 40 су (2 франка). Это постановленіе стояло въ связи съ другимъ, по которому рабочіе за службу въ вооруженныхъ секціяхъ получали по 2 франка поденной платы.

Эти мѣропріятія имѣли гораздо большее значеніе, чѣмъ самыя красивыя декламаціи лучшихъ ораторовъ конвента. Они дали пролетаріату предмѣстій увѣренность что руководящія силы революціи рѣшились улучшить участь также и бѣднаго человѣка. Положеніе Парижа было совершенно необычайное; торговля и ремесла останавились и невозможно было ничего заработать. Поэтому было вполнѣ справедливымъ, что правительство подало руку помощи народу, который былъ его лучшей опорой и терпѣлъ величайшія лишенія, и увеличило вмѣстѣ съ тѣмъ его интересъ къ политическимъ дѣламъ, какъ бы вмѣнивъ ему въ обязанность посѣщеніе секціонныхъ собраній. Реакціонные историки сравнивали эти вспомоществованія народу съ «panem et circenses» въ древнемъ Римѣ. Но они забыли, что Парижъ былъ въ исключительныхъ условіяхъ и что древнеримскій пролетаріатъ содержался на счетъ общества, тогда какъ современное общество само основано на трудѣ пролетаріата.

Конвентъ и коммуна дѣйствовали въ это время въ полномъ согласіи, хотя власть коммуны была ослаблена возобновленіемъ революціонныхъ комитетовъ, «этого чудовища, державшаго Францію въ 44,000 рукъ».

Таковы были основы, на которыхъ опиралась, такъ называемая, система ужаса. Правительство революціи, обладая громадною властью, которую ему доставила эта система, взяло на себя отвѣтственность за все и поразило всѣхъ враговъ. Мы увидимъ, какъ дѣйствовала система ужаса и какъ она вслѣдствіе своего извращенія стала пагубной.

Энергіей и предусмотрительностью руководящей власти конвентъ въ непродолжительное время одержалъ верхъ во Франціи. Скоро подчинился ему Бордо. Городъ этотъ былъ подвергнутъ довольно мягкому наказанію, потому что комиссаръ конвента, Талльенъ, посланный въ Бордо, познакомился здѣсь съ дочерью испанскаго банкира Кабаррю, г-жею де-Фонтенэ, которая обворожила его своею красотою и склонила къ мягкимъ мѣрамъ. Впослѣдствіи она стала его женою и мы еще снова встрѣтимъ ее послѣ паденія системы ужаса.

Марсель сдался еще въ августѣ и конвентъ черезъ депутата Фрерона подвергъ его кровавому наказанію. Городъ былъ лишенъ своего имени и сталъ называться «Безъимянной Общиной».

Участь Марселя вызвала въ Тулонѣ страшную панику; тулонцы, страшась мести конвента, бросились въ объятія англичанъ. Почти всѣ военные корабли Франціи стояли въ тулонской гавани; теперь они были переданы англичанамъ и англійскій адмиралъ Гудъ (Hood) явился въ Тулонъ, гдѣ онъ объявилъ возстановленіе конституціи 1791 года, а восьмилѣтняго Людовика XVII королемъ. За эту измѣну Тулонъ долженъ былъ понести страшное наказаніе. Тѣмъ временемъ шла ожесточенная борьба за Ліонъ, гдѣ собралось много роялистовъ, защищавшихъ городъ мужественно и умѣло. Дюбуа-Крансэ долго не могъ взять Ліона и осада затянулась до октября. Тутъ явился Кутонъ съ народнымъ войскомъ въ 25,000 человѣкъ и послѣ убійственной бомбардировки городъ долженъ былъ сдаться. По предложенію Баррера, конвентъ учинилъ жестокую расправу надъ этимъ городомъ, подвергшій своимъ возстаніемъ республику крайней опасности. Декретъ конвента гласилъ: «Комиссія изъ пяти депутатовъ отправится въ Ліонъ, чтобы задержать и наказать по военнымъ законамъ всѣхъ контръ-революціонеровъ, поднявшихъ оружіе въ этомъ городѣ. Всѣ жители города будутъ обезоружены, за исключеніемъ тѣхъ, которые не принимали участія въ возстаніи. *Городъ Ліонъ будетъ разрушенъ.* Въ немъ останутся только дома бѣдныхъ, фабричныя постройки, мастерскія, госпитали, школы и общественныя зданія. Городъ этотъ впредь будетъ называться не Ліономъ, а «освобожденной общиной». На развалинахъ города будетъ сооруженъ памятникъ съ такою надписью: *Ліонъ поднялъ оружіе противъ свободы — и нѣтъ уже Ліона!* Этотъ страшный декретъ выполнили Кутонъ, Колло д'Эрбуа и Фушэ. Въ Ліонѣ послѣдовали массовыя казни и было приступлено къ разрушенію города.

Но фанатизмъ гражданской войны свирѣпствовалъ не только здѣсь; главная борьба разыгралась въ Вандеѣ. Барреръ въ пламенной рѣчи требовалъ подавленія возстанія въ Вандеѣ. «*Уничтожьте Вандею!*» говорилъ онъ. «Каждый ударъ, нанесенный вами Вандеѣ, отразится и на возставшихъ городахъ федералистическихъ департаментовъ, и на границахъ. *Вандею и прежде всего Вандею!*» Конвентъ приказалъ окончить войну въ Вандеѣ до 20 октября. Здѣшнія войска были соединены и усилены майнцскимъ гарнизономъ и такимъ образомъ составилась западная армія; начальствованіе надъ нею вручено неспособному генералу Лешелю, какъ и вообще въ вандейской войнѣ было много неспособныхъ генераловъ, которые хотя и могли произносить въ клубахъ прекрасныя рѣчи, но въ военномъ дѣлѣ ровно ничего не понимали. Однако подъ начальствомъ Лешеля были: Вестерманнъ, Клеберъ и Марсо—три дѣльныхъ полководца; они дали инсургентамъ большое сраженіе при Шолле, въ которомъ 13,000 республиканцевъ совершенно разбили 40,000 инсургентовъ. Въ этой кровавой битвѣ пали лучшіе вожди вандейцевъ: Бошанъ, Лекюръ и д'Эльбэ.

Комитетъ благосостоянія приказалъ вырубить въ Вандеѣ лѣса, уничтожать хлѣбъ на поляхъ и захватывать стада скота; стариковъ, женщинъ и дѣтей онъ велѣлъ удалять изъ этой мѣстности и позаботиться объ ихъ содержаніи. Изъ этого можно видѣть, какой страшный характеръ приняла гражданская война. Остатки вандейской инсуррекціонной арміи бѣжали и рѣшили уйти подъ предводительствомъ Ларошъ-Жакелена въ Бретань, гдѣ они разсчитывали на помощь англичанъ. 30,000 челов., между которыми было много женщинъ и дѣтей, бросились въ Бретань. Англія не оказала имъ никакой помощи, въ Бретани же къ нимъ присоединились только шуаны, шайка прежнихъ контрабандистовъ. Вестерманнъ и Клеберъ двинулись на пришедшихъ въ отчаяніе вандейцевъ и при Леманѣ, 12 декабря, разбили ихъ до полнаго уничтоженія, послѣ чего плѣнные цѣлыми массами были разстрѣляны. Все, что только спаслось, было настигнуто республиканцами на Луарѣ. Стофле и Ларошъ-Жакеленъ позорно бросили при Савенэ слѣпо довѣрившихся имъ крестьянъ и вандейцы послѣ кровавой битвы были совершенно уничтожены (23 декабря), такъ что вандейская война въ настоящемъ смыслѣ слова кончилась и вожди вандейцевъ могли еще дѣйствовать нѣкоторое время только небольшими бандами. Генералъ Тюрро со своими «адскими колоннами» опустошилъ Вандею огнемъ и мечемъ.

Эта борьба отразилась въ Парижѣ усиленною дѣятельностью комитетовъ безопасности и благосостоянія. Когда жирондисты возстали въ провинціяхъ, въ Парижѣ было рѣшено предать суду трибунала 22 арестованныхъ депутата этой партіи; были арестованы также 73 депутата, протестовавшихъ противъ исключенія жирондистовъ изъ конвента.

Съ арестованными, какъ фактически доказано, обращались очень снисходительно; имъ не отказывали въ такихъ послабленіяхъ, которыхъ другія правительства часто не даютъ лицамъ, задержаннымъ за самые ничтожные проступки. Арестованные могли жить на свои средства, какъ имъ было угодно, могли принимать посѣщенія, переписываться. Французская подвижность и грація сказались даже въ этихъ тюрьмахъ; здѣсь устраивались праздники, маскарады, ученыя собранія, велись политическіе дебаты и любовныя интриги; но все это, время отъ времени, прерывалось безпощадною рукой обвинителя, каждый день извлекавшаго свои жертвы.

14 октября должна была предстать передъ революціоннымъ трибуналомъ и «вдова Капетъ»—38-ми-лѣтняя королева Марія-Антуанета, послѣ того какъ ее разлучили съ сыномъ, который былъ отданъ въ ученіе къ сапожнику Симону. Говорятъ, что Симонъ сурово обращался съ этимъ ребенкомъ; повидимому, онъ обращался съ нимъ такъ, какъ обыкновенно обращаются мастера съ своими учениками. Во время процесса королеву обвиняли въ участіи въ комплотахъ съ иностранцами и въ возбужденіи гражданской войны. Присяжными были: одинъ парикмахеръ, два портныхъ, два столяра, слесарь, живописецъ, хирургъ, одинъ служитель изъ суда и одинъ человѣкъ безъ опредѣленной профессіи. Процессъ тянулся три дня; въ качествѣ свидѣтелей явились: Балльи, Манюэль и Валазé. Однимъ позорнымъ свидѣтельскимъ показаніемъ, котораго Геберъ привелъ маленькаго Капета, трибуналъ очень разумно не воспользовался. Марія-Антуанета была признана виновной и приговорена къ смертной казни; казнь ея была совершена въ присутствіи всѣхъ вооруженныхъ секцій, 16 октября. Эта женщина, несомнѣнно, обладала умомъ и мужествомъ; но ея ненависть къ народу и демократіи, ея высокомѣріе и интриги вызвали значительную часть тѣхъ катастрофъ, которыя залили Францію моремъ крови и огня. Человѣкъ, обращенный ею изъ демократіи въ роялизмъ, отступникъ Барнавъ, послѣдовалъ за нею на эшафотъ 29 ноября.

24 октября начался процессъ арестованныхъ жирондистовъ.

Ихъ было 21 человѣкъ, а именно: Бриссо, Верніо, Жансонэ, Валазе, Ласурсъ, Гардьянъ, Буало, Легарди, Виже, Фонфредъ, Дюко, Дюперре, Фошэ, Силлери, Кара, Дюпаръ, Бовэ, Дюшатель, Менвьелль и Ляказъ. Эти люди обвинялись въ соучастіи въ жирондистскомъ возстаніи въ департаментахъ; они защищались съ большою настойчивостью и Верніо пустилъ въ ходъ передъ трибуналомъ всѣ чары своего увлекательнаго краснорѣчія. Но по одному закону, внесенному Робеспьеромъ, трибуналъ могъ прекратить дебаты, если присяжные черезъ три дня заявляли, что они достаточно выяснили себѣ дѣло. Присяжные сдѣлали это 30 октября и жирондисты были признаны виновными и присуждены къ смертной казни. Во время объявленія приговора Валазе закололъ себя кинжаломъ; его трупъ также былъ отвезенъ на мѣсто казни. Жирондисты были казнены 31 октября. Они умерли съ большою твердостью, что не представляло ничего необыкновеннаго въ эти необыкновенныя времена. У подножья эшафота они обнялись и запѣли пѣсни свободы.

Таковъ былъ конецъ этой партіи, которая имѣла среди своихъ членовъ такъ много блестящихъ и глубокихъ умовъ, но вслѣдствіе недостатка энергіи и пониманія стала тормазомъ революціи. Ея уничтоженіе было почти полнымъ, потому что и въ провинціяхъ также погибли выдающіеся вожди этой партіи. Гадэ, Салль и Барбару казнены въ Бордо, Рабо Сентъ-Этьеннъ былъ преданъ однимъ ложнымъ другомъ; Кондорсе оставилъ свое надежное убѣжище, гдѣ онъ написалъ книгу о способности рода человѣческаго къ совершенствованію, былъ арестованъ близъ Парижа и отравился въ тюрьмѣ. Петіонъ и Бюзо были растерзаны волками близъ Бордо, гдѣ и найдены ихъ трупы. Г-жа Ролланъ была осуждена въ Парижѣ и 8 ноября ее повели на казнь. Когда ее уводили изъ тюрьмы, ея союзницы плакали и съ почестями провожали ее. Она умерла съ римскимъ мужествомъ и гордостью, а мужъ ея, узнавъ въ Руанѣ о ея смерти, оставилъ свое убѣжище и закололъ себя кинжаломъ на дорогѣ.

Въ это же время были отправлены на эшафотъ: Манюэль, Балльи и герцогъ Орлеанскій, Эгалитэ. Народъ жестоко отнесся къ Балльи, которому онъ не могъ простить бойни на Марсовомъ Полѣ. Въ великихъ переворотахъ ничто не остается безнаказаннымъ. Эгалитэ былъ осужденъ за участіе въ заговорѣ Дюмурье. Этотъ двумысленный человѣкъ сказалъ своимъ судьямъ: «*Такъ какъ вы, во что бы то ни стало хо-*

тите осудить меня, то вамъ бы слѣдовало, по крайности, позаботиться о лучшей мотивировкѣ моего осужденія!» Этимъ онъ попалъ въ самую слабую струнку революціоннаго трибунала.

Республика мечомъ прокладывала себѣ дорогу и мечъ трибунала повисъ надъ головами всѣхъ. Страхъ и ужасъ, охватившіе теперь Францію, вышли изъ всякихъ предѣловъ; но все-таки отвѣтственность за нихъ падаетъ на тѣхъ, которые оставили Горѣ лишь одинъ выборъ: или побѣдить посредствомъ ужаса, или погибнуть вмѣстѣ со всѣми пріобрѣтеніями революціи. Вина въ кровопролитіяхъ этого времени въ гораздо большей степени падаетъ на Питта, чѣмъ на Робеспьера.

Необычайныя усилія Карно ускорили вооруженіе республики, и уже въ августѣ можно было увеличить сѣверную армію настолько, что она раздѣлилась на двѣ большихъ колонны. Герцогъ Іоркскій все еще осаждалъ Дюнкирхенъ, и противъ него выступило лѣвое крыло республиканской арміи подъ предводительствомъ Гушара, отличившагося на Рейнѣ подъ начальствомъ Кюстина. Кюстинъ былъ удаленъ отъ должности. 7 сентября 1793 г. враждебныя войска встрѣтились при Гондшоотенѣ, и здѣсь произошла кровавая битва, продолжавшаяся два дня. Гушаръ держалъ себя плохо и находившійся при арміи комиссаръ конвента Левассеръ, человѣкъ рѣшительный, долженъ былъ пригрозить генералу гильотиной, чтобы принудить его къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ. Воодушевленіе французовъ здѣсь также преодолѣло всѣ препятствія и англо-голландское войско сильнымъ ударомъ въ штыки было обращено въ бѣгство. Еслибы не небрежность Гушара, то герцогу Іоркскому было бы отрѣзано отступленіе.

Со времени измѣны Дюмурье, комитетъ благосостоянія сталъ очень недовѣрчивымъ къ генераламъ: Гушаръ былъ удаленъ отъ должности и отправленъ на эшафотъ.

Въ этотъ критическій моментъ комитетъ благосостоянія крайне энергично обращался съ генералами. Онъ посылалъ имъ *приказаніе побѣждать*, а это значило, что въ случаѣ пораженія они должны были бы предстать передъ революціоннымъ трибуналомъ. Такъ, генералъ Журданъ получилъ теперь приказъ освободить Мобежъ или умереть, и Журданъ, пламенный республиканецъ, сражавшійся въ сѣверной Америкѣ подъ знаменами Вашингтона, принялъ эту альтернативу.

Онъ направился къ Мобежу, осажденному принцемъ Кобургскимъ. Генералъ Клерфэ выступилъ противъ Журдана, и враждебныя войска встрѣтились при Ватиньи, гдѣ 15 октября началось кровавое сраженіе, продолжавшееся два дня. Карно. славный «организаторъ побѣды», самъ явился на поле битвы; въ пылу воодушевленія, въ самый разгаръ стычки, онъ схватилъ ружье, сталъ во главѣ уже поддавшихся французскихъ колоннъ и непреодолимой аттакой привелъ ихъ къ побѣдѣ. Австрійцы отступили далеко на сѣверъ, и Журданъ, назначенный начальникомъ всей сѣверной арміи, совершенно очистилъ сѣверную границу.

На Рейнѣ Богарнэ не везло и самъ Богарне не проявилъ талантовъ полководца. Онъ былъ отброшенъ при Ландау, велѣлъ состоявшему подъ его начальствомъ Моро напасть на непріятеля при Пирмансѣ, но, потерпѣвъ пораженіе, совершенно потерялъ голову и, наконецъ, былъ удаленъ отъ должности. Впослѣдствіи онъ былъ казненъ. Теперь рейнская армія получила значительное подкрѣпленіе, и начальствованіе надъ нею было поручено молодому генералу Гошу, отличившемуся въ сѣверной арміи. Этотъ 25 лѣтній генералъ, открытый геніемъ Карно, раньше былъ конюхомъ и затѣмъ поступилъ въ гвардію. Самообразованіемъ онъ развилъ свои блестящія дарованія. Пламенный республиканецъ, молодой, красивый, одаренный большими талантами, онъ быстро былъ вознесенъ наверхъ волнами революціи. Поручая ему рейнскую армію, комитетъ благосостоянія писалъ: «Ландау—или смерть!» Гошъ сдѣлалъ этотъ ордеръ лозунгомъ въ знакъ того, что онъ долженъ побѣдить или умереть.

Къ пруссакамъ, стоявшимъ подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, присоединился еще одинъ австрійскій корпусъ подъ командою стараго маршала Вурмзера. На этихъ двухъ ветерановъ напалъ молодой республиканскій генералъ, 28 ноября при Кайзерлаутернѣ. Здѣсь послѣ трехдневной битвы онъ былъ отброшенъ съ тяжелыми потерями, такъ какъ союзники занимали крѣпкую позицію. Но уже 22 декабря Гошъ напалъ на стараго Вурмзера при Фрешвайлерѣ и прогналъ его до Вайссенбурга, гдѣ стояли пруссаки. Черезъ четыре дня Гошъ напалъ на пруссаковъ при Гайсбергѣ близъ Вайссенбурга: послѣ кровопролитнаго сраженія пруссаки должны были отступить и ушли къ Майнцу, между тѣмъ какъ Вурмзеръ при Шпейерѣ ретировался къ Рейну. Герцогъ Брауншвейгскій,

раздраженный тѣмъ, что его побѣдилъ 25-ти-лѣтній генералъ, сложилъ съ себя начальствованіе войскомъ.

Въ Италіи союзники, австрійцы и сардинцы, сначала было одерживали верхъ надъ генераломъ Келлерманомъ, командовавшимъ войскомъ на этой границѣ. Онъ долженъ былъ отступить до Ліона. Но скоро онъ двинулся впередъ и при Альберетгскомъ проходѣ нанесъ чувствительное пораженіе своимъ противникамъ. На испанской же границѣ дѣла французовъ шли плохо; испанскій генералъ Рикардосъ одержалъ побѣду при Вилльелонгѣ и оттѣснилъ французовъ до Бэйона.

Противъ Тулона, занятаго англо-испанскимъ флотомъ подъ начальствомъ адмираловъ Гуда и Лонгары, обратился теперь старый, но энергичный генералъ Дюгомье. Комитетъ благосостоянія приказалъ взять этотъ городъ до конца года. Но здѣсь въ первый разъ выступилъ человѣкъ, которому суждено было черезъ шесть лѣтъ увидѣть у своихъ ногъ Францію, объятую теперь бурею революціи—Наполеонъ Бонапартъ. Геній этого 24-хъ лѣтняго лейтенанта артиллеріи блеснулъ яркимъ свѣтомъ, когда онъ указывалъ въ военномъ совѣтѣ тотъ путь, которымъ надо взять Тулонъ. Онъ доказалъ, что Тулонъ можно взять, если предварительно прогнать изъ его гавани англо-испанскій флотъ, а для этого и также и для того, чтобы имѣть возможность успѣшно обстрѣливать флотъ, необходимо взять сперва фортъ Эгилеттъ и направить теперь всѣ силы на осаду этого форта. Предложенія Бонапарта были приняты; взявъ фортъ, французы направили изъ него на непріятельскій флотъ такой страшный огонь, что онъ вмѣстѣ съ 15 тысячнымъ англійскимъ гарнизономъ оставилъ гавань. Гудъ, жестокій морякъ, сжегъ французскій флотъ, такъ что изъ 56 французскихъ кораблей осталось только 18; тулонцевъ, сильно скомпрометированныхъ возстаніемъ противъ конвента и трепетавшихъ теперь отъ страха передъ местью его, Гудъ оставилъ на произволъ судьбы; испанскіе же корабли взяли часть кораблей тулонцевъ. Страшная была сцена, когда въ гавани горѣли корабли. Англичане удалялись, сопровождаемые воплями оставленныхъ ими тулонцевъ, а съ высотъ, господствующихъ надъ городомъ, Бонапартъ обстрѣливалъ изъ своихъ орудій плотины, истребляя томившіяся на нихъ массы народа. Съ этой-то сцены взошла звѣзда того человѣка, который долженъ былъ стать наслѣдникомъ революціи и желѣзной рукой военной диктатурой замѣнить всѣ ея пріобрѣтенія. Теперь онъ выдавалъ себя за терротиста и якобинца и былъ другомъ Робеспьера-младшаго,

находившагося въ качествѣ комиссара конвента при арміи, осаждавшей Тулонъ. Но въ серьезной головѣ молодого артиллерійскаго лейтенанта изъ Аячіо уже тогда возникали иные планы.

Тулонъ сдался 20 декабря 1793 г., и конвентъ велѣлъ своимъ комиссарамъ Барра и Фрерону, подвергнуть кровавому наказанію этотъ городъ, отдавшійся въ руки враговъ и провозгласившій короля. Здѣсь было совершено около 200 казней, и городъ получилъ имя «гавани Горы».

За моремъ, въ колоніяхъ, французы терпѣли неудачи. Они потеряли почти всѣ свои владѣнія въ Остъ-Индіи и Южной Америкѣ; на островѣ Гаити негры объявили себя независимыми, истребили большую часть бѣлыхъ и соединились съ испанцами противъ французовъ, такъ какъ французы не хотѣли признать независимость негрской республики Гаити.

Такимъ образомъ, не считая частныхъ неудачъ, республика въ 1793 г. устояла противъ сильнѣйшей коалиціи ея враговъ. Она обезопасила свои границы, положила конецъ гражданскимъ войнамъ внутри страны, подавила возстанія. Франція плавала въ крови, пролитой республикой, чтобы побѣдоносно отразить своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Петрарка.

Пер. съ италіанскаго Н. М. Соколова.

Весело сбѣгались изгнанники изъ партіи Бѣлыхъ на встрѣчу бѣлокурому Генриху *). Въ числѣ этихъ изгнанниковъ былъ человѣкъ, котораго сопровождали жена и двое дѣтей, еще въ очень юномъ возрастѣ. Одинъ изъ нихъ увидѣлъ свѣтъ вѣроятно еще въ домѣ отца. — Другой изгнанникъ былъ еще не старъ, но постоянныя размышленія, глубокія думы и тяжелыя страданія оставили неизгладимые слѣды на его лицѣ.

Такъ на одинъ моментъ встрѣтились Данте Алигіери и Франческо Петрарка,—прошлое и будущее италіанской литературы. Одинъ человѣкъ изъ желѣза; вся его жизнь полна скорби, гнѣва и величавыхъ видѣній высокой души; это былъ могучій поэтъ, который въ пластической формѣ воплотилъ средніе вѣка и заключилъ ихъ. Другой, вѣчно безпокойный, съ душой волнующейся и мягкой, ученый реставраторъ языческой древности, поэтъ Амура и Грацій, былъ вѣстникомъ новаго времени. Божество исчезало; на смѣну ему шелъ человѣкъ. Съ Франческо Петраркой мы вступаемъ въ новый періодъ искусства и мысли.

Съ нимъ и въ немъ исчезала эпоха и на горизонтѣ исторіи появлялся новый человѣкъ.—Всмотримся въ него, остановимъ свое вниманіе на обстоятельствахъ его жизни. Безпокойство—вотъ одна изъ самыхъ яркихъ особенностей его характера. Онъ самъ сознается, что нигдѣ не можетъ найти себѣ покоя, что онъ всегда чувствуетъ въ себѣ какую-то неудовлетворенность.

Никто такъ не тосковалъ объ отдыхѣ и никто не пользовался имъ такъ мало. Стоитъ ему гдѣ-нибудь не надолго остановиться, чтобы ему снова захотѣлось путешествовать. Въ путешествіи онъ тоскуетъ объ отдыхѣ. Если онъ одинъ, ему

*) Императоръ—идеалистъ Генрихъ VII, германскій, котораго горячо привѣтствовалъ Данте въ своемъ посланіи „къ народамъ и правителямъ Италіи“ и который внезапно умеръ вскорѣ (1313 г.). Прим. ред.

нужно общество; если онъ въ обществѣ, онъ ищетъ уединенія; когда ему поручаютъ серьезныя общественныя дѣла, онъ съ гнѣвомъ отказывается отъ нихъ; если ему покажется, что его забыли, онъ изливается въ безконечныхъ жалобахъ. Каждая, даже малѣйшая опасность его ужасаетъ; каждая угроза судьбы лишаетъ его самообладанія. Онъ говоритъ, что легко привыкаетъ къ любому мѣсту, но въ мірѣ нѣтъ мѣста, которое бы ему было по душѣ. Онъ презираетъ богатство и тоскуетъ о немъ; онъ призываетъ смерть и боится молніи. Сегодня смиренный, завтра онъ будетъ надменнымъ. Сегодня онъ пишетъ, какъ аскетъ,—завтра, какъ язычникъ. Вообще эта натура непостоянная, безпокойная, влюбленная въ добродѣтель и въ то же время жадная къ чувственнымъ наслажденіямъ, которая постоянно стремится объединить въ себѣ самыя высокія вершины идеала и теряетъ силы въ мучительныхъ порывахъ. Это предшественникъ, какъ сказалъ Кине, Вертера, далекій первообразъ нашихъ современниковъ, болѣзненно-нервныхъ и истеричныхъ.

Въ его душѣ еще остается кое-что и изъ древняго міра; время отъ времени онъ отдается мистицизму и въ эти мрачные моменты пишетъ книги, которыя, кажется, вышли изъ подъ пера святого, всецѣло охваченнаго неземною любовью.

Но это только минуты; и даже въ нихъ есть свои противорѣчія. Бываютъ ночи, когда, по его словамъ, онъ плачетъ въ своей постели: ужасаясь при мысли о смерти и обливаясь потомъ, онъ проситъ у Бога милости и съ сильно бьющимся сердцемъ перечитываетъ покаянные псалмы. Потомъ, съ первымъ лучемъ солнца, который проникнетъ сквозь его окно, онъ забываетъ ночные страхи и воспѣваетъ прекрасные золотистые волосы, распущенные по вѣтру. Эти два момента его жизни представляютъ изъ себя антитезу, но оба они одинаково искренни и естественны. Въ интимной исторіи своей мысли, въ своихъ чувствахъ, въ своихъ трудахъ, вездѣ и всегда онъ стоитъ между противоположными стремленіями, противоположными надеждами, различными потребностями, постоянный только въ своемъ непостоянствѣ, устойчивый только въ своей измѣнчивости.

Въ его груди есть мѣсто для разнообразныхъ видовъ страстной любви. Прежде всего любовь къ родинѣ. Петрарка съ ногъ до головы итальянецъ. «Я, говоритъ онъ, съ раннихъ лѣтъ любилъ Италію такъ, какъ не могъ бы любить ее никто изъ моихъ современниковъ». Онъ думаетъ, что это самая

счастливая, самая славная, самая прекрасная страна на свѣтѣ. Онъ любитъ въ ней все—озера, потоки, горы, поля и долины. Вотъ онъ съ вершины горы Гебенна смотритъ въ даль и, взволнованный, въ одномъ изъ самыхъ вдохновенныхъ стихотвореній, привѣтствуетъ дорогую, возлюбленную землю, родину музъ, свѣточъ міра. «Наконецъ-то, восклицаетъ онъ, я снова съ тобою, снова вижу тебя. Твой мягкій вѣтерокъ обвѣваетъ мое лицо, твой воздухъ несетъ мнѣ силы; я живу родиной и въ восторгѣ шлю ей привѣтъ: живи, прекраснѣйшая страна, живи, слава міра!» Сердцу Петрарки слишкомъ мучительно видѣть, что раздоры и братоубійственныя войны терзаютъ его родину. Вмѣшавшись въ споръ генуезцѣвъ съ венеціанцами, онъ напоминаетъ имъ, что какъ тѣ, такъ и другіе—итальянцы, умоляетъ ихъ оставить братоубійственную войну и, соединивъ мстительное оружіе, направить его противъ иностранцевъ и вѣроломныхъ подстрекателей «къ раздорамъ и несогласіямъ». «Если у васъ, пишетъ онъ, еще остается сколько-нибудь уваженія къ латинскому имени,—не забывайте, что тѣ, кому вы грозите гибелью, ваши братья. Вѣчно-ли наконецъ мы будемъ терпѣть, угнетая другъ друга,—вѣчно-ли будемъ тѣшить міръ зрѣлищемъ нашего позора? Перестанемъ-ли мы когда-нибудь просить помощи у тѣхъ, кто ищетъ нашей гибели? Да, скажу это громко и вслухъ всѣмъ, среди безчисленныхъ людскихъ ошибокъ, позорнѣе всѣхъ наша ошибка, когда мы, будучи итальянцами, тратимъ всѣ свои силы на то, чтобы содѣйствовать врагамъ Италіи». Слово поэта грозно гремитъ противъ наемнаго войска, противъ паденія военнаго искусства. Онъ плачетъ, когда видитъ, что у италіанцевъ все испорчено и извращено, оплакиваетъ порчу языка, нравовъ, костюмовъ, условій жизни, замѣчая, что сами итальянцы въ мирѣ и войнѣ стремятся къ тому, чтобы сдѣлать Италію дикою страною, полною варварства и жестокости. Въ его благородномъ сердцѣ находитъ себѣ отзвукъ всякое несчастіе Италіи, всякая бѣда его родины. Съ энтузіазмомъ поэта, съ краснорѣчіемъ оратора, онъ всегда мечтаетъ объ Италіи великой, свободной, могущественной, объ Италіи итальянцевъ, единой и согласной, которая еще разъ могла бы дать міру уроки доблести и мудрости.

Вмѣстѣ съ Италіей онъ любилъ и Римъ. Когда въ 1336 г. Петрарка въ первый разъ увидѣлъ эти священныя стѣны,—съ его губъ сорвались слѣдующія слова: «Теперь я не удивляюсь тому, что такой городъ могъ покорить себѣ весь міръ;

я удивляюсь только, что онъ покорилъ его такъ поздно». Римъ предсталъ передъ Петраркою въ двоякомъ видѣ, — какъ тотъ царственный городъ, гдѣ родился и справлялъ свой тріумфъ Сципіонъ, и какъ городъ, который собиралъ на землѣ звуки неба, городъ, полный мученическихъ костей, обагренный кровью свидѣтелей истины. Такъ въ его сердцѣ жили два Рима. Сегодня онъ въ умиленіи идетъ по Via Sacra и по Марсову Полю; завтра проникаетъ къ тому мѣсту, гдѣ по преданію былъ распятъ святой Петръ. Вотъ онъ любуется аркой и портикомъ Помпея, вспоминаетъ, какъ здѣсь справлялъ свой тріумфъ Цезарь, какъ Августъ видѣлъ здѣсь у своихъ ногъ царей міра; еще немного — и онъ ищетъ то мѣсто, гдѣ была отрублена голова апостола Павла, гдѣ сожгли святого Лаврентія.

Италія и Римъ — вотъ для Петрарки два идеала, нераздѣленные и нераздѣлимые, — тѣ два идеала, которымъ, можетъ быть, онъ всегда былъ вѣренъ, которымъ отдавался съ особеннымъ энтузіазмомъ, которые среди различныхъ обстоятельствъ его жизни никогда не блѣднѣли въ его сердцѣ.

Но посмотримъ хорошенько, что есть въ немъ и помимо чувства. Какъ только отъ чувствъ и афектовъ мы перейдемъ на практическую почву, мы тотчасъ же увидимъ, въ какомъ вихрѣ противорѣчій жилъ нашъ поэтъ.

Онъ прославляетъ Роберта Анжуйскаго, встрѣчаетъ его съ любовью и энтузіазмомъ, позабывая, что именно Робертъ былъ главою гвельфовъ, что именно онъ побудилъ Папу Климента V перенести папскую резиденцію въ Авиньонъ. И онъ, который пишетъ, что король Робертъ знаменитый, божественный, великодушный и мудрый король, король королей, — въ тоже время и тѣмъ же самымъ перомъ пишетъ пламенныя рѣчи противъ испорченности Авиньона.

Съ Коло ди Ріенцо онъ мечтаетъ о возстановленіи римской республики и съ Карломъ IV становится пламеннымъ поборникомъ реставраціи имперіи, хотя у него не нашлось ни одного слова симпатіи для предпріятія Іоанна Богемскаго.

Онъ, энтузіастъ трибуны, — другъ фамиліи Колонна, его злѣйшихъ противниковъ; и, будучи другомъ Колонна, онъ требуетъ, чтобы вырвали изъ рукъ знати тиранію въ Римѣ. Онъ держитъ руку синьоровъ Корреджіо, предателей Скалигеровъ, и, когда Джіаконо Буссолари пробуетъ отстоять права коммуны въ Павіи противъ Висконти, онъ встрѣчаетъ его суровыми укорами, имѣя въ виду защищать Висконти, которые

были самыми непримиримыми врагами его Роберта и его Карла Люксембургскаго. Онъ создаетъ недосягаемый идеалъ князя,— требуетъ, чтобы онъ былъ справедливымъ, сострадательнымъ, какъ отецъ, и милостивымъ, — и потомъ живетъ при дворѣ Висконти, прославляетъ ихъ и называетъ Галеаццо великодушнымъ. И все это объясняется только тѣмъ, что Петрарка не умѣлъ провести черту между реальнымъ міромъ и міромъ своихъ чувствъ и своихъ идей. Онъ видѣлъ все подъ угломъ своихъ собственныхъ мгновенныхъ впечатлѣній и увлекался этими впечатлѣніями, какъ способный и воспріимчивый мальчикъ. Онъ никогда не былъ человѣкомъ государственнымъ, никогда не былъ политикомъ, не создалъ теоріи, не выработалъ системы. Италію и Римъ онъ любилъ страстно, но всегда платонически.

Любовь къ Италіи и Риму всегда соединялась въ немъ съ любовью къ классической древности. Человѣческій духъ, который изнемогалъ въ средневѣковую эпоху, для того, чтобы пріобрѣсти новыя силы, долженъ былъ погрузиться въ міръ античный; и его возвращеніе къ древности отмѣтило начало новаго историческаго періода, который продолжается отчасти и до нашихъ дней. И въ дѣлѣ возрожденія онъ имѣлъ своихъ предшественниковъ, но первое имя, въ которомъ это возрожденіе уже торжествуетъ,—имя Петрарки. Въ немъ первый разъ мы видимъ проявленіе ненависти къ старой схоластикѣ; тѣхъ, кто служитъ ей, онъ называетъ новымъ видомъ чудовищъ, вооруженныхъ энтимемами съ двумя когтями. Онъ презираетъ и отвергаетъ весь научный багажъ среднихъ вѣковъ. Для него не существуетъ другой любви, кромѣ любви къ краснорѣчію и поэзіи. Его чаруетъ красота античныхъ формъ, и онъ дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы воспроизвести ее въ своихъ произведеніяхъ. Его идеалъ — это Цицеронъ, котораго онъ полюбилъ и сталъ изучать еще ребенкомъ. Съ годами эта любовь только крѣпла; и онъ сохранилъ ее до глубокой старости. Онъ чувствуетъ, по его словамъ, что его собственный умъ сродни духу любимаго писателя, котораго онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ. Онъ превозноситъ его краснорѣчіе и обиліе его произведеній; и его книги становятся неразлучными спутниками въ жизни поэта. Чѣмъ больше онъ жилъ, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе разгоралась въ немъ страсть къ античнымъ писателямъ. Въ своихъ путешествіяхъ онъ вездѣ розыскиваетъ старинныя рукописи и проситъ своихъ друзей, чтобы они какъ можно ревностнѣе розыскивали ихъ. Такимъ обра-

зомъ онъ собираетъ коллекцію античныхъ произведеній, удивительную для того времени. Для него нѣтъ позора хуже позора не любить античный міръ. И изъ этой любви къ классическимъ писателямъ возникло то высокое представленіе о литературномъ совершенствѣ, та неудовлетворенность, которыя всегда мѣшали ему быть довольнымъ тѣмъ, что онъ пишетъ. Въ душѣ Петрарки всегда живетъ мысль о славѣ и для него, какъ говоритъ Фойхтъ, была плѣнительной мысль, что его будутъ вспоминать черезъ нѣсколько столѣтій и поставятъ рядомъ съ великими античными писателями. Средневѣковый человѣкъ о славѣ не думалъ; единственная желанная для него слава — это слава на небѣ. Почувствовать, наконецъ, снова желаніе мірской славы — это одна изъ особенностей того времени, когда человѣческій духъ пробуждается къ новой жизни. Значитъ, и въ этомъ отношеніи Петрарка является намъ человѣкомъ новой исторіи.

Правда, это желаніе часто сопровождается у него различными проявленіями дѣтской суетности. Это одинъ изъ его недостатковъ, которыхъ у него было не мало. Но во всякомъ случаѣ мысль о славѣ всегда служила для него побужденіемъ къ новымъ изысканіямъ, къ новымъ трудамъ, къ большему и большему совершенству. Онъ первымъ оставилъ женственный, безсильный стиль своихъ предшественниковъ: и онъ самъ сознавалъ это и этимъ гордился. Онъ первый обратился къ изученію грековъ и ему первому удалось достать Гомера. Онъ задумываетъ собрать коллекцію драгоцѣнныхъ камней и монетъ, сознаетъ необходимость исправленія различныхъ кодексовъ, собираетъ и приводитъ въ порядокъ свои произведенія и обращается къ потомкамъ, разсказывая имъ свою собственную жизнь. Для того времени все это было ново и неожиданно. На этомъ печать уже нашей современности.

И то отношеніе, въ какое Петрарка становится къ внѣшнему міру, тоже ново и близко къ нашему времени. Онъ путешествуетъ для развлеченія и для того, чтобы увидѣть что-нибудь новое. Онъ объѣзжаетъ огромное пространство, путешествуетъ по Бельгіи, Швейцаріи, Франціи, Испаніи, доѣзжаетъ до береговъ Британскаго моря, вездѣ интересуется исторіею, во все вноситъ ясность своей пытливой мысли. Въ Неаполѣ онъ посѣщаетъ мѣста, описанныя Виргиліемъ; въ Ахенѣ онъ разсказываетъ легенду о Карлѣ Великомъ и замѣчаетъ, что онъ ей не вѣритъ; въ Кельнѣ онъ любуется женщинами, которыя купаются въ Рейнѣ; на англійскихъ берегахъ

онъ ищетъ мѣсто стариннаго Тула [1]). Петрарка здѣсь живетъ среди реальнаго міра. Въ немъ остается еще немного средневѣковаго сомнамбулизма; но въ немъ есть и явное стремленіе къ болѣе гуманному пониманію жизни. Иногда въ то, что онъ пишетъ, онъ умѣетъ внести частичку себя, своихъ чувствъ своихъ впечатлѣній, своихъ думъ. Средневѣковый писатель съ его холодной и монотонной безличностью уже остался за нимъ на много вѣковъ позади.

Посмотрите, вотъ онъ пишетъ длинную латинскую поэму, въ которой воспѣваетъ Сципіона Африканскаго,—поэму, которая, несмотря на ея недостатки, является истиннымъ чудомъ языка и слога, хотя къ ея содержанію мы и остаемся равнодушными, такъ какъ въ значительной части это только переложеніе въ стихи исторіи Ливія.

Но когда мы читаемъ, какъ въ этой поэмѣ онъ описываетъ красоты Софонизбы, мы сразу-же чувствуемъ, что поэтъ въ это время думалъ уже не о Софонизбѣ, а о другой женщинѣ, имъ любимой; когда мы читаемъ жалобы Массиниссы, Массинисса перестаетъ для насъ существовать и передъ нами является Петрарка, который оплакиваетъ свою любовь. Когда мы пробѣгаемъ стихи, гдѣ говорится о Магонѣ, близкомъ къ смерти, когда мы читаемъ, что этотъ карѳагенянинъ завидовалъ животнымъ, считая ихъ жребій завиднѣе жребія людей, и говорилъ, что жизнь не даетъ ничего, что въ мірѣ лучше всего смерть: Mors optima rerum,—мы убѣждены, что здѣсь говоритъ сердце Петрарки, что здѣсь раздается первый крикъ той міровой скорби, которая, впослѣдствіи поработила духъ многихъ позднѣйшихъ великихъ людей и свое высшее и самое глубокое выраженіе нашла въ Джіакомо Леопарди.

Посмотрите еще; онъ пишетъ безконечное число писемъ, гдѣ, повидимому, ученость часто подавляетъ чувство. У Паоло Аннибальдески, напримѣръ, убитъ сынъ.—Бѣдный отецъ умеръ отъ скорби и упалъ на обожаемый прахъ. Какъ вы думаете, что пишетъ по поводу этого печальнаго событія Петрарка?— Вотъ его собственныя слова: «Нашъ Паоло потерялъ сына. Въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Павелъ Македонскій потерялъ двухъ, а Пріамъ, у котораго было столько дѣтей, остался одинокимъ.—Но сынъ Паоло погибъ отъ меча. Что-же изъ этого? Какое значеніе имѣетъ для насъ, отъ чего умираютъ люди,—отъ меча, кораблекрушенія, лихорадки или яда? Смерть всегда смерть.

[1]) „Ultima Thule“ мѣстность представлявшаяся древнимъ почти концомъ свѣта. Прим. ред.

Сынъ Паоло умеръ очень молодымъ... Но развѣ это не вполнѣ естественно, если его отецъ былъ молодъ? И развѣ это достаточная причина для того, чтобы такъ тосковать?» Въ такомъ духѣ онъ и продолжаетъ, постоянно обращаясь къ покойнику и предлагая ему вопросы вродѣ того, какимъ образомъ онъ въ ту минуту, когда умиралъ отъ мучительной скорби, не вспомнилъ объ Анаксагорѣ, Периклѣ, Катонѣ, Марціи, Пульвиллѣ и многихъ другихъ, которые спокойно переносили смерть своихъ сыновей?—Умираетъ другой его ближайшій другъ Франческино Дельи Альбицци, — умираетъ въ Савонѣ; и это даетъ Петраркѣ поводъ написать длинное и суровое обличительное письмо по адресу этого города, полное цитатъ и классическихъ воспоминаній.—Чтобы позабавить жену Карла IV, у которой родилась дочь, онъ говоритъ по этому поводу объ Изидѣ, Карментѣ, Сафо, Сивиллахъ, Пентезилеѣ, Томирисѣ, Клеопатрѣ, Зиновіи, Лукреціи, Клеліи, Корнеліи, Марціи. Чтобы похвалить элегантный слогъ своего друга, онъ сравниваетъ его съ волосами Клеопатры и со взоромъ Федры. Чтобы поздравить одного изъ своихъ друзей, который поселился въ деревнѣ, онъ говоритъ, что, если ему надоѣстъ откармливать гусей, пусть онъ вспоминаетъ о тѣхъ, которые спасли Капитолій.

Все это, конечно, ребячество, но это ребячество имѣетъ свое высокое значеніе. Это изліяніе учености, разбрасываемой дѣйствительно слишкомъ широко и слишкомъ часто неожиданно является торжествомъ писателя, который съ большимъ трудомъ собралъ часть античной мудрости и съ необузданностью и высокомѣріемъ новаго богача даетъ великолѣпный банкетъ друзьямъ, и недругамъ, и потомкамъ. Такимъ образомъ всякая, даже самая длинная вереница цитатъ пріобрѣтаетъ свое значеніе. Поэтому неудивительно, что онъ изучаетъ, отдѣлываетъ и исправляетъ свои письма, что онъ смотритъ на нихъ, какъ на литературныя произведенія, и видитъ въ нихъ великолѣпное доказательство своей культуры. Это уже признакъ того переворота, который происходилъ въ человѣческомъ сознаніи.

Каждое изъ этихъ маленькихъ писемъ—шагъ впередъ по дорогѣ возрожденія. Эта реторика, для насъ совершенно мертвая, была живою въ Петраркѣ, составною частью его чувства. Каждая изъ этихъ цитатъ заставляла въ немъ биться сердце гуманиста. Каждый изъ этихъ изъисканныхъ, отточенныхъ и отшлифованныхъ періодовъ былъ какъ-бы живымъ словомъ античной древности, которая подымалась изъ гроба. Эта приподнятость тона, эта безконечная болтливость

напоминаетъ, какъ сказалъ Фойгтъ, наивную говорливость ребенка, который радуется тому, что научился говорить, и говоритъ только для того, чтобы говорить. Но подъ его перомъ латинскій языкъ пріобрѣталъ оттѣнокъ почти античнаго изящества; и онъ готовитъ себя для искусства, создаетъ эстетику возрожденія и вызываетъ къ жизни, какъ сказалъ Вильменъ, рядомъ съ церковью и государствомъ новую силу, сплошь моральную и сплошь современную, а именно литературную республику. Въ Петраркѣ сказалось и другое чувство, которое въ средніе вѣка отнюдь не пользовалось вниманіемъ,—это любовь къ природѣ, желаніе искать среди нея отдыха отъ неудачъ жизни. Его мысль съ удовольствіемъ обращается къ зеленымъ лугамъ, къ покрытымъ травою берегамъ рѣкъ, къ густой чащѣ лѣса; онъ завидуетъ тѣмъ, которые не слышатъ ничего, кромѣ мычанья коровъ, пѣнія птицъ и журчанья потоковъ, которые могутъ бродить по лѣсамъ, по холмамъ, по долинамъ. Онъ прославляетъ сельскую жизнь, задумчиво сидитъ на пустынныхъ берегахъ рѣки, останавливается, чтобы полюбоваться трепетомъ листьевъ на тополѣ, заслушивается пѣніемъ птицъ и торжественнымъ молчаніемъ лѣса. Любовь къ природѣ заставляетъ его подниматься на крутыя вершины горы Вентоза, искать для себя одиночества и убѣжища въ Воклюзѣ, гдѣ онъ видитъ только небо, горы и говорливую рѣчку Соргу, гдѣ онъ счастливъ своею одинокою жизнью, потому что можетъ бродить по песчанымъ горамъ и влажнымъ долинамъ, сажать деревья, ухаживать за цвѣтами и плести гирлянды.

Впрочемъ, и любовь къ сельскому уединенію не была у Петрарки постоянной. Онъ былъ непостояннымъ во всемъ. Но тѣмъ не менѣе способность испытывать это чувство, стремленіе время отъ времени отдыхать на чистомъ лонѣ природы—одна изъ самыхъ характерныхъ его особенностей, одинъ изъ главныхъ источниковъ его поэтическихъ вдохновеній.

«Если бы Петрарка не любилъ, говоритъ Вольтеръ, слава его была бы гораздо меньше». И онъ былъ правъ. Изъ многихъ страстей, которыя волновали его сердце, только одна возвеличила его имя и побѣдно пронесла его черезъ ряды вѣковъ,—только она одна сдѣлала его имя дорогимъ для всѣхъ людей, въ сердцѣ которыхъ дрожатъ струны нѣжности и любви.

Кто-же та женщина, которую любилъ Петрарка?—И до сихъ поръ мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ съ полною достовѣрностью. Послѣ безчисленнаго количества дога-

докъ, послѣ многочисленныхъ диспутовъ и огромной траты чернилъ, мы всетаки должны удовольствоваться только предположеніями. Но среди всѣхъ гипотезъ основательнѣе другихъ несомнѣнно та, что женщина которую любилъ поэтъ, была женою знатнаго авиньонца, Гуго де Сада, который имѣлъ отъ нея одиннадцать человѣкъ дѣтей.

О характерѣ любви Петрарки писано много; многіе говорили, что это была самая нѣжная и неземная изъ страстей; другіе, что это страсть самая низкая; несомнѣнно, что оба эти мнѣнія преувеличены. Петрарка безспорно былъ человѣкомъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Молодой, изящный, красивый, въ такомъ городѣ, какъ Авиньонъ, гдѣ чистота нравовъ оставляла желать многого,—онъ, повидимому, едва-ли могъ оставаться безукоризненно чистымъ; мы не могли-бы допустить этого даже и въ томъ случаѣ, если бы не имѣли тѣхъ доказательствъ, какія у насъ есть. Было-бы глупо предполагать, что такой человѣкъ въ знойномъ увлеченіи страсти жилъ въ воздушной области чистыхъ желаній. Петрарка любилъ попросту и сильно. Но та женщина, которую онъ любилъ, казалась ему и женщиной, и ангеломъ вмѣстѣ: страстный вздохъ влюбленнаго часто сливался въ немъ съ молитвою поклонника; руки, которыя тянулись къ страстнымъ объятіямъ, часто прижимались къ груди въ молитвенномъ сокрушеніи. Любовь Петрарки, какою она является намъ въ его поэтическомъ творчествѣ, слагалась изъ очень различныхъ элементовъ, которые не рѣдко противорѣчили другъ другу. Сегодня онъ весь въ туманныхъ и неопредѣленныхъ образахъ поэзіи трубадуровъ, завтра напротивъ онъ весь въ самой конкретной реальности поэзіи народной. Онъ то признаетъ самый тонкій и глубокій психологическій анализъ, то вдругъ поднимается въ самыя воздушныя области идеала; у него то реальность, то символъ, то человѣческое, то божественное, то мука, то радость — и вездѣ борьба, и вездѣ постоянныя противорѣчія. Въ одномъ письмѣ, которое было написано спустя восемь лѣтъ послѣ встрѣчи съ Лаурою, Петрарка говоритъ, что въ этой любви для него и *стыдъ*, *и печаль*; и онъ называетъ свою любовь *скорбною и нечестивою*. Когда Лаура умираетъ, онъ приноситъ Богу благодарность за то, что исчезъ съ лица земли предметъ его *пагубной* страсти и приписываетъ милосердію Христа то обстоятельство, что погасъ огонь, который его жегъ. Обратите вниманіе на то, что это былъ настоящій пожаръ, иногда дѣйствительно ужас-

ный, о которомъ самъ поэтъ въ самой искренней книгѣ, какая только вышла изъ подъ его пера, говоритъ, что въ то время онъ весь изливался въ жалобахъ и стонахъ, кормилъ свое сердце сладострастіемъ вздоховъ и слезъ, проводилъ ночи безъ сна, повторяя имя любимой женщинѣ, возненавидѣлъ жизнь, сталъ похожъ на Гомерова Беллерофонта, который терзалъ свое собственное сердце. Этихъ словъ изъ Secretum, книги, въ которой Петрарка для себя пишетъ исповѣдь своей собственной жизни, достаточно для того, чтобы убѣдить насъ въ реальности его любви. И эти слова не стоятъ одиноко. Въ другомъ мѣстѣ онъ жалуется на то, что Лаура, презирая тысячи соображеній, которыя смягчили бы всякую другую женщину, оставалась *непреклонной*. Онъ разсказываетъ о всѣхъ своихъ попыткахъ исцѣлиться отъ этой любви.—«Какъ же отъ нея исцѣлиться? Можетъ быть бѣжать? Но развѣ я не бѣжалъ отъ нея, говоритъ онъ, развѣ я не прошелъ отъ запада и до сѣвера, не доходилъ до крайнихъ предѣловъ океана? Какъ же избавиться отъ нея? Можетъ быть, полюбить другую женщину?» Эта мысль, повидимому, иногда глубоко проникала въ самыя нѣдра его духа, но тогда изъ его сердца поднимался крикъ, который производитъ на насъ глубокое впечатлѣніе: «ахъ нѣтъ, нѣтъ; я не могу любить никого, кромѣ ея, ея одной; душа моя разъ навсегда привыкла любить ее, глаза мои неотступно слѣдятъ за ней, сердце живетъ ею. Перестать любить ее и умереть—одно и тоже». И все-таки онъ стремится бороться съ собою, сурово и безпощадно повторяетъ себѣ какъ сильно эта роковая женщина повредила его душѣ и его земному жребію, какъ часто она смѣялась надъ нимъ, отвергала и презирала его; и онъ называетъ ее женщиной съ неблагодарными очами и говоритъ, что если бы въ ней было хоть сколько-нибудь жалости, его страданія были-бы легче и мимолетнѣе дыханія лѣтняго вѣтерка; онъ упрекаетъ ее за то, что она удалила его отъ Бога, что она лишила его всѣхъ радостей жизни, что она никогда не думала объ его чести.

Ея плѣнительный образъ превращается въ его сердцѣ въ страшный и ненавистный призракъ и то, что вчера опьяняло его счастьемъ, сегодня становится для него почти предметомъ ужаса.

Присмотримся къ этому поближе. Правда, у Петрарки это чувство любви и ненависти, вѣры и сомнѣнія остается постояннымъ. Но въ его страсти нѣтъ характернаго признака

великихъ страстей,—исключительности, опредѣленности, роковой идеи. У него мысль о любви *не могущественная* мысль, какъ у Леопарди, *не владычица его сокровенныхъ думъ.* Правда, сердце Петрарки растерзано, но его мучитъ не одна только Лаура. Въ немъ борются всѣ его идеалы, всѣ виды его любви; онъ отдается всѣмъ, не можетъ ни на одномъ остановиться и успокоить въ немъ свое сердце. Научныя занятія, путешествія, друзья, Римъ, Италія, искусство, слава, религія, природа,—вотъ соперники Лауры, которымъ ей часто приходилось уступать; его любовь реальна, но она не идетъ сильной волной и, какъ вся его жизнь, представляетъ постоянную борьбу между желаніемъ и страхомъ, между надеждою и разочарованіемъ, между ночными привидѣніями и дневными восторгами, между вѣчнымъ *да* и вѣчнымъ *нѣтъ*, которые во всемъ и всегда мучили его мозгъ. Его сонеты и канцоны снова и снова говорятъ намъ объ этомъ его настроеніи, которое длится вѣчно. И кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что и здѣсь, какъ въ его *Secretum*, сказалась истинная сущность его страсти? Достаточно посмотрѣть на тотъ стихъ, въ которомъ сказалось такъ много, что онъ одинъ заключаетъ въ себѣ цѣлую поэму любви,—тотъ стихъ, гдѣ онъ называетъ Лауру: *та, которая одна только кажется мнѣ женщиной.* Этотъ стихъ, который поясняетъ самъ поэтъ, когда говоритъ, что на что бы онъ ни смотрѣлъ, онъ во всемъ видитъ только ее: «Хотя-бы я неотступно смотрѣлъ на тысячу вещей, я вижу одну только эту женщину»... какъ будто она всегда стояла передъ его глазами, какъ будто его слухъ былъ полонъ только ею: «Мнѣ кажется, что я слышу ее, когда слышу шумъ вѣтвей, вѣтра, лѣсной зелени и птицъ, когда воды съ легкимъ рокотомъ бѣгутъ по зеленой травѣ».

Это исключительное чувство, это единство воображенія, эта роковая дума несомнѣнно иногда одушевляли Петрарку, но только иногда, и можно сказать, довольно рѣдко. Гораздо чаще мы видимъ у него колебаніе, неустойчивость и постоянныя перемѣны. И прежде всего неопредѣленность самой сущности его любви зависитъ отъ того, какъ онъ любилъ эту женщину, которую воспѣлъ въ своихъ пѣсняхъ. Любилъ-ли ее, какъ женщину или только поклонялся ей, какъ чему-то небесному? Хотя онъ и говоритъ намъ, что его любовь чиста, что она ведетъ его къ Богу, что она открываетъ ему путь къ вѣчному спасенію,—мы всетаки имѣемъ основаніе думать, что въ его груди кипѣли и желанія страсти, что онъ зави-

довалъ Пигмаліону, который тысячи разъ могъ обладать тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ-бы обладать хоть разъ въ жизни». Пигмаліонъ, какъ ты счастливъ съ дѣлами рукъ твоихъ, такъ какъ тысячи разъ ты могъ имѣть то, чего я хотѣлъ бы себѣ хоть разъ».

И это, говоря правду, было счастьемъ для искусства, ибо этой реальной любви къ женщинѣ мы обязаны самымъ прекраснымъ, самымъ тонкимъ и самымъ глубокимъ въ поэтическомъ творчествѣ Петрарки. Именно этому чувству мы обязаны, какъ сказалъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, тѣмъ, что Петрарка «началъ искусно извлекать человѣческое начало изъ теологическихъ пеленокъ, въ которыхъ оно было запутано въ періодѣ среднихъ вѣковъ; онъ поднялъ и возродилъ его изъ того угнетенія, въ которое поставилъ его мистицизмъ».

Но реальная любовь къ женщинѣ часто сливалась въ немъ съ другими чувствами. Иногда онъ весь отдавался думамъ о небѣ и тогда называлъ потерянными дни, отданные Лаурѣ, и иго ея называлъ безбожнымъ.

«Отецъ небесный, послѣ того, какъ потерялъ столько дней, столько ночей провелъ въ безуміи съ той страстной жаждой, которая горѣла въ сердцѣ, когда я смотрѣлъ на то, что на горе мнѣ, было такъ прекрасно, — озари меня нынѣ свѣтомъ твоимъ, чтобы я вернулся къ другой жизни и къ другимъ, болѣе высокимъ помысламъ, чтобы мой противникъ, напрасно раскинувъ свои сѣти, не могъ смѣяться надо мною. Теперь, о мой Владыко, проходитъ одинадцатый годъ съ тѣхъ поръ, какъ я склонился подъ это нечестивое иго, слишкомъ суровое для тѣхъ, кто его носитъ. Сжалься надъ моимъ недостойнымъ страданіемъ, возведи блуждающія мысли къ лучшимъ думамъ, вспомни ихъ Ты, который въ этотъ день былъ на крестѣ» [1]).

А иногда онъ тоскуетъ о потерянной свободѣ и любовь къ Лаурѣ сравниваетъ *съ прибрежными скалами у гавани* любви къ Богу. Мрачныя мысли охватываютъ его душу и онъ думаетъ о самоубійствѣ, чтобы освободиться отъ терзающей его муки любви.

«Если бы я думалъ, что смерть освободитъ меня отъ мысли любви, которая меня уничтожаетъ, своими руками я бросилъ бы на землю эти члены и эти заботы».

---

[1]) Этотъ сонетъ былъ написанъ въ пятницу на Страстной недѣлѣ. Прим. перев.

Онъ хотѣлъ бы вернуться изъ опаснаго путешествія, но его пугаетъ огонь *прекрасныхъ очей* и онъ говоритъ, что не хочетъ больше любить. Но потомъ онъ снова вздыхаетъ о милыхъ цѣпяхъ: «да, иго, и цѣпи, и колодки были мнѣ слаще, чѣмъ моя свобода»,—и убѣжденный, что никогда не избавится отъ своей любви, благословляетъ тѣ мѣста, гдѣ онъ видѣлъ Лауру, и видитъ ее вездѣ, и слѣдуетъ за нею, и рисуетъ ея прекрасный образъ на скалахъ, и говоритъ, что жизнь его борьба и что «только мысль о ней даетъ мнѣ немного покоя».

Въ 1337 году Петрарка былъ въ Римѣ и тамъ написалъ слѣдующій сонетъ:

«Священный видъ вашей земли вызываетъ во мнѣ стоны о моемъ жалкомъ прошедшемъ, заставляетъ меня сказать: остановись, несчастный, что ты дѣлаешь?—и указываетъ мнѣ путь, чтобы подняться къ небу.—Но съ этой мыслью борется другая мысль и говоритъ мнѣ: зачѣмъ ты бѣжишь? Развѣ ты позабылъ, что пора уже вернуться домой, чтобы видѣть нашу донну? И я, когда слышу эти рѣчи, весь застываю, какъ человѣкъ, который внезапно слышитъ неожиданную новость. Потомъ я обращаюсь къ первой мысли и оставляю вторую. Которая изъ нихъ побѣдитъ, не знаю,—но и до сего дня онѣ борются во мнѣ и борются часто».

Въ этихъ стихахъ дано удивительное описаніе состоянія его духа.

Зачѣмъ бѣжитъ Петрарка? Но если онъ и бѣжитъ, если онъ и далеко отъ Лауры, онъ на каждомъ шагу глядитъ назадъ, «думая о томъ счастьѣ, какое онъ оставляетъ», въ другихъ женщинахъ ищетъ ея черты, живетъ только надеждою увидѣться съ нею снова, нигдѣ не можетъ успокоиться, изъ Авиньона бѣжитъ въ Воклюзъ, изъ Воклюзы возвращается въ Авиньонъ, путешествуетъ по Италіи, Германіи и Англіи; но, гдѣ бы онъ ни былъ, въ арденскихъ лѣсахъ или въ лодкѣ на Ронѣ и По, вездѣ ему снятся «чудныя ангельскія уста», и вездѣ онъ мечтаетъ о возвращеніи домой. Но только что онъ дома, для него начинаются новыя муки; сегодня онъ томится ревностью къ тому, кто скрываетъ отъ него прекрасный образъ его донны, завтра дрожитъ за здоровье больной Лауры; то ему кажется, что ея лицо отражаетъ волненіе, что она клонитъ долу свои очи и опустила голову, то ему жаль, что она спустила надъ глазами покрывало,—и все это его мучитъ, и обо всемъ онъ пишетъ.

Въ его сонетахъ и канцонахъ длинные ряды похвалъ

Лаурѣ, но здѣсь же и ряды жалобъ, упрековъ, почти оскорбленій. То поэту кажется, что она «святая, мудрая, изящная, чистая и прекрасная, благороднѣе всѣхъ женщинъ»,—то ему кажется, что она «холоднѣе снѣга, неприступна и холодна, безпощадна и надменна», лукавая соблазнительница, которая и не открываетъ, и не замыкаетъ, не вяжетъ и не развязываетъ: «и она держитъ меня въ тюрьмѣ, которая не открывается и не закрывается, она не запутываетъ меня въ свои сѣти и не освобождаетъ меня изъ нихъ»; иногда она умѣетъ говорить «чудныя и лукавыя слова» и всегда умѣетъ держать его въ сомнѣніи и колебаніи. Но, если всѣ эти похвалы не согласны съ истиной, то и всѣ эти укоры несомнѣнно преувеличены. Лаура всегда такова, какою рисуетъ ее воображеніе поэта въ различные моменты его жизни и въ различномъ настроеніи его духа. Эта способность—смотрѣть на все внѣшнее подъ угломъ своего собственнаго настроенія—до нѣкоторой степени общая черта для всѣхъ людей, но у Петрарки это обычное, неизмѣнное и постоянное свойство.

Онъ почти никогда не видитъ объективной реальности, но все воспринимаетъ въ окраскѣ своего собственнаго настроенія. Въ виду этого его сонеты и канцоны, которые съ одной стороны доказываютъ реальность его любви, съ другой даютъ новое доказательство постоянной неустойчивости и постоянныхъ колебаній, что составляетъ существенную черту его характера. Лаура несомнѣнно та женщина, которую любилъ Петрарка, но эта любовь не имѣетъ исторіи, всегда остается на томъ же самомъ мѣстѣ и представляетъ изъ себя нѣчто внутреннее, а не внѣшнее. Но несомнѣнно и то, что его любовь стала болѣе страстною, когда умерла Лаура. Тогда и она стала тосковать о немъ, у нея нашлись для него чудные взгляды и милыя слова, жалость при видѣ его слезъ. И она стала ревнивой и нѣжной: она «къ ложу, на которомъ я томлюсь, приходитъ такою, что я едва смѣю глядѣть на нее и, нѣжная, садится у моего изголовья. Рукою, о которой я такъ тосковалъ, она осушаетъ мои слезы и ея слова даютъ мнѣ столько счастья, сколько никогда не чувствовалъ смертный».

Между Петраркой и Лаурой до ея смерти стояло слишкомъ много другихъ стремленій поэта, чтобы только въ одной этой любви онъ могъ вполнѣ успокоиться. Въ живой Лаурѣ мистикъ видѣлъ грѣхъ и погибель, реставраторъ классической древности роковое покушеніе на свою славу, патріотъ помѣху

своему пребыванію въ Италіи. Но все это исчезло, когда она умерла, и онъ самъ признается въ этомъ, когда говоритъ, что онъ не хотѣлъ бы теперь видѣть ее живою, такъ какъ тогда вернулись бы къ нему и его муки: «я не хотѣлъ бы снова увидѣть ее въ этомъ аду».

Безпокойство теперь улеглось. Настало время мира и гармоніи. То, что прежде ему казалось жестокостью, теперь кажется ему приличіемъ и благородствомъ. Теперь онъ благодаритъ ее за то, что когда-то его такъ мучило. «Было бы гораздо хуже, если бы она мнѣ уступила», говоритъ онъ теперь,— теперь, когда смерть положила конецъ всѣмъ его стремленіямъ. Теперь онъ можетъ сказать съ полною искренностью: «благословенна та, которая направила мой путь къ лучшей жизни и ласково смирила пылкія и нечестивыя желанія».

Теперь тотъ ангелъ, которому поклонялись, сложивъ руки, и страстно любимая женщина слились въ одно существо, въ которомъ для него явилась сестра, подруга, повѣренная его печали. Вообще первая часть его Canzoniere полна противорѣчій: если въ ней слышится человѣкъ, въ которомъ плоть борется съ духомъ, Лаура съ Богомъ, то во второй части послѣ бури море стало спокойнымъ: здѣсь любимая женщина, теперь безсмертная, зоветъ къ себѣ поэта, а поэтъ тоскуетъ только о небѣ, на которомъ, по его мысли, ждетъ его Лаура: «и всѣ желанія, и всѣ мысли я возношу къ небу, ибо я слышу, какъ она говоритъ мнѣ, чтобы я поспѣшилъ».

Теперь, когда мы, хотя и слишкомъ быстро, разсмотрѣли Петрарку въ многообразныхъ проявленіяхъ его таланта, намъ остается рѣшить послѣдній вопросъ, каково эстетическое достоинство его Canzoniere, произведенія, которое сдѣлало его безсмертнымъ и дало ему мѣсто перваго лирика въ нашей литературѣ?

Надо расчленить вопросъ, какъ говорили прежніе схоластики. Конечно, у него не все одинаково совершенно; кое-что онъ сохранилъ изъ школы своихъ предшественниковъ; есть кое-что и свое, что не совсѣмъ хорошо. Это нѣкоторыя метафоры, игра словъ, какая-то искусственность, которая намъ не нравится. Онъ иногда писалъ и безъ вдохновенія, писалъ даже тогда, когда содержаніе не было достойнымъ поэзіи. У него остаются нѣкоторые слѣды поэзіи трубадуровъ и замѣтно нѣчто такое, что впослѣдствіи называли петраркизмомъ и лирикою XVII вѣка. Такъ, онъ посылаетъ свои вздохи подняться на гору, боится, что они сбились съ дороги, не знаетъ, дошли

они до Лауры, но думаетъ, что они дошли, такъ какъ они не возвращаются: въ такомъ же духѣ и его игра словами при имени *Лореты* или, когда онъ находитъ возможнымъ говорить о своей любви по поводу какихъ-то куропатокъ и трюфелей, которые онъ посылаетъ въ подарокъ другу. Тогда, и только тогда у насъ является искушеніе пожалѣть, что Петрарка писалъ такъ много стиховъ. Но это мелочи въ сравненіи съ обиліемъ неподражаемыхъ красотъ. У Петрарки былъ культъ формы и кто-то очень мѣтко назвалъ его предшественникомъ Рафаэля. Его картины блещутъ изяществомъ и красотою. Вспомните тѣ стихи, гдѣ онъ описываетъ молодую и цвѣтущую Лауру.

«Золотистые волосы были брошены по вѣтру, который свивалъ ихъ въ тысячи милыхъ изгибовъ, и чудный блескъ ослѣпительно лился изъ этихъ прекрасныхъ очей, которые теперь на него такъ скупы».

Вспомните и другіе стихи, гдѣ онъ описываетъ мертвую Лауру.

«Не блѣдная, но бѣлѣе снѣга, который безъ вѣтра падаетъ на прекрасный холмъ, казалось, она, утомленная, отдыхаетъ. Былъ сладкій сонъ въ ея чудныхъ очахъ, когда духъ ея уже отлетѣлъ отъ нея, тотъ сонъ, который безумные называютъ смертью: и смерть казалась прекрасною на ея прекрасномъ лицѣ».

Удивительна пластичность этихъ стиховъ. Сколько у поэта блеска, торжественности и трепетнаго чувства, когда въ видѣніи ему предстала на небѣ Лаура!

«И мысль моя поднялась туда, гдѣ была та, которую я ищу и не нахожу на землѣ; тамъ, гдѣ заключается третій кругъ неба, я увидѣлъ ее болѣе прекрасною и менѣе гордою. Она взяла мою руку и сказала мнѣ: если мое желаніе меня не обманываетъ, въ этой сферѣ будешь и ты вмѣстѣ со мною. Я та, которая вела съ тобой такую войну, день которой закончился до вечера. Счастье мое не по мысли людей. Одного тебя жду я, тебя, который такъ любилъ мою оболочку, покинутую мной на землѣ.—Но зачѣмъ она замолчала и отняла свою руку? При звукѣ ея словъ, ласковыхъ и чистыхъ, мнѣ такъ хотѣлось остаться на небѣ».

Нужно-ли мнѣ напоминать вамъ канцону: «Ясныя свѣжія сладкія воды»?

По какому волшебству, справедливо говорилъ Де-Санктисъ, слово, когда оно выражаетъ скорбь, полно такой граціи, когда

выражаетъ довольство, возбуждаетъ столько меланхоліи?—Это смѣшеніе красокъ, которое даетъ жизнь во всей ея полнотѣ, въ смѣнѣ свѣта и тѣни.

Оригинальность Петрарки, пишетъ Кине, заключается въ томъ, что онъ первый почувствовалъ то, что всякій моментъ нашего существованія заключаетъ въ себѣ цѣлую поэму, что каждый часъ нашей жизни можетъ таить въ себѣ безсмертіе.

И этотъ часъ, и этотъ моментъ Петрарка умѣлъ воплотить въ словахъ, звучнѣе которыхъ не сходило съ губъ человѣка. Онъ претворилъ въ художественную красоту каждую слезу, каждую радость, каждое желаніе, каждый вздохъ своего больного сердца и этимъ открылъ дорогу для величавой лирики всѣхъ европейскихъ народовъ.

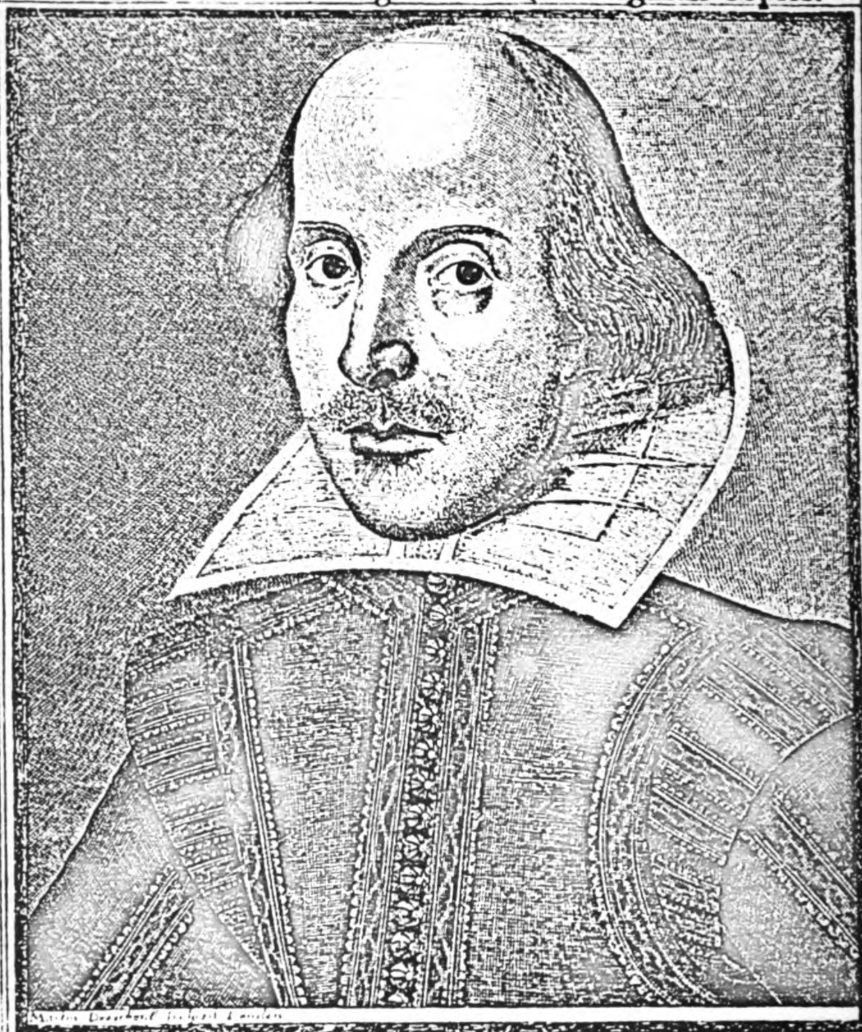
Адольфо Бартоли.

M^r. WILLIAM

SHAKESPEARES

COMEDIES, HISTORIES, & TRAGEDIES.

Published according to the True Originall Copies.



LONDON

Printed by Isaac Iaggard, and Ed. Blount. 1623.

Портретъ В. Шекспира прилож. къ изданiю его сочиненiй въ 1623 г. (См. ст. „Королева Елизавета англiйская и ея время“).

Королева Елизавета англійская и ея время.

Переводъ съ нѣмецкаго Г. Ѳ. Львовича.

X [1]).

Въ XVI столѣтіи нѣмцы не такъ часто посѣщали чужія страны, какъ впослѣдствіи, когда путешествіе, въ особенности по Нидерландамъ, Франціи и Италіи стало почти необходимымъ для знатнаго молодого человѣка. Однако и тогда уже путешествовали не мало изъ простой любознательности, приводившей нѣкоторыхъ и въ Англію. До насъ дошелъ цѣлый рядъ описаній этихъ путешествій большею частью въ видѣ дневниковъ: они писаны въ разные годы и людьми, принадлежавшими къ различнымъ слоямъ общества; тѣмъ не менѣе всѣ они въ главныхъ чертахъ согласны между собой.

Проникнуть нѣмцу въ Англію было тогда не особенно легко; религіозныя войны охватили материкъ и, напр., одному изъ путешественниковъ, герцогу Фридриху Вюртембергскому, пришлось драться съ различными врагами, пока, наконецъ, члены Эмденскаго городского совѣта, послѣ щедраго „угощенія“, проводили его на корабль. На морѣ, не говоря уже о другихъ тяготахъ подобнаго путешествія, свирѣпствовали пираты: благоразумнѣе всего было сѣсть прямо на пиратское судно, но оказалось, что экипажъ судна состоитъ изъ удивительно „безбожной сволочи“. Въ Каналѣ герцогъ встрѣтилъ напоминаніе о грандіозномъ событіи: на южномъ берегу Канала лежали обломки, оставшіеся послѣ битвъ съ великой армадой. При въѣздѣ въ Англію и выѣздѣ изъ нея производились тщательные обыски; подъ Дувромъ возвышался укрѣпленный замокъ; Темза тоже охранялась сильными фортами. Но самое внушительное впечатлѣніе производилъ сильный флотъ, какъ важнѣйшій оплотъ государства: такъ называлъ его еще Ведель, нѣмецъ, жившій въ Англіи во второй половинѣ 1584 и началѣ 1585 г., и англичанинъ Гаррисонъ. Но съ 1588 г. англійскій флотъ сталъ настоящей достопримѣчательностью страны. Герцогъ Фридрихъ самъ побывалъ въ Рочестерѣ, гдѣ стояло до сорока военныхъ кораблей; — тамъ же, говоритъ онъ, находится и большой корабль, называющійся „Англійскимъ Львомъ“, причинившій большой уронъ испанской армадѣ прошлыхъ лѣтъ“. Осматривали также корабль Дрэка: королева дѣйствительно

[1]) См. Вѣст. Всем. Истор., іюнь.

осуществила свое желаніе хранить его на память. Въ 1585 г. „капитанъ Дрэко“ проявлялъ еще энергичную дѣятельность: приходили самыя неимовѣрныя извѣстія о его добычахъ за последнее время. Иностранцы удивлялись искусству англичанъ въ мореплаваніи; въ Англіи они видѣли между прочимъ индѣйцевъ только что привезенныхъ изъ-за моря; въ Гэмптонкортскомъ замкѣ висѣло изображеніе четы такихъ дикарей.

По мѣрѣ удаленія отъ морскихъ береговъ исчезало все, что могло напоминать о непріятелѣ. Англійскіе города приводили въ изумленіе нѣмцевъ, которые недоумѣвали, оттого ли эти города не окружены стѣнами, что въ странѣ обезпеченъ миръ, или оттого, что англичане не позволяютъ своимъ государямъ строить укрѣпленій? Это отсутствіе городскихъ стѣнъ свидѣтельствуетъ о преимуществахъ англійской жизни того времени сравнительно съ континентальной. Конечно, личность здѣсь еще далеко не была обезпечена отъ посягательствъ. На берегу Темзы герцогъ и его спутники подвергаются вооруженному нападенію человѣка, который очевидно расчитывалъ на содѣйствіе своихъ товарищей. Гостинницы вездѣ превосходны, но хозяева ихъ иногда находятся въ сношеніяхъ съ разбойниками на большихъ дорогахъ и сообщаютъ имъ о своихъ посѣтителяхъ. По странѣ ѣздили обыкновенно верхомъ, причемъ можно было пользоваться почтовыми лошадьми, но, конечно, за высокую плату. На дорогахъ путешественники встрѣчали кареты знатныхъ людей. Товары перевозились на большихъ двухколесныхъ телѣгахъ, въ которыя впрягали по пяти или шести лошадей.

Цѣлью путешествій иноземцевъ бывалъ почти исключительно Лондонъ и королевскій дворъ. Впрочемъ, два раза нѣмцы рѣшились посѣтить Шотландію, что имъ однако удалось только одинъ разъ. Въ этой странѣ все было убого и жалко: исключеніе составлялъ лишь Эдинбургъ. Въ Англіи же путешественники видѣли много поражавшихъ ихъ вещей. Они удивлялись благоустройству ея луговъ, преобладанію въ ней скотоводства, обилію стадъ овецъ, дававшихъ, по выраженію Гетцнера, по истинѣ золотое руно. Сельское населеніе они нашли очень зажиточнымъ: у крестьянина были ковры, серебряная посуда, онъ питался и одѣвался лучше иного дворянина. Конечно, это наблюденіе слѣдуетъ принимать съ большими оговорками, но все же оно очень знаменательно. Гораздо подробнѣе говорятъ путешественники о дворянствѣ: благосостояніе его увеличивается, образованіе возрастаетъ, площадь господскихъ парковъ расширяется и повсюду привлекаютъ къ себѣ вниманіе множество пышныхъ замковъ. Эти замки и составляютъ единственный продуктъ самобытнаго англійскаго искусства. Живопись и пластика въ Англіи того времени, насколько мы можемъ судить, отступаютъ совершенно на задній планъ. Архитектура поддается новымъ вліяніямъ еще медленнѣе, чѣмъ въ остальныхъ сѣверныхъ странахъ; она разрабатываетъ средневѣковыя формы поздняго готическаго стиля и лишь робко и нерѣшительно примѣшиваетъ къ нимъ элементы стиля возрожденія. Своеобразныя сооруженія елизаветинскаго

времени съ ихъ башенками, фронтонами, широкими окнами и высокими трубами отражаютъ въ себѣ прежде всего переходъ аристократіи къ новому образу жизни: здѣсь, какъ отчасти и во Франціи, только еще быстрѣе, укрѣпленные феодальные замки вытѣсняются богатыми открытыми господскими домами. Число печей и каминовъ въ домахъ увеличивается, чаще сооружаются каменныя зданія, употребленіе стекла становится всеобщимъ, комфортъ возрастаетъ, въ богатыхъ домахъ распространяется французская кухня, венеціанская стеклянная посуда, серебро. У многихъ молодыхъ дворянъ является стремленіе отправиться на югъ, хотя они тамъ, по словамъ Гаррисона, пріучаются лишь къ различнымъ порокамъ и противоестественнымъ извращеніямъ. Въ нихъ осталось еще слишкомъ много старой дикости: младшіе сыновья дворянъ, которые, по англійскому обычаю, должны сами служить, принимаются за грабежи. Нѣмецкій путешественникъ Ведель отмѣчаетъ еще одну особенность современнаго англійскаго дворянства: оно входитъ въ родственныя связи съ богатой буржуазіей. Онъ могъ бы прибавить, что нерѣдко наблюдалось даже сліяніе этихъ сословій.

Алессандро Фарнезе, герцогъ Пармскій и Пьяченцскій (Съ современ. портрета).

Путешественники обстоятельно говорятъ о самоуправленіи въ Лондонѣ и графствахъ, но о парламентѣ мы узнаемъ отъ нихъ поразительно мало. Ихъ молчаніе въ этомъ отношеніи очень знаменательно въ особенности потому, что они описываютъ Вестминстеръ и упоминаютъ о зданіи парламента. Мало того, Ведель присутствовалъ при открытіи парламента и разсказываетъ о немъ, но замѣчаетъ, будто онъ былъ созванъ главнымъ образомъ для рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи потому, дескать, что „королева царствуетъ 26 лѣтъ и никогда (!) не созывала парламента“. О дѣятельности его Ведель не сообщаетъ ничего, говоритъ лишь, что онъ засѣдалъ до Пасхи, а между тѣмъ это былъ тотъ парламентъ, который издалъ суровые законы противъ Маріи Стюартъ и католиковъ. Такое молчаніе нѣмецкихъ путешественниковъ тѣмъ знаменательнѣе, что имъ не чуждо было пониманіе поли-

тическихъ отношеній и они отчетливо оттѣняютъ политическій характеръ англійской націи. Народъ этотъ, говоритъ Генцнеръ, независимъ, свободолюбивъ и полонъ энергіи. Англичане „не выносятъ никакого рабства“ и по природѣ склонны къ возмущеніямъ. Современники часто упоминаютъ о разбояхъ, въ которыхъ участвуютъ дворяне и слуги. Наказанія въ Англіи, говоритъ Гаррисонъ, чрезвычайно суровы: за разбой и браконьерство виновные подвергаются смертной казни; къ этому мы еще можемъ прибавить: за составленіе памфлетовъ отрубали руку, за оскорбленіе величества отрѣзывали носъ и уши, въ Лондонѣ ежегодно вѣшали около трехъ сотъ человѣкъ цѣлыми толпами за разъ и вмѣсто палача, очевидно, „изъ бережливости“ вѣшалъ мясникъ. Но все это, замѣчаетъ Гаррисонъ, не устрашаетъ людей; преступники съ достоинствомъ идутъ на смерть потому, дескать, что англійскій народъ гордъ, свободенъ и не дорожитъ своей кровью и жизнью.

Въ такой атмосферѣ совершались жестокія дѣянія политической и религіозной борьбы того времени: они и находятся въ полной гармоніи съ нею. Въ сообщеніяхъ путешественниковъ отражается вся суровая жизнь Англіи и если они ничего не говорятъ о дѣятельности парламента, то это потому, что и въ дѣйствительности онъ далеко отступалъ на задній планъ передъ руководящей силой того времени, королевской властью. Дворъ былъ центромъ и важнѣйшей достопримѣчательностью англійской жизни. Путешественники прежде всего стараются увидѣть королеву. Дворъ ея они находили чрезвычайно пышнымъ. Елизавета, живя даже въ столицѣ или въ своихъ собственныхъ замкахъ, постоянно умѣла взваливать значительную часть расходовъ на свою свиту. Дорогіе французскіе наряды, разубранныхъ слугъ своихъ придворныхъ оплачивала не она; турниръ, который она давала, стоилъ каждому участнику нѣсколько тысячъ кронъ, а зрители должны были платить высокую плату за мѣста на трибунахъ. Такимъ путемъ обезпечивался блескъ королевскаго двора. Это былъ дворъ эпохи возрожденія: отличительной чертой его была образованность. Другіе дворы, говоритъ Гаррисонъ, погрязаютъ въ порокахъ, Елизавета же не терпитъ ихъ у окружающихъ. Здѣсь вездѣ вы находите библію и другія книги; старыя придворныя дамы занимаются рукодѣльями и уходомъ за больными, молодыя же музыкой; и тѣ и другія хорошо знаютъ поварское искусство. Многія изъ нихъ владѣютъ нѣсколькими языками: греческимъ, латинскимъ, испанскимъ, италіанскимъ, французскимъ. Елизавета тоже знала все это; она безъ всякаго затрудненія отвѣтила по гречески на привѣтственную рѣчь оксфордскаго университа, произнесенную на греческомъ языкѣ; говоря однажды рѣчь на латинскомъ языкѣ, Елизавета прервала ее, чтобы велѣть принести кресло больному министру, и затѣмъ, свободно продолжала свою рѣчь. Конечно, добродѣтельность придворныхъ дамъ нѣсколько преувеличена: извѣстно, что онѣ проводили время не только надъ рукодѣльями и лютнями, а и играли на большія суммы денегъ. О современныхъ нравахъ вообще достаточно ясное представленіе даетъ политическая жизнь того времени.

Чего только не пережилъ англійскій дворъ отъ перваго развода Генриха VIII до трагедіи лорда Эссекса!

Но что бы ни говорили о правахъ Елизаветы и о ней самой, всѣ сообщенія свидѣтельствуютъ о глубокомъ уваженіи, которымъ она пользовалась у своего народа. И это уваженіе съ теченіемъ времени все больше и больше увеличивалось. Народъ всегда, когда лишь это возможно, толпится вокругъ нея и радостно привѣтствуетъ ее; куда она ни взглянетъ, тамъ всѣ опускаются на колѣни, — даже самые знатные и высокопоставленные люди говорятъ съ нею не иначе, какъ стоя на колѣняхъ. Побѣдоносная, гордая своими внѣшними успѣхами, Елизавета стояла на недосягаемой высотѣ. Это сказывалось въ ея сношеніяхъ съ иностранными государями и въ международномъ положеніи Англіи. Окружавшіе же ее дворяне говорили: если бы теперь какой нибудь непріятель захотѣлъ покорить Англію, то онъ долженъ былъ бы дать не менѣе восьми битвъ и въ каждой изъ нихъ нашелъ бы 30—40000 противниковъ. Это сознаніе силъ внутри страны сказывалось и во внѣшнихъ сношеніяхъ.

IX.

Увѣнчаніемъ всей этой напряженной и блестящей общественной жизни является современная поэзія и литература. Въ высшихъ и среднихъ слояхъ англійскаго народа и въ особенности въ Лондонѣ появляется интересъ къ просвѣщенію, образованію. Литературное движеніе выростаетъ на почвѣ здоровой, но грубой народной поэзіи; появленіе англійскаго перевода библіи здѣсь, какъ и повсюду въ тѣ времена, произвело благотворное дѣйствіе. Но для поэзіи гораздо болѣе рѣшающее значеніе имѣло вліяніе эпохи возрожденія, а также поэтическія произведенія классической древности. Появились переводы сочиненій классическихъ писателей,—Сенеки, Гомера, Плутарха. Однако въ англійской литературѣ сильнѣе отразились новѣйшія литературы южныхъ народовъ, выработавшіяся подъ тѣми же классическими вліяніями:— испанская, французская и въ особенности италіанская. Въ Англію проникаютъ изъ этого источника повѣсти, романы, драмы, пасторальная поэзія, лирика; являются попытки подражанія и онѣ пользуются поддержкою двора. Самымъ выдающимся изъ англійскихъ подражателей былъ Эдмундъ Спенсеръ. Но первое мѣсто въ литературномъ движеніи этого времени занимаетъ величайшій изъ писателей Англіи, имя котораго неразрывно связано съ именемъ Елизаветы,—Вильямъ Шекспиръ.

На что бы мы не обратили наше вниманіе въ елизаветинской Англіи, мы не можемъ сразу же не замѣтить, что это міръ Шекспира. Множество мелкихъ чертъ и эпизодовъ взяты имъ прямо изъ современной жизни. Шекспиръ хорошо знаетъ буржуазію и изображаетъ ее, но это собственно не его среда. Самъ онъ послѣ юности, проведенной въ глухой провинціи, среди языческо-католическихъ народныхъ повѣрій, попадаетъ въ Лондонъ, поступаетъ въ актеры, работаетъ въ ихъ кругу, но этотъ кругъ

не удовлетворяетъ его. Свои заработки онъ употребляетъ на пріобрѣтеніе земли, чтобы обезпечить себя и войти въ среду джентри. Однако особенно сильно привлекаетъ его дворъ. Онъ сближается съ блестящею знатью, окружающей Елизавету и постепенно усваиваетъ ея тонъ и воззрѣнія. Въ комедіяхъ Шекспира ранняго періода рыцари и дамы, дѣйствующіе въ нихъ, носятъ на себѣ печать вліянія южныхъ литературъ. Но за романской утонченностью въ нихъ сказывается болѣе рѣзкій тонъ англійскаго двора. Впослѣдствіи для Шекспира настали тяжелые дни. Звѣзда покровителя его, Эссекса, закатилась: Соугамптонъ съ Эссексомъ были арестованы и осуждены; по смерти Елизаветы произошла катастрофа съ Роли, начались политическія разочарованія и потрясенія. Отраженіе этихъ событій видѣли въ самымъ замѣчательныхъ и мрачныхъ драмахъ Шекспира. Мы не беремся рѣшать, насколько это вѣрно, и замѣтимъ лишь одно: отношенія Шекспира къ отдѣльнымъ личностямъ или партіямъ при дворѣ, не мѣшали ему быть монархистомъ. Въ его драмахъ отчетливо сказывается политическая тенденція: онъ проповѣдуетъ монархію, закономѣрную и сильную, однако отнюдь не абсолютизмъ, потому что Шекспиръ дышетъ англійскимъ воздухомъ и проникнутъ англійскими воззрѣніями. Онъ защищаетъ закономѣрность и справедливость, предостерегаетъ отъ смутъ и возмущенія. Честолюбивая знать въ его произведеніяхъ волнуетъ и губитъ государства: еще въ 1569 г. Перси возсталъ въ Англіи противъ престола. Всѣ событія, пережитыя Англіей во время Шекспира, отражаются въ его изображеніяхъ XV вѣка; и рѣшеніе всѣхъ противорѣчій онъ видитъ въ національной, славной монархіи. Отчетливѣе всего эта тенденція сказывается въ Генрихѣ V. Говорятъ, что король Карлъ I передъ своей казнью читалъ Шекспира: въ вѣкъ побѣды пуританства надъ королевской властью Шекспиръ былъ настоящимъ пѣвцомъ монархизма. Елизавета и для него является идеаломъ: возможно,—что именно къ ней относятся многіе намеки, встрѣчающіеся въ его драмахъ.

Не мало говорили о политической мудрости, заключающейся въ драмахъ Шекспира. Въ нихъ дѣйствительно есть много очень умныхъ наблюденій и политическихъ идей: Шекспиръ, какъ сынъ своей страны и своего времени научился многому, что трудно было бы узнать въ другихъ странахъ Европы. Однако нельзя отрицать, что исторія въ его представленіи была лишь борьбой между отдѣльными сильными личностями. Общественныя отношенія Англіи у него всегда остаются на заднемъ планѣ; учрежденій, общественныхъ силъ и партій у него не замѣтно, партійную борьбу онъ разсматриваетъ, какъ чисто-личныя столкновенія; въ его драмѣ „Король Іоаннъ“ совершенно не упоминается о magna charta. Словомъ, въ противоположность Шиллеру, онъ видитъ въ исторіи лишь борьбу отдѣльныхъ личностей за существованіе и власть. Таковы вообще были политическія понятія эпохи возрожденія. Этой эпохѣ принадлежитъ индивидуализмъ Шекспира и его политическая роль: онъ раздѣлялъ монархическія или точнѣе, монархическо-аристократическія воззрѣнія, вообще присущія людямъ

эпохи возражденія, въ особенности въ сѣверной Европѣ. Правящіе слои того времени могли заботиться о народѣ, пользоваться имъ, снисходить къ нему, они старались сдерживать и подавлять знать, но все же правители, ихъ приближенные и друзья фактически составляли аристократію. Это въ особенности нужно сказать объ Англіи временъ Елизаветы, гдѣ именно тогда возникало новое, еще тѣсно связанное съ короною и неопасное для нея дворянство. Ни одинъ поэтъ не смотрѣлъ на народъ съ такимъ презрѣніемъ, какъ авторъ Цезаря и Коріолана. По своимъ чувствамъ и воззрѣніямъ онъ принадлежалъ къ кругу знатныхъ и образованныхъ людей, окружавшихъ престолъ Елизаветы, которая сама раздѣляла эти взгляды.

Сэръ Джонъ Говкинсъ. (Съ гравюры Гардинга).

Мы раньше старались показать, какъ во всѣхъ слояхъ населенія Англіи того времени совершалось распаденіе старыхъ устоевъ, освобожденіе отъ прежнихъ узъ или, другими словами, какъ повсюду развивался индивидуализмъ. Но въ двухъ слояхъ онъ уже совершенно развился, —именно, на вершинахъ англійскаго общества: въ Лондонѣ и при королевскомъ дворѣ. Стихійное стремленіе личности къ освобожденію отъ всякихъ ограниченій охватываетъ всю политическую исторію этого времени: литературнымъ выраженіемъ его и служатъ драмы Шекспира. Безпощадная борьба за существованіе и власть не была исключительно наслѣдіемъ среднихъ вѣковъ: она составляетъ особенно характеристичную черту эпохи возрожденія. Именно у людей этой эпохи сознаніе неограниченной свободы личности достигло демоническихъ размѣровъ, въ какихъ изобразилъ его Шекспиръ въ своей драмѣ „Ричардъ III". Это отнюдь не случайность, что первый англійскій государственный дѣятель того времени, не стѣснявшійся рѣшительно ничѣмъ, прибѣгавшій ко всякимъ мѣрамъ насилія, Томасъ Кранмеръ, произведшій націонализацію церкви,—учился въ Италіи. И Ричардъ III Шекспира точно старается превзойти въ этомъ отношеніи Маккіавели. Изъ Италіи проникло въ сѣверныя страны стремленіе освободиться отъ всѣхъ нравственныхъ и общественныхъ узъ. Въ Англіи же всѣ условія современной жизни заставляли людей идти все дальше и дальше по этому пути. Передъ англичанами открылось обширное поле дѣятельно-

сти, умственный горизонтъ ихъ чрезвычайно расширился; старый, общественный строй какъ въ Англіи, такъ и за ея предѣлами, падалъ; дѣятельность англичанъ распространилась далеко за невѣдомыя раньше моря; благосостояніе англичанъ возрастало такъ быстро, что это ихъ самихъ изумляло: на ихъ глазахъ возникала новая Англія, появлялся новый міръ. Открылся широкій просторъ для борьбы, дѣятельности, наслажденія, пріобрѣтенія славы. Какимъ же образомъ могли бы удержаться здѣсь старыя нормы? Міровоззрѣніе и религіозныя чувства агличанъ тоже вышли изъ нихъ. Мы уже видѣли, насколько внѣшній, политическій характеръ имѣла въ Англіи реформація, сколько грязи примѣшалось къ ней. Глубина и величие религіознаго чувства той эпохи еще не затронули Англіи: въ ней теперь именно самые смѣлые и энергичные люди отрѣшились отъ старой вѣры и еще не приняли новой. Даже тѣ изъ нихъ, которые по своимъ воззрѣніямъ не принадлежали къ радикаламъ въ области религіи, не могли чувствовать потребности бережно относиться къ религіозной сторонѣ жизни. Въ этотъ переходной періодъ проникаютъ въ Англію противорелигіозныя вѣянія. Джордано Бруно нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Лондонѣ. Фрэнсисъ Бэконъ выработалъ свою систему наукъ, въ которой не оказалось мѣста для богословія; при этомъ онъ былъ строгимъ монархистомъ, человѣкомъ, у котораго безпардонный карьеризмъ очень странно соединялся съ политическимъ идеализмомъ; Бэконъ принадлежалъ къ кругамъ, стоявшимъ у самаго престола. Такимъ образомъ, на Шекспира должны были со всѣхъ сторонъ дѣйствовать однородныя вліянія. Онъ вращался среди фаворитовъ Елизаветы, которые были, если не враждебны религіи, то, по крайней мѣрѣ, индефферентны къ ней, какъ и сама королева. Онъ дышалъ воздухомъ Лондона съ его многосторонней жизнью и энергичнымъ торговымъ населеніемъ; самые выдающіеся товарищи Шекспира по профессіи были извѣстны, какъ люди совершенно равнодушные или враждебные къ религіи. Шекспиръ рано пережилъ этотъ кризисъ, но онъ наложилъ печать на все его міросозерцаніе. Среди близкихъ къ нему людей находились и протестанты, зять его былъ пуританинъ и самъ Шекспиръ въ послѣдніе годы своей жизни, повидимому, сталъ менѣе чуждъ религіи. Но въ общемъ протестантство имѣло на него лишь отрицательное вліяніе: оно сдѣлало его болѣе свободнымъ и независимымъ. Однако свобода, которой отличаются герои его драмъ, носитъ характеръ не протестантства, а эпохи возрожденія. Шекспиръ не былъ антирелигіозенъ и герои его очень часто употребляютъ имя Божіе, но отношеніе его къ религіи настолько неопредѣленно, что даже католики, хотя совершенно неосновательно, пытаются причислить его къ своимъ. Къ новому направленію онъ стоялъ несравненно ближе, чѣмъ къ старому, но не принадлежалъ собственно ни къ одному изъ нихъ. Въ глубокомысленныхъ разсужденіяхъ одного изъ его героевъ отчетливо сказываются воззрѣнія пантеиста Джордано Бруно. Когда Шекспиръ говоритъ о грѣхѣ, похотяхъ, черствости сердца, когда король Лиръ произноситъ свои потрясающія рѣчи, въ словахъ ихъ сказывается глу-

бокое, но чисто человѣческое чувство, религіознаго же смиренія нѣтъ и слѣда. Когда Шекспиръ бичуетъ пороки, онъ защищаетъ право человѣка на наслажденіе отъ притязаній морализирующей черствости. Всѣ его воззрѣнія, такъ сказать, совершенно мірскія: даже королевскую власть, въ право и необходимость которой онъ вѣритъ, онъ разсматриваетъ безъ всякой мистики, какъ простую дѣйствительность. Какая бездна отдѣляетъ его въ этомъ отношеніи отъ великихъ испанскихъ поэтовъ начала XVII вѣка. У этихъ писателей постоянно дѣйствуютъ сверхъчеловѣческія силы, а королевская власть и церковь окружены мистическимъ туманомъ: люди лишь преклоняются передъ ними, относятся къ нимъ съ вѣрою и покорностью. Это два совершенно различныхъ міра въ лицѣ своихъ самыхъ выдающихся духовныхъ представителей,—тѣ совершенно чуждые другъ другу міры, которые помѣрялись оружіемъ въ каналѣ Па-де-Кале.

Такимъ образомъ, все творчество Шекспира носитъ свѣтскій, мірской характеръ: оно является однимъ изъ самыхъ отчетливыхъ и грандіозныхъ выраженій духа елизаветинскаго времени. Мы далеки, конечно, отъ мысли, будто весь Шекспиръ объясняется этими культурно-историческими соображеніями. На тайнѣ его личности и его поэзіи, на высоко-художественномъ соединеніи тонкаго изящества и рѣзкой выразительности его творчества, словомъ, на геніѣ Шекспира мы здѣсь не останавливаемся. Но несомнѣнно, что какъ быстрый расцвѣтъ современной англійской литературы того времени, такъ и вершину ея, Шекспира, можно понять лишь на фонѣ изображенной нами культурно-исторической жизни того времени. И именно драма могла достигнуть такого развитія только въ Лондонѣ съ его неустанной дѣятельностью и движеніемъ, съ его перекрещивающимися вліяніями самого города и двора, при томъ могучемъ откликѣ, который находило здѣсь все новое въ англійской національной жизни. Общій характеръ творчества Шекспира достаточно объясняется его временемъ и его время, въ свою очередь, разъясняется его произведеніями. Современная жизнь точно проходитъ передъ нашими глазами, когда мы смотримъ на героевъ драмъ Шекспира,—на эти могучія, цѣльныя натуры, полагающіяся лишь на самихъ себя, неудержимо стремящіяся къ дѣятельности и власти, обуреваемыя необузданными страстями, всегда вѣрныя самимъ себѣ, односторонніе до величія и преступности. Столь же ясно отражается современная жизнь и въ женскихъ типахъ Шекспира. Дѣйствительно, какія черты женскаго характера у него изображены особенно ясно и отчетливо? Непреоборимая страстность, сила и увлекательность грѣха или жажда дѣятельности, энергія и непоколебимость. Его Клеопатра проникнута грѣховнымъ духомъ елизаветинскаго двора,—леди Макбетъ была для него вполнѣ понятна; грубое укрощеніе строптивой, очевидно, доставляло ему удовольствіе, остроуміе Беатрисы въ его „Много шума изъ-за пустяковъ", гдѣ англійская рѣзкость прорывается сквозь италіанскую утонченность, вышло у него превосходно—но страдалица-Геро оказалась какимъ-то призракомъ. Сынъ своего „мужественнаго" времени, онъ любитъ придавать своимъ

женскимъ типамъ рѣзкія черты. Конечно, Шекспиръ понималъ и изображалъ также мягкость и женственность,— но эти типы выходили у него неопредѣленными и слабыми. Уже актерамъ, играющимъ соотвѣтствующія роли, приходится придавать жизнь такимъ типамъ, какъ Віола, Оливія и даже леди Анна въ „Ричардѣ III". Несомнѣнно, это не простой случай, что Офелія и Дездемона постоянно понимаются различно. Повидимому, лишь въ послѣдніе годы жизни, переселившись изъ Лондона въ Стратфордъ и удалившись отъ суровой среды современныхъ дѣятелей, Шекспиръ сталъ болѣе чутокъ къ женственности. Тогда онъ создалъ Имогену; драмы послѣдняго періода его жизни носятъ печать мягкости и примиренія; въ этотъ же періодъ, послѣ того, какъ поэтъ еще разъ вернулся къ придворно-политической жизни со своей драмой „Генрихъ VIII", у него можно замѣтить, по крайней мѣрѣ, слабую тѣнь религіознаго настроенія, но по существу и послѣднія произведенія его чужды всякаго сверхъ человѣческаго элемента. Шекспиръ былъ вполнѣ сыномъ своего времени, человѣкомъ эпохи возрожденія.

Сэръ Франсисъ Дрэкъ. (Съ портр., хранящ. въ коллекціи маркиза Лотіана).

Съ другой стороны, лишь величественная поэзія Шекспира завершаетъ характеристику елизаветинскаго времени. Лишь она показываетъ, въ какой высокой степени Англія была проникнута тогда культурой эпохи возрожденія. И только ознакомившись съ этой поэзіей, мы вполнѣ понимаемъ, что дворъ Елизаветы былъ типичнымъ сѣвернымъ дворомъ эпохи возрожденія, — полнымъ жизни и энергіи, тонкаго образованія, а также безпардоннаго коварства и преступленій. Къ нему принадлежатъ замѣчательные люди, одинаково искуссно владѣющіе и перомъ, и мечомъ. Каждаго изъ нихъ посѣщаетъ въ его замкѣ Елизавета. И среди придворныхъ празднествъ ведутся партійныя козни: эти люди сами являются героями драмъ, разыгрываемыхъ ими въ жизни и очень часто завершающихся трагическимъ концомъ. Типичной представительницей этихъ людей является сама Елизавета. Но всѣ пороки и

недостатки ея стушевываются передъ грандіозностью той неразрывной связи, которая существуетъ между ея личностью и благомъ ея народа. Такимъ образомъ, дворъ Елизаветы представляется намъ, какъ самый великій изъ всѣхъ дворовъ эпохи возрожденія, — конечно, не своей утонченностью и внѣшнимъ блескомъ: въ этомъ отношеніи его превосходятъ дворы Лоренцо Медичи и Франциска, короля французскаго, — но онъ далеко выше ихъ по грандіозности своего національзма и силѣ поэтическаго творчества. Сама Елизавета стоитъ наравнѣ съ современными ей великими государями и папами, являясь послѣдней величественной представительницей царственныхъ лицъ этого вѣка. Наравнѣ же съ Шекспиромъ изъ современныхъ художниковъ можно поставить лишь геніальнаго Микель-Анджело. Но если эпоха возрожденія была освобожденіемъ личности, мірского элемента, развитіемъ національнаго духа, облагороженнаго вліяніями классической культуры, то британскій поэтъ былъ еще болѣе сильнымъ и чистымъ выразителемъ ея идеи, чѣмъ Микель-Анджело, другъ іезуитовъ, послѣ долгой житейской борьбы, нашедшій успокоеніе въ лонѣ реорганизованной, противореформаціонной церкви. Возможно, что великій германскій поэтъ именно реформаціи обязанъ тѣмъ, что онъ остался духовно-свободнѣе геніальнаго романскаго художника. Во всякомъ случаѣ, англійскій дворъ и его поэтъ являлись вѣнцомъ германскаго возрожденія. Конечно, среди современныхъ германскихъ художниковъ былъ одинъ, котораго сравнивали съ Шекспиромъ: по силѣ и выразительности творчества, яркости стиля, жизненности и драматизму ему родственен Рубенсъ. Но насколько Шекспиръ превосходитъ этого фламандца-католика своей внутренней свободой и многосторонностью, непосредственностью и глубиною духовной жизни! Рубенсъ съ самаго же начала находится подъ нравственнымъ игомъ контръ-реформаціи, художественнымъ представителемъ которой онъ и былъ на германской почвѣ. Шекспиръ же былъ свободенъ отъ такихъ вліяній и остался вѣрнымъ выразителемъ духа своего народа. Великій поэтъ и великая королева, неразрывно связанные другъ съ другомъ, стояли на вершинѣ своего міра.

Однако потокъ жизни бурно стремился дальше, мимо этой вершины. Елизавета еще сама видѣла тѣ враждебныя ея направленію силы, которымъ суждено было смѣнить ее.

X.

Еще при жизни королевы обнаружилось двоякое противодѣйствіе ей,—политическое и церковное. Мы уже упоминали, что парламенты девятидесятыхъ годовъ стали держать себя независимѣе, чѣмъ ихъ предшественники: война увеличивала государственные расходы, а вмѣстѣ съ ними, понятно, и вліяніе парламента; въ 1597 г. въ немъ возникли ожесточенныя пренія по поводу монополій. Торговая политика того времени часто прибѣгала къ монополіямъ; ими пользовались большія купеческія гильдіи, ко-

торыя лишь при помощи монополій могли овладѣть иностраннымъ рынкомъ. Ихъ съ пользою иногда можно было распространять и на внутренній рынокъ, когда, напр., нужно было ввести или поддержать какую нибудь новую отрасль производства, покровительствовать какому либо новому ввозу. Установленіе и раздачу монополій корона считала своимъ неотъемлемымъ правомъ. Конечно, она извлекала изъ нихъ фискальные доходы, которые нерѣдко отодвигали на задній планъ національно-экономическіе интересы. Дѣло дошло до того, что монополіи были распространены и на различные предметы первой необходимости, корона старалась лишь извлечь изъ нихъ доходы, а королева часто раздавала ихъ своимъ фаворитамъ и министрамъ. Недовольство такимъ порядкомъ все возрастало; въ 1597 г. правительство ограничилось общими обѣщаніями, но въ 1601 г. оппозиція стала настолько бурной и злоупотребленія были такъ очевидны, что Елизавета вынуждена была уступить. Нижняя палата приняла данное ею обѣщаніе съ восторгомъ и благодарностью, но это было первое пораженіе, понесенное ею въ парламентѣ. Вынужденныя уступки королевской власти шли на пользу главнымъ образомъ джентри: уже въ первомъ парламентѣ Іакова I ей принадлежало подавляющее большинство. Мы уже видѣли, что рядомъ съ нею увеличивалось значеніе болѣе зажиточныхъ крестьянъ, арендаторовъ и торговаго сословія. Таковы были политическіе элементы, выступившіе на порогѣ новаго столѣтія, которымъ принадлежало будущее. Въ этихъ же элементахъ сказалось и противодѣйствіе церковной системѣ Елизаветы; пуритане чрезвычайно усилились и въ нижней палатѣ и охотно выступали противъ правительства. Но главное значеніе имѣли они еще преимущественно въ религіозной области. Въ этой области и возникло самое сильное теченіе, враждебное тому направленію, котораго держалась королева. Елизавета была проникнута принципами эпохи возрожденія, въ народныхъ же слояхъ прокладывала себѣ путь реформація. Посмотримъ, какъ далеко расходились эти направленія и что означало новое движеніе.

Съ давняго времени въ Англіи рядомъ съ англиканскимъ теченіемъ существовало и другое, державшееся строгаго протестантства. Къ государственной церкви, какъ мы видѣли, большинство духовенства присоединилось лишь формально и неохотно,—руководящіе люди къ тому же еще часто не чужды были при этомъ своекорыстныхъ разсчетовъ, но важнѣйшіе изъ нихъ, какъ Сесиль, Паркеръ, все таки были проникнуты протестантскимъ ученіемъ; сама Елизавета руководилась исключительно политическими соображеніями. Лѣвое крыло протестантства требовало болѣе рѣшительной реформаціи; государственные и церковные сановники не особенно тяготились этимъ крайнимъ направленіемъ, но впослѣдствіи положеніе дѣлъ измѣнилось. Большинство англійской націи сжилось съ агликанской церковью, духовенство ея становилось болѣе образованнымъ и безукоризненнымъ по мѣрѣ того, какъ старое поколѣніе замѣнялось новымъ. Ученіе государственной церкви было преимущественно кальвинистическимъ, строгость котораго

рѣзко расходилась съ ея устройствомъ. Это однако не помѣшало тому, что англиканская церковная система вошла въ плоть и кровь населенія. Лишь въ 1588 г. Банкрофтъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ, робко попытался дать догматическую основу ея организаціи и рядомъ съ ученіемъ о верховенствѣ короля надъ церковью формулировалъ ученіе о божественномъ правѣ англиканскихъ епископовъ. Онъ и его сверстники гораздо рѣшительнѣе выступили противъ пуританской оппозиціи, чѣмъ высшее духовенство стараго поколѣнія. Оппозиція же эта, съ своей стороны, обострилась не меньше, чѣмъ и господствующая система. Такой перемѣнѣ способствовали современныя условія: шелъ періодъ борьбы съ контръреформаціей. Болѣе крайніе реформаторы, къ которымъ принадлежали и многіе изъ духовныхъ лицъ, требовали полнаго разрыва съ „папствомъ". Англиканская же церковь въ своей обрядности удержала много католическихъ элементовъ. Догматическія разногласія между обѣми протестантскими направленіями были не особенно велики, но они далеко расходились именно по вопросамъ внѣшняго культа и церковной организаціи.

Генрихъ V, король французскій. (Съ портр. Ф. Пробюса-младшаго, хранящ. въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ).

Протестанты, придерживавшіеся строгаго швейцарскаго ученія, не допускали ничего, что отчетливо не указано въ библіи, и всякое установленіе англиканской церкви, напоминавшее католичество служило, для нихъ лишнимъ доказательствомъ ея нечестія. Изъ ихъ рядовъ вышло много памфлетовъ, направленныхъ противъ господствующей церкви, на которые епископы отвѣтили жестокимъ преслѣдованіемъ нонформистовъ: дѣло дошло до смертныхъ приговоровъ надъ типографщиками и авторами памфлетовъ и одинъ изъ этихъ приговоровъ былъ даже приведенъ въ исполненіе. Но подавить ревнителей чистоты вѣроученія среди мірянъ и духовенства было

невозможно; постепенно гоненіе ослабѣло и радикальное направленіе было, до извѣстной степени, признано подъ именемъ „пуританства". Это направленіе, исходя изъ чисто религіозныхъ принциповъ, пришло къ очень важнымъ практическимъ выводамъ, отразившимся на его отношеніяхъ къ государству, а затѣмъ также и на всемъ религіозно-нравственномъ укладѣ англійской націи.

Оппозиція государству вообще, и англійской королевской власти въ частности, вначалѣ совершенно отсутствовала, но она должна была явиться впослѣдствіи. Англиканская система была монархической, кальвинистическая же церковь повсюду, гдѣ она могла свободно развиваться, была аристократической; она основывалась на самоуправленіи общинъ, на участіи міряпъ въ церковномъ управленіи, а затѣмъ на сильномъ нравственно-политическомъ воздѣйствіи церкви на государство. Такъ организовалась пресвитеріанская церковь въ Шотландіи. Съ 1570 г. вопросъ о введеніи такого церковнаго строя возникъ и въ Англіи. Само собою разумѣется, что королева, вообще тяготившаяся религіозными спорами и избѣгавшая крайностей, энергично выступила противъ этого посягательства на ея верховенство надъ церковью. Но пуританскія стремленія къ самоуправленію вполнѣ согласовались съ интересами парламента. Пуританство и парламентъ, стремившійся къ расширенію своей власти, могли впослѣдствіи соединиться. И новый религіозный духъ уже проникъ именно въ тѣ слои населенія, которые принимали наибольшее участіе въ дѣятельности парламента и вообще въ общественной жизни; онъ установилъ новую связь между джентри и крестьянствомъ,—общность симпатій и антипатій.—Но теперь зарождались также еще болѣе радикальныя теченія. Рядомъ со старой, вселенской церковью и новой, національной, имѣвшей притязаніе охватить всю націю и состоявшей въ тѣсной связи съ государствомъ, явились поистинѣ знаменательные первые зачатки религіозной свободы: у англійскихъ кальвинистовъ возникли идеи, родственныя идеямъ континентальныхъ перекрещенцевъ и, можетъ быть, не безъ вліянія послѣднихъ. Въ противоположность все регламентирующей и принудительной кальвинистической церкви, возникали свободныя религіозныя общины, отвергавшія всякое вліяніе государства; медленно развивалось лѣвое крыло пуританскаго направленія,—индепендентство. Государство преслѣдовало пуританъ, но истребить ихъ не могло. Крайнимъ элементамъ предстояло играть важную роль лишь въ отдаленномъ будущемъ; въ настоящее же время и въ ближайшемъ будущемъ гораздо большее значеніе имѣли умѣренные пуритане кальвинистическаго и парламентскаго направленія, носители идеи церковной и политической самостоятельности. Они вѣдь тоже отрицали англиканскую и государственную систему Елизаветы.

Однако значеніе ихъ этимъ не исчерпывалось. Они выступили противъ самого духа елизаветинскаго времени и были представителями чрезвычайнаго усиленія религіозныхъ чувствъ въ Англіи. Мы уже отмѣтили, что елизаветинская культура была культурою эпохи возрожденія и отличалась чисто мірскимъ характеромъ. Однако духъ возрожденія и религія отнюдь не достигалъ исклю-

чительнаго господства. Когда въ высшихъ слояхъ англійской націи царили идеи возрожденія, народная масса оставалась религіозной и лишь незначительное меньшинство было чуждо религіи. Но какъ часто именно это меньшинство налагаетъ свою печать на всю эпоху! Произвольность и насильственность реформаціи въ Англіи ослабили религіозныя чувства націи; въ это время родилось и воспиталось поколѣніе образованныхъ людей, взгляды и чувства которыхъ были по преимуществу мірскими и которые въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій были носителями высокой политической и умственой культуры страны. Тѣмъ временемъ религіозныя силы снова проснулись въ націи и придали страстность новой церкви. Большинство націи было англиканскимъ, меньшинство же пуританскимъ; это меньшинство начинаетъ теперь стремиться къ тому, чтобы стать руководителемъ англійской культуры и отъ него исходятъ самыя важныя начинанія. Эти идеи постепенно охватываютъ религіозную и нравственную жизнь англійскаго народа, придаютъ ей суровость, глубину и чистоту. Лишь это развитіе привело къ дѣйствительной реформаціи въ Англіи, которая и совершается здѣсь въ XVII столѣтіи. Высшіе слои, проникнутые идеями возрожденія, продолжали господствовать, но они становились все болѣе и болѣе изолированными: жизнь націи фактически ускользаетъ отъ ихъ вліянія. Затѣмъ, въ теченіе двухъ поколѣній слѣдуетъ сильный подъемъ религіознаго духа: въ это именно время пуританское меньшинство налагаетъ свою печать на всю націю и въ періодъ пуританской революціи господствуетъ надъ націей.— Формы эпохи возрожденія—въ архитектурѣ, стилѣ и т. п.—остаются и, собственно говоря, лишь въ XVII столѣтіи получаютъ полное развитіе, но содержаніе ихъ становится совершенно инымъ. Это былъ новый міръ, возникавшій и выроставшій у ногъ старой королевы. Англія 1640 г. и Елизавета не могли бы даже понять другъ друга.

Сэръ Вальтеръ Роли. (Съ портр. Федерико Цуккеро, хранящ. въ національной портретн. галлереѣ въ Лондонѣ).

Но пока Елизавета жила, она и ея монархія сохраняли прежнее

величіе; новые элементы еще не возвышаютъ голоса противъ нея. Когда же королева умерла, она оставила міру великое наслѣдіе: новая Англія родилась и упрочилась. Когда впослѣдствіи и прошла буря гражданскихъ войнъ, умственная жизнь Англіи снова вернулась къ началамъ эпохи возрожденія и бэконовскій идеалъ свѣтскаго образованія исполнился. Величайшее же изъ дѣлъ Елизаветы, состоявшее въ борьбѣ съ Филиппомъ II и проложеніи пути къ всемірному владычеству, ея международную политику продолжалъ Оливеръ Кромвель, а затѣмъ Вильгельмъ III, въ XVIII же столѣтіи эта политика, развиваясь въ томъ же направленіи, подъ вліяніемъ условій того времени отлилась въ борьбу съ Франціей.

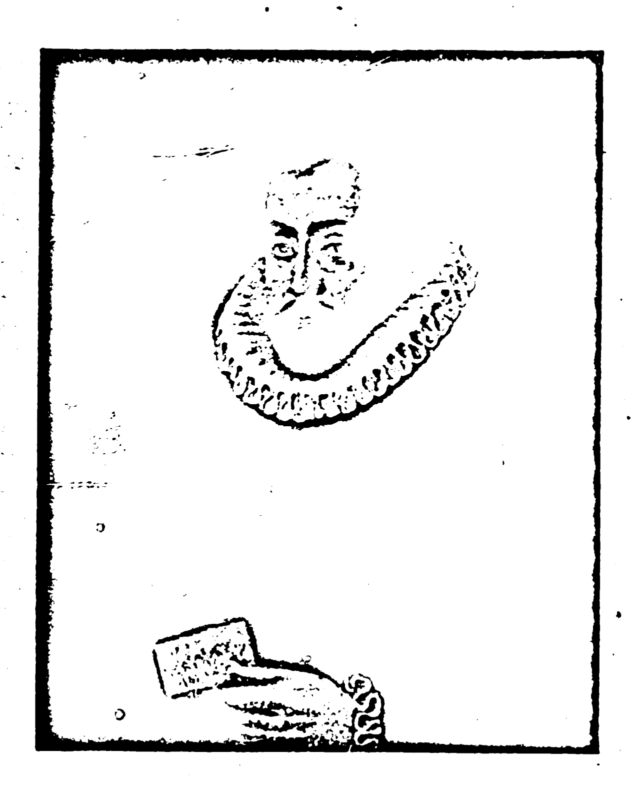
Конечно, міръ Елизаветы погибъ, новая Англія потерпѣла глубокія измѣненія. Королевская власть пала подъ напоромъ джентри; страна, даже стряхнувъ съ себя владычество пуританъ, сохранила печать, наложенную ими. Возрожденіе никогда не могло возобновиться: Шекспиръ могъ снова стать понятнымъ англичанамъ, но англійскій духъ никогда уже не достигалъ такой высоты свободнаго творчества.

Послѣдніе годы царствованія Елизаветы были поглощены войной съ Испаніей и борьбой съ Ирландіей. Мы не будемъ излагать здѣсь исторіи англійской политики по отношенію къ Ирландіи. Политика эта колебалась между невмѣшательствомъ и колонизаціоннымъ завоеваніемъ; она никогда не оставляла надолго Ирландіи, но и никогда также не занималась ею серьезно и послѣдовательно. Реформація вырыла новую пропасть между Англіей и Ирландіей. Елизавета по натурѣ своей меньше всего способна была къ рѣшительной политикѣ въ Ирландіи, но Римъ и Испанія, какъ впослѣдствіи Людовикъ XIV, старались воспользоваться въ своихъ интересахъ неугасавшей ненавистью ирландцевъ къ Англіи, а при такихъ обстоятельствахъ опасность для послѣдней была слишкомъ велика. Такъ было въ 1579 г. и затѣмъ въ девятидесятыхъ годахъ. Пораженіе, понесенное англійскимъ войскомъ въ Ирландіи, побудило Елизавету къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ: началась продолжительная борьба, которая по временамъ прекращалась и по смерти Елизаветы привела къ сплошной колонизаціи Эльстера. Во главѣ англійскаго войска, вторгшагося въ 1599 г. въ Ирландію, стоялъ графъ Эссексъ. Но предварительно произошелъ эпизодъ, очень важный для характеристики двора Елизаветы. Личныя отношенія между Эссексомъ и королевой и партійныя козни давно примѣшались къ ирландскому вопросу; въ 1598 г. на одномъ засѣданіи тайнаго совѣта королева возражаетъ Эссексу, Эссексъ съ пренебреженіемъ оборачивается къ ней спиной, королева набрасывается на него и даетъ ему пощечину, Эссексъ схватываетъ мечъ, такъ что присутствующіе должны были броситься къ нему и остановить его,—онъ поспѣшно удаляется. Теперь его почти насильно заставили взять на себя руководство ирландскимъ походомъ, чтобы надолго удалить отъ отъ двора. Въ Ирландіи Эссексъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Какъ бы тамъ ни было, онъ не имѣлъ здѣсь успѣха

и старался выйти изъ своего тягостнаго положенія. Вслѣдствіе этого онъ заключилъ съ предводителемъ ирландцевъ слишкомъ рискованный мирный договоръ, чтобы имѣть возможность принять участіе въ испанской войнѣ, открывавшей для него болѣе блестящіе виды. Затѣмъ онъ поспѣшилъ въ Лондонъ, чтобы лично оправдать передъ королевой свое самоуправство; онъ надѣялся произвести на Елизавету сильное впечатлѣніе и, нарушивъ ея приказаніе, безъ всякаго предупрежденія вторгся, покрытый пылью, въ ея спальню, и упалъ къ ногамъ королевы. Здѣсь разыгралась чисто шекспировская сцена. Пораженная и взволнованная Елизавета ходитъ по комнатѣ и кричитъ: „ради Бога,—я вѣдь королева! Этотъ человѣкъ ставитъ себя выше меня! Кто далъ ему приказаніе вернуться? Я посылала его для совершенно другого дѣла!" Раздраженіе его неудачей, его мелкими проступками и послѣднимъ ослушаніемъ усилилось у Елизаветы еще сознаніемъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться ея слабостью. Вечеромъ Эссексъ былъ арестованъ. Къ дѣлу примѣшались придворныя интриги, въ связи съ нимъ затронули вопросъ о престолонаслѣдіи и противъ Эссекса выдвинули самыя тяжелыя обвиненія. Въ концѣ концовъ онъ былъ лишенъ должностей; земли, пожалованныя ему раньше Елизаветой, были конфискованы. Онъ хотѣлъ проникнуть къ королевѣ уже не въ качествѣ просителя, а съ цѣлью свергнуть министровъ; такимъ образомъ, онъ задумалъ безумную попытку мятежа, надѣясь увлечь за собою Лондонъ, но никто не поддержалъ его. Наконецъ, онъ былъ обвиненъ въ государственномъ преступленіи и казненъ въ 1601 г. Эссексъ пользовался любовью народа, смерть его оплакивали, сама Елизавета скорбѣла о такомъ исходѣ дѣла. Этотъ эпизодъ имѣетъ обще-историческое значеніе: мы видимъ, что здѣсь одинъ изъ представителей старинной знати пытается навязать королевѣ свою волю; это былъ, такъ сказать, отголосокъ прежней борьбы королевской власти съ знатью.

Преемникъ Эссекса въ Ирландіи дѣйствовалъ съ болѣе значительнымъ успѣхомъ и въ 1602 г. разбилъ вторгшихся сюда испанцевъ. Энергія Елизаветы въ области внѣшней политики вспыхнула въ послѣдній разъ: она задумала увлечь за собою Португалію, и Венецію, и готовилась еще разъ нанести тяжелый ударъ Испаніи. Сообщенія объ этихъ годахъ ея жизни свидѣтельствуютъ, какъ она старалась бороться со своей старостью: она заставляла себя танцовать, ѣздить верхомъ, кокетничала, шутила по прежнему и требовала не только преклоненія, но и восхищенія собою. Отказываясь въ нижней палатѣ отъ монополій, она сумѣла сдѣлать это въ достойной формѣ. Но наконецъ, ея усилія придавать себѣ бодрость и молодиться должны были производить впечатлѣніе чего то болѣзненнаго. Зимой 1602—3 г. она ослабѣла, затѣмъ силы еще разъ вернулись къ ней; она отправилась въ Ричмондъ, приняла тамъ въ февралѣ венеціанскаго дипломата и говорила съ нимъ съ прежнимъ достоинствомъ и остроуміемъ. Послѣ этого силы ея окончательно иссякли.

Свидѣтели послѣднихъ дней ея жизни сообщаютъ, что она часто со слезами жаловалась на печаль, охватившую ее; она, наконецъ, отказывалась отъ лѣкарствъ и—„болѣзнь ея усиливалась, потому что она сама хотѣла этого". Повидимому, ее сильно угнетало воспоминаніе о казни Эссекса. Новый намѣстникъ Ирландіи тоже не могъ вполнѣ подавить возстаніе и Елизавета противъ воли вынуждена была сдѣлать нѣкоторыя уступки, а въ такомъ случаѣ — не слишкомъ ли неосновательно она такъ строго осудила договоръ, заключенный Эссексомъ? Она должна была считать себя виновной въ смерти Эссекса. Теперь сказалась также оборотная сторона успѣховъ ея царствованія: молодая Англія, которой она расчистила путь, пошла дальше ея; протестантская Англія, которая была бы немыслима безъ нея, отвернулась отъ нея; самостоятельность, которую Елизавета такъ упорно отстаивала въ теченіе всего своего царствованія, сдѣлала ее совершенно одинокой и теперь, въ послѣдніе дни престарѣлой королевы возгорѣлась между партіями борьба за ея наслѣдство. Она сама уклонялась отъ назначенія себѣ преемника. Эссексъ состоялъ въ связи съ Іаковомъ шотландскимъ, Робертъ Сесиль, самый вліятельный и близкій къ ней человѣкъ послѣдняго періода ея царствованія, тоже вошелъ въ сношенія съ Іаковомъ, стараясь обезпечить за нимъ корону, а за собою сохраненіе власти. Елизавета знала эти происки или, покрайней мѣрѣ, догадывалась объ ихъ существованіи. Послѣ одного невиннаго замѣчанія Роберта Сесиля, показавшагося ей непочтительнымъ, она вспомнила объ его отцѣ и съ горькимъ укоромъ сказала: „но вы знаете, что я скоро умру и это дѣлаетъ васъ нескромнымъ". Наконецъ, послѣ продолжительнаго молчанія она скончалась; архіепископъ кентерберійскій явился исповѣдывать ее; она не могла уже говорить, отвѣчала на его вопросы лишь знаками и велѣла ему молиться у



Сэръ Френсисъ Вальсингамъ. (Съ портрета хранящ. въ коллекцію герцога В. Дорсета)

своей постели. Елизавета умерла 24 марта 1603 г. на семидесятомъ году жизни.

Іаковъ король шотландскій, сынъ Маріи Стюартъ, былъ назначенъ наслѣдникомъ престола въ послѣднія минуты жизни Елизаветы, причемъ нельзя сказать съ увѣренностью, дѣйствительно ли она сдѣлала это назначеніе. Объединеніе Шотландіи и Англіи, бывшее предметомъ борьбы предъидущаго столѣтія, состоялось. Глубокая политическая и религіозная рознь, начавшая назрѣвать въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы, еще не всплыла наружу; первое мѣсто заняли мелкія событія и дѣла; великая борьба будущаго времени подготовлялась медленно; начался періодъ малыхъ дѣлъ и малыхъ людей. Чувствовалось, что былое величіе исчезло; замѣтно было, что предшествовавшая эпоха закончилась и начался упадокъ. Лишь теперь Англія вполнѣ поняла, насколько многое изъ прошлаго величія было связано съ личностью Елизаветы; несмотря на всѣ ея недостатки, потомки, какъ раньше и современники, признали ее великой королевой.

Э. Марксъ.

Маленькій патріотъ
(Leroiboit).

Перев. З. М. Спировой

Въ благодатный годъ 1428-ой, въ Труа, капитулъ провозгласилъ каноника Гильома Шапеделэна королемъ Крещенія, соотвѣтственно обычаямъ, которыхъ держалась тогда вся христіанская Франція.

Дѣйствительно, среди канониковъ было обыкновеніе выбирать между собой одного и называть его королемъ, такъ какъ онъ долженъ былъ занимать мѣсто Короля королей и соединять за своимъ столомъ всѣхъ канониковъ, въ ожиданіи и въ надеждѣ, что самъ Христосъ соединитъ ихъ у себя, въ святомъ раю. Избрали Гильома Шапеделэна за его добрыя дѣла и за щедрость. Человѣкъ онъ былъ богатый. Арманьякскіе и бургиньонскіе[1]) предводители, опустошавшіе Шампань, пощадили однако, виноградники Гильома Шапеделэна;—счастье, за которое онъ былъ, прежде всего, обязанъ Богу, а затѣмъ и себѣ, благодаря той мягкости, съ которой онъ съумѣлъ обойтись съ обѣими партіями, раззорявшими французское королевство. Богатство сильно способствовало избранію его въ короли: въ этомъ году сетье [2]) пшеницы стоилъ восемь франковъ, 25 штукъ яицъ шесть су, а поросенокъ семь франковъ, такъ что бѣдные служители церкви принуждены были, какъ мужики, всю зиму питаться одной капустой.

Въ день Крещенія, мессиръ [3]) Гильомъ Шапеделэнъ облаченный въ свой стихарь, держа вмѣсто скипетра пальмовую вѣтвь въ рукѣ, помѣстился подъ золотымъ балдахиномъ на клиросѣ собора. Изъ ризницы, между тѣмъ, вышло три каноника съ золотыми блестящими коронами на головахъ. Одинъ изъ нихъ былъ весь въ бѣломъ, другой въ красномъ, третій въ черномъ. Изображая царей волхвовъ, они прошли въ ту часть церкви, которая представляла собой подножіе креста, и остановились здѣсь, а затѣмъ стали на распѣвъ читать евангеліе отъ Матвѣя. Въ память чудесной звѣзды, приведшей волхвовъ въ Виѳлеемъ, діаконъ держалъ длинный шестъ съ пятью зажженными свѣчами и пройдя

---

[1]) Арманьяки и бургиньоны, двѣ враждебн. другъ другу партіи первые поддерживали права Франціи, а вторые Англіи.

[2]) Сетье—старинная мѣра состоявш. изъ 12-ти четвериковъ.

[3]) Употреблялось прежде вмѣсто Monsieur

черезъ всю церковь, поднялся на клиросъ. Волхвы съ пѣніемъ послѣдовали за нимъ. Когда они дошли въ пѣніи Евангелія до слѣдующаго мѣста: Et intranto domum, invenerunt puerum cum Maria, matre ejus, et procidentes adoraverunt eum [1]), они остановились передъ мессиромъ Гильомомъ Шапеделэномъ, и преклонивъ колѣна стали дѣлать ему глубокіе поклоны. Вслѣдъ за ними трое дѣтей поднесли мессиру Гильому немного соли и пряностей, принятыхъ имъ, въ подраженіе Младенцу—Царю принявшему отъ земныхъ царей дары, состоявшіе изъ мурры, золота и ладона. Затѣмъ началось благолѣпное и торжественное богослуженіе.

Вечеромъ каноники собрались ужинать у короля Крещенія. Домъ мессира Гильома помѣщался прямо противъ церкви. Уже издали можно было замѣтить его по небольшой золотой мантіи, вырѣзанной на каменномъ щитѣ надъ входными дверьми. Большая зала была усыпана въ этотъ вечеръ множествомъ листьевъ, и освѣщена двѣнадцатью смоляными факелами. Вокругъ стола, на которомъ уже возвышался жаренный цѣлый барашекъ, размѣстились всѣ члены капитула; были здѣсь и каноники собора Св. Петра—Жанъ Кокемаръ, Денисъ Пети, Петръ Корнель, Барабе Виделу и Франсуа Пигушель, затѣмъ изъ наслѣдственныхъ, свѣтскихъ каноников былъ мессиръ Тибольтъ де Сольгъ, а въ самомъ концѣ стола сидѣлъ Пьероле, маленькій причетникъ, прислуживавшій при обѣднѣ мессиру Гильому, и бывшій его секретаремъ; несмотря на свое неумѣніе писать. Онъ казался переодѣтой дѣвочкой. Это онъ изображалъ ангела въ день Срѣтенія Господня, ему-же въ продолженіе двухъ лѣтъ поручалось изображать ангела въ день Благовѣщенія, когда во время обѣдни читалось извѣщеніе Св. Маріи ангеломъ Гавріиломъ о воплощеніи Сына Божія. По обычаю, въ этотъ день избирали маленькую дѣвочку, и къ ней на возвышеніе являлся мальчикъ, съ крыльями за плечами, изображая ангела и возвѣщая о скоромъ рожденіи Младенца.

Но къ сожалѣнію душа этого мальчика мало гармонировала съ его нѣжнымъ и мягкимъ лицомъ. Дерзкій, буйный, онъ любилъ ссоры и охотно задиралъ мальчиковъ старше себя. Но ему прощали его скверныя привычки объясняя примѣромъ военныхъ, гарнизоны которыхъ были расположены въ ближайшихъ городахъ. Гильома Шапеделэна, однако больше всего сердило то, что мальчикъ былъ арманьякомъ, и потому всегда искалъ ссоры съ бургиньонами. Каноникъ часто говорилъ ему что подобный, чисто дьявольскій характеръ пагубно вліяетъ на мирный городъ Труа, въ которомъ покойный англійскій король Генрихъ V праздновалъ свое бракосочетаніе съ Екатериной Французской, и гдѣ англичане законные господа, такъ какъ всякая власть исходитъ отъ Бога, Omnis potestas a Deo....

Послѣ того какъ гости размѣстились вокругъ стола и мессиръ Гильомъ Шапеделэнъ прочелъ: Benedicite, всѣ молча принялись за ѣду. Первымъ заговорилъ мессиръ Жанъ Кокемаръ.

---

[1]) И вошли въ домъ, гдѣ застали младенца съ матерью его Маріей и павъ ницъ поклонились ему.

— Вы человѣкъ знающій и благоразумный, сказалъ онъ обратившись къ своему сосѣду мессиру Жану Бруанъ. Скажите постились-ли вы вчера?

— Да, какъ подобало, отвѣтилъ Бруанъ. Канунъ Крещенія называется сочельникомъ, а если это сочельникъ, то слѣдовательно и постный день.

— Простите, сказалъ Жанъ Кокемаръ, я одного мнѣнія съ учеными мужами находившими, что строгій постъ плохо согласуется съ радостью христіанъ, вызванной въ нихъ рожденіемъ Спасителя, тѣмъ болѣе что сама Церковь продолжаетъ воспоминаніе объ этомъ событіи вплоть до Крещенія.

— Зато я, продолжалъ Жанъ Бруанъ считаю людей не соблюдающихъ посты въ сочельники, за отпавшихъ отъ древняго благочестія.

— А я нахожу, воскликнулъ Жанъ Кокемаръ, что тѣ, кто посредствомъ поста готовится къ самому радостному изъ нашихъ праздниковъ, достойны осужденія, такъ какъ слѣдуютъ обычаямъ порицаемымъ большинствомъ епископовъ.

Споръ обоихъ канониковъ сталъ принимать ожесточенный характеръ.

— Не поститься! Что за изнѣженность! говорилъ Жанъ Бруанъ.

— Поститься! Вотъ упорство! восклицалъ Жанъ Кокемаръ. Вы гордый смѣльчакъ, ибо выступаете безъ поддержки авторитетовъ.

— А вы человѣкъ слабый и безъ энергіи, потому что слѣдуете примѣру развращенной толпы, но у меня есть авторитеты даже для нашего скверняго вѣка. Quidam asserunt in vigilia Epiphaniae jejundum [1]).

— Вопросъ рѣшенъ. Non jejunetur! [2]).

— Миръ, миръ! воскликнулъ Шапеделэнъ со своего высокаго и широкаго кресла. Вы оба безусловно правы: васъ Жанъ Кокемаръ можно хвалить за то, что вы принимаете пищу наканунѣ Крещенія въ знакъ вашей радости, а васъ Жанъ Бруанъ, за то что вы соблюдаете посты въ эти самые сочельники, такъ какъ вы это дѣлаете съ должной радостью и вѣрою.

Весь капитулъ, безъ исключенія согласился съ этимъ приговоромъ.

Соломонъ и тотъ не нашелъ-бы лучшаго рѣшенія! восторженно заявилъ мессиръ Пьеръ Корнель.

Мессиръ Гильомъ Шапеделэнъ поднялъ свой золоченный бокалъ и приблизилъ его къ губамъ; увидѣвъ это всѣ присутствующіе разомъ крикнули:

— За здоровье короля! За здоровье короля! [3])

Въ правила пира входило, чтобъ всѣ приглашенные говорили эти слова, когда король пилъ вино; забывавшій во время сказать ихъ подвергался взысканію.

Замѣтивъ что жбаны опустѣли, Гильомъ Шапеделэнъ велѣлъ

---

[1]) Нѣкоторые считаютъ сочельникъ Крещенія за постъ.
[2]) Но не соблюдаютъ поста.
[3]) Le roi boit!

служителямъ принести вина и натерѣть хрѣна, чтобъ вызвать у гостей болѣе сильную жажду.

— За здоровье сеньора епископа Труаскаго и регента Франціи, сказалъ онъ поднявшись со своего каноническаго кресла.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ Тибольтъ де Сольгъ, но вѣдь всѣмъ извѣстно что нашъ сеньоръ епископъ въ ссорѣ съ правителемъ Бедфортомъ, по поводу его требованія увеличить десятинный сборъ съ доходовъ духовенства, подъ предлогомъ поддержать крестовый походъ противъ гусситовъ. И такъ если мы пьемъ за здоровье ихъ обоихъ, то смѣшиваемъ такимъ образомъ здоровье двухъ враговъ.

— Ну, ну! добродушно замѣтилъ мессиръ Гильомъ, за здоровье пьютъ для мира а не для войны. Я предлагаю выпить за регента Франціи, представителя короля Генриха VI [1]) и за Монсеньора епископа Труаскаго, единогласно избраннаго нами, два года тому назадъ.

Высоко поднявъ свои кубки каноники провозгласили здоровье епископа и регента Бедфорта.

Въ этотъ моментъ, въ самомъ концѣ стола, послышался молодой, неустановившійся и еще мало звучный голосъ, крикнувшій:

— За здоровье настоящаго короля Франціи дофина Людовика!

Это говорилъ маленькій Пьероле, арманьякскій духъ котораго подъ вліяніемъ вина каноников бурно стремился наружу.

На него не обратили никакого вниманія; и такъ какъ въ это время мессиръ Гильомъ опять осушилъ свой кубокъ, то всѣ разомъ крикнули, какъ и подобало:

— За здоровье короля! За здоровье короля!

Среди гостей завязался живой и нтересный разговоръ о всякихъ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ.

— Слышали ли вы, сказалъ мессиръ Тибольтъ де Сольгъ, что регентъ выслалъ десять тысячъ англичанъ чтобъ занять Орлеанъ!

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ мессиръ Гильомъ, они возмутъ городъ также какъ уже взяли Жарго и Боженси и столько хорошихъ городовъ королевства.

— Ну, это мы еще увидимъ, проговорилъ весь красный отъ волненія маленькій Пьероле.

Но такъ какъ онъ сидѣлъ совсѣмъ въ концѣ, то и на этотъ разъ никто его не услышалъ.

— Пейте, господа! сказалъ мессиръ Гильомъ, который отлично исполнялъ обязанности щедраго хозяина.

И онъ показалъ примѣръ, взявшись снова за свой золоченный кубокъ.

Еще громче повторились тѣ-же крики:

— За здоровье короля! За здоровье короля!

Но послѣ того какъ стихли громкіе раскаты голосовъ мессиръ Пьеръ Корнель сидѣвшій ближе къ концу стола сердито заявилъ:

---

[1]) Генрихъ VI сынъ Генриха V и Екатерины Французской, король англійскій съ 1422—72 г.; 9-ти мѣсяцевъ былъ провозглашенъ королемъ Англіи и Франціи подъ регентствомъ дяди своего герцога Бедфорта.

— Господа, я вамъ доношу на маленькаго Пьероле который не кричалъ сейчасъ вмѣстѣ съ нами, а такъ какъ этимъ онъ отступилъ отъ нашихъ правилъ и обычаевъ, то онъ долженъ быть наказанъ.

— Надо его наказать! повторили Деннсъ Пети и Барнабе Виделу.

— Да, онъ будетъ наказанъ, спокойно сказалъ мессиръ Гильомъ. Надо намазать ему сажей лицо и руки. Такъ будетъ по обычаю.

— Таковъ обычай! вмѣстѣ закричали всѣ каноники.

И мессиръ Пьеръ Корнель отправился къ трубѣ доставать сажу, между тѣмъ какъ Томасъ Алепе и Симонъ Тибувиль, съ громкимъ хохотомъ набросились на мальчика, стараясь схватить его за руки.

Но Пьероле вырвался изъ ихъ рукъ, и прислонившись къ стѣнѣ выхватилъ изъ-за пояса свою маленькую шпагу, и поклялся убить перваго, кто приблизится къ нему.

Эта свирѣпая вспышка, разсмѣшила всѣхъ каноников, въ особенности мессира Гильома Шапеделэпа, который вставъ со своего кресла, подошелъ къ своему маленькому секретарю, въ сопровожденіи Пьера Корнель, державшаго лопаточку съ сажей.

— Въ наказаніе за его поступокъ, мягко сказалъ онъ, я сдѣлаю этого злого ребенка негромъ, служителемъ черпаго царя Вальтасара. Пьеръ Корнель, дайте мнѣ лопаточку.

Медленнымъ движеніемъ, какимъ онъ въ церкви окроплялъ св. водой молящихся, онъ взялъ щепочку сажи, и бросилъ ее въ лицо мальчика, который вдругъ, сорвавшись съ мѣста, сдѣлалъ скачекъ впередъ, и вонзилъ ему въ грудь свою шпагу.

Мессиръ Гильомъ Шапеделэнъ испустилъ долгій и глубокій вздохъ и упалъ навзничъ. Всѣ присутствовавшіе быстро подбѣжали къ нему. Но онъ былъ уже мертвъ.

Пьероле исчезъ. Его искали по всему городу но не могли его найти. Послѣ уже узнали. что онъ поступилъ на службу въ отрядъ капитана Ла-Гиръ. Въ битвѣ при Пате [1]), на глазахъ Орлеанской Дѣвы онъ взялъ въ плѣнъ одного англійскаго капитана, за что былъ посвященъ въ рыцари.

Анатоль Франсъ.

---

[1]) Пате, мѣстечко въ Луарскомъ департаментѣ Франціи; въ 1429 г. Жанна д'Аркъ разбила здѣсь англичанъ.

Странички прошлаго.

Ревельская кровавая драма на „Русском рынкѣ“ въ 1858 г.

Около Юрьева дня (23 апр.) 1858 г. объявленъ былъ новый законъ, касающійся до отправленія барщины въ Эстляндской губерніи. Помѣщикъ имѣнія „Аннія“ (36 верстъ отъ г. Ревеля), баронъ Унгернъ—Штернбергъ приказалъ, чтобы явились жать у него рожь, изъ каждаго крестьянскаго двора всѣ работники, такъ что крестьянская рожь должна была остаться не сжатою. Вслѣдствіи такого распоряженія дворохозяева пришли къ помѣщику объяснить ему ихъ трудное положеніе, но баронъ объявилъ имъ черезъ старшинъ: пусть отправляются къ губернатору отстаивать свои права и если тотъ признаетъ ихъ жалобу правильной, то тогда онъ имъ уступитъ. Послѣ того всѣ дворохозяева отправились въ г. Ревель. Прибывъ туда, двое изъ нихъ—сельскій староста Юрій Агураюсъ и Минъ Ялакасъ, пошли къ начальнику жандармскаго управленія, полковнику Грессеру, [1]) просить у него совѣта—какъ имъ поступить. Этотъ посовѣтовалъ идти къ губернатору не болѣе какъ тремъ изъ нихъ. Губернатора [2]) въ городѣ не оказалось: онъ отправился на островъ Ворисъ, гдѣ, по случаю новаго закона, также возникли безпорядки, а должность его исправлялъ вицъ-губернаторъ баронъ Розенъ, который испросилъ явившихся къ нему волостнаго старшину Ханса Каска, Яликаса и Агураюса—одни ли они пришли въ городъ или есть еще другіе. Они отвѣчали: по совѣту бар. Унгернъ—Шуернберга пришли всѣ дворохозяева. Баронъ-Розенъ приказалъ явиться всѣмъ на площадь передъ губернскимъ правленіемъ, гдѣ онъ обѣщалъ разъяснить имъ смыслъ закона. Но едва успѣли всѣ 60 дворохозяевъ собраться на назначенной площади, какъ со двора губернаторскаго замка вышли солдаты и, окруживъ ихъ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ повели на „Русскій рынокъ“ и остановили близъ русской часовни. Здѣсь были сложены нѣсколько возовъ сучковатоваго тычинника, употребляемаго для гороха. Началась порка людей. Солдаты, раздѣвъ крестьянина, валили его на землю и, задравъ рубаху на голову, одинъ сѣвъ

---

[1]) Отецъ бывшаго Спб. градоначальника.

[2]) Грюнвальдъ.

на шею и двое на ноги, начинали сѣчь несчастнаго, такъ что часть прутьевъ оставалась въ тѣлѣ. Сѣкли два солдата съ двухъ сторонъ, смѣняясь другими. Когда кто либо изъ сѣкомыхъ переставалъ кричать и стонать, дѣлали короткій перерывъ, давали нюхать спиртъ или поили водкой, которой было приготовлено цѣлый ушатъ. Крестьянамъ Мойтъ Кенду и Юрію Агураюсу назначено было по 300 ударовъ, прочимъ—по 200. Сѣкли столь жестоко, что на мостовой оказались лужи крови и нѣкоторые изъ наказанныхъ не имѣли силы сами подняться. Одинъ изъ нихъ, чтобы не лечь въ кровь, хотѣлъ было подложить кафтанъ подъ свою голову, но и того ему не дозволили сдѣлать. Изъ аннійскихъ крестьянъ только одинъ не былъ высѣченъ, изъ ервакантскихъ же—нѣсколько. По окончаніи экзекуціи, вторично всѣмъ предлагали водки: пили только нѣкоторые изъ крестьянъ. Двое изъ нихъ были до такой степени замучены что, по распоряженію жандармскаго полковника Грессера, были отправлены въ госпиталь, при чемъ ихъ положили на простую телѣгу животомъ внизъ. Остальныхъ всѣхъ подъ военнымъ конвоемъ отправили до конца Нарвской улицы, за городъ, гдѣ была свалка нечистотъ и гдѣ ихъ подбирали родные и знакомые. Кто изъ наказанныхъ не въ силахъ былъ самъ идти, того шедшіе по сторонамъ двое солдатъ брали подъ-руки, а третій толкалъ сзади.

Аннійскихъ крестьянъ, по прибытіи ихъ домой, созвалъ на мызу гакенрихтеръ (исправникъ) фонъ Триткофъ, помѣщикъ Колчаскій, и объявилъ имъ, что баронъ Унгернъ-Штернбергъ, очень сожалѣя о случившемся, предлагаетъ имъ помириться съ нимъ, такъ какъ не онъ, а судъ виновенъ въ понесенномъ ими наказаніи; онъ обѣщается имъ никогда не сгонять съ (арендуемыхъ) ихъ участковъ и постарается всячески облегчить ихъ. Затѣмъ г. гакенрихтеръ увѣщевалъ крестьянъ не питать злобы къ г. барону, ничего коварно не замышлять противъ него и вообще не производить бунта. Баронъ Унгернъ-Штернбергъ, противно своему обѣщанію, многихъ крестьянъ согналъ черезъ нѣсколько лѣтъ съ ихъ участковъ и отдалъ послѣдніе другимъ. [1])

Читателю незнакомому съ дореформенными въ Прибалтійскомъ краѣ порядками можетъ показаться не вѣроятнымъ, какъ могло случиться, что лица, находящіяся на государственной службѣ, могли рѣшиться, безъ всякаго суда, подвергнуть наказанію, точно какихъ нибудь злыхъ преступниковъ, ни въ чемъ невиновныхъ дворохозяевъ. Но, какъ извѣстно, подобная звѣрская расправа практиковалась весьма не рѣдко въ краѣ, гдѣ полиція и судъ находились въ рукахъ „бароновъ“ и ихъ покровителей, гдѣ выше всего стояли личные интересы помѣщика, наконецъ, гдѣ своевольную расправу, подобную описанной, можно было выдать, какъ усмиреніе бунта, угрожавшаго всей Россіи и ожидать за то благодарности правительства [2]).

---

[1]) Записано со словъ одного изъ наказанныхъ. К.

[2]) Въ такомъ именно видѣ пасторъ Арнтъ, во своей проповѣди, изобразилъ поступокъ крестьянъ явившихся въ Ревель къ губернатору съ жалобой на помѣщика.

Говорили, что жандарм. полковникъ Грессеръ былъ противъ экзекуціи, но чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, баронъ Штакельбергъ отстранилъ его словами: „Вамъ здѣсь нѣтъ никакого дѣла“. Когда купецъ Ротермонъ, передъ домомъ котораго происходила экзекуція, сталъ протестовать, то тотъ же баронъ Штакельбергъ сказалъ ему: „да мы и васъ высѣчемъ“. Но Ротермонъ не испугался угрозъ чиновника и, держа въ рукахъ толстую трость, возразилъ: „посмотримъ кто посмѣетъ до меня дотронуться; я сейчасъ же по телеграфу обо всемъ происшедшемъ дамъ знать въ Петербургъ“. Послѣ этихъ словъ сѣченіе тотчасъ было прекращено.

Во время экзекуціи баронъ Штакельбергъ кричалъ на солдатъ: „бейте крѣпче“.

Вскорѣ затѣмъ ревельскій комендантъ генералъ Зальца, разрѣшившій для экзекуціи употребить солдатъ, былъ уволенъ отъ службы.

Мужикъ Ровняй.

Преданіе о мужикѣ Ровняѣ записано въ 1887 г., въ деревнѣ Золотово, Новгородской губерніи.

По содержанію оно чрезвычайно сходно съ преданіемъ о московскомъ ворѣ и Іоаннѣ Грозномъ, цитированнымъ въ статьѣ проф. Веселовскаго „Народныя воззрѣнія на Іоанна Грознаго“ („Древняя и Новая Россія“ 1876 г.).

Въ преданіи о Грозномъ фигурируетъ лицо, которое не узнавъ переряженнаго государя, отозвавшагося непохвально о самомъ себѣ, наноситъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ. Въ преданіи, сообщаемомъ здѣсь, этотъ случай пріуроченъ къ николаевскому времени и въ частности представляетъ изъ себя попытку народа охарактеризовать движеніе декабристовъ.

Не слѣдуетъ предполагать, что данное преданіе - продуктъ эпохи, недалекой отъ насъ.—Напротивъ—оно съ давнихъ поръ обращалось въ народѣ но съ иными названіями эпохъ и лицъ, и только переработалось въ народной передачѣ, какъ и множество другихъ преданій, благодаря тому, что являлось готовымъ и понятнымъ народу поясненіемъ событій, ознаменовавшихъ собою начало царствованія Николая I-го.

Говоря иначе—данное преданіе есть ничто иное какъ самый поздній варьянтъ преданія о Грозномъ, заимствованнаго, въ свою очередь, — какъ указываетъ Веселовскій, — изъ внѣрусскихъ источниковъ.

Жилъ въ одной деревнѣ мужикъ Ровняй. За то ему такое прозванье было дано, что онъ людей равнялъ—отъ богатыхъ убавлялъ, бѣднымъ прибавлялъ. Вотъ и пошелъ однажды Ровняй въ Питеръ счастья пытать. Пришелъ и думаетъ—кого бы ему пообчистить. Увидалъ сенатъ и думаетъ:—„домъ большой есть чѣмъ

поживиться". Залѣзъ подъ сенатъ—(дѣло было ночью)—и слышитъ, что въ сенатѣ министры, собравшись, разсуждаютъ о томъ, какъ бы царя погубить.. Одни говорятъ; — окормить надо; другіе:—застрѣлить надо. А главный министръ и говоритъ: „нѣтъ такъ, господа, нельзя! а вотъ мы лучше какъ сдѣлаемъ: завтра я именинникъ и приглашу царя на именины, поднесу ему вина, а въ вино-то зелья положу". И всѣ министры на это согласились. Выслушалъ Ровняй эти рѣчи, вышелъ изъ сената и думаетъ какъ бы царю донести о заговорѣ.

Идетъ этакъ да раздумываетъ—и попадается ему навстрѣчу какой-то оборванецъ —Кто ты такой?—спрашиваетъ оборванецъ Ровняя.—А я, говоритъ, мужикъ Ровняй.—А занимаешься чѣмъ?—Да людей равняю.

— А, понимаю!—говоритъ оборванецъ:—и я тѣмъ-же ремесломъ занимаюсь.

А это не оборванецъ былъ, а самъ царь Николай Павловичъ; онъ любилъ ходить въ народѣ не въ своемъ нарядѣ да разузнавать, какъ народу живется.

Вотъ царь и говоритъ Ровняю: пойдемъ-ка, братъ, къ царю во дворецъ; у него добра много—обчистимъ его.

Страшно осерчалъ Ровняй.—Ахъ ты, говоритъ, такой-сякой! царю и безъ того горе грозитъ, а ты еще воровать у него хочешь!—да недолго думая и хлопъ оборванца въ ухо.

Царь разсердился да и говоритъ: вѣдь я царь; какое мнѣ горе?

Ахъ ты, переэтакій!—закричалъ опять Ровняй.—тебѣ-то какое дѣло до царскаго горя?—Да и опять въ ухо.

Разстегнулъ царь свою рваную одежонку, а подъ ней мундиръ, кресты, ленты. Упалъ Ровняй въ ноги: помилуй, говоритъ, царь-государь! тебя же любя я тебя изобидѣлъ! не прикажи казнить!—Хорошо, говоритъ царь,—только разскажи, какое мнѣ горе будетъ.—И разсказалъ Ровняй царю про то, что онъ слышалъ въ сенатѣ.

Повелъ царь Ровняя во дворецъ, а утромъ поѣхалъ съ нимъ въ соборъ къ обѣднѣ. Министръ послѣ обѣдни и зоветъ царя къ себѣ:—такъ и такъ, ваше царское величество, пожалуйте на именины. Царь и говоритъ: сейчасъ пріѣду только не одинъ, а съ гостемъ. И показалъ царь на Ровняя.

Пріѣзжаетъ царь съ Ровняемъ къ министру. Министръ и подноситъ царю чару вина.—Выпейте, говоритъ, Ваше царское величество, по русскому обычаю.

А царь и говоритъ: по русскому обычаю сначала хозяинъ пьетъ; ну ка, выпей. И сталъ министръ съ царемъ спорить—кому пить сначала.

Царь и говоритъ: а вотъ спросимъ у мужичка, какъ это у нихъ въ деревнѣ дѣлается. Ровняй и отвѣчаетъ: у насъ по русскому обычаю, сначала хозяинъ дорогу показываетъ.—Ну, такъ, пей-же!—говоритъ царь министру.

Нечего тому дѣлать: выпилъ да тутъ-же изъ него и духъ вонъ Другихъ министровъ взяли и переказнили, а Ровняя царь наградилъ.

И. Мордвиновъ.

Темное дѣло.

Въ нашей исторіи есть событіе, которое сравнительно еще не такъ давно казалось всѣмъ яснымъ, понятнымъ, невозбуждающимъ никакихъ недоумѣній, и которое теперь, напротивъ, представляется далеко неяснымъ, загадочнымъ, даже темнымъ. Безъ сомнѣнія, такое различіе взглядовъ на данное событіе объясняется большимъ развитіемъ нашей исторической критики. Повидимому, миновало уже то время, когда русскій „историкъ безъ критики повторялъ лѣтописи боясь заслужить имя дерзкаго [1]). Однако послѣдствія этого времени еще ощутительны въ нашей исторіи, ибо „то, что принято и утверждено общимъ мнѣніемъ,—становится святынею", по словамъ Карамзина [2]), и потому съ трудомъ поддается критикѣ.

Что такое произошло въ Угличѣ 15 мая 1591 года? Вотъ вопросъ, на который исторія до сихъ поръ не можетъ дать категорическій отвѣтъ: такъ много налегло на это событіе лжи и своей, и иноземной.

Правительственные акты того времени [3]) удостовѣряютъ, что царевичъ Димитрій, играя со сверстниками ножемъ въ тычку, подвергся припадку падучей болѣзни, которою страдалъ, накололся на ножъ и умеръ. Смерть его вызвала мятежъ въ Угличѣ: царица Марія и ея родственники, Нагіе, всенародно обвинили царскихъ приставовъ въ убійствѣ Димитрія, и толпа, возбужденная этимъ, умертвила ихъ. Такимъ образомъ въ оффиціальныхъ актахъ мы находимъ двѣ версіи объ угличскомъ событіи. Одна, такъ сказать, положительная, принятая и утвержденная тогдашнимъ правительствомъ, объясняетъ смерть Димитрія случайнымъ самоубійствомъ; другая, отрицательная съ правительственной точки зрѣнія, приписываетъ эту смерть убійству отъ рукъ приставовъ. Какъ объясняли себѣ случившееся въ Угличѣ ближайшіе современники,—мы не знаемъ, ибо изъ этой эпохи (1591—1606 г.) не дошло до насъ ни одного письменнаго показанія на этотъ счетъ [4]). Но вотъ, въ 1600 г., невѣдомо откуда появился, на Руси слухъ, что царевичъ Димитрій живъ. Сначала смутный и неясный, съ теченіемъ времени онъ становился все настойчивѣе и наконецъ вполнѣ оправдался: невѣдомый юноша, котораго въ Польшѣ признали уже истиннымъ Димитріемъ, шелъ съ войскомъ добывать себѣ престолъ (1604 г.). При этомъ самъ названный царевичъ и его ближайшіе сторонники разсказывали, не вдаваясь впрочемъ въ подробности, что дѣйствительно его хотѣли убить въ Угличѣ, но ему удалось спастись отъ смерти, а вмѣсто него убили другого мальчика [5]). Этотъ разсказъ представляетъ третью версію объ угличскомъ событіи, притомъ совершенно новую и неожиданную, которой современники, повидимому, скоро повѣрили и признали

---

[1]) Русск. Архивъ за 1886 г., кн. 8, стр. 600.
[2]) Ibidem.
[3]) Слѣдственное дѣло въ Собраніи Государств. грамотъ и договоровъ, II, стр. 106
[4]) См. С. Ө. Платонова: „Древне-рус. сказ. и пов. о Смутн. времени". (Спб., 1888 г.).
[5]) Акты Археогр. Экси., II, № 8.

претендента истиннымъ сыномъ Грознаго.—По вступленіи своемъ на престолъ въ 1606 году, царь Василій Шуйскій принялъ всѣ мѣры къ опровerженію разсказа о спасеніи Димитрія, и въ числѣ ихъ слѣдуетъ отмѣтить грамоту, послѣдовавшую вслѣдъ за открытіемъ мощей царевича, въ которой смерть его приписана Годунову [6]). Примыкая по существу ко второй версіи, эта грамота въ тоже время дополняетъ ее прямымъ указаніемъ на Годунова, какъ на главнаго виновника убійства. Такимъ образомъ получаются три главныя объясненія угличскаго событія: первое слѣдственное дѣло) константируетъ самоубійство царевича; второе (заявленіе Нагихъ и Шуйскаго) утверждаетъ убійство его по приказанію Годунова; третье (грамоты названнаго Димитрія, разсказы Маржерета, Бареццо-Барецци, Маскѣвича, Геркмана и другихъ) говоритъ о спасеніи Димитрія въ Угличѣ и объ убійствѣ вмѣсто него другого мальчика.

Слѣдственному дѣлу не довѣряютъ прежде всего потому, что находятъ невозможнымъ физически, чтобы 8-лѣтній мальчикъ, хотя бы и въ припадкѣ падучей болѣзни, могъ нанести себѣ какимъ нибудь игрушечнымъ ножемъ такую рану, отъ которой можно умереть. Убійству царевича по приказанію Годунова также не вѣрятъ, потому что всѣ древне-русскія сказанія объ убійствѣ Димитрія написаны уже послѣ его канонизаціи (1606 г.), спустя лѣтъ 15 послѣ смерти, и,—по свидѣтельству профессора Платонова [7]), носятъ на себѣ явные слѣды недостовѣрности, натянутости и предвзятаго намѣренія—обвинить Бориса. Таковъ по крайней мѣрѣ прототипъ этихъ сказаній составляющій первую часть такъ называемаго Иного сказанія [8]). Да и дѣйствительно, неужели Годуновъ съ его умомъ, съ его могуществомъ, не могъ найти другихъ, болѣе тонкихъ, способовъ избыть царевича и приказалъ зарѣзать его среди бѣлаго дня—на улицѣ?... Приписывать же убійство его другимъ лицамъ, напр. князю В. Шуйскому, или даже всему боярскому совѣту, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, положительно нѣтъ никакихъ историческихъ основаній. Это—не болѣе, какъ домыслы, въ подтвержденіе которыхъ нельзя привести ни одного факта.—Разсказамъ о спасеніи Димитрія и объ убійствѣ вмѣсто него другого мальчика также нельзя довѣрять. Трудно допустить, что въ Угличѣ на виду у большинства горожанъ и духовныхъ властей, хорошо знавшихъ царевича въ лицо въ присутствіи слѣдователей, среди которыхъ были люди близкіе и преданные Годунову, возможно было похоронить вмѣсто царевича другого мальчика. Вообще какъ Годуновъ, всегда осторожный, могъ просмотрѣть такой чудовищный обманъ? Развѣ онъ не зналъ, чѣмъ это грозитъ ему въ будущемъ? Конечно, онъ хорошо зналъ Нагихъ и потому долженъ былъ удвоить свою осторожность. Кромѣ этого соображенія, есть, разумѣется, цѣлый рядъ другихъ—болѣе или менѣе вѣскихъ, которыя удерживаютъ

[6]) Рус. Ист. Костомарова, т. I, стр. 669.
[7]) Древне-рус. сказ. и пов., стр. 18—22.
[8]) Временникъ, 1—38.

историка отъ признанія перваго самозванца истиннымъ сыномъ Грознаго [9]).—Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ сказать, что недавно от-

ДРЕВНѢЙШІЙ ПОРТРЕТЪ ГУТЕНБЕРГА.—Майнцская копія съ сгорѣвшаго въ 1870 г. въ Страсбургѣ оригинала.

крытое Пирлингомъ въ Ватиканскомъ архивѣ подлинное письмо, названнаго Димитрія къ папѣ Клименту VIII, проливаетъ новый свѣтъ на его національность [10]): повидимому, онъ—былъ русскій,

[9]) Напр. у Костомарова (Рус. Ист., ч. I, стр. 623—30); у Казанскаго въ его статьѣ „Изслѣдов. о личности перваго Лжедимитрія“, (Рус. Вѣстн. 1877 г.) и у др.

[10]) См. брошюру С. Л. Пташицкаго: „Письмо перваго самозванца къ папѣ Клименту VIII“, Спб., 1899 г. Выводы на стр. 33—34.

а не полякъ, какъ предполагали многіе. Въ то же время выводы графа С. Д. Шереметева, которые отчасти раздѣлялъ—покойный К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, хотя и оживили старую гипотезу о спасеніи царевича въ Угличѣ [11]), но не дали пока никакихъ несомнѣнныхъ доказательствъ ея истинности.

И такъ—ни одна изъ указанныхъ версій не выдерживаетъ исторической критики... Но гдѣ же правда?—Она, конечно, скрывается подъ толстымъ слоемъ лжи, которую наложили на это злополучное дѣло заинтересованныя въ немъ лица. Очистить ее отъ этой лжи и явить во всей наготѣ—дѣло нелегкое и,—во всякомъ случаѣ,—это—дѣло будущаго. Мы же хотѣли только указать въ настоящей замѣткѣ на современное положеніе этого вопроса въ русской исторической наукѣ.

А. Мерцаловъ.

Начало еврейскаго книгопечатанія.

Трудно представить себѣ, пишетъ газета „Будущность", что сталось бы съ еврейской письменностью, если бы въ XV в. не явилась возможность производить ее печатнымъ словомъ. Пятнадцатое столѣтіе недаромъ называется въ еврейской исторіи вторымъ „вѣкомъ мученичества". Начавшись жестокими гоненіями и насильственнымъ крещеніемъ евреевъ при мрачномъ епископѣ Павлѣ Бургонскомъ, фактически управлявшемъ Испаніей, какъ воспитатель малолѣтняго короля Іоанна

ІОГАННЪ ФУСТЪ
(Съ современной гравюры).

ГЕРБЪ ГУТЕНБЕРГА.

II, и завершившись поголовнымъ изгнаніемъ евреевъ изъ Испаніи въ 1492 г., 15-й вѣкъ прошелъ въ безпрерывныхъ преслѣдованіяхъ евреевъ на всемъ протяженіи Европы. Доминиканецъ Винцентій со своей ордой „бичующихся", выкрестъ-изувѣръ Іеронимъ Санта Фе—изступленный гонитель талмуда, „бичъ евреевъ" Капистрано, мрачный францисканецъ Бернардинъ Фельтра съ его неистовой „нищенствующей братіей" вписали свои имена кровавыми буквами въ еврейскую исторію. Всюду раздавались грозныя фанатическія

[11]) Письма о Смутномъ времени К. Н. Бестужева-Рюмина. (Спб., 1898 г.).

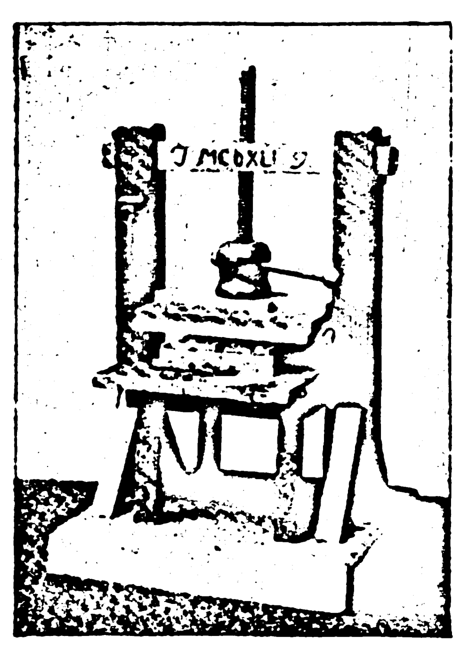
рѣчи противъ іудейства, всюду, отъ Лиссабона до литовскаго городка Луцка, возбуждались обвиненія евреевъ въ ритуальныхъ убійствахъ, всюду громили евреевъ, отовсюду изгоняли ихъ. И борьба велась прежде всего противъ іудейскаго религіознаго духа, противъ еврейской мысли. Гонители евреевъ хорошо понимали великую истину, впослѣдствіи выраженную Мильтономъ, что „убить книгу значитъ убить человѣка", — и ихъ жестокая рука направляла свои удары противъ еврейской письменности, которою питался и укрѣплялся духъ еврейскаго народа, изнемогавшаго отъ физическихъ мученій. Сожиганіе талмуда было обычнымъ торжественнымъ актомъ, не менѣе частымъ, чѣмъ сжиганіе „еретиковъ", упорствовавшихъ въ вѣрѣ своихъ предковъ; нападенія на еврейскіе кварталы сопровождались разрушеніемъ еврейскихъ рукописей въ такой же мѣрѣ, какъ и разгромленіемъ еврейскихъ жилищъ съ расхищеніемъ еврейскаго добра. Естественно, что количество еврейскихъ рукописей постепенно уменьшилось до крайности. Еврейскія общины испытывали сильный недостатокъ въ книгахъ, даже самыхъ необходимыхъ, каковы религіозные кодексы или комментаріи на Библію; немногочисленные экземпляры цѣнились очень дорого и были доступны только богачамъ. Особенно рѣдки стали сочиненія новѣйшаго происхожденія, которыхъ не успѣли годами накопить въ достаточномъ числѣ списковъ.

Петръ Шефферъ.

Еврейской письменности грозило упраздненіе. Но, какъ выражались въ извѣстныхъ случаяхъ раввинисты, Провидѣніе послало исцѣленіе раньше, чѣмъ приключилась болѣзнь. Въ срединѣ 15-го столѣтія распространилась благая вѣсть, что изобрѣтенъ способъ, позволяющій получать съ одного подлинника сразу много списковъ. Тайна книгопечатанія была раскрыта въ 1462 г., когда, при завоеваніи Майнца Адольфомъ Насаускимъ, была расхищена типографія. Еврейскія книгопечатни были устроены двѣнадцать лѣтъ спустя.

О первой по времени печатной еврейской книгѣ въ ученомъ мірѣ до прошлаго года не имѣлось точныхъ данныхъ, хотя этимъ вопросомъ занимались многіе еврейскіе изслѣдователи. Де-Росси

утверждалъ, что первая еврейская книга вышла изъ станка въ 1479 г. или въ 1476 г. Цунцъ [1]) полагалъ, что это произошло въ 1477 г. Очень много спеціальныхъ данныхъ по этому вопросу сопоставлены въ работѣ Штейншнейдера [2]), а также въ монографіи Берлинера [3]). Проф. Д. А. Хвольсонъ [4]) относитъ начало еврейскаго книгопечатанія къ 1475 г. Но въ прошломъ году барону Д. Г. Гинцбургу удалось установить, что первая еврейская печатная книга появилась годомъ раньше, а именно въ пятницу 30 іюля 1474 г.



Первый печатный станокъ.

Первыя еврейскія типографіи были основаны въ Италіи, а именно: въ 1474 (вѣроятнѣе—1473) въ Феррарѣ, гдѣ появилась первая книга; въ 1475 г. — въ Піево-де-Сакко (близъ Падуи) въ Реджіо-де-Калабрія и въ Мантуѣ. Затѣмъ были открыты еврейскія книгопечатни въ Испаніи: въ 1482 г. въ Гвадалаксарѣ, въ 1485 г. въ Иксарѣ (Аррагонія); въ Португаліи: въ 1487 г. въ Фарро, въ 1489 г. въ Лиссабонѣ. Въ общемъ было открыто въ теченіе двадцати лѣтъ 16 типографій, въ которыхъ было напечатано до 1497 года около *ста* еврейскихъ книгъ. Эти первыя печатныя изданія (такъ назыв. „инкунабула“) составляютъ, конечно, драгоцѣнныя библіографическія рѣдкости.

Естественно, что по основаніи типографій прежде всего предавались тисненію сочиненія, на которыя имѣлся наибольшій спросъ. Первой печатной книгой былъ религіозный кодексъ „Четыре Ряда“. Составленный въ первой четверти XIV-го вѣка Яковомъ-бенъ-Ашеромъ, этотъ четырехътомный кодексъ, содержащій въ стройномъ порядкѣ всѣ религіозныя предписанія, разбросанныя въ талмудѣ и въ позднѣйшей раввинской письменности, почти вытѣснилъ аналогичный кодексъ („Мишне-Тора“), составленный Маймонидомъ въ 1180 г., и сдѣлался настольной

---

[1]) *Zunz*, Zur Geschichte und Literatur, стр. 218.

[2]) *Ersch und Grubers* Encyclopädie, т. 28.

[3]) *Dr. A. Berliner*, Ueber den Einfluss des ersten hebräischen Buchdrucks auf den Cultus und die Cultur der Juden. Berlin, 1896.

[4]) *Проф. Д. А. Хвольсонъ*. „Еврейскія скоропечатныя книги“, въ „Сборникѣ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ“, Спб., 1896.

книгой всякаго правовѣрнаго еврея. Въ іюлѣ 1474 г. былъ отпечатанъ 2-й, самый важный томъ „Рядовъ“ („Іоре-деа“), содержащій законы о пищѣ, объ убоѣ скота, о предметахъ повседневнаго обихода. Напечатавшій эту книгу, первый еврейскій типографъ назывался Авраамъ-бенъ-Хаимъ де Пинти изъ Пизаро. Второю по порядку книгою было полное изданіе того же 4-хъ-томнаго кодекса, которое одновременно начало печататься въ другой типографіи, Мешулама Кузи, въ Піево-де-Сакко и было тамъ окончено въ іюнѣ 1475 г.; это изданіе содержитъ 460 листовъ in folio. Третьей книгой былъ—комментарій Раши къ Пятикнижію, выпущенный изъ типографіи въ Реджіо-де-Калабрія въ мартѣ 1476 г.; это изданіе заключаетъ 116 листовъ in folio. Четвертою книгой былъ вышедшій въ маѣ 1477 г. въ печатнѣ упомянутаго уже Авраама Пинти моральный комментарій Леви-Герсонида къ Пятикнижію. Впослѣдствіи Авраамъ-бенъ-Хаимъ перевелъ свою печатню въ Болонью, гдѣ онъ въ 1482 г. впервые напечаталъ Пятикнижіе съ таргумомъ и комментаріемъ Раши и пять „мегилосъ“ съ тѣмъ же комментаріемъ.

Первые еврейскіе печатники относились къ своему дѣлу идейно. Это были энтузіасты, которые въ своемъ занятіи видѣли „святое дѣло“, служеніе высшимъ идеаламъ. Вышеупомянутый Мешуламъ Кузи въ концѣ своего 4-хъ-томнаго изданія „Рядовъ“ напечаталъ собственнаго сочиненія оду въ честь печатнаго искусства. Она начинается такъ:

„Я искусство—всѣмъ искусствамъ вѣнецъ; я предаю гласности сокрытое для всѣхъ; начертанное безъ пера все же разборчиво; безъ писца я воплощаюсь въ книгу“.

Другой печатникъ, врачъ Абрамъ Конатъ, открывшій еврейскую типографію въ Мантуѣ, какъ полагаютъ—въ 1475 г., говоритъ о себѣ (въ эпиграфѣ къ 1-му тому „Туримъ“):

„Пишущій сразу многими перьями, и притомъ безъ помощи чуда“ [1]).

Значительное развитіе получило еврейское типографское дѣло въ рукахъ членовъ даровитой семьи *Сончино*, которая въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній (съ 1483 до 1547 г.) съ особенной любовью работала надъ усовершенствованіемъ и распространеніемъ еврейскихъ печатныхъ изданій.

Такимъ образомъ въ еврействѣ возродилась книга. Вспоминая событія, благотворно вліявшія на ходъ еврейской культуры, еврей съ благодарностью останавливается на изобрѣтеніи геніальнаго Гутенберга, присоединяя свой голосъ къ хору чествующихъ память этого благодѣтеля человѣчества.

Послѣднія дни кардинала Ришелье и Людовика XIII [2]).

Конецъ царствованія Людовика XIII похожъ на тѣ трагедіи, въ которыхъ всѣ умираютъ въ пятомъ актѣ.

---

[1]) Намекъ на одно мѣсто въ талмудѣ (Іома, III), гдѣ говорится, что Бенъ-Кандаръ умѣлъ одновременно писать четыре различныя буквы.

[2]) «Revue des deux mondes»,—La grande Mademoiselle III. Le théâtre et son influence. Premiers projets de mariage par M. Arved Barine.

Людовикъ XIII, сынъ Генриха IV и Маріи Медичи, вступилъ на престолъ подъ опекою матери, но вскорѣ (1617 г.) съ его позволенія мать его была арестована Де-Люинемъ. Съ 1624 г. мѣсто послѣдняго занялъ кардиналъ Ришелье и сдѣлался душою правленія во Франціи; онъ стремился къ централизаціи власти. Противъ него было направлено много заговоровъ, но всѣ они окончились гибелью или изгнаніемъ противниковъ.

Въ дѣлѣ маркиза Сенъ-Марса, любимца короля, который лишь изъ честолюбія принялъ участіе въ заговорѣ противъ кардинала Ришелье, король сыгралъ неумышленно роль агента-провокатора. Людовикъ XIII очень недолюбливалъ кардинала Ришелье—„своего тирана", но и побаивался его. Онъ постоянно возбуждалъ своего любимца къ насмѣшкамъ надъ кардиналомъ, и въ концѣ концовъ смѣшки эти окончились заговоромъ. Когда все открылось, король вдругъ вспомнилъ о заслугахъ Ришелье и больной отправился въ Тарасконъ, гдѣ жилъ въ то время больной министръ,—„просить у него прощенія". Послѣдовало примиреніе, но только наружное, потому что оба они не могли простить другъ другу..

Пятый актъ трагедіи начался смертью матери короля, Маріи Медичи, которая умерла въ Кельнѣ 3-го іюля 1642 г. и не въ бѣдности, и не на чердакѣ, какъ увѣряли многіе, а въ старомъ домѣ Рубенса, окруженная многочисленною прислугою. Смерть этой интриганки и вздорной женщины (которая даже бивала своего мужа Генриха IV) никого не тронула во Франціи и лишь при дворѣ по обычаю наложенъ былъ трауръ.

Чрезъ три мѣсяца были схвачены въ Ліонѣ фаворитъ короля маркизъ Сенъ-Марсъ со своимъ другомъ де-Ту. Оба они были обезглавлены. Поведеніе ихъ передъ смертью возбудило всеобщее удивленіе. По окончаніи суда Сенъ-Марсъ и де-Ту обняли своихъ судей и наговорили имъ комплиментовъ. Кланялись собравшемуся народу, цѣловали другъ друга и говорили, что встрѣтятся въ раю. Увидѣвши эшафортъ, де-Ту захлопалъ въ ладоши. Первымъ вошелъ на эшафотъ Сенъ-Марсъ, онъ сдѣлалъ общій поклонъ и улыбаясь положилъ голову на плаху. Думали, что такое героическое поведеніе повліяетъ на Людовика XIII, но онъ даже и виду не показалъ, напротивъ, былъ очень веселъ.

Наступила очередь Ришелье. Онъ уже давно лежалъ больной въ параличѣ; все тѣло его было покрыто нарывами. Король тоже былъ боленъ, и они оба были на-сторожѣ, кто первый изъ нихъ умретъ, обдумывая, что предпринять въ моментъ, когда одинъ избавится отъ другаго. Послѣ заговора Сенъ-Марса Ришелье находился у всѣхъ въ подозрѣніи, даже у короля, и боялся убійцъ. Онъ требовалъ у короля изгнанія многихъ офицеровъ изъ гвардіи, но король не соглашался. Тогда кардиналъ прибѣгнулъ къ сильнымъ мѣрамъ: онъ заперся у себя, отказался принимать иностранныхъ пословъ и угрожалъ подать въ отставку. Король сдался. Эти два умирающихъ человѣка согласились принять предосторожности противъ брата короля (Monsieur) Гастона Орлеанскаго. Но въ день отправки въ парламентъ королевской декларации съ обвиненіемъ противъ Гастона Орлеанскаго (1-го декабря

1642 г.) у Ришелье сдѣлался сильный припадокъ. Смерть онъ встрѣтилъ съ твердостью. На вопросъ духовника: нѣтъ ли у него враговъ? отвѣтилъ: „что у него врагами были лишь враги государства“.

Этотъ великій человѣкъ, скончался 4-го декабря 1642 г. Король при этомъ извѣстіи только лишь сказалъ: „онъ умеръ великимъ политикомъ“. Во Франціи всѣ были взволнованы, думая, что смерть кардинала вызоветъ революцію. Изгнанные мечтали возвратиться, томящіеся въ тюрьмѣ освободиться. Оппозиція мечтала взять власть въ свои руки. Но король тотчас же призвалъ кардинала Мазарини, а парламенту и губернаторамъ въ провинціяхъ послалъ объявленіе, что дѣла внѣшнія и внутреннія будутъ вестись въ прежнемъ направленіи и никакихъ перемѣнъ не послѣдуетъ. Всѣ успокоились. Король дѣлался все добрѣе и добрѣе: помирился съ братомъ, выпустилъ изъ Бастиліи нѣсколькихъ дворянъ, вернулъ изгнанниковъ. Онъ чувствовалъ, что скоро умреть. Онъ обратился въ настоящій скелетъ, покрытый бѣлыми пятнами. „Палачи доктора и тиранія кардинала привели меня въ такое состояніе“—говорилъ онъ. Передъ смертью король исполнилъ все, что требовали отъ него религія и дѣла государства. Назначилъ регентшею Анну австрійскую, а главную власть передалъ заранѣе назначенному совѣту. Несчастный король мучался нѣсколько мѣсяцевъ, страданія его были ужасны, а вокругъ шли обычныя интриги.

Король жилъ въ новомъ дворцѣ, построенномъ его отцомъ, а Анна австрійская со своимъ дворомъ въ старомъ дворцѣ. Сначала больному королю было очень удобно и спокойно, но въ дни страданій, благодаря этикету, Людовику XIII приходилось очень тяжело: весь дворъ Анны австрійской наѣзжалъ во дворецъ и присутствовалъ при страданіяхъ короля. Толпы народа тоже прибывали изъ Парижа. Шумъ, гвалтъ на улицѣ, жара и духота во внутреннихъ покояхъ. Король просилъ какъ милости удалиться всѣхъ отъ его кровати. Когда же проходилъ кризисъ, всѣ устремлялись въ Парижъ, гдѣ ихъ ждали музыка и празднества. 14-го мая наступилъ послѣдній кризисъ, король скончался и всѣ бросились назадъ въ Парижъ. Во дворцѣ настала тишина, занавѣсъ палъ по окончаніи пятаго акта царствованія Людовика XIII, и на сценѣ осталось лишь его бездыханное тѣло, охраняемое офицеромъ и нѣсколькими солдатами.

Изъ области археологіи.

Крѣпость Хараксъ.—Римскіе гарнизоны въ Таврическомъ полуостровѣ.—Раскопки Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича въ Крыму.

Археологія—родная сестра исторіи. Дружно, рука объ руку, ведутъ онѣ человѣчество по пути къ истинѣ. Тернистъ и теменъ этотъ путь. Но ярко горятъ на немъ путеводными маяками и разгоняютъ окружающую тьму открываемые, въ разныхъ концахъ свѣта, пытливымъ умомъ и энергіей человѣка, вещественные и письменные памятники древности. Разсѣевается тьма и далекое прошлое становится свѣтлымъ и яснымъ; жизнь отдаленныхъ предковъ близкой и знакомой: картины кровавыхъ воинъ, борьбы за существованіе смѣняются сценами мирной, обыденной жизни. Архаическій человѣкъ встаетъ, какъ живой, со всѣми своими обычаями, привычками, обстановкою и обрядностями передъ умственнымъ взоромъ современнаго изслѣдователя.

Какъ яркій и блестящій примѣръ совмѣстной работы археологіи и исторіи по возстановленію истинныхъ картинъ жизни далекаго прошлаго, служитъ интересный докладъ извѣстнаго русскаго ученаго М. И. Ростовцева, прочитанный имъ въ одномъ изъ засѣданій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества [1]).

Докладъ касается раскопокъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича, произведенныхъ въ имѣніи Ай-Тодоръ и указываетъ на историческое значеніе открытыхъ при раскопкахъ археологическихъ памятниковъ.

Значеніе находокъ важно тѣмъ, что исторія нашего юга въ римскую эпоху сравнительно мало извѣстна.

Пользуясь прекраснымъ матеріаломъ доклада М. И. Ростовцева мы постараемся передать нашимъ читателямъ, вкратцѣ, о результатахъ раскопокъ Августѣйшаго Археолога, и о тѣхъ выводахъ, къ которымъ пришелъ докладчикъ по вопросу о римскихъ гарнизонахъ въ Крыму, на основаніи изученныхъ имъ новыхъ историческихъ и археологическихъ свидѣтельствъ.

Первая часть труда М. И. Ростовцева заключаетъ въ себѣ

[1]) Докладъ этотъ напечатанъ въ настоящее время въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. за 1900 годъ.

изложеніе тѣхъ данныхъ, которыя собраны авторомъ по вопросу объ оккупаціи Таврическаго полуострова и, главнымъ образомъ, Херсонеса римскими войсками.

„Нашъ югъ“ говоритъ авторъ „вошелъ въ предѣлы римской зависимости случайно, благодаря войнамъ съ Митридатомъ“. Въ Царствованіе Августа и не существовало еще тѣсной зависимости Боспорскаго царства отъ Рима, не выражалась эта зависимость и постояннымъ присутствіемъ въ царствѣ римскихъ войскъ.

Вліяніе Рима ограничивалось лишь верховнымъ наблюденіемъ за царствующей династіей.

Но вмѣстѣ съ распространеніемъ римскаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ ростетъ и въ Крыму вліяніе могущественнаго Рима. Воспользовавшись распрею Митридата и Котиса (46 г. по Р. Х.). Римъ присылаетъ на Таврическій полуостровъ своихъ легіонеровъ.

При Неронѣ Боспорскіе цари становятся уже на степень подчиненныхъ правителей, благодаря побѣдоносному отраженію римскими войсками враговъ отъ стѣнъ Херсонеса. Монеты того времени чеканятся съ изображеніемъ римскаго императора. Важнѣйшие гавани и пункты полуострова занимаются римскими гарнизонами и римскими военными судами. Войска состоятъ изъ легіонеровъ, откомандированныхъ изъ Мэзіи; суда эскадры, предназначенные для защиты отъ пиратовъ, составляютъ часть равеннскаго флота.

Тѣсная зависимость отъ Рима продолжается и въ царствованія Веспасіана и Тита.

Итакъ первая оккупація Крыма римскими войсками относится къ I столѣтію по Р. Х. Центръ ея Пантикапея, столица Боспорскаго царства.

Великая Дакійская смута, начавшаяся при Императорѣ Домиціанѣ потребовала для успокоенія придунайскихъ провинцій, со стороны Рима, крайней интенсивности военныхъ силъ и римскіе гарнизоны нашего юга были отозваны. Вліяніе Рима упало. Изображенія Римскаго Императора на монетахъ исчезли, замѣнившись изображеніемъ подвиговъ Боспорскаго царя. Такъ закончилась первая оккупація.

Центромъ второй оккупаціи является Херсонесъ, время ея II вѣкъ по Р. Х. Занимаютъ Крымъ въ это время откомандированные отъ Мэзійской арміи какъ легіонные отряды, такъ и вспомогательные войска; изъ легіоновъ стоятъ въ Херсонесѣ: I Италійскій,—затѣмъ соединенный съ XI Клавдіевымъ.—

Занимаютъ римскіе войска не только Херсонесъ и Боспорское царство, но и все сѣверное побережіе чернаго моря, Ольвію и даже Закавказье. Ольвія занята была римскими войсками въ царствованіе Императора Антонина, защитившаго городъ отъ нападенія Тавро-скиѳовъ.

Начальникомъ римскихъ войскъ и флота является военный трибунъ, живущій въ Херсонесѣ.

На вопросъ о средствахъ, на которыя содержались войска, памятники древности дали обстоятельный отвѣтъ автору.

На содержаніе солдатъ шла часть городскихъ податей. Сборщиками ихъ являлись, по собственному желанію, сами солдаты. Принципъ дѣлежа подати утверждался императоромъ. Взыскиваніе подати въ большемъ противъ установленнаго размѣра давало поводъ частымъ спорамъ.

Вторая оккупація Херсонеса римскими войсками связана съ дарованіемъ Римомъ свободы городу. Во время дакійскихъ смутъ, оставленный Римомъ, Херсонесъ попалъ въ зависимость Боспорскаго царства. Но, освободивъ Херсонесъ, Римъ ввелъ въ него свой постоянный гарнизонъ. И легіоны и эскадра Рима во время второй аккупаціи постоянно находились лишь въ Херсонесѣ; въ Боспорскомъ царствѣ лишь временами появлялись вспомогательныя римскія войска для защиты отъ варваровъ.

„Превосходную иллюстрацію“ говоритъ М. И. Ростовцевъ во второй части своего доклада „и вмѣстѣ съ тѣмъ желанное подтвержденіе изложенной гипотезѣ о двухъ эпохахъ военной оккупаціи Таврическаго полуострова римскими войсками даютъ раскопки, произведеныя въ своемъ имѣніи Ай-Тодоръ Е. И. Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Михаиловичемъ“.

Въ 12 верстахъ отъ Ялты, на самомъ гребнѣ Ай-Тодорскаго мыса, по сторонамъ маяка, находящагося на скалѣ, выдающейся въ море, раскопки обнаружили развалины жилищъ греко-римскаго періода. Интересны остатки одной залы, отличающейся особымъ устройствомъ пола съ цѣлью согрѣванія ея горячимъ воздухомъ. Обнаруженъ фундаментъ римской правильной кладки, штукатурка темно-краснаго цвѣта, подвалы, цистерны и вмазанные въ землю горшки.

Часть открытаго поселенія уже обвалилась въ море. Со стороны суши поселокъ былъ укрѣпленъ стѣною изъ каменныхъ плитъ.

Находки, обнаруженныя при раскопкахъ, состояли: изъ бронзовыхъ фибулъ (пряжекъ), костяныхъ издѣлій, остатковъ мраморной статуэтки и рельефнаго изображенія центавра, посуды, черепицъ и, въ большомъ количествѣ, различныхъ монетъ. Двѣ геммы, найденныя внутри ограды, носятъ изображенія: первая—мима въ маскѣ съ лирою въ рукѣ, вторая—нагого юноши съ вѣтвью въ правой рукѣ.

М. И. Ростовцевъ даетъ такія объясненія результатамъ раскопокъ.

Найденные остатки жилищъ представляютъ укрѣпленное военное поселеніе римскаго времени и небольшую крѣпостцу на берегу моря.

Поселеніе внѣ крѣпостной стѣны состояло изъ ветерановъ и лавочниковъ—оно также защищено было особою наружною оградой.

Найденныя въ большомъ числѣ монеты говорятъ ясно, какъ о времени возникновенія такъ и о концѣ существованія крѣпости.

Но драгоцѣнныя указанія даютъ кирпичи, изъ которыхъ было построено зданіе крѣпости.

Кирпичи дѣлались въ Херсонесѣ самими солдатами и носятъ на себѣ особые штемпеля съ указаніемъ названія легіоновъ.

На основаніи всѣхъ данныхъ раскопокъ, М. И. Ростовцевъ пришелъ къ слѣдующимъ интереснымъ выводамъ.

Во время первой оккупаціи въ Херсонесѣ не стояло сухопутнаго войска, въ его превосходной гавани находилась лишь черноморская эскадра. По стратегическимъ соображеніямъ въ царствованіе Императора Веспасіана на городской счетъ выстроена была на Ай-Тодорскомъ мысу солдатами Равенскаго флота крѣпость „Хараксъ". Вопросъ о названіи, которое носила крѣпость, рѣшается на основаніи показаній Птоломея.

Гарнизонъ крѣпости первоначально состоялъ изъ солдатъ указаннаго флота. При Императорѣ Домиціанѣ крѣпость была покинута войсками; во время второй оккупаціи (въ II вѣкѣ) снова заняли ея войска Рима, теперь это были легіонеры I и XI легіона.

Въ III вѣкѣ войска покидаютъ крѣпость, вызванные Римомъ для борьбы съ готами. Къ этому времени и оканчиваетъ свое двухвѣковое существованіе Ай-Тодорское поселеніе „Хараксъ".

Изложивъ результаты серьезной и обстоятельной работы М. И. Ростовцева, невольно поражаешся, какъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ археологіи и исторіи, открытый теперь, послѣ 17 вѣкового забвенія, поселокъ ожилъ вновь передъ нами;— снова мы, видимъ передъ собою, доблестныхъ римскихъ воиновъ, съ высоты скалъ наблюдающихъ за морскою далью, и за окружающей мѣстностью, снова пестрое населеніе предмѣстья крѣпости живетъ передъ нами своей обыденной торговой жизнью.

Такъ передъ могущественной силой науки исчезаютъ преграды, созданныя всесокрушающимъ временемъ.

Первые годы дѣятельности Императорской Археологической Коммиссіи [1]) 1861—1862 гг.

Въ 1861 году раскопокъ новыхъ коммиссія не предпринимала, продолжая изслѣдованіе кургановъ въ Керчь-Еникальскомъ Градоначальствѣ и въ Екатеринославскомъ уѣздѣ.

Въ 1862 году., кромѣ продолжавшихся раскопокъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ и окрестностяхъ Керчи, произведены были изысканія въ южной части западной Сибири, между Семипалатинскомъ и Кульджой.

При Керченскихъ раскопкахъ, на горѣ Митридата, въ нѣкоторыхъ могильныхъ насыпяхъ открыто нѣсколько земляныхъ и каменныхъ гробницъ, большею частью расхищенныхъ.

Наиболѣе интересными были находки: росписная пепельная ваза, золотыя серьги съ рубинами и подвѣсками и глиняная вазочка съ рельефными изображеніемъ дѣтской головки.

На берегу пролива извлеченъ массивный мраморный саркофагъ, стоявшій поперегъ каменнаго склепа и прикрѣпленный къ его стѣнамъ желѣзными скобами, залитыми свинцомъ; на полу галлереи, которая изъ этого склепа вела въ другой, вмѣстѣ съ

[1]) См. кн. № 4. „Изъ области Археологіи".

амфорой и глиняной лампочкой найдена часть мраморной плиты съ греческою надписью, относящейся къ 107 году нашей эры.

При разслѣдованіи большого Песчанаго кургана замѣчено рѣдко встрѣчающееся среди Керченскихъ кургановъ явленіе, а именно: курганъ окруженъ съ сѣверо-восточной и восточной сторонъ глубокимъ рвомъ. Въ виду отсутствія какихъ нибудь находокъ было предположено, что курганъ этотъ имѣлъ не могильное, а какое то иное назначеніе.

На берегу моря по дорогѣ въ Камышъ бурунъ вскрыто 11 кургановъ. Найдено въ нихъ 9 гробницъ, изъ которыхъ уцѣлѣло отъ расхищенія лишь 3.

Находки въ этихъ гробницахъ заключались въ росписныхъ вазахъ, монетѣ города Алеиза, погребальной плитки, обломковъ деревяннаго веретена.

Одинъ изъ открытыхъ скелетовъ отличался необыкновенною величиною, но къ сожалѣнію не могъ быть сохраненъ, т. к. распался при первомъ прикосновеніи.

Скелетъ находился вмѣстѣ съ другимъ, оба они головами были обращены на Востокъ. По бокамъ гробницы стояли двѣ амфоры, рядомъ съ скелетами найдены бронзовые наконечники стрѣлъ, нѣсколько сохранившихся камышевыхъ стержней стрѣлъ, мечъ желѣзный, небольшое бронзовое зеркальцо и пр.

Въ одной изъ расхищенныхъ гробницъ осталась глиняная игрушка—изваяніе дитяти въ колыбелькѣ.

Почти окончательно изслѣдованъ былъ въ 1861 г. знаменитый курганъ Кара-Оба.

На горѣ Юзъ-Оба изслѣдованы два кургана.

Нѣкоторые Курганы этой горы отличаются рѣдкою особенностью: погребенія найдены не въ центрѣ насыпи, а почти у самой подошвы. Къ гробницамъ или катакомбамъ ведетъ особый спускъ, пробитый въ скалистой подошвѣ кургана.

Въ 1862 г., благодаря счастливой случайности, части нѣкоторыхъ кургановъ обвалились при таяніи снѣга и открыли нѣсколько нетронутыхъ гробницъ. Такъ въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ найдена урна съ жжеными человѣческими костями остатки росписныхъ сосудовъ, глиняная лампа съ рельефнымъ изображеніемъ быка.

Производились раскопки и на горѣ Митридата въ сплошной насыпи и на горѣ Юзъ-Оба.

Кромѣ того начаты изслѣдованія и на берегу Керченской бухты. Причиною явилось то, что весною 1862 г., отъ протока дождевыхъ водъ, образовались въ обрывахъ почти отвѣснаго берега расщелины и обнажили отески гробничнаго камня.

Лежащій на продолженіи горы Митридата курганъ заключалъ въ себѣ гробницу изъ цѣльныхъ плитъ известковаго камня. Гробъ оказался простой деревянный, развалившійся на части.

Здѣсь найдены росписныя вазы, монеты, пара кожанныхъ сандалій, превратившихся въ прахъ и др. предметы. Насыпи, прилегающія къ кургану дали двѣ земляныя гробницы.

Невдалекѣ отъ этого кургана разслѣдованъ другой, насыпанный на высокомъ, скалистомъ холмѣ.

Между другими вещами, подъ прахомъ сожженнаго трупа, находилась золотая, сильно поврежденная огнемъ, женская головка.

Сплошная могильная насыпь въ мѣстности близъ золотого кургана, при разслѣдованіи привела къ открытію 13 земляныхъ гробницъ и 2 каменныхъ склеповъ.

Изъ другихъ открытій близъ Керчи еще отмѣтимъ остовъ лошади, головою на сѣверъ, и раздавленный тяжестью кургана (на оконечности Акъ-Бурунскаго мыса), двѣ замѣчательныя мѣдныя бляхи, двѣ цилиндрическихъ трубочки и приборъ для наголовника, 4 бронзовыхъ бляхъ съ шариками, 5 пряжекъ и др. украшенія убранства лошади.

Въ сплошной насыпи, окружающей курганъ къ западу отъ Керчи, черепъ скелета лежалъ на подушкѣ изъ лавровыхъ листьевъ и былъ украшенъ золотымъ вѣнкомъ съ изображеніемъ головы Медузы. На здѣсь же найденныхъ золотыхъ круглыхъ бляхахъ оттиснуто то же изображеніе.

Въ Керченскій музей, состоящій въ вѣдѣніи Императорской Археологической Коммиссіи въ 1861—62 году поступило много находокъ, сдѣланныхъ частными лицами въ окрестностяхъ Керчи.

Раскопки въ Екатеринославской губерніи производились въ 1861 г. въ курганахъ: Острой могилѣ, двухъ Близнецахъ и Каменной; въ 1862 г. въ огромнѣйшемъ курганѣ „Толстая Чертомлыцкая могила.

Курганъ „Каменная могила“ отличается огромнымъ количествомъ камня на его поверхности, самый черноземъ насыпи по твердости напоминаетъ камень. Могила эта оказалась нераззоренною. Этотъ фактъ, въ виду сходства кургана съ другими, заставляетъ предполагать, что расхищеніе могилъ производилось близкими потомками погребенныхъ, которые хорошо знали въ какихъ курганахъ нужно искать желанныя богатства.

На вершинѣ указанной „Толстой могилы“ стояла каменная „баба“ лицомъ къ востоку, Изображаетъ она мужчину въ невысокой шапкѣ, изъ подъ которой опускается что-то вроди косы, въ длинномъ кафтанѣ, укрѣпленномъ каймами. На лѣвомъ боку мечъ, на правомъ родъ колчана.

Раскопана Толстая могила на 7 саженъ отъ вершины кургана. Замѣчено при этомъ искусственое сооруженіе, состоявшее въ томъ, что, сѣверный бокъ кургана, отвѣсный до площади пятой сажени кургана, здѣсь выступалъ почти на сажень и затѣмъ спускался опять отвѣсно до самой подошвы; отвѣсное положеніе сѣвернаго склона замѣчено и въ другихъ курганахъ. Очевидно это былъ одинъ изъ обычаевъ языческихъ вѣрованій древняго человѣка.

Сходство вещей открытыхъ въ Екатеринославской губерніи съ сибирскими было поводомъ къ изслѣдованію кургановъ въ Киргизской степи. Произведенные докторомъ Радловымъ поиски однако были мало удачны, т. к. могилы почти всѣ уже были расхищены искателями кладовъ.

Раскопки кургановъ въ С.-Петербургской губерніи, произведенныя членами Спб. Археологическаго Института въ маѣ 1900 г.

Дѣятельное участіе въ организаціи раскопокъ принимаетъ молодой энергичный художникъ—археологъ Н. К. Рерихъ, шесть лѣтъ уже неутомимо изслѣдующій земляные памятники древности —курганы и жальники Петербургской и сосѣднихъ съ нею губерній. Бѣдные находками курганы и жальники этихъ губерній привлекаютъ вообще мало охотниковъ для ихъ изслѣдованій. И хотя Л. К. Ивановскимъ раскопано до 7000 кургановъ въ предѣлахъ упомянутыхъ губерній, причемъ результатъ этихъ раскопокъ разработанъ извѣстнымъ археологомъ А. А, Спицынымъ, тѣмъ не менѣе остается еще много вопросовъ, которые требуютъ разрѣшенія. Къ числу ихъ принадлежитъ и вопросъ о разселеніяхъ финскихъ и славянскихъ племенъ. Для раскопокъ произведенныхъ Археологическимъ Институтомъ избрана была мѣстность, мало изслѣдованная въ археологическомъ отношеніи, между моремъ и селеніями Гостилицы и Дятлицы Петергофскаго уѣзда СПБургской губерніи. Отъ моря до селенія Гостилицы кургановъ встрѣчено не было. Между указанными селеніями находились группы кургановъ. По внѣшнему виду и по особенностямъ погребеній проф. Н. И. Веселовскій отнесъ эти курганы къ XI—XV вѣкамъ. Курганы эти славянскіе, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены предметы несомнѣнно финскіе. Мѣстность, гдѣ производились раскопки, принадлежитъ къ одной изъ областей (пятинъ) Великаго Новгорода и носила названіе Водской. Названіе это область получила отъ населявшаго ее финскаго племени „Водь“. Интересъ раскопокъ въ мѣсностяхъ поселеній Води увеличивается еще тѣмъ что погребеніе финскихъ племенъ Води и Ижоры неизвѣстны. По мнѣнію Н. К. Рериха открытыя погребенія принадлежатъ къ одному изъ указанныхъ финскихъ племенъ, но находившемуся уже подъ сильнымъ культурнымъ славянскимъ вліяніемъ и почти ославянившемуся.

Находки въ курганахъ состояли какъ изъ обычныхъ при раскопкахъ славянскихъ кургановъ предметовъ открытыхъ Л. К. Ивановскимъ, такъ и изъ разнообразныхъ предметовъ, характеризующихъ финское происхожденіе кургановъ. Найдены перстни съ большими щитиками (до 1 вершка), браслеты, топоры, ножи, нѣсколько бусъ, бубенчикъ, наборныя бляшки для пояса, двѣ монеты: одна регенсбургская, другая, по предположенію Н. К. Рериха, англо-саксонская—обѣ XI вѣка.

Въ изслѣдованной мѣстности находится въ 2 группахъ всего до 100 кургановъ, и жальниковъ; раскопано изъ нихъ до 20 (около 15 кургановъ и 5 жальниковъ). Два кургана стоятъ совершенно уединенными отъ другихъ.

Такимъ образомъ неутомимыя изслѣдованія памятниковъ древности въ Спб. губерніи понемногу приближаютъ археологовъ къ окончательному разрѣшенію вопроса о границахъ славянскихъ и финскихъ племенъ.

Св. Великая княгиня Ольга въ Царьградѣ. Интересный въ

нашей исторіи фактъ пребыванія св. княгини, Ольги въ Константинополѣ въ 955 году получилъ новое и яркое освѣщеніе въ рефератѣ Д.В. Айналова, прочитанномъ въ засѣданіи Императорскаго русскаго Археологическаго Общества 2 Мая. Описаніе пріема, сказочной роскоши императорскаго дворца, празднествъ представляетъ величественную волшебную картину. Основываетъ свой трудъ референтъ только не на письменныхъ памятникахъ, говорящихъ прямо о фактѣ посѣщенія Ольгою Царьграда, но и на сопоставленіи другихъ источниковъ, въ которыхъ говорится о пріемахъ Византійскими императорами высокихъ гостей и пословъ другихъ государствъ.

Явилась св. Ольга въ Царьградъ съ большимъ флотомъ и поэтому, въ виду недовѣрчивости и осторожности тогдашняго правительства княгиня долго прождала разрѣшенія выйти на берегъ, задержанная различными формальностями. Торжественный пріемъ русской княгини назначенъ былъ 9 Сентября въ 4 часа дня согласно особому ритуалу. Пріемъ совершенъ былъ въ наиболѣе роскошномъ залѣ императорскаго дворца съ необыкновенной пышностью. Характеръ церемоній пріема и пышности зависѣлъ по установленному порядку отъ ранга посла. Св. Ольга была принята съ блестящими почестями согласованными съ даннымъ ей титуломъ княгини правительницы Руси. Пріемъ совершался обычно такъ: въ величественный тронный залъ сначала входили группы придворныхъ. Послы появлялись послѣ въ сопровожденіи особыхъ чиновъ двора. По мановеніямъ жезла церемоніймейстера послы должны были падать ницъ. (Провожатые вели ихъ подъ руки и указывали гдѣ это было нужно). Точно также, вѣроятно, поступила и вошедшая въ залъ свита Ольги, состоявшая при первомъ пріемѣ изъ 108 человѣкъ, не считая людей Святослава.

Но русскую княгиню при входѣ въ залъ не вели подъ руки и она не падала ницъ. Вошла въ зало она одна и въ видѣ привѣтствія лишь слегка наклонила голову. Послѣдній фактъ вызвалъ заключеніе о гордости княгини, но онъ указывалъ лишь сознаніе ею высокаго достоинства княгини правительницы и соотвѣтствовалъ церемоніалу. Вообще, за все время пребыванія княгини въ Царьградѣ нѣтъ указанія, чтобы она нарушала чѣмъ нибудь установленный этикетъ византійскаго двора.

По окончаніи церемоніи входа въ тронный залъ слѣдовалъ обмѣнъ пословъ съ императоромъ привѣтственными рѣчами; вести политическіе разговоры въ тронной залѣ было не принято.

Вопросы княгини Ольги также были лишь оффиціальнымъ освѣдомленіемъ о здоровьѣ и пр., точно также какъ и отвѣтъ императора.

Тронный залъ блисталъ волшебною роскошью и представлялъ собою занимательное и поражающее зрѣлище. Существуетъ описаніе удивительнаго по богатству и оригинальности устройства императорскаго трона. Тронъ этотъ носилъ названіе „Трона Соломона". Сдѣланъ онъ былъ весь изъ чистаго золота и усыпанъ драгоцѣнными камнями. Въ видѣ украшеній на немъ были сдѣланы также изъ золота птицы, львы и другія животныя. Передъ трономъ стояли два золотыхъ дерева, на вѣтвяхъ ихъ сидѣли

разныя птицы. По желанію птицы пѣли, звѣри издавали рычанія или ужасающій ревъ, львы поднимались на заднія лапы. Кромѣ того тронъ могъ подниматься кверху. Всѣ эти приспособленія имѣли цѣлью внушить не только уваженіе, но и страхъ варварамъ передъ могуществомъ Византіи.

Наши лѣтописи отмѣчаютъ эти зрѣлища общимъ названіемъ „хитрости Царьграда".

Среди извѣстныхъ, до сихъ поръ, памятниковъ греческой археологіи, нѣтъ до сихъ поръ подобнаго описанному трону и единственный рисунокъ его находится въ одной латинской рукописи XVI вѣка.

По окончаніи бесѣды вносятъ подарки чужестранцевъ и затѣмъ они удаляются, провожаемые рычаніемъ львовъ, пѣніемъ птицъ, и звуками органа.

Княгиня Ольга изъ зала проследовала въ покои императрицы, которая приняла ее, также сидя на тронѣ, и при звукахъ музыки. Бесѣдою съ императрицею закончилось торжество пріема.

Вечеромъ того же дня княгиня была приглашена въ интимный кругъ семьи императора и здѣсь уже, безъ свиты, въ присутствіи одного переводчика вела свободный разговоръ съ членами царской семьи.

На слѣдующій день, согласно обычному ритуалу, во дворцѣ состоялся торжественный обѣдъ въ честь княгини Ольги.

Во время обѣда Ольгѣ былъ поднесенъ подарокъ—большое золотое блюдо, украшенное драгоцѣнными камнями. Появилась къ обѣду св. Ольга изъ внутреннихъ покоевъ, вмѣстѣ съ царицею Сидѣла она сбоку отъ трона, съ дамами I ранга.

Во время обѣда по установленному порядку игралъ органъ, пѣлъ хоръ пѣвчихъ и пр. Хотя и не говорится въ описаніяхъ пребыванія Ольги въ Царьградѣ, но по аналогіи и описаніямъ пріема одного посла въ 946 г. послѣ обѣда высокіе хозяева занимали гостей различными зрѣлищами: мимы, акробаты, бойцы, скоморохи и т. д. показывали свое искуство.

Второй торжественный пріемъ Ольги былъ 18 октября. Окружена она была на этотъ разъ свитою въ 106 человѣкъ. Обѣдъ въ 2 залахъ дворца отличался отъ перваго. Княгиня обѣдала съ императрицею и дѣтьми. Императоръ же въ другомъ залѣ обѣдалъ съ родственниками и мужской свитой княгини.

И въ этотъ разъ Ольга получила богатые подарки.

Во время пребыванія своего въ Царьградѣ св. Ольга была уже христіанкой, есть указаніе, что при ней находился „попъ Григорій".

Долго проживъ въ Константинополѣ она, вѣроятно, осматривала его достопримѣчательности.

Пышная поѣздка русской княгини въ Византію была весьма важной по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ неминуемо должна была оказать сильное вліяніе на культуру древней Руси.

Предстоящій двѣнадцатый археологическій съѣздъ. Подготовительные работы къ имѣющему быть въ Харьковѣ въ 1902 году Археологическому съѣзду дѣятельно ведутся москов-

скимъ предварительнымъ комитетомъ. Комитетъ этотъ состоитъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича. Предсѣдателемъ комитета избрана графиня П. С. Уварова, энергично продолжающая дѣло своего покойнаго мужа, такъ много сдѣлавшаго для развитія русской археологіи. Изъ недавно вышедшей брошюры о дѣятельности комитетовъ видно, что въ составъ комитета входятъ секретарь В. К. Трутовскій и 102 члена—депутаты правительственныхъ и общественныхъ ученыхъ учрежденій: Въ число ихъ входятъ многіе извѣстные представители русской археологической науки Д. Н. Анучинъ, Д. И. Багалѣй, Н. Е. Бранденбургъ, В. А. Городцовъ, Д. И. Иловайскій, А. А. Павловскій, С. Ѳ. Платоновъ, Н. В. Покровскій, И. В. Цвѣтаевъ, А. И. Соболевскій, и др. Встрѣчаются имена представителей русскаго искусства: В. М. Васнецова и В. В. Суслова. Много депутатовъ правительственныхъ архивовъ и губернскихъ архивныхъ коммиссій; назовемъ князя Н. В. Голицына, барона М. Ф. Мейендорфа, Д. Я. Самоквасова и мн. др. Вопросы объ улучшеніяхъ въ архивномъ дѣлѣ въ Россіи займутъ мѣсто въ спеціальной девятой секціи „памятники археографическіе".

Въ засѣданіяхъ предварительнаго комитета съѣзда выработана была программа и правила съѣзда, а также выяснены были тѣ вопросы, на которые желательно было бы получить на съѣздѣ отвѣты.

Время занятій съѣзда предположено съ 15 по 27 Августа 1902 года. Совѣтъ съѣзда откроетъ свои дѣйствія за день до открытія съѣзда; съѣздъ будетъ раздѣленъ на 9 секцій: I древности первобытія II древности историко-географическія и этнографическія III памятники искусствъ, художествъ, нумизматики, и сфрагистики, IV бытъ хозяйственный, домашній, юридическій общественный и военный V древности церковныя VI памятники языка и письма VII древности классическія, восточныя, византійскія и западно-европейскія VIII древности славянскія и IX памятники археографическіе.

При съѣздѣ предполагается устройство выставки по предметамъ съѣзда.

Въ нее войдутъ предметы какъ эпохи доисторической, такъ и историческіе и этнографическіе. Послѣдніе должны заключать въ себѣ матеріалы по исторіи культуры южно русской народности, съ цѣлью отмѣтить видоизмѣненія культуры подъ вліяніемъ географическихъ перемѣнъ, пережитки старины и вліяніе сосѣднихъ народностей.

По вопросу о языкахъ, на которыхъ будутъ вестись засѣданія, Комитетъ постановилъ: ученый комитетъ, въ случаѣ пріѣзда иностранныхъ ученыхъ, можетъ назначать засѣданія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Проф. Н. И. Дашкевичъ (изъ Кіева) сдѣлалъ письменно весьма симпатичное предложеніе о собраніи остатковъ стараго казацкаго эпоса (думы), свѣдѣній о послѣднихъ кобзаряхъ, а также древнихъ историческихъ легендъ и преданій.

На второмъ засѣданіи предварительнаго комитета графинею Н. С. Уваровою отмѣчено было крайне энергичное и сочувственное отношеніе къ дѣлу съѣзда со стороны Харьковскаго Городского Общественнаго Управленія. До сихъ поръ явленіе это въ чисто русскихъ городахъ замѣчается впервые.

Проф. Д. И. Багалѣй выяснилъ проэктъ организаціи мѣстнаго подготовительнаго органа съѣзда. Во главѣ его будетъ стоять совѣтъ харьковскаго университета, какъ бы коммисіей при немъ явится харьковскій предварительный комитетъ.

Желательнымъ до съѣзда признано, для полноты археологической выставки произвести изысканія, какъ въ Харьковской, такъ и въ сосѣднихъ съ ней Курской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Таврической (сѣверной части) и въ областяхъ Войска Донского и Кубанской. Въ частности признано необходимымъ:

а) произвести изслѣдованіе кургановъ съ каменными бабами.

б) выяснить вопросъ о способѣ погребенія у кочевниковъ.

г) изслѣдовать городища Донецкаго бассейна. Особенно интересно городище Донецъ, гдѣ останавливался по лѣтописямъ Игорь кн. Сѣверскій послѣ бѣгства отъ половцевъ.

д) совершить экскурсіи для изученія церковныхъ древностей и археографическихъ памятниковъ.

е) составить археологическія карты: Харьковской, Курской, Воронежской, Орловской и Полтавской губ. и Кубанской области и т. д.

Изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе съѣзда отмѣтимъ:

А. С. Раевскаго. „Проектъ сѣти археологическихъ учебныхъ заведеній и ихъ нормальнаго учебнаго плана" В. М. Сысоева. „Каменныя бабы въ предѣлахъ Кубанской области" — „Сводъ историческихъ данныхъ о Тьмутараканскомъ княжествѣ", Д. И. Багалѣя „Исторія города Харькова", Н. А. Максимейко, „Исторія землевладѣнія въ Слободской украйнѣ и у донскихъ казаковъ", В. Ѳ. Миллера. „Народный эпосъ на Бѣломъ морѣ". Загадочная личность Ильи Муромца служитъ также темою нѣсколькихъ рефератовъ.

Вопросы объ архивахъ, о наилучшемъ устройствѣ ихъ, о централизаціи ихъ управленія, горячо обсуждавшіеся на XI съѣздѣ и на харьковскомъ занимаютъ не послѣднее мѣсто.

И. М. Каманинымъ представлено три доклада: Возможно ли при централизація управленія архивами, централизація общая въ государствѣ историческаго матеріала?

Что должны заключать въ себѣ областные архивы и общій государственный?

Нужны ли особые губернскіе центральные архивы для болѣе новыхъ дѣлъ?

Масса представленныхъ уже матеріаловъ говоритъ за тотъ большой научный интересъ, который ожидается отъ работъ XII археологическаго съѣзда, въ особенности при изслѣдованіи старины нашихъ южныхъ губерній.

А. Мироновъ.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

„Русская Школа“, Мартъ, Апрѣль. „О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи“, проф. Н. И. Карѣева. Въ началѣ своей статьи проф. Карѣевъ возбуждаетъ, кажущійся весьма страннымъ, вопросъ, какой именно періодъ всемірной исторіи слѣдуетъ предварительно изучать въ средней школѣ: средніе вѣка или древній міръ (греко-римскій)? Онъ приводитъ мнѣніе проф. Виперта, который настаиваетъ на томъ, что въ преподаваніи исторіи нужно держаться не хронологическаго порядка, случайнаго, а порядка общественной эволюціи, переходя отъ болѣе простого, и потому болѣе доступнаго пониманію учениковъ, къ болѣе сложному и требующему большаго знанія и пониманія. Съ этимъ мнѣніемъ Виперта авторъ вообще соглашается, но находитъ аргументацію его какъ разъ въ примѣненіи къ среднимъ вѣкамъ неустойчивою. Такъ, самъ Випертъ говоритъ, что въ средне-вѣковой Европѣ сочетанія общественныхъ формъ разнообразнѣе, политическое объединеніе охватываетъ бо́льшія и болѣе пестрыя по устройству территоріи, что въ среднихъ вѣкахъ заложено основаніе нашему современному, новоевропейскому міру. Слѣдовательно, по Виперту же выходитъ, что школѣ трудно будетъ справляться съ средними вѣками, какъ начальнымъ курсомъ изученія исторіи. Вопросъ этотъ, вообще, намъ потому кажется страннымъ, что мы изъ статьи Карѣева не видимъ, что заставило его возбуждать такой вопросъ. Онъ удѣляетъ ему слишкомъ много мѣста, тогда какъ надлежащая „постановка курса исторіи“ въ школѣ только и представляетъ существенный интересъ. На сколько эта постановка не удовлетворительна теперь, достаточно указать на учебникъ Иловайскаго, который къ удивленію, до сего времени не изъятъ изъ употребленія въ школахъ. Учебникъ Иловайскаго очень незначительно отличается отъ учебника блаженной памяти Кайданова, которому въ одной изъ книжекъ „Русской Школы“ дана очень мѣткая характеристика. Кайдановъ (говоритъ авторъ) излагаетъ предметъ совсѣмъ просто: „Каждый новый правитель находитъ государство въ жалкомъ положеніи и доводитъ его до процвѣтанія; но... жаль, онъ умираетъ, и государство опять въ жалкомъ положеніи“.

Хотя практическій вопросъ о преподаваніи исторіи въ школѣ стоитъ неподвижно, но нельзя не замѣтить, что люди науки стремятся поднять этотъ вопросъ и разработать его. Однако взгляды ихъ по этому предмету еще далеки отъ полнаго согласованія. Такъ, проф. Петрушевскій относится отрицательно къ преподаванію исторіи съ точки зрѣнія всемірно-исторической, находя, что въ развитіи отдѣльныхъ народовъ не существуетъ близкаго соприкосновенія: не весь родъ человѣческій, а только отдѣльные народы проходятъ отдѣльныя стадіи культурной и соціальной эволюціи. Если согласиться съ такимъ взглядомъ, то отпадаетъ всякое основаніе начинать изученіе исторіи съ среднихъ вѣковъ. Древній міръ представляется для изученія даже проще средневѣковаго. Исторія древняго міра почти не выходитъ изъ національныхъ рамокъ каждаго отдѣльнаго государства; политическое и культурное взаимодѣйствіе отдѣльныхъ странъ являлось тогда крайне слабымъ. И проф. Карѣевъ, повидимому, предпочитаетъ остаться при существующемъ порядкѣ изученія исторіи — въ послѣдовательности періодовъ. Но относительно изложенія исторіи каждаго періода въ частности, онъ вырабатываетъ новую систему и тѣмъ самымъ идетъ на встрѣчу давно назрѣвшей потребности поставить этотъ предметъ изученія на надлежащую высоту. Система его заключается въ томъ, чтобы каждый періодъ былъ изложенъ не только по эпохамъ, но и по странамъ. Онъ разсматриваетъ всѣ существующія руководства къ изученію средневѣковой исторіи въ школѣ и опредѣляетъ, на сколько они отвѣчаютъ его системѣ. Признавая возможнымъ раздѣлить руководства на восемь типовъ, онъ беретъ изъ каждаго типа по одному наиболѣе характерному образцу и располагаетъ эти образцы въ порядкѣ убывающей синхронистичности: Гуревичъ, Иващенко, Ивановъ, Иловайскій, Беллярминовъ, Виноградовъ, Голяшкинъ-Успенскій и Шульгинъ. Оказывается, такимъ образомъ, что Гуревичъ изложеніе средневѣковой исторіи ведетъ преимущественно по вѣкамъ, такъ какъ, по его мнѣнію, относительно среднихъ вѣковъ, по разнообразію входящихъ въ нихъ фактовъ, трудно составить правильное представленіе о послѣдовательномъ ходѣ исторіи каждаго государства въ отдѣльности за это время. Шульгинъ же, наоборотъ, весь курсъ посвящаетъ изложенію исторіи главныхъ странъ, ограничиваясь въ концѣ краткимъ общимъ обзоромъ всего періода.

Ни тотъ, ни другой пріемъ, съ точки зрѣнія г. Карѣева, несостоятеленъ, авторы же смѣшаннаго пріема сами не выдерживаютъ строго этого пріема. По мнѣнію проф. Карѣева, весь матеріалъ исторіи среднихъ вѣковъ должно сводить къ слѣдующимъ категоріямъ: 1) исторія международныхъ отношеній, 2) исторія церкви, 3) исторія средневѣковой культуры, 4) исторія основныхъ формъ общественнаго быта, и 5) исторія отдѣльныхъ странъ. Затѣмъ, въ основаніе дѣленія среднихъ вѣковъ на періоды слѣдуетъ положить исторію международныхъ отношеній. Первый періодъ — распаденіе Римской имперіи и выступленіе германскихъ народовъ второй — выступленіе арабовъ и образованіе мусульманскаго міра

третій—монархія Карла Великаго, четвертый—раздѣленіе церквей и выступленіе славянскихъ народовъ, пятый—крестовые походы шестой — переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени Дѣйствительно, лучшей схемы, какъ данная проф. Карѣевымъ изобрѣсти пока трудно, но потому то мы и предрекаемъ ей полнѣйшій неуспѣхъ.

На этотъ разъ статья проф. Карѣева не страдаетъ тѣмъ недостаткомъ (многословіемъ), который въ другихъ случаяхъ присущъ этому автору. Только сраженіе его съ Випертомъ является лишнимъ. Вообще же статья эта дѣльная, практически могла бы быть полезной, если бы былъ поднятъ вопросъ объ измѣненіи преподаванія въ школѣ исторіи, и заслуживаетъ вниманія не однихъ профессіональныхъ педагоговъ. Только въ виду этой послѣдней цѣли мы ее и отмѣчаемъ.

„Средняя школа въ Россіи тридцать лѣтъ назадъ“, проф. В. А. Бильбасова. „Не дается намъ средняя школа. Это большое для насъ горе“. Такъ начинаетъ проф. Бильбасовъ. Въ статьѣ своей онъ преимущественно останавливается на той острой борьбѣ, которая у насъ съ начала 60-хъ годовъ велась между классическимъ и реальнымъ образованіемъ. Классицизмъ побѣдилъ. Неизвѣстно—надолго-ли? Можетъ быть онъ изломаетъ еще предстоящихъ четыре поколѣнія, а можетъ—ограничится однимъ. Водвореніе классическаго абсолютизма въ русской школѣ обязано совершеннѣйшей случайности. Въ 1861 г., съ назначеніемъ Головнина министромъ народнаго просвѣщенія, вопросъ о средней школѣ былъ поставленъ на очередь. По существовавшимъ примѣрамъ заграницей, гимназіи были раздѣлены на классическія и реальныя съ предоставленіемъ имъ одинаковыхъ правъ, въ томъ числѣ и на поступленіе въ университеты. Вдругъ взглядъ на такое равенство школъ измѣнился (въ 1866 г.), и достаточно было замѣны Головнина гр. Дм. Толстымъ, чтобы вся учебная система, не имѣвшая время проявить своей жизнеспособности окончательно рухнула. Въ этомъ разрушеніи Толстой заявилъ себя лихорадочной поспѣшностью. „Особое Присутствіе для разсмотрѣнія проектовъ по части народнаго образованія“, учрежденное 11 марта 1871 г., немедленно приступило къ разсмотрѣнію проектовъ гр. Толстого. 30 іюля 1871 г. вышелъ новый уставъ (классическихъ) гимназій и прогимназій, а 15 мая 1872 г. было обнародовано положеніе о реальныхъ училищахъ. Проф. Бильбасовъ достаточно подробно излагаетъ обсужденіе въ Присутствіи этихъ проектовъ. Сторонникъ ихъ, гр. Строгановъ, формулировалъ въ Присутствіи содержаніе проектовъ въ трехъ положеніяхъ: 1) Гр. Толстой признаетъ только одно общее образованіе—классическое и, отвергая возможность всякаго дуализма, не допускаетъ, чтобы естественныя науки могли имѣть общеобразовательное значеніе; гр. Толстой считаетъ общеобразовательными учебными заведеніями исключительно только классическія гимназіи съ двумя древними языками и упраздняетъ нынѣшнія реальныя гимназіи, какъ устроенныя на ошибочномъ основаніи, и 3) гр. Толстой, взамѣнъ реальныхъ гимназій, учреждаетъ реальныя училища нѣсколькихъ родовъ,

полагая ввести въ нихъ параллельно общее образованіе и спеціальные курсы. „Эти три положенія возбудили жаркія пренія, причемъ гр. Толстой, не щадя ни себя, ни своей almae matris, горячо защищалъ свои личныя убѣжденія. На шутливое замѣчаніе гр. Панина, что, на основаніи этихъ положеній, Александровскій лицей, воспитавшій гр. Толстого, ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть признанъ классическимъ, даже безъ каламбура — гр. Толстой пожалѣлъ, что не ему былъ предоставленъ выборъ училища, его воспитавшаго. Болѣе ѣдкое замѣчаніе Чевкина, что гр. Толстой, не бывъ ни въ классической гимназіи, ни въ университетѣ, признаетъ, однако, себя, способнымъ быть и оберъ-прокуроромъ и министромъ, вызвало со стороны гр. Толстого откровенное признаніе, что, получивъ классическое образованіе, онъ, конечно, лучше бы исполнялъ возлагаемыя на него государемъ обязанности. Только на одно замѣчаніе гр. Литке онъ не нашелся что отвѣтить: указывая, что Европа заимствовала свое образованіе отъ греко-римскаго міра, а мы отъ Европы, гр. Литке замѣтилъ, что мы не можемъ быть ровесниками своихъ отцовъ, ни сыновьями своихъ дѣдовъ". За проекты гр Толстого однако высказались 8 членовъ Присутствія: гр. Строгановъ, наслѣдникъ цесаревичъ, Александръ Александровичъ, принцъ Ольденбургскій, Валуевы, гр. Путятинъ, Титовъ, кн. Урусовъ, гр. Толстой. и противъ проектовъ гр. Литке, гр. Панинъ, Чевкинъ, Милютинъ, Головнинъ и Гротъ; министръ финансовъ Грейгъ остался при особомъ мнѣніи. Въ Государственномъ Совѣтѣ за проекты высказалось меньшинство, но они были всетаки санкціонированы.

Послѣ того еще восемь лѣтъ оставался Толстой министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ былъ уволенъ въ страстную пятницу, 18 апрѣля 1880 г. Гр. Лорисъ-Меликовъ, представляя государю программу дѣятельности Верховной распорядительной комиссіи, указалъ, между прочимъ, на необходимость уволить гр. Толстого вслѣдствіе „крайняго раздраженія общества, особенно отцовъ и матерей, на министра народнаго просвѣщенія". Прибавимъ, что гр. Толстой въ томъ же году баллотировался въ гласные рязанскаго губернскаго земства и былъ забаллотированъ.

Авторъ статьи, указывая вообще на ошибочность системы средняго образованія, введенной гр. Толстымъ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Независимо отъ классическихъ гимназій, дающихъ общее образованіе, приготовляющихъ къ университету и употребляющихъ для умственнаго развитія своихъ воспитанниковъ преимущественно древніе языки и математику, намъ нужны еще реальныя училища, дающія равнымъ образомъ общее образованіе, приготовляющія къ спеціальнымъ высшимъ училищамъ и употребляющія для умственнаго развитія своихъ воспитанниковъ преимущественно математику, языки отечественный и иностранные и естествовѣденіе. Такая двойственность системы, по мнѣнію автора, вызывается соображеніями, чисто практическими. „Древніе языки даютъ уму такую здоровую гимнастику, которая превосходна

приготовляетъ его ко всякой другой, не только отвлеченной, но даже реальной работѣ. Только классическое образованіе въ обширномъ смыслѣ слова, только то, что на западѣ разумѣютъ подъ humaniora, human learning, humanités, способно должнымъ образомъ сформировать государственный умъ, создать ученаго, развить философа. И въ государственныхъ людяхъ и въ передовыхъ двигателяхъ наукъ, и въ великихъ мыслителяхъ крайне нуждается государство. Это—соль земли. Для приготовленія ихъ необходимы классическіе курсы, требующіе обезпеченнаго досуга для продолжительныхъ и усидчивыхъ занятій". Это мѣсто статьи выражаетъ вполнѣ точно мысль самого гр. Толстого о классическомъ образованіи, и почему авторъ относится отрицательно къ системѣ гр. Толстого — непонятно. Далѣе: „Кромѣ *соли*, государству не менѣе нужны и просто образованные люди. Въ арміи народной интеллигенціи весьма нужны вожди, предводители, но не менѣе нужны и рядовые дѣятели. Ихъ значительное большинство, и имъ не по силамъ классическое образованіе, ни по времени, ни по средствомъ". Такой взглядъ проф. Бильбасова выражаетъ существующее ходячее представленіе о необходимости, будто бы, подраздѣленія общаго образованія. Противъ такого взгляда нечего было бы возразить, если бы только родители или воспитатели обладали способностью предвидѣть, изъ какого десятилѣтняго „мальчика въ штанахъ" выйдетъ государственный умъ или философъ, *соль*, и изъ какого—рядовой дѣятель. Остается единственный руководящій критерій—*средства*. Это—могучій критерій, но, кажется, его не выражалъ вслухъ даже гр. Толстой, создавая дуализмъ средняго образованія. Пироговъ въ своихъ педагогическихъ статьяхъ говорилъ, что намъ нужны прежде всего не юристы, не врачи, не солдаты, а намъ нужны образованные люди... для которыхъ и средняя школа нужна только одна.

„Историческій Вѣстникъ", май. „Безобразный поступокъ Вѣка", П. И. Вейнберга. Едва ли многіе читатели знаютъ, что „Вѣкомъ" назывался еженедѣльный журналъ, основанный въ 1861 г. въ Петербургѣ при участіи Безобразова, Кавелина и Дружинина г. Вейнбергомъ. Журналъ въ февралѣ того же года имѣлъ уже 5000 подписчиковъ, а въ февралѣ 1862 г. у него оказалось.....192! Явленіе поразительное и небывалое въ лѣтописяхъ руской журналистики. Изданіе было начато, что называется, по-американски, безъ всякихъ средствъ, но журналъ обратилъ на себя вниманіе и публики и печати. Публика, какъ мы видимъ, пошла на встрѣчу изданію, передовая печать отнеслась къ нему сочувственно и даже юмористическая вышучивала его въ безобидной формѣ. Добролюбовъ въ „Свисткѣ" написалъ о немъ цѣлое шутливое стихотвореніе:

„Зрѣетъ все, что было зелено,
Правдѣ зиждется престолъ.
Вѣкъ Дружинина, Кавелина,
Безобразова пришелъ.
Вѣкъ Пожарскаго и Минина,

Дружбу князя съ мясникомъ,
Вѣкъ Дружинина, Кавелина
Возврати намъ цѣликомъ.
Вѣкъ счастливый Безобразова
Бѣдняка обогатитъ,
Зрячимъ сдѣлаетъ безглазаго
И банкруту дастъ кредитъ", и т. д.

Словомъ, съ „Вѣкомъ" началась новая эра въ обществѣ, а для издателей широкое поприще дѣятельности и всяческая неисчерпаемая благодать. И вдругъ въ одно прекрасное издательское утро весь этотъ „городъ на горѣ" былъ разрушенъ безъ остатка тѣми же силами, которыя способствовали его сооруженію. „Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя"! А погибель „Вѣка" таилась на 2000—верстномъ разстояніи отъ Петербурга—въ гор. Перми. Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" Краевскаго появилась корреспонденція, въ которой разсказывалось о музыкально-литературномъ вечерѣ, состоявшемся въ Перми. Корреспондентъ съ торжественнымъ пафосомъ описывалъ участіе въ этомъ вечерѣ жены статскаго совѣтника Толмачевой, „высокаго роста дамы, съ очень красивою, эффектною и замѣчательно выразительною наружностью"; эта дама выступила на эстраду и прочла передъ публикою „Египетскія ночи" Пушкина. „Большіе глаза г-жи Толмачевой то разгорались, то меркли и погасали; все лицо ея измѣнялось безпрестанно, принимая то нѣжно страстное, то горделиво вызывающее выраженіе. Стихъ, слѣдующій за предложеніемъ Клеопатры купить ночь ея цѣною жизни,—извѣстный стихъ—„И взоръ презрительный обводитъ вокругъ поклонниковъ своихъ"—прочитанъ былъ дѣйствительно съ такимъ выраженіемъ презрѣнія и злой насмѣшки, молодая женщина такимъ взоромъ обвела при этомъ безмолвную толпу, что, будь это въ театрѣ, зала, навѣрно, потряслась бы отъ аплодисментовъ". Корреспондентъ въ этомъ подвигѣ дамы изъ Перми усмотрѣлъ высшую степень женской эмансипаціи. Не такъ посмотрѣлъ на этотъ *подвигъ* журналъ „Вѣкъ". Камень Виногоровъ (псевдонимъ Петра Вейнберга) въ фельетонѣ „Вѣка" подъ заглавіемъ „Русскія диковинки" вышутилъ и корреспонденцію „СПБ. Вѣдомостей" и пермскій вечеръ: „О, ораторъ, реформаторъ и эмансипаторъ! Ваше слово смѣло, ново, мадамъ Толмачева! Теперь статьи Стюарта Милля и Михайлова оказываются совершенно безполезными, дѣло освобожденія началось, русская дама явилась передъ публикой въ видѣ Клеопатры! Не прочитаетъ ли она еще другое стихотвореніе Пушкина „Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ"? При чтеніи его можно еще лучше принимать вызывающее выраженіе и дѣлать еще болѣе выразительные жесты. Ужъ, коли эмансипироваться, такъ до конца! Зачѣмъ останавливаться на полдорогѣ? Въ фельетонъ вкрались и еще кое-какія неосторожныя выраженія, которыя въ другое время и при другихъ условіяхъ не привлекли бы ничьего вниманія, но тогда изъ за нихъ именно сыръ-боръ и загорѣлся. Съ первымъ протестомъ противъ фельетона выступилъ,

какъ и подобало, главный и самый ярый пропагандистъ женской эмансипаціи, М. Л. Михайловъ, который въ горячемъ отзывѣ осудилъ фельетонъ Виногорова, назвалъ его клеветникомъ, извратившимъ смыслъ чтенія, оскорбляющимъ всѣхъ русскихъ женщинъ и преступнымъ. Отзывъ Михайлова въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" такъ и былъ озаглавленъ „Безобразный поступокъ Вѣка". Вслѣдъ за „СПБ. Вѣдомостями" возстала противъ „Вѣка" вся пресса, а за прессой и вся публика. Редакція смутилась, члены ея отшатнулись отъ преступнаго Вейнберга и *благоразумно* удалились отъ соиздательства и сотрудничества, оставивъ г. Вейнбергу на память 10000 р. долга.

Явилась даже депутація въ редакцію.

— Вы Камень Виногоровъ? спросили у Камня.

— Я Камень Виногоровъ.

— Вы писали фельетонъ „Русскія диковинки"?

— Я писалъ фельетонъ „Русскія диковинки".

— Вы оскорбили г-жу Толмачеву. Въ лицѣ ея оскорблена вами женщина вообще, оскорблено все либеральное движеніе нашего общества, и мы требуемъ, чтобы вы публично принесли покаяніе, заявили печатно, что вы признаете себя презрѣннымъ человѣкомъ. Камень Виногоровъ уклонился отъ выполненія этого требованія

— Въ такомъ случаѣ, вы поплатитесь за это и даже, можетъ быть, своею жизнью.

Большая часть долга приходилась типографіи фирмы Безобразова, крупнѣйшимъ компаніономъ которой былъ соиздатель „Вѣка", Безобразовъ. Г. Вейнбергъ долго выплачивалъ долгъ свой этой фирмѣ, продолжая оставаться съ Безобразовымъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Въ этомъ эпизодѣ лучше всего эти „самыя лучшія отношенія" между Вейнбергомъ и Безобразовымъ.

„Вѣстникъ Европы" май. „Очерки далекаго прошлаго" Н. Крылова. При появленіи майской книжки „Вѣстникъ Европы" наша печать какъ ежедневная, такъ и ежемѣсячная, не нашла въ статьѣ г. Крылова ничего иного, какъ привести изъ нея брошенное вскользь авторомъ замѣчаніе о гр. Л. Толстомъ, какъ послѣдній въ бытность свою въ 14-й бригадѣ (во время крымской компаніи) заявилъ себя ѣздокомъ, весельчакомъ и силачомъ: онъ выдерживалъ на вытянутыхъ рукахъ мужчину въ пять пудовъ вѣсомъ, перетягивалъ всѣхъ на палкѣ и разсказывалъ остроумные анекдоты, неудобные для печати. Кромѣ этихъ пяти строкъ о гр. Толстомъ въ этой статьѣ больше ничего не говорится. Видимо, и самъ авторъ не придаетъ этимъ своимъ словамъ какой нибудь особой важности. Человѣкъ совершенно безхитростно разсказываетъ о вещахъ интересныхъ и неинтересныхъ, сообщаетъ „изъ далекаго прошлаго" то, что онъ помнитъ. Вспомнилъ о гр. Толстомъ, и о немъ сказалъ пять строкъ. Гр. Толстой очень крупная величина, но ни жизнь, ни литература на немъ не клиномъ сошлись. Воспоминанія автора касаются явленій прошедшей жизни, непотерявшихъ интереса очень большой важности и для нашего времени. Онъ вспоминаетъ о томъ, какъ подготовлялась крестьян-

ская реформа и какъ къ слухамъ о ея приближеніи относились въ разныхъ углахъ Россіи. Онъ начинаетъ воспоминанія съ 1857 г. и захватываетъ событія послѣ 1861 г. Остановимся только на томъ, что наиболѣе характерно и въ печати еще не встрѣчалось.

Крестьяне къ слухамъ о волѣ сначала относились крайне недовѣрчиво, а потомъ чуть не каждый началъ истолковывать эту волю по своему. Въ одномъ селѣ барскіе мужики толковали, что они выслужили господамъ 333 года, и вотъ царь дѣлаетъ ихъ вольными; вмѣсто нихъ господамъ дастъ государственныхъ крестьянъ ухо-на-ухо-если русскіе мужики, а если мордва, то полтора мордвина будетъ засчитываться за одного мужика. Одинъ старикъ подробно передалъ проповѣдь священника о Ноѣ и его сыновьяхъ и съ убѣжденіемъ подчеркнулъ, что мужики идутъ отъ Хама, непокорнаго сына, а господа происходятъ отъ покорныхъ сыновей, а потому не надо вѣрить вздору, никакой воли быть не можетъ. Слухамъ о бунтахъ крестьянъ многіе помѣщики не вѣрили и даже смѣялись какъ надъ вымысломъ. Они основательно разсуждали: „Если крестьяне не бунтовали у тирановъ и изверговъ, то будутъ ли они бунтовать при ожиданіи воли". Къ слуху о томъ, что „Особый Комитетъ" для выработки плана къ освобожденію крестьянъ ведетъ дѣло въ совершенномъ секретѣ только потому, что боится бунта, относились недовѣрчиво. Въ извѣстномъ рескриптѣ 1857 г. генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ страшное слово „воля" было замѣнено выраженіемъ „улучшеніе быта крестьянъ". Въ чемъ состояло это улучшеніе— никто даже смутно себѣ не представлялъ, и одинъ изъ помѣщиковъ завелъ въ своей конторѣ дѣло подъ заглавіемъ: „Улучшеніе быта крестьянъ или ухудшеніе быта помѣщиковъ". Какъ извѣстно, по возникновеніи вопроса о „волѣ" помѣщики тотчасъ раскололись на двѣ части—либераловъ и крѣпостниковъ. „Очертить характеръ тѣхъ и другихъ, говоритъ авторъ, я не берусь; какъ въ той, такъ и въ другой партіи были умные и недалекіе, старые и молодые, серьезные и легкомысленные, словомъ—и въ той и въ другой была смѣсь. Нельзя было раздѣлить эти партіи ни по образованію, ни по воспитанію, ни по характеру, ни по жизни. Какъ среди крѣпостниковъ были скупые и тароватые, такъ и между либералами встрѣчались такіе, у которыхъ были запасы денегъ и хлѣба, а у другихъ одни долги, и имѣнія ихъ висѣли на волоскѣ. Были и такіе межеумки, которыхъ трудно было опредѣлить, къ какой партіи они принадлежали. Были и такіе увлекающіеся, которые сами не знали, что изъ нихъ завтра будетъ, и они, смотря по минутному влеченію, принадлежали то къ одной, то къ другой партіи. Самые непріятные были политиканы; они держали носъ по вѣтру, и нѣкоторые изъ нихъ были очень чутки, чтобы отгадывать, откуда вѣтеръ дуетъ". Проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ появилось въ это время множество. Одинъ помѣщикъ сочинилъ такой проектъ, что читалъ его болѣе часа, и все дѣло сводилось къ тому, чтобы и послѣ воли мужики непремѣнно снимали шапки передъ господами. Авторъ замѣчаетъ, что въ большинствѣ случаевъ не было твердой выработки взгля-

довъ и характеровъ, какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. Но огромное воспитательное значеніе внесла печать, послѣ того, какъ ей дозволено было обсуждать дѣло освобожденія крестьянъ. Въ то время говорили, что нѣкоторую свободу для печати испросилъ у государя великій князь Константинъ Николаевичъ. Замѣчательно, что и послѣ свободы, данной печати, находились люди, которые утверждали, что хотя печатать о волѣ можно, но говорить нельзя, и были попытки со стороны усердныхъ охранителей, изъ простого разговора съ крестьянами сдѣлать подговоръ къ неповиновенію или даже къ бунту. Про одного губернатора авторъ разсказываетъ, что для получаемыхъ изъ Петербурга секретныхъ распоряженій онъ ввелъ канцелярскую терминологію: „тайно", „строго-секретно", „секретно", „конфиденціально", „довѣрительно", „не гласно". Вообще, авторъ подробно описываетъ, что творилось въ то время въ помѣщичьей средѣ и чиновныхъ сферахъ въ провинціи, что за чадъ стоялъ въ то время и какихъ только бревенъ не бросала провинція Петербургу, чтобы затормозить дѣло освобожденія. „Если теперь, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ освобожденія, не исчезъ еще чадъ крѣпостничества, то можно представить, что было въ 1858 г. „Между тѣмъ, положеніе крестьянъ того времени достигло кульминаціонной точки разоренія; народъ опустился ниже скота. „Одному французу—путешественнику пришлось провести ночь въ крестьянской избѣ, и онъ въ своемъ описаніи восхищался неприхотливостью русской породы коровъ, которыя могутъ жить даже въ одной избѣ съ русскимъ мужикомъ".

Когда дѣло освобожденія въ принципѣ уже было окончательно рѣшено, нѣкоторые помѣщики не только не мирились съ крестьянской волей, но продолжали сочинять проекты о наибольшемъ закрѣпощеніи. Въ Симбирскомъ губернскомъ комитетѣ гр. Орловъ-Давыдовъ требовалъ феодальнаго устройства въ Россіи и особыхъ правъ аристократамъ. Правда, были и такіе, какъ Вас. Ан. Головинскій (отецъ писателя М. В. Головинскаго) которые увлекались освобожденіемъ крестьянъ до такой степени, что требовали отъ помѣщиковъ, чтобы они отпустили крестьянъ на волю съ землей до царскаго указа и до того позорнаго времени, когда „Муравьевъ и К° изуродуютъ основы воли и закрѣпостятъ крестьянъ еще крѣпче".

„Міръ Божій", май. „Джуліо Ванини (изъ исторіи европейской культуры)", Е. Тарле. Дерзкому скептику въ непогрѣшимости папы и вождю еретиковъ римской церкви, Джіордано Бруно, посчастливилось прожить на свѣтѣ 52 года (1548—1600), менѣе же дерзкому и еретичному Джуліо (Луциліо) Ванини святѣйшая инквизиція не дала дожить и до 33 лѣтъ (1585—1619). Въ трактатѣ Марсенна, „ничтожнѣйшаго изъ людей, раба божія и брата ордена св. Франциска", говорится, почему такой срокъ признанъ для Ванини болѣе, чѣмъ достаточнымъ. Ванини согласился съ 12 товарищами еще на студенческой скамьѣ распространять атеизмъ по всему свѣту, и они тогда же раздѣлили между собой сферу дѣйствія: Ванини досталась Франція. Этотъ трактатъ былъ

написанъ спустя четырэ года послѣ казни Ванини. Его, какъ и Бруно, предали самому милосердному наказанію, безъ пролитія крови, съ тою разницею, что Ванини долженъ былъ предварительно отдать языкъ, тотъ органъ тѣла, который былъ непосредственнымъ орудіемъ совершенія преступленія. Разница заключалась еще въ томъ, что *рабъ* и *братъ* долженъ былъ написать трактатъ для оправданія римской куріи въ казни Ванини.

Гуманисты XVI в., слѣдовавшіе за „ранними" и обратившіе работу мысли отъ поэзіи къ реальнымъ вопросамъ жизни, должны быть, по своимъ личнымъ свойствамъ поставлены выше дѣятелей реформаціи, часто робкихъ, осторожныхъ или упрямо прямолинейныхъ, которые, въ силу такихъ свойствъ, губили собственное дѣло или шли на встрѣчу уступкамъ, достигали незначительныхъ результатовъ и даже готовы были вновь увѣровать въ черты, хотя бы за тѣмъ, чтобы бросить въ него чернильницей. Для куріи и это было козыремъ. Не таковы были гуманисты XVI в. Объ одномъ изъ нихъ, менѣе другихъ извѣстномъ, именно — Джуліо Ванини и повѣтствуетъ теперь г. Тарле. О Ванини мало извѣстно, и потому очеркъ Тарле долженъ представлять интересъ.

Пробужденію европейской мысли въ концѣ среднихъ вѣковъ не мало способствовали арабскіе писатели. Похороненную вмѣстѣ съ древнимъ міромъ классическую мысль воскресили арабы, у которыхъ она загорѣлась медленнымъ, ровнымъ, спокойнымъ огнемъ, чуждымъ посторонняго элемента, теологической схоластики. Когда европейская мысль открыла у арабовъ своего рода Америку — греческихъ и римскихъ философовъ, то она прежде всего поразилась той рабской пунктуальностью, съ которою были усвоены арабами доктрины древнихъ философовъ. Ко времени появленія гуманистовъ древняя философія уже была открыта, но она до такой степени успѣла слиться съ католической теологіей, что критиковать Аристотеля было столько же опасно, какъ критически относиться къ догматамъ религіи. Разумѣется, для гуманистовъ философія древнихъ, какъ ее передали арабы, оказалась настоящимъ кладомъ и доводила ихъ до восторга. Арабы — испанскій Аверроэсъ (1126—1198), бухарскій Авицена (980—1037), сирійскій Альгаццали (1058—?)—были признаны учителями и авторитетами. Становится понятнымъ, почему Ванини, ознакомившись съ Аверроэсомъ, сталъ клясться его именемъ. Задачею его отнынѣ стало очищеніе древней философіи отъ шелухи, ее облѣпившей. Отсюда и начался рядъ его мытарствъ. Въ противоположность энергичному, открытому, бурному и быстрому Бруно, не задумавшемуся вскорѣ и самого Аристотеля причислить къ врагамъ поступательной мысли, жизнерадостный, но и осторожный Ванини придерживался другой политики. Въ свободной Англіи онъ откровенно проповѣдуетъ атеизмъ и нападаетъ на католизмъ, въ Амстердамѣ и Женевѣ, гдѣ направленіе религіознаго броженія еще не выяснилось, онъ защищаетъ католицизмъ противъ невѣрующихъ, но такъ блѣдно и неудачно, что едва-едва успѣваетъ обмануть бдительныхъ охранителей правовѣрія. Но Ванини не былъ атеистомъ; онъ только сомнѣвался въ римской догмѣ. При внима-

тельномъ чтеніи его основного сочиненія „Амфитеатръ вѣчнаго провидѣнія", въ которомъ онъ разбираетъ постулаты Божества и даетъ ему собственное опредѣленіе, достаточно выясняется, что Ванини придавалъ понятію о Божествѣ пантеистическую окраску. Чувствуя, что онъ во всякое время можетъ попасть въ когти воинствующихъ католиковъ, онъ часто льститъ имъ и въ своей лести доходитъ до неосторожныхъ шутокъ: „Не хотѣлъ бы я навлечь на себя гнѣвъ инквизиторовъ, которые суть вѣрные стражи вертоградника Господня". Перебравшись въ Парижъ, Ванини отбрасываетъ предосторожности и откровенно заявляетъ о себѣ, что онъ пантеистъ, и съ этою цѣлью пишетъ „Четыре книги діалоговъ", гдѣ прямо говоритъ о *богинѣ* Природѣ. Въ „Діалогахъ" онъ является болѣе спокойнымъ, освобождающимъ себя отъ споровъ съ схоластиками и теологами и бесѣдуетъ о всевозможныхъ предметахъ: о космогоніи, о человѣческомъ характерѣ, о вращеніи небесныхъ свѣтилъ, вѣчности моря, чувствѣ вкуса: „Такая наивная и неловко выкрашенная амальгама, замѣчаетъ авторъ, была вообще въ большомъ ходу во Франціи и въ Италіи, до той поры, пока классицизмъ XVII в. не положилъ ограниченій этой манерѣ писанья. Въ трактатѣ Ванини мы имѣемъ курьезный образчикъ той свободной распущенности литературной формы, которая такъ характеристична для Ренессанса". Но вмѣстѣ съ тѣмъ этого рода работы являлись первымъ задаткомъ новой реальной науки, какъ безсистемный дѣтскій лепетъ является выразителемъ устанавливающихся у человѣка понятій.

„Безпокойный духъ, гнавшій Ванини съ мѣста на мѣсто, не позволялъ ему оставаться въ Парижѣ. Все было тихо, за „діалоги" никто его пока не преслѣдовалъ. Но вдругъ онъ снялся съ мѣста и поѣхалъ въ Тулузу. Если бы онъ нарочно выбиралъ наиболѣе неподходящія и опасныя для себя мѣста во Франціи, то не могъ бы выбрать ничего хуже Тулузы. „Тулуза съ давнихъ поръ была строго католическимъ городомъ, находящимся, къ тому же подъ прямымъ вліяніемъ Гизовъ и испанскаго двора; тулузскій парламентъ славился своими ужасными приговорами по дѣламъ о вѣрѣ". Ванини „преподавалъ здѣсь естественныя науки, философію и теологію. Учениковъ собиралось къ нему много, и уроки были весьма живы и интересны". „Съ своимъ даромъ слова, діалектическимъ талантомъ, наконецъ, разнообразными познаніями, Ванини вращался въ самыхъ различныхъ кругахъ, въ низшемъ, среднемъ и аристократическомъ". Естественно, что онъ могъ впасть въ утрированную и опасную откровенность. Одинъ молодой человѣкъ, весьма знатный и благочестивый, подалъ тулузскому парламенту соотвѣтствующій доносъ на Ванини, и послѣдній былъ арестованъ. Его обвиняли въ атеизмѣ и чародѣйствѣ (!)..У него въ квартирѣ нашли большую жабу... приготовленную имъ для естественно-научныхъ опытовъ. Онъ оригинально и остроумно защищался, но вдругъ сбросилъ маску и твердо и прямо заявилъ, что не признаетъ католичества и умираетъ вѣрный своимъ убѣжденіямъ. На казнь онъ шелъ весело, бодро, высоко поднявъ голову, съ улыбкой повторяя: „ну пойдемъ, пойдемъ умирать по философски!"

„Какъ скептикъ и отрицатель, онъ продолжалъ дѣло Помпонацци и Бруно, какъ діалектикъ, онъ окончательно похоронилъ схоластическій методъ мышленія, какъ предшественникъ Декарта и Спинозы, онъ расчищалъ для нихъ путь и поддерживалъ умы на той высотѣ напряженнаго философскаго интереса, при наличности которой общество скорѣе охватываетъ широкіе философскіе системы. Онъ былъ чернорабочимъ, второстепеннымъ дѣятелемъ, который на своихъ плечахъ вынесъ непрерывность философской традиціи, начавшейся Аверроэсомъ и кончившейся энциклопедистами".

„Русская Мысль", май. М. С. Корелинъ, какъ историкъ гуманизма, Н. А. Карѣева.

По завершеніи гуманистическаго движенія прошло болѣе двухсотъ лѣтъ, но исторія этого движенія еще не написана. Извѣстный нѣмецкій философъ Давидъ Штраусъ, кажется, первый выступилъ съ обширной монографіей объ этомъ времени, подъ заглавіемъ „Ульрихъ фонъ-Гуттенъ" (гуманистъ, авторъ знаменитой сатиры „Письма темныхъ людей", направленной противъ римской церкви и схоластики), затѣмъ существуетъ извѣстное изслѣдованіе Буркгарта (1818 г.), „Исторія ренессанса въ Италіи" (Штудгардъ 1878 г.), а также—Георга Фойгта „Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма". Но названные историки имѣютъ существенные не достатки. Это—недостаточное знакомство ихъ съ источниками и невѣрно понятый характеръ гуманизма, отождествляемаго ими съ возрожденіемъ интереса къ античному міру. Въ началѣ текущаго года въ Москвѣ умеръ извѣстный профессоръ исторіи М. С. Корелинъ, на котораго возлагались большія надежды, какъ на серьезнаго ученого, вполнѣ ознакомившагося съ этимъ интереснымъ періодомъ развитія европейской мысли и выработавшаго точный, опредѣленный и правильный взглядъ на сущность гуманизма. Къ сожалѣнію, закончить работу по этому предмету Корелину не пришлось, и онъ ограничился изданіемъ нѣсколькихъ монографій: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его библіографія", и другія, собранныя потомъ въ книгѣ подъ заглавіемъ „Очерки итальянскаго возрожденія". Дѣйствительно, русская и даже европейская литература потеряла въ Корелинѣ, можетъ быть, на долгое время незамѣстимаго по данному предмету историка. Г. Карѣевъ, близко знавшій Корелина, и знакомый съ пріемами его работы, даетъ обстоятельную характеристику этого историка гуманизма и опредѣляетъ его взгляды на интересующій его предметъ. „Корелинъ выдвигалъ на первый планъ ту мысль, что самый интересъ гуманистовъ къ классикамъ былъ результатомъ ихъ стремленія найти прочную опору для своихъ новыхъ мыслей и построеній и готовое орудіе для борьбы съ представителями старины. Возрожденіе древности было для нихъ не цѣлью, а только средствомъ". Самъ Корелинъ называлъ эпоху „Возрожденія" проявленіемъ индивидулизма. „Гуманистическій индивидулизмъ, писалъ онъ, характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ самому себѣ, къ своему внутреннему міру; во-вторыхъ, интересомъ во внѣшнемъ мірѣ,

преимущественно къ другому человѣку; въ третьихъ, убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ способностямъ; въ четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, по сколько она имѣетъ вліяніе на человѣка". „Подъ вліяніемъ историческихъ условій личность доросла до сознанія своего права на всестороннее развитіе: отсюда отрицаніе опеки церкви и требоваріе свободы и самостоятельности для творческой дѣятельности творческой дѣятельности человѣческаго духа и прежде всего науки. Только съ этой точки зрѣнія идеи гуманистовъ находятъ объясненіе и могутъ быть приведены въ ясную и опредѣленную систему". Но нельзя сказать, чтобы Корелинъ былъ слѣпымъ или односторонимъ поклонникомъ движенія, извѣстнаго подъ названіемъ „гуманизма". Онъ отмѣчаетъ его крайности, иногда далеко невысокія нравственныя и общественныя воззрѣнія его носителей, оправдываемыя, однако, тогдашними условіями времени; кромѣ того гуманизмъ совершивъ переворотъ въ воззрѣніяхъ образованнаго общества, не былъ въ состояніи проникнуть въ массу, не установилъ связи интеллигенціи съ народомъ. Будучи самъ демократомъ во имя права всякой личности, независимо отъ ея происхожденія и общественнаго положенія, на свободное и всестороннее развитіе, гуманизмъ, въ то же самое время отличался аристократичностью по отношенію къ profanum vulgus; въ теоріи весьма высоко ставившій служеніе ближнему, на практикѣ онъ весьма часто превращался въ эгоизмъ Корелинъ также различалъ нѣмецкихъ и итальянскихъ гуманистовъ; первымъ онъ отдавалъ предпочтеніе какъ людямъ съ идеализмомъ убѣжденій и какъ людямъ гражданскаго долга. Нельзя не присоединится къ сожалѣнію Карѣева, что смерть слишкомъ рано унесла замѣчательнаго мыслителя въ такой отмѣжеванной имъ области мысли, въ которой онъ не имѣлъ равныхъ предшественниковъ и не оставилъ послѣдователей. Задуманный имъ громадный трудъ остался на половину не выполненнымъ.

Въ той же книжкѣ „Русской Мысли" вслѣдъ за статьей Карѣева идетъ псевдо-критическая статья датскаго критика Брандеса объ итальянской поэтессѣ Анни Вивавти. Останавливаемся на этой статьѣ, какъ на замѣчательномъ образчикѣ декадентщины, и поэтической и критической. Брандесъ беретъ изъ Виванти стихотвореніе подъ названіемъ „Судьба". Содержаніе его таково. Милый не любитъ милую, а милая любитъ милаго. Онъ говоритъ ей грубости—она его любитъ, онъ ненавидитъ ее—она его любитъ, онъ даетъ ей пощечину—она его любитъ. Послѣ этого они оба бросаются въ объятія другъ друга и пламя страсти снѣдаетъ ихъ сердца. Брандесъ приходитъ въ неописуемый восторгъ отъ этого, какъ самъ онъ замѣчаетъ, неправдоподобія. Онъ совершенно серьезно требуетъ отъ читателя особеннаго вниманія къ этому стихотворенію: „Оно даётъ ничѣмъ не превзойденную по энергіи картину. Въ тотъ самый мигъ, какъ главный персонажъ ударяетъ свою любовницу по лицу, онъ обращается къ силѣ забвенія съ великолѣпной рѣчью". Великолѣпная рѣчь подразумѣвается. „Нѣтъ

сомнѣнія, говоритъ Брандесъ въ заключеніе, что міровая слава Анни Виванти теперь уже не долго заставитъ себя ждать". Поживемъ—увидимъ.

Затѣмъ идетъ статья г. Волошина. „Въ защиту Гауптмана". „Значительнымъ художественнымъ произведеніямъ западной литературы очень не везетъ у насъ въ Россіи", плачется г. Волошинъ и тутъ же приводитъ выдержки изъ *художественныхъ произведеній* Гауптмана въ переводѣ Бальмонта.

„...Холля! хусса! хеюхей!
Всюду стало веселѣй...
...Холля! Конюхъ! Хейа ла!
Дѣвка во время пришла!
...Букке! Бокке! хейса! хву!
Толстый быкъ храпитъ въ хлѣву".

Правда, г. Волошинъ негодуетъ на Бальмонта за то, что онъ Гауптмана, этого современнаго „Эсхила и Софокла", не перевелъ, а перепѣръ; но, вѣдь, г. Бальмонтъ самъ продаетъ то, что купилъ: Холля, Бокке, Хусса, букке... какъ по-русски перевести?

Что ни говори г. Волошинъ, а всетаки попасть въ среду Гауптмановъ и Бальмонтовъ, все равно, что попасть въ Бедламъ.

„Кавказскій Вѣстникъ", іюнь. Вырвавшись изъ Бедлама съ облегченнымъ вздохомъ, мы никакъ не ожидали, что тотчасъ встрѣтимся съ г. Гейнце. А между тѣмъ, курилка живъ! Рокамболь погибъ въ Петербургѣ, но воскресъ на погибельномъ Кавказѣ, въ редакціи „Кавказскаго Вѣстника". Онъ туда привезъ съ собою шило и дратву и проживаетъ по свидѣтельству ремесленной управы. Онъ теперь тачаетъ повѣсти „изъ петербургской жизни": Слава Богу, на нашъ вѣкъ..... издателей хватитъ! Все устроилось просто и благополучно. Приходитъ г. Гейнце въ редакцію „Кавказскаго Вѣстника" въ самомъ мрачномъ настроеніи ищетъ заказовъ.

— Скажите откровенно (обращается къ нему издатель), вы, можетъ быть, нуждаетесь въ деньгахъ..... Я согласенъ вамъ дать авансъ.

— Да, если можно, дайте мнѣ денегъ, я буду вамъ обязанъ.

— Я вамъ выдамъ двѣсти рублей... Довольно!

— Благодарю васъ.

Издатель написалъ ордеръ на кассу, и г. Гейнце въ тотъ же день получилъ деньги. Онъ безъ видимой цѣли побѣжалъ по моднымъ магазинамъ и театрамъ, не въ видахъ развлеченія, а скорѣе въ видѣ розыска кого то весьма нужнаго или весьма желательнаго (см. варіантъ на 5 стран. „Кавк. Вѣстн".). Наконецъ, Эврика! Князь Зарубай-Незарубьевъ за 50 руб. продалъ ему свою *семейную хронику* (переводъ съ американскаго) и вскорѣ съ *горя* умеръ. Теперь она печатается въ „Кавказскомъ Вѣстникѣ" подъ заглавіемъ „Вампиръ". Да вотъ это „вещь, а прочее все гиль".

Въ послѣднихъ двухъ книжкахъ „Недѣли", май, іюнь, печатаются интересные „Очерки прошлаго", г-жи Боловино-Починковской,

изъ жизни одного учебнаго заведенія для дѣвицъ. О закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ накопилась большая литература, но на столько скромная и благодушная, что читая „Очерки" г-жи Починковской, остается только сказать: „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ". Если бы подобныя учебныя заведенія существовали тогда въ Германіи, то депутаты рейхстаго не задумались бы принять законъ Гейнце, чтобъ примѣнить его къ этимъ заведеніямъ. Было бы интересно слышать отъ г-жи Починковской, очевидно, близко ознакомленной съ такого рода существовавшими тогда заведеніями, о дальнѣйшей судьбѣ воспитанницъ ихъ. Отношенія между начальствомъ и воспитанницами вѣрнѣе можно бы было опредѣлить однимъ словомъ „на ножахъ". Стояли, одна противъ другой, двѣ арміи—Большихъ кулаковъ и Малыхъ кулаковъ, обѣ дикія, равныя по силамъ (какъ ни странно) и не уступавшія безъ боя своихъ позицій. Когда начальству приходилось совсѣмъ круто, оно обращалось за содѣйствіемъ къ „попечителю". Тотъ пріѣзжалъ, кричалъ, ругался, топалъ и, *растроившись*, уѣзжалъ. Вотъ одна изъ сценъ начальническаго *растройства*.

— Кто здѣсь кричитъ у васъ? Кто это смѣетъ по ночамъ безпорядки производить? Какимъ то дикимъ, неестественнымъ голосомъ завопилъ попечитель и, сдѣлавъ шагъ впередъ, размахнулся руками по воздуху, какъ будто собирался налетѣть и предать провинившихся избіенію.

Всѣ невольно попятились. У многихъ отъ внезапнаго испуга подкосились ноги. Голосъ попечителя звенѣлъ и дрожалъ въ ушахъ надсадистымъ бабьимъ визгомъ.

— Такъ начинаете бунтовать! Вы по крышамъ!.. Да знаете ли, что я васъ за это!.. Да я всѣхъ этихъ лунатницъ... по шеямъ! Я васъ всѣхъ разгоню! Вонъ!—Чтобы и духу у меня этого не было! Я вамъ дамъ бунтовать!—Попечитель захлебнулся.—Запорю! Перепорю—всѣхъ до единой!

Но едва онъ остановился, чтобы перевести духъ,—въ напряженной и томительной тишинѣ отчетливо и громко раздалось:

— Не имѣете права!

Вслѣдъ затѣмъ переднія пары заволновались. Послышались возгласы: „Да, да! Не имѣете права! Мы не позволимъ! Мы не солдаты! Здѣсь не казарма, г. попечитель! Такъ съ арестантами можно, а не съ дѣвицами! Классныя дамы метались возлѣ своихъ классовъ и восклицали то жалобно, то грозно: „Дѣвицы!.. Барышни!.. Mesdames"!

Лицо попечителя изъ краснаго сдѣлалось свекольнобурымъ. Жилы на лбу вздулись. Глаза напоминали быка, завидѣвшаго красное. Онъ привскочивъ и ударилъ себя по ляжкамъ.

— Кто это сказалъ? Кто ска-залъ? Кто это смѣетъ отвѣчать, когда я разговариваю! выкрикивалъ онъ, то подбѣгая, то отпрядалъ въ сторону, захлебываясь и разбрасывая слюну, которая пѣнилась у него на толстыхъ, отвислыхъ губахъ.

Изъ паръ отдѣлилась одна фигура и смѣло выступила впередъ.

— Я сказала!.. Не имѣете права! повторила она.

Тутъ произошло что-то безпорядочное. Всѣ пары (воспитан-

ницъ) сдвинулась впередъ и окружили попечителя. Попечитель что-то снова кричалъ, топалъ ногами и поднималъ кулаки. Но голосъ протестантки покрывалъ всѣ его крики.

— Насъ воспитываетъ общество, а не вы! А не вы!.. Васъ наняли пещись о насъ, г. попечитель! Да, пещись о насъ. Вы за это за самое деньги то получаете... А вы что! Мы здѣсь съ голоду дохнемъ... Въ дортуарахъ отъ холоду спать невозможно. Подайте намъ чай, молоко! Зачѣмъ у насъ отняли молоко!

— Молчать я тебѣ говорю! неистово взвизгнулъ попечитель. Воспитанница гордо вскинула головой.

— А ты меня не „тыкай“! Мой отецъ—такой же генералъ, какъ и ты!

Ее пытались отвести. Она отбивалась и, какъ бѣшенная, размахивала руками.

— Ты на меня не кричи! Я тебя не боюсь!.. Ты съ моего отца то тысячу рублей каждый годъ за меня получаешь... Генералъ! Ты—воръ, а не генералъ! Ты самъ первый здѣсь воръ! Вы всѣ здѣсь воры, всѣ, всѣ, всѣ!

Изъ числа беллетристическихъ очерковъ въ той-же книгѣ (іюльской) выдѣляется своей свѣжестью разсказъ Е. Ловецкой „Человѣкъ съ самолюбіемъ“ рисующій живую фигуру одного изъ нашихъ деревенскихъ Ивановъ.

И. М.

Иностранные Журналы.

Etudes publiées par des pères de la compagnie de Jésus.

Желѣзная маска—такъ назывался государственный узникъ времен Людовика XIV, происхожденіе и обстоятельства жизни котораго остаются тайной до сихъ поръ. Онъ долгое время содержался въ Пиньеролѣ, а затѣмъ переведенъ былъ въ Бастилію, гдѣ и умеръ въ 1703 году. Несмотря на то, что Людовикъ XV, однажды сказалъ кому-то: „если бы вы знали, кто такой желѣзная маска, вы увидѣли бы, что это совершенно не интересно“, любопытство было возбуждено. Вольтеръ первый затронулъ въ печати исторію о желѣзной маскѣ и тѣмъ породилъ цѣлую литературу и множество предположеній. Полагали, что желѣзная маска былъ братъ или сынъ Людовика XIV или другая высокая особа, тѣмъ болѣе что съ узникомъ этимъ обращались почтительно, содержали хорошо. По другимъ это былъ графъ Эрколе Маттіоле, Лаббе ди Бюлонъ.

Недавно вышла брошюра Локена о желѣзной маскѣ, въ которой онъ высказываетъ предположеніе, что узникъ въ маскѣ былъ никто иной какъ Мольеръ. По поводу Миттіоле онъ утверждаетъ, что послѣдній былъ посаженъ въ Бастилію для того, чтобы сбить съ толку любопытныхъ о настоящей желѣзной маскѣ. Извѣстно, что Мольеръ умеръ въ 1673 году отъ удара, постигшаго его въ театрѣ во время игры, а авторъ утверждаетъ, что при выходѣ изъ театра Мольеръ былъ посаженъ въ стоявшую недалеко отъ выхода карету и въ сопровожденіи полицейскихъ, имѣвшихъ lettre de cachet, отвезенъ въ тюрьму.

La Révolution française. Revue d'histoire moderne et contemporaine № II.

Un mot légendaire: „La République n'a pas besoin de savants", par J. Guillaume.

Лавуазье—знаменитый химикъ—былъ приговоренъ къ смертной казни. Умерщвляя его революція лишилась одного изъ своихъ рьяныхъ защитниковъ, проповѣдывавшаго еще раньше революціи свои принципы о свободѣ и равенствѣ. Существуетъ легенда, что послѣ произнесенія приговора, Лавуазье обратился къ судьямъ съ просьбою дать ему отсрочку для окончанія опытовъ, на что одинъ изъ судей отвѣтилъ будто-бы: „республика не нуждается въ ученыхъ". Авторъ статьи доказываетъ, что все это вымыселъ, изобрѣтателемъ и распространителемъ котораго былъ епископъ города Блуа Грегуаръ, графъ Генрихъ, извѣстный своею рѣчью о низверженіи королевской власти и сдѣлавшій въ конвентѣ столько ложныхъ и оскорбительныхъ доносовъ на республиканцевъ.

Кромѣ того въ журналѣ помѣщены еще слѣдующія статьи:

Les libraires anglais pendant la révolution française, par L. Souguenet.

Lettres inédites d'Hébert, de Barbaroux, de Joseph Le Bon et de Barère.

Lettre d'un lecteur sur Fragonard.

Le Carnet historique et littéraire. № 5.

M-me C. Bessonet-Faure. La Reine Bathilde.

Королева Батильда, супруга Хлодвига II, англо-саксонка по происхожденію, была раньше рабынею и куплена Хлодвигомъ у сирійскихъ купцовъ. У англо-саксовъ было обыкновеніе: если въ семьѣ много дѣтей, то часть ихъ продавалась на востокъ. Такъ продана была и Батильда. Выйдя замужъ за Хлодвига въ 648 году, она основала множество монастырей, которые наполняла покупаемыми ею рабынями; такой дѣятельности приписывали даже распространеніе франкскихъ монетъ по вселенной.

M. A. Dry. Souvenirs sur Villebois—Maureuil.

Личныя воспоминанія друга о Вильбуа Морейлѣ, какъ о прекрасномъ сердечномъ человѣкѣ, хорошемъ писателѣ, заслужившимъ почетную смерть въ борьбѣ за свободу буровъ и честь быть похороненнымъ завернутымъ въ знамя.

M. M. Gaston Duval et Marc Furcy-Raynaud. Souvenirs d'une actrice pendant l'émigration.

Выдержки изъ воспоминаній актрисы г-жи де ля Винь (г-жа Моле, Моле-Леже, графиня де Валивонъ) она же и драматическая писательница. Воспоминанія эти написаны ею въ 1820 году, по возвращеніи изъ эмиграціи во Францію.

Revue d'histoire diplomatique № 2. 1900 года.

Un ambassadeur de France à la cour de Russie pendant la première restauration et les cent-jours.

Въ іюлѣ 1815 года французскимъ посломъ при русскомъ дворѣ былъ назначенъ графъ Жюстъ де Ноаль (Just de Noailles), полу-

чившій отъ Талейрана подробныя указанія чего слѣдуетъ добиваться отъ русскаго правительства и о чемъ разузнавать въ Петербургѣ. Ноалю рекомендовалось при этомъ дѣйствовать съ большимъ тактомъ, такъ какъ прежній престижъ Франціи, какъ великой независимой державы, до нѣкоторой степени палъ и на предстоявшемъ Вѣнскомъ конгрессѣ союзныя державы желали предоставить ей лишь второстепенную роль. Миссія графа де Ноаля состояла въ слѣдующемъ: узнать намѣренія русскаго правительства относительно Польши, почему императоръ Александръ I интересуется Мюратомъ и Бернадоттомъ; собрать свѣдѣнія о русскихъ финансахъ и торговлѣ, а также узнать объ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось по возможности занять первое мѣсто между иностранными послами и вообще поднять престижъ Франціи, чтобы представитель ея на конгрессѣ могъ бы говорить авторитетно наравнѣ съ другими уполномоченными.

Особенно трудное было положеніе графа де Ноаля при возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы. Но свойственный ему тактъ и дипломатическая ловкость помогли перенести и эти тяжелые сто дней; по возращеніи Людовика XVIII, графъ де Ноаль еще четыре года оставался на своемъ посту, оказывая немаловажныя услуги своему правительству.

Tentative de l'Angleterre en 1781 et 1782 pour amener la France à traiter de la paix, par Mr René Bittard des Portes.

По окончаніи войны Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ Англіей, въ которой участвовала и Франція, чувствовалась потребность въ мирѣ. Англія старалась заставить Францію первою просить о мирѣ и хотѣла навязать ей свои условія, но Франція дѣйствовала заодно съ новымъ американскимъ правительствомъ и желала сама продиктовать условія о мирѣ.

Les prétentions de la France sur les duchés de Parme et de Plaisance. Deux évêques ambassadeurs et Rabelais.

Въ 1512 году императоръ Максимиліанъ I подарилъ папѣ Юлію II герцогство „Parme et Plaisance“. Франція старалась во что бы то ни стало вернуть себѣ это владѣніе, нѣкогда принадлежавшее фамиліи Латуръ, съ которой французскій король Францискъ I состоялъ въ родствѣ. Извѣстный французскій сатирикъ Рабеле въ своихъ сочиненіяхъ проводилъ ту же мысль и настраивалъ папу противъ императора Карла V, противодѣйствовавшаго французскому королю.

Revue des études historiques № 2.

Gentils hommes campagnards du XVIII-me siècle; condition et état social, par M. Pierre de Vaissière.

Un document inédit sur Mirabean: pétition à l'assemblée nationale. Par F. L. Chatier.

Les rapports de l'Angleterre et du Transvaal au point de vue dudroit international, par J. G. Whiteley.

Bibliographie critique de la guerre de 1870—71. Par. M. Pierre Lehautecourt.

Revue hebdomadaire. Les divertissements d'un ambassadeur, par Albert Vandal.

Маркизъ де Нуантель (de Nointel) представитель Людовика XIV въ Константинополѣ (1669 — 1678 г.) былъ однимъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени. Онъ очень любилъ роскошь пышность, обладалъ недюжиннымъ умомъ. Изъ девяти лѣтъ проведенныхъ въ Константинополѣ, пять лѣтъ путешествовалъ: 6 разъ ѣздилъ между Константинополемъ и Адріанополемъ, затѣмъ былъ въ Сиріи, Палестинѣ и вернулся черезъ Аѳины. Онъ очень подробно записывалъ всѣ свои дорожныя впечатлѣнія, Однако этого ему казалось мало для задуманной цѣли. Ему пришла блестящая мысль привлечь къ участію всѣхъ французскихъ консуловъ и миссіонеровъ; послѣдніе съ большою охотою отозвались на его предложеніе и начали излагать ему письменно наиподробнѣйшія свѣдѣнія въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ о мѣстностяхъ, по которымъ онъ путешествовалъ. Матеріалъ получился громадный и очень цѣнный. При поѣздкахъ своихъ Нуантель бралъ съ собою художника, который дѣлалъ дорогою наброски. Впослѣдствіи всѣ эти наброски обратились въ прекрасныя картины.

Любя театръ, Нуантель собралъ изъ посольскихъ чиновниковъ труппу и устроивалъ у себя домашніе спектакли, на которыхъ ставились піесы Мольера Расина и другихъ.

Наконецъ Нуантель не остановился даже передъ устройствомъ въ Константинополѣ карусели по образцу введенныхъ во Франціи въ 1662 году Людовикомъ XIV.

Cornhill Magazine Antoine Drouot (1774—1847) By the Rev. Canon Staveley.

Антуанъ Друо, артиллерійскій генералъ, губернаторъ острова Эльбы, командовавшій императорскою гвардіею при Ватерлоо, былъ искреннимъ и безкорыстнымъ приверженцемъ Наполеона I. Онъ участвовалъ во всѣхъ походахъ; благодаря своей находчивости и неутомимости, при безпорядочномъ бѣгствѣ французской арміи изъ Москвы, въ цѣлости доставилъ французскую артиллерію въ Польшу. Послѣ окончательнаго удаленія Наполеона, несмотря на лестныя обѣщанія Людовика XVIII, который говаривалъ; „какъ я бы хотѣлъ имѣть при себѣ втораго Друо“, генералъ уѣхалъ изъ Парижа и поселился въ монастырѣ въ Нанси, гдѣ раньше воспитывался.

Друо былъ сынъ булочника изъ Нанси. Достигнувъ высокихъ почестей онъ никогда не скрывалъ своего происхожденія.

Въ Westermann's illustrirte deutsche Monatshefte помѣщены очень сердечныя воспоминанія Герхарда Рольфса о Францѣ Листѣ. Въ послѣднее время Листъ проживалъ почти постоянно въ Веймарнѣ. На одномъ изъ его matinée Листъ вдругъ сѣлъ за рояль и сыгралъ Бэтховенскую сонату такъ хорошо какъ никогда. Когда онъ кончилъ, къ нему подошелъ великій герцогъ и со слезами на глазахъ проговорилъ: „Дорогой учитель, сегодня мы уносимъ въ душѣ вашу игру“. Это была лебединая пѣснь Листа.

Revue d'Histoire moderne et contemporaine № 4. 1899. Les Républicains français en 1830, par Georges Weill.

Авторъ проводитъ въ статьѣ параллель между низменными стремленіями современныхъ французскихъ республиканцевъ и идеалами республиканцевъ въ 1830 году. Стремленія республиканцевъ того времени были самыя благородныя, у нихъ на первомъ планѣ являлось благоденствіе народа и они мечтали о томъ будущемъ, когда республика будетъ главенствовать въ Европѣ, когда Франція, полная добродѣтелей, составитъ счастье всѣхъ своихъ сыновей и возродитъ міръ.

Кромѣ того помѣщены еще слѣдующія статьи:

Les Négociations entre Louis XII et Ferdinand le Catholique, la trêve du 1. avril 1513, par P. Boissonnade.

Bulletin historique. XVI — XVIII siècles, revolution française, XIX siècle, histoire économique et sociale.

Въ отчетахъ о книгахъ разбирается трудъ профессора Н. Карѣева „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи за послѣднюю четверть XVIII столѣтія“, переведенный на французскій языкъ г-жею Войнаровскою.

Въ концѣ журнала приводятся вышедшіе новые историческіе документы и книги:

Mémoires de Saint-Simon. A de Boislisle. Tome XIV.

Mémoires du Chevalier de Quincy, publiés par la Société de l'Histoire de France. Tome II (1703—1709).

La France sous le Consulat. F. Porréard.

Quinze ans de haute police sous le Consulat et l'Empire.

Un secret d'Etat sous Louis XIV. Le prisonnier masqué de la Bastille. Son histoire authentique. A. Loguin.

Nouvelle revue retrospective № 67.

Въ этомъ небольшомъ, но драгоцѣнномъ въ историческомъ отношеніи, журналѣ заключаются слѣдующія статьи.

Théophile Thoré; lettres à sa mère et à Mr. Félix Delhasse (1829—1869). Сообщили Люсіенъ и Феликсъ Жоттранъ.

Souvenirs du Capitaine de vaisseau Krohm (1766 — 1823) (продолженіе). Сообщилъ докторъ Ардуэнъ.

Le général Moncey en Cisalpina 1801. Lettres au ministre de la guerre et au Premier-Consul. Сообщилъ капитанъ Пино.

Въ январьскомъ нумерѣ за нынѣшній годъ журнала English Historical Review, не лишены нѣкотораго интереса слѣдующія статьи:

The Sienese statutes of 1262, by Mr. E. Armstrong.

Letters of Cardinal Ottobani, bu Miss Rose Graham.

The Disappearance of english serfdom, by Prof. Cheyney of Philadelphia.

Кромѣ того въ журналѣ приводятся нѣсколько писемъ изъ Капской колоніи по поводу французской экспедиціи въ 1803 г. въ Остъ-Индію, не лишенныхъ интереса именно въ настоящее время.

Новыя книги.

K. Grotenfelt. Suomen historia ussonpuhdistuksen aikakandellal (1521—1617).

Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года вышелъ второй выпускъ „Исторіи Финляндіи въ эпоху реформаціи" на финскомъ языкѣ, соч. К. Гротенфельтъ. Этотъ трудъ составитъ третій томъ „Иллюстрированной исторіи финскаго народа съ древнѣйшихъ временъ", два первые тома которой появились нѣсколько лѣтъ тому назадъ (т. I—Древняя исторія. Соч. В. Валлина и т. II—Средняя исторія. Соч. О. А. Форстрема). Настоящій, третій томъ будетъ состоятъ всего изъ 8 выпусковъ. Вышедшіе доселѣ два первые выпуска содержатъ въ себѣ введеніе и исторію царствованія короля Густава Вазы. Во введеніи авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ состоянія Европы въ началѣ описываемой эпохи и затѣмъ даетъ географическій обзоръ Финляндіи. Первая глава сочиненія посвящена описанію войны за освобожденіе Швеціи отъ датскаго владычества и воцаренію Густава Вазы. Далѣе слѣдуетъ исторія введенія реформаціи въ Швеціи и Финляндіи. Война съ Любекомъ и торговая политика Густава, составляютъ содержаніе третьей главы. Въ четвертой главѣ авторъ говоритъ объ усиленіи королевской власти при Густавѣ Вазѣ, о его административныхъ реформахъ. Обзоромъ внутренняго состоянія Финляндіи при Густавѣ В. заканчивается второй выпускъ.

Крупная личность короля Густава, борца за независимость политическую, религіозную и экономическую, очерчена весьма рельефно. Авторъ отдаетъ должное его патріотизму, его энергіи, которые онъ особенно проявилъ въ войнѣ за освобожденіе, въ борьбѣ съ католицизмомъ, а также въ дѣлѣ упроченія своей власти; онъ высоко ставитъ его отзывчивость на запросы времени и заботы объ экономическомъ развитіи страны. Но въ то же время онъ отмѣчаетъ излишнюю патріархальность пріемовъ въ его внутренней политикѣ, которая особенно обнаружилась въ распоряженіяхъ, касающихся торговли. Въ этомъ отношеніи король напоминалъ собой неугомоннаго хлопотуна—хозяина, капризнаго и требовательнаго до мелочности, который самъ во все входитъ, подробнѣйшимъ образомъ указываетъ, что кому нужно дѣлать и чего не слѣдуетъ дѣлать. Въ такомъ-то году напр. жителямъ такого то города воспрещается торговать въ Германіи, а въ слѣдующемъ году такая торговля вновь разрѣшается; самымъ точнымъ образомъ опредѣляется, какимъ товаромъ каждый купецъ долженъ торговать: кто солью, кто тканями, кто спиртными напитками и пр. Такая строгая опека казалась королю тѣмъ болѣе необходимой, что подданные его иногда не умѣли сами устроить свои дѣла и давали себя обманывать нѣмцамъ. Въ такихъ случаяхъ король бывалъ безпощаденъ. Любопытенъ выговоръ, сдѣланный однажды гражданамъ Гетеборга: „лишь только—писалъ король—въ вашъ

городъ прибудетъ судно или пріѣдутъ иностранные купцы, какъ вы всѣ разомъ бросаетесь къ нимъ, какъ стадо свиней, и поднимаете цѣну на всѣ товары". Жителямъ г. Або король писали въ 1549 году: „вы ничего не смыслите въ дѣлахъ: не умѣете считать, не знаете денегъ, ни нашихъ, ни заграничныхъ и отъ этого не только вы сами, но и государство терпитъ большіе убытки въ торговлѣ". Столь же самовластно распоряжался король и во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ. Конституціонныя понятія въ то время еще не успѣли проникнуть глубоко въ сознаніе народа, общественная иниціатива была еще слабо развита и потому сильная личность короля могла свободно себя проявлять. Однако какъ бы сильна ни была личность, не одна она управляетъ событіями.

Къ такому заключенію приходитъ авторъ, излагая исторію введенія реформаціи въ Швеціи и Финляндіи. Легкость и быстрота, съ какою новое ученіе распространилось здѣсь, зависѣла не только отъ личной энергіи короля, но отъ многихъ другихъ обстоятельствъ. Католичество въ Швеціи и Финляндіи не успѣло пустить такихъ глубокихъ корней, какъ на югѣ Европы. Внѣшній блескъ католическаго ритуала не производилъ на положительныхъ сѣверянъ такого дѣйствія какъ на впечатлительныхъ жителей юга. Кромѣ того жители болѣе отдаленныхъ частей государства были христіанами только по имени и гдѣ нибудь въ глухомъ захолустьѣ заодно съ Христомъ и Богородицей люди молились старому Вейнемейнену. Наконецъ положеніе католической церкви въ Швеціи и Финляндіи было непрочно еще и потому, что изъ семи епископскихъ каѳедръ, имѣвшихся въ королевствѣ, пять были не заняты. Все это значительно облегчало дѣло реформаціи. Вообще авторъ во всемъ старается установить правильную точку зрѣнія на дѣятельность Густава Вазы, тщательно разграничивая роли всѣхъ участниковъ въ ходѣ историческихъ событій, указывая на тѣ вліянія, которымъ подчинялся король, и на тѣ внѣшнія и внутреннія условія, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать.

Изложеніе ясное, общедоступное и весьма обстоятельное. Наиболѣе пространно и интересно описано введеніе реформаціи, торговая политика короля, мѣры его къ упроченію своей династіи, внутреннее состояніе государства. О сношеніяхъ съ Россіей авторъ говоритъ слишкомъ кратко и это составляетъ существенный недостатокъ книги.

Въ типографскомъ отношеніи трудъ этотъ не оставляетъ желать лучшаго: хорошая бумага, четкая печать, изящныя гравюры. Умѣренная цѣна (35 коп. за выпускъ), несомнѣнно, будетъ содѣйствовать широкому распространенію этой полезной и интересной книги въ публикѣ.

Н. Я.

Проф. *Н. Стороженко.* **Апостолъ гуманности и свободы Теодоръ Паркеръ.** Изданіе Посредника. Москва 1900. Цѣна 20 к. Стр. 44.

Небольшая книга профессора московскаго университета знакомитъ нашу читающую публику съ идеальною личностью, почти

совершенно неизвѣстнаго ей, Теодора Паркера. Знакомство это надо признать весьма желательнымъ и полезнымъ, такъ какъ Паркеръ, по словамъ Н. И. Стороженко, принадлежитъ къ тѣмъ исключительнымъ натурамъ, которыя отъ поры до времени появляются въ исторіи, чтобы освѣтить нравственную атмосферу человѣческой жизни. Борьба съ невольничествомъ была главнымъ дѣломъ въ жизни Паркера и поэтому первыя страницы брошюры посвящены краткой характиристикѣ рабства и первыхъ борцовъ за свободу негровъ, а затѣмъ жизнеописанію Паркера. Онъ родился въ 1810 году. По окончаніи образованія имъ была выбрана духовная карьера, но первые шаги на пасторскомъ пути были неудачны: послѣ нѣкоторыхъ проповѣдей, духовенство стало обвинять Паркера въ атеизмѣ и натравливать на него горожанъ. Результатомъ этого филистерскаго похода противъ Паркера было то, что онъ изъ Бостона, гдѣ происходила травля, поѣхалъ путешествовать по старому свѣту. Когда Паркеръ опять возвратился въ Бостонъ, то нашелъ большую перемѣну во взглядахъ горожанъ. Его не только не преслѣдовали, но бостонская община даже сдѣлала Паркера своимъ проповѣдникомъ. При безграничной свободѣ проповѣди, которая существуетъ въ протестанской Америкѣ, можно было произносить проповѣди, въ которыхъ ораторъ, стоя на возвышенной религіозно-нравственной почвѣ, имѣлъ возможность призывать къ своему суду всѣ власти, всѣ авторитеты, касаться жгучихъ вопросовъ современной политики, становиться поочередно моралистомъ, сатирикомъ и поэтомъ. Паркеръ употребилъ эту свободу проповѣди на грозное обличеніе плантаторовъ. Интенсивная проповѣдь свободы негровъ быстро расшатала здоровье Паркера и для лѣченія онъ предпринялъ поѣздку за границу. Во время пребыванія въ Римѣ, Паркеръ узналъ, что его другъ Дж. Броунъ неудачно произвелъ возстаніе негровъ, за которое былъ присужденъ къ смертной казни. По этому поводу Паркеръ сказалъ: „Я увѣренъ, что Броунъ умретъ какъ святой и мученикъ. Но отъ того, что Виргинія повѣситъ Броуна, человѣчество не погибнетъ. Великія Хартіи свободы всегда пишутся кровью и нашей демократіи тоже предстоитъ переплыть это красное море, въ которомъ захлебнутся многіе фараоны“. Живя въ Римѣ, свободолюбивый Паркеръ столкнулся съ папской полиціей и принужденъ былъ выѣхать оттуда во Флоренцію, гдѣ и умеръ 10 мая 1860 г.

Охарактеризовавъ жизнь свободолюбиваго проповѣдника, Стороженко заканчиваетъ свою книжку нѣсколькими выдержками изъ рѣчей Паркера. Приведемъ его слова о фарисеяхъ прессы. „Фарисей прессы это вылощенный господинъ, издающій газету. Онъ больше всего хлопочетъ о томъ, чтобы не сказать слова, которое могло бы оскорбить нѣжный слухъ своего кружка. Онъ держитъ носъ по вѣтру, идетъ по пятамъ общественнаго мнѣнія и иногда пускается въ предсказанія, но весьма общаго свойства, такъ что ихъ можно истолковать въ ту и другую сторону. Если фарисею—журналисту нужно подорвать чью-либо репутацію или уронить въ общественномъ мнѣніи какое-либо почтенное учреж-

деніе, то онъ помѣщаетъ злую статейку за подписью „сообщено“ и сопровождаетъ ее редакціонной замѣткой, что въ своей газетѣ онъ даетъ просторъ всякимъ мнѣніямъ“.

На книжкѣ г-на Стороженко значиться, что она „для интеллигентныхъ читателей“. Эта надпись сдѣлана совершенно напрасно. Просто и увлекательно написанная брошюра уважаемаго московскаго профессора вполнѣ пригодна для чтенія „сѣрыхъ читателей“. **Е. М. З.**

Д. Д. Гриммъ. **Основы ученія о юридической сдѣлкѣ въ современной нѣмецкой доктринѣ пандектнаго права.** Пролегомены къ общей теоріи гражданскаго права. т. I. СПБ. 1900 г.

Если судить по заглавію, то книга г. Гримма должна была бы представить собою догматическій обзоръ положенія спеціальнаго вопроса въ соотвѣтствующей германской литературѣ. Въ дѣйствительности содержаніе значительно шире заглавія: къ чужимъ теоріямъ авторъ относится вполнѣ самостоятельно критически, и пользуется ими главнымъ образомъ для того, чтобы выпуклѣе, нагляднѣе выставить собственные взгляды на интересующій его предметъ. Г. Гриммъ выступаетъ съ собственной теоріей природы такъ называемыхъ юридическихъ дѣйствій, являющихся какъ бы клѣточкой всякаго правового организма въ его цѣломъ. Сюда почтенный авторъ переноситъ центръ тяжести своего изслѣдованія и сообщаетъ ему психологическій характеръ. Преслѣдуя свою задачу, г. Гриммъ не удовлетворяется господствующими поверхностными опредѣленіями существа юридическихъ сдѣлокъ: онъ сторонится обычной для даннаго случая, домашней философіи относительно значенія воли, какъ необходимаго элемента того явленія, которое именуется юридическимъ дѣйствіемъ. Авторъ идетъ дальше и глубже. Волю какъ проявленіе дѣятельности человѣческаго духа онъ желаетъ подвергнуть точному изслѣдованію на основаніи данныхъ научной психологіи, не спиритуалистической, а исходящей изъ точнаго наблюденія и изученія реальныхъ явленій.

Нельзя не привѣтствовать такую постановку вопроса въ работѣ, посвященной чистому правовѣдѣнію вотъ по какимъ соображеніямъ. Правовѣдѣніе представляетъ собою только одну изъ вѣтвей соціальной науки вообще и потому не можетъ изъявлять притязаній на какую нибудь самостоятельность въ исходныхъ конечныхъ точкахъ зрѣнія; часть всегда отражаетъ въ себѣ цѣлое и наоборотъ. Что же касается до наукъ соціальныхъ и, между прочимъ, изученія общественныхъ соединеній, то до послѣдняго времени въ области этой науки надъ вліяніемъ увлеченія крайностями позитивизма господствовало, такъ сказать біологическое направленіе. Подъ воздѣйствіемъ біологіи написаны посвященные природѣ общества труды Лиліенфельда, Шеффле, Спенсера. Въ моментъ увлеченія матеріализмомъ въ его крайнихъ проявленіяхъ существовало мнѣніе, что всякое научное изслѣдованіе должно свести изучаемое явленіе къ матеріальнымъ феноменамъ. Быстрое поступательное движеніе естественныхъ наукъ давало существенную опору такимъ взглядамъ.

Психологію въ эти времена едва ли не презирали ее обвиняли въ томъ, что она не опирается на положительные факты, не способна выйти изъ сферы исключительно литературнаго изложенія и зиждется прямо и косвенно на метафизическихъ толкованіяхъ. Однако, болѣе близкое и глубокое знакомство съ дѣятельностью человѣческаго духа доказало, что психологія вовсе не связана непремѣнно съ метафизикой; что и ей доступно наблюденіе; между тѣмъ и изученіе исторіи и вообще соціальныхъ явленій доказало, что факты общественной жизни не могутъ быть объяснены исключительно матеріальными причинами, понимая подъ таковыми то, что доступно непосредственно внѣшнему опыту. На счетъ этихъ недочетовъ недавно господствовавшихъ воззрѣній выдвинулась психологія, которой удалось привлечь вниманіе представителей различныхъ наукъ, прямо и косвенно затрагивающихъ вопросы о существѣ и свойствахъ общества. Такъ антропологъ Лебонъ посредствомъ психологіи старается вывести законы эволюціи народовъ, Лакомбъ хочетъ объяснить при помощи той же науки исторію; Гиддингсъ и Уордъ строятъ на психологическихъ основаніяхъ соціологію; Поль Бартъ примыкаетъ къ нимъ; Вагнеръ пользуется психологіей при изслѣдованіи экономическихъ явленій.

Гаугле въ своей брошюрѣ „Соціальная наука въ современной Германіи“ доказываетъ, что въ наукѣ права психологіей руководился знаменитый Іерингъ. Если даже признать справедливость подобнаго замѣчанія, то нужно имѣть въ виду, что труды Іеринга по преимуществу касаются исторіи и даже его „Цѣль въ правѣ“ написана въ подкрѣпленіе идей, уже выраженныхъ въ „Духѣ римскаго права“.

Какъ бы то ни было, въ русской литературѣ г. Гриммъ является едва ли не первымъ изъ ученыхъ юристовъ, пытающихся разрѣшать сложныя проблеммы догматики права на психологическихъ основаніяхъ. Конечные выводы, къ которымъ пришелъ онъ путемъ психологическаго анализа общаго понятія дѣйствія, заключаются между прочимъ, въ слѣдующемъ:

1) волеизъявленія и въ частности юридическія сдѣлки вопреки господствующему мнѣнію представляютъ не дѣйствія въ простѣйшемъ смыслѣ, а результаты болѣе или менѣе сложной комбинаціи дѣйствій;

2) пріобрѣтшее за послѣднее время высокій авторитетъ ученіе о необходимости различенія въ составѣ волеизъявленія двоякой воли—Erklärungs Wille и erklärter Wille не выдерживаетъ критики и покоится на смѣшеніи волевого акта съ сообщеніемъ о немъ;

3) господствущее ученіе о необходимости различенія заблужденія, исключающаго волю, и заблужденія въ мотивахъ не можетъ быть признано правильнымъ; взамѣнъ того необходимо провести различіе между заблужденіемъ, опредѣлившимъ выборъ тѣхъ или другихъ составныхъ элементовъ, необходимыхъ для достиженія даннаго конечнаго эффекта, и заблужденіемъ опредѣлившимъ выборъ самаго конечнаго эффекта.

По существу своему въ добытыхъ результатахъ трудъ г. Гримма долженъ представить большой интересъ для читателей спеціалистовъ и спеціальной критики, но и критика общая не должна пройти мимо книги уважаемаго ученаго, не отмѣтивъ въ ней черты твердо обоснованнаго и глубокаго прдоуманнаго новаторства. **В. Гр—скій.**

Н. И. Герасимовъ. **Буддійскія Сутты.** (Восточная библіотека. Т. II изд. 1900 г.). Изданіе „Восточной библіотеки" является цѣннымъ вкладомъ въ популярно-научную литературу. Свѣдѣніе относительно древнихъ письменныхъ памятниковъ Востока, вообще очень мало распространены среди нашей читающей публики. Большинство даже совершенно не знакомо съ этими памятниками древняго міра, не взирая на то, что по своему своеобразному содержанію, глубинѣ мысли и оригинальному міровоззрѣнію, они заслуживаютъ вниманія каждаго просвѣщенаго человѣка. Главная причина такого незнакомства была ихъ недоступность. Изданіе же „Восточной библіотеки" несомнѣнно окажетъ большую услугу всѣмъ желающимъ расширить свое знаніе въ области древняго міра.

Буддійскія Сутты есть продуктъ позднѣйшихъ временъ. Онѣ переведены проф. Рисъ-Дэвидсомъ съ пали, а палійскіе тексты явились гораздо позднѣе санскритскихъ.

Предисловіе Н. Н. Герасимова къ его русскому переводу буддійскихъ суттъ обличаетъ въ авторѣ глубокое пониманіе буддійскаго ученія, свидѣтельствующее о его тщательномъ изученіи буддизма. На буддійское ученіе было направлено столько тяжелыхъ упрековъ, столько неправильныхъ сужденій, что нельзя не отнестись съ признательностью къ почтенному автору за его справедливую и безпристрастную оцѣнку.

Буддизмъ конечно не былъ вдохновеніемъ единой личности, а слагался постепенно и послѣдовательно. Онъ тѣсно связанъ съ браманизмомъ цѣлымъ рядомъ предшествующихъ ему философскихъ системъ. Но ежели буддизмъ и былъ формой позднѣйшаго, уже болѣе возвышеннаго браманизма, то все же несомнѣнно, что Будда внесъ въ свое ученіе то нѣчто особенное и своеобразное, благодаря чему съ такою могучею силой изъ философской системы будійское ученіе возросло до могущественной религіи. „Вся проповѣдь Готамы—говоритъ Н. Н. Герасимовъ,—есть проявленіе дѣятельной любви. Задача по ученію—внести свѣтъ въ людскую душу, этотъ свѣтъ—мудрость. Мудрость это величайшая духовная сила, единственная сила побѣждающая зло". Такимъ образомъ мудрость Будды стала вѣрой.

Хотя въ исторіи мысли никогда еще не было ученія столь чуждаго всего сверхъестественнаго, однако съ теченіемъ времени оно сильно видоизмѣнилось и стало безконечно далекимъ отъ своей первоначальной высоты. Послѣдователи буддійскаго вѣроученія теперь вѣрятъ не столько въ самое ученіе, сколько въ самого учителя, личность котораго изображаютъ въ ореолѣ сверхъестественной славы, а его ученіе считаютъ божественнымъ откровеніемъ.

Буддійскія Сутты состоятъ изъ 7 частей:

1) **Основаніе царства праведности.** Эта сутта есть поученіе Будды пяти ученикамъ, въ которомъ онъ осуждаетъ какъ влеченіе къ земнымъ благамъ, такъ и самоистязаніе, и доказываетъ, что спасенія можно только достигнуть путемъ внутренняго совершенствованія. Въ основаніи царства Праведности, индійцы видѣли основное начало своей религіи.

2) **Книга великой кончины** описываетъ послѣдніе часы жизни Будды и его погребеніе. Въ торжественную минуту приближенія смерти, Будда обращается въ послѣдній разъ къ своимъ ученикамъ съ просьбой глубоко вникнуть въ истины, имъ постигнутыя, и нести вѣсть о нихъ далеко по свѣту, дабы истина свѣтилась на благо и счастье многихъ и многихъ—любовью къ міру, ради спасенія и благоденствія людей и боговъ.

3) **О злѣ.** Содержаніе этой сутты заключаетъ въ себѣ общеизвѣстное буддійское ученіе, т. е. исканіе Нирваны, затѣмъ Будда объясняетъ своимъ ученикамъ, что зло кроется въ несовершенствѣ духа, а изъ этого несовершенства истекаетъ и всякое зло, и указываетъ на происхожденіе и прекращеніе зла.

4) **О познаніи Ведъ.** Эта сутта изложена въ формѣ бесѣды съ двумя молодыми браминами, въ которой онъ объясняетъ имъ понятія о праведной жизни и доказываетъ, что знаніе Ведъ, какъ бы велико оно ни было, не дастъ настоящаго понятія о божественной сущности души, и что праведная жизнь есть единственный путь къ достиженію единенія съ Брамой.

5) **Безплодіе и узы** Тутъ рѣчь идетъ о духовномъ безплодіи т. е. духовной немощи, препятствующей духу преодолѣть стремленіе къ земнымъ благамъ. Узы—это злыя чувства, сковывающія свободу дѣйствій и каждый жаждущій достичь вѣчнаго блаженства долженъ непремѣнно порвать эти узы, связывающія душу.

6) **Если хочетъ.** Всякій кто хочетъ достичь соединенія съ Брамой долженъ жить праведно и развивать чистоту духовныхъ воззрѣній.

7) **Великій царь царей.** Въ этой легендѣ подробно описывается богатство, слава и могущество величайшаго изъ царей Маха-Судассана, при чемъ Будда объясняетъ, что это царь былъ онъ самъ, въ одномъ изъ его прежнихъ воплощеній. Основная мысль этой легенды заключается въ томъ, что все существующее подлежитъ разрушенію, все мимолетно, все тлѣнно, и Будда въ самыхъ яркихъ краскахъ изображаетъ славу величайшаго изъ царей съ тою цѣлью, чтобы показать, какъ все мимолетно въ этой жизни. Въ природѣ вещей войти въ жизнь и затѣмъ исчезнуть, всѣ вещи, принимая жизнь облекаются въ форму индивидуальности, но такъ какъ все имѣющее жизнь непрочно, то въ своей мимолетности она уподобляется призракамъ, на время появившимся видѣньямъ. Въ основѣ буддійскаго ученія лежитъ идея о страданіи. Мимолетная жизнь исполнена имъ, задача жизни состоитъ въ томъ, чтобы освободиться отъ страданія, а для того чтобы освободиться отъ него надо освободиться отъ единенія духа съ плотью, т. е. выйти изъ этого круговорота возрожденій, а это достигается только пу-

темъ отрѣшенія отъ всего земнаго и самоусовершенствованія. Душа, освобожденная отъ возрожденій, т. е. отъ страданія, возвращается къ своему первоначальному источнику—къ Брамѣ.

Буддійскія Сутты, кромѣ историческаго интереса представляютъ огромный интересъ по формѣ, содержанію и глубинѣ мысли, освѣщенной яркимъ свѣтомъ восточной фантазіи.

Проф. *Карлъ Бюхеръ.* **Экономическій строй первобытныхъ народовъ.** Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ ред. М. Э. Гуковскаго. Одесса 1899 г. **Цѣна 25 коп.**

Небольшая брошюрка занимательно и живо рисуетъ намъ въ общихъ чертахъ своеобразную жизнь первобытныхъ народовъ, обитающихъ между тропиками, въ Америкѣ, Африкѣ, Австраліи и Малайскомъ архипелагѣ.

Тысяча вещей,—говоритъ авторъ,—начиная съ флоры и фауны и кончая религіозными вѣрованіями, преданіями, повѣріями и семейнымъ строемъ, дѣлались предметомъ изученія путешественниковъ и изслѣдователей, но въ это же время оставлялась безъ вниманія повседневная жизнь дикарей, тѣ способы, которыми они удовлетворяютъ свои потребности, ведутъ свое хозяйство, устраиваютъ свою матеріальную жизнь.

Авторъ ограничивается изслѣдованіемъ хозяйственной жизни только тѣхъ народностей, экономическія отношенія которыхъ не подверглись еще разложенію, подъ вліяніемъ сношеній съ европейскими націями. По мѣрѣ удаленія въ глубь вѣковъ, къ первымъ зачаткамъ культуры, условія существованія становятся болѣе однородными, соціальныя учрежденія болѣе сходными, многія сами по себѣ непонятныя учрежденія дикарей оказываются лишь низшими ступенями той лѣстницы, по которой человѣчество медленно, въ теченіе столѣтій, достигало высшихъ формъ существованія.

Первобытный человѣкъ стоитъ ближе къ природѣ, чѣмъ мы, находится въ большей отъ нея зависимости, непосредственнѣе ощущаетъ ея силы и болѣе подчиняется имъ. Онъ, въ полномъ смыслѣ, дитя минуты, не знающее никакихъ заботъ; безграничный наивный эгоизмъ наполняетъ всю его душу. Онъ не дѣлаетъ никакихъ запасовъ, не знаетъ ни орудій, сберегающихъ труда, ни правильнаго распредѣленія времени, ни упорядоченнаго потребленія; ограниченный своими слабыми естественными силами, окруженный отовсюду враждебными элементами, онъ вынужденъ ежедневно добывать снова средства для существованія, и нерѣдко онъ не знаетъ сегодня, будетъ ли у него завтра возможность утолить голодъ.

По мнѣнію автора, первоначально, человѣкъ добывалъ, главнымъ образомъ, растительную пищу и только, въ случаѣ нужды, питался маленькими животными, въ сыромъ видѣ. У низшихъ племенъ мы встрѣчаемся съ любопытнымъ раздѣленіемъ труда между полами: въ то время какъ мужчины занимаются охотой, добывая животную пищу, женщины заняты сборомъ плодовъ и ягодъ, а впослѣдствіи земледѣліемъ, т. е. добываніемъ пищи растительной, и такъ какъ добытая пища немедленно пожирается и никто

не заботится о другихъ, пока не удовлетворитъ своего голода, то это обстоятельство ведетъ къ различію питанія обоихъ половъ, которое, вѣроятно, немало способствовало дифференцированію ихъ физическаго развитія.

Земледѣліе было знакомо большинству первобытныхъ народовъ, когда они стали извѣстными европейцамъ. Другими источниками пропитанія служатъ: охота, рыбная ловля. Скотоводство у дикихъ обитателей тропическихъ странъ играетъ самую незначительную роль. Въ отношеніи техники переработки веществъ первобытные народы безпомощны, но, несмотря на отсталость, эти народы своими жалкими орудіями производятъ иногда продукты такой доброты и выказываютъ такой вкусъ, что возбуждаютъ живѣйшее удивленіе. Это возможно лишь при одностороннемъ, но зато детальномъ развитіи извѣстныхъ искусствъ. Но первобытный человѣкъ производитъ, лишь удовлетворяя собственныя потребности. Ремесленниковъ не встрѣчается, за исключеніемъ кузнецовъ. Кузнецы у многихъ племенъ составляютъ обособленную касту и служатъ предметомъ робкаго благоговѣнія или наоборотъ презрѣнія, но, во всякомъ случаѣ, никогда не могутъ вступать съ массой кореннаго населенія ни въ брачные, ни въ иные союзы.

Описавъ возникновеніе обмѣна и рынковъ первобытныхъ народовъ, авторъ высказываетъ мысль, что „для каждаго племени *деньгами* является тотъ товаръ, котораго оно само не производитъ, но получаетъ путемъ обмѣна на свои продукты отъ чужеплеменниковъ“. Заканчивается очеркъ характеристикой способовъ сообщенія и общественнаго хозяйства. Сильно развита у первобытныхъ народовъ „передача извѣстій“ путемъ пословъ и приспособленій для разговоровъ на разстояніи (способы раскрашиванія тѣла, разнообразные головные уборы и другіе условные знаки).

Если множество первобытныхъ народовъ, со времени своего ознакомленія съ европейской культурой, пришло въ упадокъ, а отдѣльныя племена даже и вымерли, то, по мнѣнію изслѣдователей, главною причиною служитъ то разлагающее вліяніе, какое оказали на нихъ наша хозяйственная система и техника. Усовершенствованныя орудія внезапно освободили дикаря отъ огромной массы труда: то, что при помощи каменнаго топора онъ выдѣлывалъ въ теченіе мѣсяцевъ, при помощи желѣзнаго онъ успѣваетъ сдѣлать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, нѣсколько ружей замѣнили ему сотни стрѣлъ и луковъ. Размѣръ же потребностей остался на прежнемъ низкомъ уровнѣ. Дикарь погибаетъ, благодаря тому, что освобожденъ отъ того благодѣтельнаго напряженія души и тѣла, въ которомъ постоянно держали его старыя формы труда.

Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи. Записки С. И. Носовича 1861 — 1863. Съ предисловіемъ В. И. Семевскаго С.-Петербургъ 1900 г. Цѣна 1 р. 25 к. (Оттискъ изъ X и XI томовъ Историческаго Обозрѣніе и Сборника Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемаго подъ редакціей Н. И. Карѣева).

Покойный генералъ-лейтенантъ Сергѣй Ивановичъ Носовичъ началъ свою службу въ качествѣ члена отъ правительства по введенію крестьянской реформы въ Новгородской губерніи.

Несмотря на то что по исторіи обсвобожденія крестьянъ и по введенія положенія 19 февраля 1861 г. имѣется не мало матеріаловъ—записки С. И. Носовича представляютъ къ нимъ весьма существенное дополненіе.

Въ предисловіи къ изданію записокъ авторъ самъ указываетъ на то, что онѣ написаны подъ впечатлѣніемъ дня, безъ строгой соотвѣтственности предыдущаго къ послѣдующему, т. е. безъ задуманнаго плана, но что отъ начала и до конца записки эти должны быть и, безъ сомнѣнія, преисполнены полнаго сочувствія къ совершающемуся великому дѣлу".

И дѣйствительно: не представляя законченнаго цѣльнаго труда записки С. И. Носовича полны горячей любви къ темному освобожденному отъ рабства народу, и искренняго негодованія на тѣхъ дворянъ, которые опираясь на букву закона старались всѣми возможными средствами тормозить великое дѣло освобожденія.

Записки изложены въ формѣ дневника, начинающагося 17 Апрѣля 1861 г. и законченнаго 18 Января 1864 года.

А. М.

Victor Meunier. Les ancêtres d'Adam. L'histoire de l'homme fossile Edition A. Thieullen. Paris, 1900. Авторъ этото сочиненія горячій поклонникъ и защитникъ Буше-де-Пертъ. Сочиненіе это было издано подъ тѣмъ же названіемъ I. Ротшильдомъ въ 1875 г., но издатель отпечатавъ не рѣшился выпустить въ обращеніе изданную имъ книгу, и нѣсколько экземпляровъ книги въ настоящее время представляютъ библіографическую драгоцѣнность.

Souvenirs inédits sur Napoléon. D'après le journal du senateur Gross, par Capitaine Valmy. Paris, 1900.

Сенаторъ Гроссъ состоялъ съ 1808 года муниципальнымъ совѣтникомъ города Лейпцига, или какъ онъ самъ представилъ себя Наполеону: „Гроссъ, докторъ правъ, членъ магистрата". Гроссу неоднократно давались оффиціальныя порученія, при исполненіи которыхъ ему приходилось часто сталкиваться съ выдающимися лицами Наполеоновской эпохи.

Саксонецъ по происхожденію, онъ не любилъ Пруссію, всѣ симпатіи его были скорѣе на сторонѣ французовъ. Въ особенности чарующее впечатлѣніе производилъ на Гросса Наполеонъ, онъ просто боготворилъ его; поэтому вполнѣ понятно, что Гроссъ съ точностью записывалъ всѣ его разговоры, всѣ его выраженія, даже отдѣльныя слова, и въ книгѣ можно встрѣтить очень много мелкихъ подробностей характеризующихъ Наполеона.

Послѣ сраженія при Лейпцигѣ (великая битва народовъ) и пораженія французовъ союзными войсками, Гроссъ съ двумя другими городскими депутатами долженъ былъ привѣтствовать императора Александра I при въѣздѣ его въ Лейпцигъ; но депутація поѣхала по другой дорогѣ и опоздала; тогда Гроссъ одинъ помчался во весь опоръ къ городскимъ воротамъ и догналъ

императора почти при самомъ въѣздѣ его въ городъ. Запыхавшись, онъ едва могъ произнести привѣтствіе. Государь милостиво выслушалъ Гросса и отвѣтилъ, что приметъ депутацію въ своихъ апартаментахъ. Гроссъ уже хотѣлъ удалиться, но Государь остановилъ его и сказалъ ему нѣсколько милостивыхъ словъ „чѣмъ онъ всегда отличался". Въ это время Гроссъ замѣтилъ возлѣ Государя какую-то невзрачную фигуру. „Это прусскій король"— шепнулъ ему одинъ изъ русскихъ генераловъ. Тогда Гроссъ переѣхалъ на другую сторону и обратился къ королю, прося его принять городъ и жителей подъ свое покровительство.

Гроссъ упоминаетъ вскользь о своихъ встрѣчахъ съ великими князьями Михаиломъ, Николаемъ и Константиномъ, съ генералъ фельдмаршаломъ Барклай де Толли, съ княземъ Репнинымъ и другими. О графѣ Матвѣѣ Ивановичѣ Платовѣ Гроссъ говоритъ, что „онъ вовсе не былъ похожъ на казака. Старый, сухощавый, очень слабый на ноги, такъ что его водилъ подъ руку лакей". Объясняться съ Платовымъ Гроссу было очень трудно, такъ какъ тотъ не зналъ ни одного иностраннаго языка.

Интересна между прочимъ замѣтка Гросса, что при представленіи императору Александру I банкира Рейхенбаха, князь Репнинъ сказалъ: „банкиръ Рейхенбахъ—мужъ самой красивой женщины въ Лейпцигѣ".

Campagne de Russie. Commandant Margueron. Première partie. Paris, 1900.

Авторъ этой книги—офицеръ историческаго отдѣленія французскаго главнаго штаба Маргеронъ задался цѣлью систематически сгруппировать всѣ историческіе военные документы, касающіеся компаніи 1812 года, а именно: ежедневные приказы императора Наполеона I, донесенія маршаловъ, генераловъ и агентовъ, дипломатическія депеши и проч. Матеріала оказалось очень много, тѣмъ цѣннѣе вышелъ и трудъ, первая часть коего озаглавлена: „Préliminaires de la campagne de Russie, ses causes, sa préparation. Organisation de l'armée en 1810 et 1811".; вторая часть— „La Période de tension politique et de concentration sur la frontière„ и третья—„Marche sur Moscou, retraite sur le Niéman".

Книга Маргерона въ особенности интересна для военныхъ, хотя и историки найдутъ въ ней много цѣнныхъ документовъ, освѣщающихъ, напримѣръ, намѣренія Наполеона относительно Польши и многіе другіе его планы. Читая всю эту массу приказовъ, донесеній, невольно поражаешься обширностью ума Наполеона, его необыкновенными способностями и широтой его взглядовъ; при такой гигантской умственной работѣ Наполеонъ находилъ еще возможность входить самъ во всѣ мельчайшія подробности.

При зародившейся мысли о походѣ на Россію, Наполеонъ немедленно же разослалъ своихъ агентовъ во всѣ пограничные пункты; эти агенты доносили ему о передвиженіяхъ русскихъ войскъ, о намѣреніяхъ русскаго правительства и даже о томъ, что думали о Франціи тѣ или другія лица. Какъ образчикъ приводимъ одно изъ такихъ донесеній; неизвѣстный агентъ сообщалъ Наполеону отъ 13-го іюля 1811 года: „Русскіе желаютъ войны;

они недовольны, что императоръ Александръ не раздѣляетъ ихъ мнѣнія. Когда пріѣзжаетъ курьеръ изъ Парижа, они говорятъ: „еще прислали опіума для усыпленія императора". Поспѣшность, съ какою идутъ укрѣпленія Риги, также говоритъ о возможности войны".

Къ книгѣ приложены планы расположенія обсерваціоннаго корпуса на Эльбѣ, вестфальской, саксонской, польской, прусской арміи и пѣхотныхъ полковъ 3-й дивизіи русскаго корпуса.

Отъ редакціи. Во время выставки въ Парижѣ состоятся нѣсколько конгрессовъ. Такъ, между прочимъ, на 23 по 29 іюля назначены засѣданія: международнаго конгресса сравнительной исторіи (Congrés international de l'histoire comparée), которая будетъ эостоять изъ восьми отдѣловъ: 1) Общая исторія и дипломатія (предсѣдатель Анри Уссе изъ Французской Академіи) 2) Сравнительная исторія институтовъ и права (предсѣдатель Е. Эсмейенъ) 3) Сравнительная исторія соціальной экономіи (предсѣдатель графъ Альбертъ де-Мунъ изъ французской академіи) 4) Сравнительная исторія религій (предсѣдатель А. Леруа Болье, членъ французской академіи) 5) Сравнительная исторія наукъ (предсѣдатель Поль Таннери) 6) Сравнительная исторія литературъ (предсѣдатель Ф. Брюнетьеръ изъ французской академіи) 7) Сравнительная исторія художествъ (предсѣдатель Морисъ Лефенетръ, членъ академіи изящныхъ искусствъ) 8) Сравнительная исторія музыки (предсѣдатель Бурго Дюкудрэ).

Редакторъ-издатель **С. С. Сухонинъ.**

Бернарду доставить ему аудіенцію, какъ бы случайно, представивъ его, какъ своего друга и секретаря. Герикуръ просилъ нѣсколько часовъ для размышленія.

Незадолго до этого онъ отказался отъ всякой личной попытки. Его слишкомъ возмущала мысль очутиться передъ Бонапарте въ такомъ скромномъ положеніи. Онъ вскочилъ въ кабріолетъ, вернулся домой. Виргинія одѣвала свое траурное манто, намѣреваясь везти маленькую Денизу къ своей невѣсткѣ.

— Что дѣлать?

— Бѣдный мой, бѣдный Бернардъ!... А Аврелія! Она такъ любитъ своего мужа. А если она потеряетъ свое положеніе!... Ахъ! Она заболѣетъ... но ты, ты... Я люблю тебя, ты знаешь. Подумай сперва о насъ. Я не желаю, чтобы ты ушелъ на войну! Ты вѣдь знаешь!

Эти слова рѣшили его участь. Его характеръ не позволялъ ему подъ предлогомъ личнаго тщеславія измѣнять долгу солдата. Брутъ пожертвовалъ своей злобой величію Рима и чести идти подъ знаменами легіоновъ. Дружба, патріотизмъ и слава, благодарное чувство къ Авреліи: все заговорило въ пользу его рѣшенія. Онъ не останется однимъ ничего не дѣлающимъ членомъ семьи.

На слѣдующій день бодрый, одѣтый въ мундиръ и съ каской на головѣ Герикуръ входилъ въ Тюльерійскій садъ, гдѣ стояли съ ружьемъ на плечѣ гренадеры. Разноцвѣтный эскадронъ мамелюковъ занималъ всю аллею, еще мокрую отъ утренняго дождя.

Вдругъ мамелюки обнажили сабли; тамбуръ-мажоръ поднялъ свою палочку, трубы заиграли, барабаны затрещали; раздались торжественно-радостные звуки. Забили походъ. Подъѣхавшія кареты остановились на улицѣ, откуда тысячи зрителей, вскарабкавшись на рѣшетку, смотрѣли въ паркъ. Показался императоръ.

Бернардъ замѣтилъ его въ группѣ штабныхъ офицеровъ и нѣсколькихъ сановниковъ въ вышитыхъ кафтанахъ. Императоръ съ безпокойнымъ видомъ быстро подошелъ къ группѣ генераловъ. Это былъ небольшого роста плотный человѣкъ съ отвислыми щеками, короткой шеей, стянутой высокимъ воротникомъ, синимъ бритымъ подбородкомъ, съ подвижной ямочкой посерединѣ, тонкими презрительными губами и блѣднымъ носомъ. Вѣтеръ отворачивалъ на его бѣлыхъ лосинахъ полы его мундира на сѣрой, шелковой подкладкѣ. Вблизи Наполеонъ

производилъ впечатлѣніе простого добраго малаго, затянутаго въ военный мундиръ. Бросая кругомъ испытующіе взгляды, онъ приложилъ руку къ своей треуголкѣ безъ галуновъ. Генералы и полковники образовали кругъ; Наполеонъ что-то сказалъ. Какой-то колоссъ въ серебряной каскѣ поднялъ руку; барабаны и трубы замолкли.

Онъ вошелъ въ кругъ и по военной привычкѣ казалось провѣрялъ по формѣ-ли всѣ держатъ руки и ноги. Заложивъ руки за спину, онъ началъ:

— Поручаю вамъ первыхъ рекрутовъ имперіи: завербовано 60 тысячъ человѣкъ. Ихъ нужно скорѣе обучить.... Вы вернетесь къ своимъ частямъ.... *(Онъ остановился, всматриваясь въ лица)*. Геній зла напрасно будетъ искать предлоговъ для войны на континентѣ.... Но всетаки надо быть на готовѣ. Чтобы у всѣхъ людей было все въ порядкѣ. Слишкомъ часто забываютъ о мелочахъ. *(Онъ какъ-бы припоминалъ)*. Каждый солдатъ долженъ имѣть въ магазинѣ 2 пары новыхъ сапогъ. Въ случаѣ похода одна будетъ на ногахъ, а другая въ ранцѣ. У кавалеристовъ нѣтъ перчатокъ. Я не люблю этого.... Перчатки необходимы. Барышничаютъ лошадьми... Я отдалъ приказаніе, чтобы это не повторялось. Этого больше не будетъ, гмм....?

Онъ повертывался во всѣ стороны, постукивая каблукомъ. Говорилъ онъ короткими фразами тономъ ворчливаго солдата. Несмотря на свой маленькій ростъ и природную сутуловатость, мѣшавшую ему поднимать голову, онъ, не боясь быть смѣшнымъ, спокойно смотрѣлъ вверхъ на гигантовъ-кавалеристовъ. Потомъ вдругъ быстро направился въ сторону Бернарда. Внимательно взглянулъ на него и прошелъ мимо, нервно перебирая пальцами заложенныхъ за спину пухлыхъ рукъ безъ перчатокъ, и продолжалъ тихимъ голосомъ:

— Всѣ барышничаютъ, я не люблю этого. Барышничаютъ на фуражѣ, на сѣдлахъ, на уздечкахъ. Наживаются на всемъ. Въ миланскомъ отрядѣ нѣтъ больше ни одной повозки. Ланнъ любитъ деньги. Ожеро любитъ деньги и достаетъ ихъ нечестными средствами. Вы всѣ—любите деньги. Обираютъ муниципалитетъ. Обижаютъ народъ. Берегитесь, я наведу порядки.... Въ булонскомъ лагерѣ солдаты грабятъ потерпѣвшіе крушеніе корабли.... Я заставлю все вернуть по принадлежности.... Спокойно смотрятъ на то, что поставщики развращаютъ комисаровъ. Всѣ крадутъ. Отнынѣ каждый батальонъ

будетъ имѣть свою повозку съ хлѣбомъ и отвѣтственность за это будетъ лежать на начальникахъ бригадъ....»

Опуствъ глаза въ землю, онъ еще нѣсколько времени повертѣлся въ кругу. А эти прославленные, залитые золотомъ люди, которыхъ онъ назвалъ ворами, не моргнули глазомъ, даже не удивились. Они смотрѣли прямо передъ собой, стоя неподвижно, какъ простые гренадеры. Герикуръ вспомнилъ о страшномъ богатствѣ, вывезенномъ изъ Италіи самимъ Бонапартомъ, о деньгахъ съ помощью которыхъ удался переворотъ Вандемьера, обогатившихъ сестеръ и братьевъ корсиканца. Очевидно Наполеонъ тоже вспомнилъ о собственныхъ слабостяхъ, такъ какъ онъ изволилъ улыбнуться и ущипнулъ за ухо одного старика, имѣвшаго смѣшной видъ въ своей мохнатой шапкѣ съ серебряными галунами. Императоръ повидимому думалъ о совершенно постороннихъ вещахъ, и забывъ о «ворахъ», по прежнему неподвижно стоявшихъ въ своихъ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, съ пышными султанами на шляпахъ, украшенныхъ всѣми знаками почестей и славы, и смотрѣлъ на небо, по которому бѣжали сѣроватыя облака и летали голуби.

Вдругъ онъ вспомнилъ, гдѣ находится, и остановившись посереди круга, произнесъ напыщеннымъ тономъ заранѣе приготовленную фразу:

— Геній зла напрасно будетъ искать предлоговъ чтобъ возбудить войну на континентѣ...»

Онъ опять обвелъ всѣхъ испытующимъ взглядомъ, подрагивая ногой, и оставшись доволенъ выраженіемъ лицъ окружающихъ, повторилъ свой меморандумъ:

— Старшій генералъ долженъ принимать рапортъ отъ командующихъ дивизіями... Инспектора смотровъ отвѣчаютъ за перемѣны и движенія по службѣ... Въ штабахъ мало адъютантовъ. Нужно назначать для этого рода службы молодыхъ, образованныхъ офицеровъ. Въ кавалеріи необходимы образованные офицеры для развѣдочной службы. Лошадей лучше покупайте за границей, а не у насъ. Нельзя истощать запасы лошадей во Франціи... Надо быть наготовѣ... Вернитесь въ ваши гарнизоны. Думайте о моихъ рекрутахъ... Надо быть всегда наготовѣ, какъ будто мы завтра должны начать войну. Скоро я отправлюсь въ Италію произвести смотры и потомъ на берега моря... Я требую честнаго отношенія къ дѣлу... Нельзя, чтобы въ иностранныхъ газетахъ писали, что мы шайка бандитовъ... И такъ... до свиданья. Уѣзжайте поскорѣй, спѣ-

шите. Многихъ старыхъ офицеровъ вернули. Возвращайтесь сейчасъ-же.

Онъ круто повернулся спиной и направился къ солдатамъ, которые взяли на караулъ. Толпа генераловъ и полковниковъ, молча послѣдовала за нимъ; всѣ прошли мимо рядовъ солдатъ; барабаны били походъ. Солдаты недвижно стояли, устремивъ глаза впередъ на таинственную точку. Бернардъ боялся, чтобы дурное настроеніе Бонапарте не испортило дѣло. Ни Кавановъ, ни Лирисъ не смѣли его разувѣрять. Молча, смиренно слѣдовали они за маленькимъ, затянутымъ въ мундиръ человѣкомъ, нервно теребившимъ пальцы заложенныхъ за спину рукъ.

Смотръ прошелъ благополучно. Императоръ взялъ у камергера бумагу и пробѣжалъ ее глазами. Затѣмъ быстро повернулся къ группѣ генераловъ и, нагнувъ голову, направился прямо къ Кавановy.

— Вы все еще любите тигровыя шкуры?

— Да, Ваше Величество...

— Полковникъ, этотъ молодой человѣкъ вашъ зять?

— Точно такъ, Ваше Величество.

— Хорошо. Гдѣ вы родились, капитанъ?

— Въ Аррасѣ.

— Вы женаты?

— Да, Ваше Величество.

— Сколько дѣтей?

— Одна дочь, Ваше Величество.

— Какое приданое получили Вы за женой?

— 60 тысячъ ливровъ.

— А вы имѣете состояніе?

— Да, государь. Мельницы Герикуровъ...

— Хорошо. (*Императоръ нахмурился*). Вашъ братъ въ штабѣ генерала Удино. Вы были въ кампаніи?

— При Штокахъ, въ Дунайскую кампанію. Раненъ при Гогенлинденѣ. (Императоръ что-то проворчалъ).

— Говорятъ, что вы безпокойный человѣкъ, я не люблю такихъ. Генералъ Моро былъ виновенъ. Я хотѣлъ его спасти. Вы еще молоды, вы думаете о людяхъ лучше, чѣмъ они есть; у меня есть письменное доказательство его измѣны... Письменное доказательство... У меня оно было, когда Декенъ отправился въ Индію. Я хотѣлъ подождать. Моро былъ предупрежденъ... Моему адъютанту, сопровождавшему его до границы Испаніи, приказано было вернуть его въ Парижъ, еслибы онъ далъ слово быть вѣрнымъ мнѣ...

Бернардъ удивился, что императоръ счелъ нужнымъ оправдываться передъ бѣднымъ, опальнымъ офицеромъ. Наполеонъ говорилъ глухимъ голосомъ; ямка на его подбородкѣ дрожала. Конечно онъ сожалѣлъ обо всемъ этомъ злосчастномъ дѣлѣ. Говоря это онъ смотрѣлъ внизъ на сапоги; пожималъ плечами, какъ будто обвиняя во всемъ случившемся судьбу; хотя всѣ знали съ какимъ деспотизмомъ консулъ требовалъ отъ судей осужденія, заставляя ихъ уничтожить первый оправдательный приговоръ, держа ихъ плѣнниками въ судѣ до тѣхъ поръ, пока они не подчинились приказу генерала Савари. Продолжая жмуриться и, очевидно думая уже о другомъ, императоръ вдругъ рѣзко спросилъ:

— Вы обѣщаете быть мнѣ вѣрнымъ?

— Да, государь... (*Императоръ не слыхалъ отвѣта: онъ любовался необыкновенный формой Кавапона*).

— Хорошо... Полковникъ Лирисъ, получили вы отъ казны деньги на ремонтъ?

— Я все еще жду, государь...

— Отмѣтьте это Колэнкуру, сказалъ императоръ одному изъ секретарей.

— Ну, а ваши тигровыя шкуры, генералъ? Я хочу, чтобы вы мнѣ подарили одну... ха, ха... Вы должны мнѣ подарить.

Ямка исчезла съ упрямаго подбородка и императоръ засмѣялся, какъ будто намекалъ на повозки захваченныя въ Ломбардіи.

— Ваше Величество оказываете мнѣ слишкомъ большую честь, отвѣчалъ Кавапонъ, и я буду счастливъ представить Вамъ одну изъ шкуръ.

Наполеонъ удалился, продолжая смѣяться. Бернардъ съ облегченіемъ вздохнулъ. Онъ почти былъ благодаренъ бездѣльнику, за то, что онъ не корчилъ изъ себя аристократа, но оставался въ своей нѣсколько мѣщанской роли главаря разбойничьей шайки. Императоръ продолжалъ удовлетворять просьбы своихъ «воровъ» и смѣяться ихъ отвѣтамъ. Окруженный ими, онъ прошелъ весь садъ до Тюльерійскаго подъѣзда. Удивленный, что ему не такъ трудно было называть его государемъ, и выслушивать его замѣчанія, Герикуръ не переставая, слѣдилъ за нимъ глазами. Наполеонъ принималъ поклоны, реверансы и титулъ величество, какъ человѣкъ, знающій цѣну этой комедіи и думающій, что самъ можетъ надъ нею смѣяться; это и было причиной взаимнаго довѣрія между нимъ и дру-

гими. Товарищи по оружію видѣли въ немъ благосклоннаго къ нимъ товарища и если держались на приличномъ разстояніи такъ только потому, что это было однимъ изъ условій игры.

ГЛАВА XI.

Въ Булонскій лагерь Герикуръ привезъ и свое снисходительное отношеніе къ Наполеону.

Полкъ заканчивалъ свое комплектованіе.

Были призваны старые офицеры; многіе дворяне вернувшіеся изъ эмиграціи получили командованіе. Дисциплина была строгая, какой полубригады VII года не знали. Бернардъ прекрасно съ этимъ мирился. Церемонные еще незнакомые между собой офицеры относились другъ къ другу очень вѣжливо. Все это были болѣе или менѣе состоятельныя люди. Повидимому, императоръ хотѣлъ придать кавалеріи опять ея прежній блескъ и лоскъ, какимъ она отличалась при короляхъ, Было обращено заботливое вниманіе на мундиры, на перчатки, на лосины и на жилеты. Честолюбіе заключалось въ томъ, чтобы драгуны превосходили гусаръ и карабинеровъ легкостью движеній, безукоризненностію вооруженія.

О политикѣ совсѣмъ не говорили, но за то доводили до преувеличенности заботу о красотѣ лошадей. У каждаго офицера была кровная лошадь. Полковникъ Лириссъ прислалъ своему зятю чистокровнаго арабскаго жеребца, что поставило Герикура на лучшемъ счету въ ряду офицеровъ. Полкъ былъ расквартированъ въ маленькомъ городкѣ близъ рѣки Соммы недалеко отъ аббатства Сентъ-Лё. Купцы выписали изъ Парижа спеціальный лакъ для сапогъ, испанской полировки, серебряныя уздечки. Въ ихъ лавкахъ было выставлено множество парадной конской сбруи, настоящихъ пантеровыхъ шкуръ для касокъ, золоченыхъ шпоръ, серебряныхъ вызолоченыхъ пуговицъ. У полковника Корвэнъ-де-Брюмьера кожанныя ножны были оправлены въ золото. Гриву касокъ душили бергамотомъ. Трубачи получили приказъ нашивать на рукава своихъ длинныхъ мундировъ шелковыя ленты. Обѣдали всѣ въ лучшей гостинницѣ, но офицеры различныхъ чиновъ плохо уживались между собой. Начальники отрядовъ приняли на себя весь трудъ обученія трехъ эскадроновъ, офицеры которыхъ не занимались ими, будучи сильно увлечены вечерами и пріемами въ сосѣднихъ замкахъ.

Только-то выпущенные изъ школы поручики послѣ восьмимѣсячнаго пребыванія ничего не знали, стараясь только хорошо держаться въ сѣдлѣ. Бернардъ водилъ свою роту по полямъ въ курткахъ и фуражкахъ. Съ утра до вечера выправлялъ онъ своихъ солдатъ, стараясь дать имъ молодцоватую, военную выправку, пріучалъ ихъ къ выносливости и лишеніямъ, то подвергая ихъ дѣйствію палящихъ солнечныхъ лучей, то заставляя мокнуть подъ дождемъ, то моря жаждой, то голодомъ, подвергаясь самъ, въ то же время, подобнымъ же лишеніямъ. Онъ хотѣлъ достигнуть того, чтобы его люди были самыми лучшими наѣздниками и быстрѣе и лучше всѣхъ исполняли военные маневры.

Вообще Герикуръ съ жаромъ отдавался своему дѣлу. Пятьдесятъ всадниковъ его роты были послушными, преданными императору молодцами, ослѣпленными возможностью содѣйствовать славѣ французскаго оружія и стремящимися къ этому. Задача Бернарда впрочемъ была не трудна. Черезъ мѣсяцъ эти молодые люди въ ботфортахъ, лосинахъ, зеленыхъ мундирахъ, бѣлой аммуниціи и блестящихъ мѣдныхъ каскахъ съ презрѣніемъ смотрѣли на запыленнаго пѣхотинца, хвастливаго гусара, глупаго кирасира и гордились будущими побѣдами въ Англіи, куда предстояло переправиться на гребныхъ судахъ.

По настоянію барона Кавапопа, сопровождавшаго инспектора смотра. каптенармусъ написалъ великолѣпный отзывъ о Герикурѣ. Инспекторъ смотровъ, сорокалѣтній брюзга въ огромной, спускавшейся ему на уши, треуголкѣ, кисть которой болталась у него на носу, сомнѣвался въ дѣйствительномъ существованіи такихъ достоинствъ, и почуялъ протекцію и въ первый же день смотра объявилъ, чтобы всѣ офицеры по очереди командовали полкомъ. Первымъ долженъ былъ начать командиръ отборной роты, Бернардъ, удивившій всѣхъ своими маневрами. Инспекторъ скрѣпилъ своей подписью отзывъ. Черезъ десять дней Герикуръ получилъ командованіе эскадрономъ и, благодаря вліянію своихъ зятьевъ, въ своемъ прежнемъ полку. Очевидно, императоръ хотѣлъ показать, что онъ не питаетъ никакой вражды къ помилованнымъ офицерамъ. Съ громаднымъ удовольствіемъ Бернардъ встрѣтился въ Сентъ-Омерѣ съ капитаномъ Питуэтомъ, поручиками Каюжакомъ и Корбегемомъ, съ значительно постарѣвшимъ элегическимъ коллегой, съ молодымъ кузеномъ Грелу, съ вахмистрами Трегекомъ и Нопденомъ, съ полковымъ адъютантомъ Маріусомъ.

Много было тоже и новыхъ лицъ. Толстый полковникъ обнялъ его и, задыхаясь еще больше прежняго, заговорилъ:

— Ахъ! сударь, сколько новостей! Командиръ эскадрона и подполковникъ вернулись изъ Кобленца! И теперь нѣтъ вещи, которая бы была достойна ихъ особы. Спроси у капитана Питуэта. А бѣдняга Пье-де-Жасентъ! Онъ сдѣлался типографщикомъ въ Турѣ. Здѣсь мы формируемъ бригаду. У насъ на шеѣ сидятъ генералы и адъютанты! и адъютантъ-полковникъ! Вотъ ты увидишъ. И еще инспекторъ смотровъ! Оказывается что я ужъ не умѣю написать рапорта. Онъ меня учитъ, каково.... Выпейте же бокалъ шампанскаго, сударь..... И вездѣ-то суютъ они носъ и въ фуражъ и въ сбрую. Повѣряютъ мои счета..... Къ счастію, Питуэтъ славный малый. Онъ мнѣ все это устраиваетъ. Я переведу его въ отборную роту..... Но все-таки я доволенъ..... Будемъ бить англичанъ скоро..... Довольно, ни слова.

Онъ потрясъ своей большой сѣдѣющей головой. Лосины вытянулись на его огромномъ животѣ.

— Я радъ тебѣ, сударь; если захочешь ты можешь мнѣ помочь..... Я ничего не понимаю въ этихъ счетахъ..... Если вы захотите, маіоръ, вы меня избавите отъ многихъ безпокойствъ?.....

И онъ со страхомъ украдкой посматривалъ на Бернарда, боясь отказа, и поблѣднѣлъ отъ радости при утвердительномъ отвѣтѣ. Сейчасъ же они распредѣлили между собой обязанности. Полковникъ будетъ завѣдывать ремонтомъ, Питуэтъ продовольствіемъ, Герикуръ солдатами.

А капитанъ-меланхоликъ румянилъ себѣ поблѣднѣвшія отъ злоупотребленія любовью щеки и опять умиралъ отъ жестокости одной дамы.

Дѣятельность Бернарда расширилась: теперь ему приходилось обучать шестьсотъ человѣкъ; шестьсотъ античныхъ статуй въ бронзовыхъ каскахъ скакали по мановенію его руки, останавливались, выравнивались въ одну линію или снова стягивались въ одну колонну. Возбужденіе въ войскахъ росло; нація трепетала отъ нетерпѣнія и желанія борьбы. Въ трубныхъ звукахъ тоже слышалась жажда торжества и побѣды. Герикуръ забылъ смерть отца и меланхолическую Аврелію и свѣтлые глаза дѣтей рожденныхъ при воспоминаніи объ одной и той-же баварской дѣвочкѣ....

Наполеонъ между тѣмъ короновался въ Миланѣ императоромъ-королемъ; Евгеній Богарне былъ произведенъ въ вице-

короли Италіи; Пракси-Блассанъ получилъ орденъ, новое земельное владѣніе въ Воклюзѣ, имперскую пенсію; Каврув сдѣланъ начальникомъ департамента въ своемъ министерствѣ. Вся семья собралась на отдыхъ на Мельницы-Герикуровъ.

Бернардъ тоже поѣхалъ туда, опьяненный величіемъ своего дѣла и блескомъ оружія, подъ которымъ соединились во едино силы Франціи.

ГЛАВА XII.

Войска получили, наконецъ, приказъ о выступленіи и двинулись между зрѣющими полями, пышно цвѣтущими маками и васильками. Эскадроны окутались облаками пыли. Звонко отдавался по дорогамъ стукъ лошадиныхъ копытъ. Деревни просыпались при побѣдныхъ торжественныхъ звукахъ трубы.

На дюнахъ стоялъ ритмическій гулъ военнаго муравейника. Вся сила Франціи собралась на песчаныхъ холмахъ. Въ воздухѣ развѣвались сотни тысячи разноцвѣтныхъ султановъ. Пестрѣли розовые, бѣлые и красные доломаны гусаръ. Мелькали эскадроны егерей въ зеленыхъ мундирахъ съ вышитыми спинами, галопировали полки драгунъ въ бронзовыхъ каскахъ и бѣлыхъ аммуниціяхъ; тянулись бригады блестящихъ кирасиръ.

Опьяненные солнцемъ и всеобщимъ восторженнымъ настроеніемъ и гордясь принадлежностію къ такой блестящей арміи, офицеры по вечерамъ выпивали массу пива въ честь своего войска. Барабаны возвѣщали всѣмъ о мощи людей поднявшихся для пожинанія лавровъ. Поручикъ Грелу и маленькій холерическій Эдмъ въ зеленомъ драгунскомъ мундирѣ, который къ нему очень шелъ, заглянулъ къ Бернарду въ его баракъ и всѣ вмѣстѣ пошли по улицамъ Булони, причемъ Бернардъ долженъ былъ имъ указывать на героевъ прошлыхъ походовъ.

Нѣкоторые изъ нихъ были великолѣпны и краснорѣчивы, другіе суровы и молчаливы, третьи незамѣтны и скромны. У барона Кавакона, домъ котораго былъ всегда открытъ для всѣхъ, Герикуръ разсказывалъ молодежи о своихъ битвахъ. Въ иныхъ глазахъ, смотрѣвшихъ на него, ясно читалось выраженіе: „Я не уступлю тебѣ въ будущемъ“.

У Эдма затѣялась дуэль со стрѣлкомъ, острившимъ надъ новыми эскадронами, еще не бывавшими въ огнѣ. Кинули жребій. Бернардъ присутствовалъ при дуэли. При первомъ же ударѣ окрасилось кровью нѣжное плечо юноши, но за то противникъ Эдма получилъ такой ударъ въ бокъ, что его увезли

въ госпиталь. Эдмъ очень гордился своей побѣдой, вѣдь онъ поддержалъ честь полка, и съ шумомъ волочилъ свою саблю по улицамъ городка. Бернардъ отдавался съ увлеченіемъ этой шумной жизни, не переставая заниматься физическимъ и нравственнымъ обученіемъ своихъ драгунъ, стараясь воспитать въ нихъ духъ римскихъ воиновъ. И вотъ среди грома пушекъ, барабаннаго боя, звона колоколовъ и восторженныхъ кликовъ двухъ сотъ тысячъ людей явился императоръ.

Сто тридцать тысячъ сыновъ республики отдали честь цезарю, собравшему ихъ здѣсь, чтобы идти на потомковъ Викинга, корветы которыхъ виднѣлись на горизонтѣ сверкающаго подъ лучами солнца моря. Бернардъ тоже поднялъ, отдавая честь, свою саблю, почти не чувствуя никакой вражды къ сопернику. Развѣ Корсиканецъ не устрашалъ весь міръ?

Искренній энтузіазмъ слышался въ звукахъ тысячъ трубъ. Радость, написанная на лицахъ солдатъ, придавала полку болѣе праздничный видъ, чѣмъ всѣ опущенныя знамена.

Наполеонъ въѣхалъ рысью на одинъ изъ холмовъ и остановился.—Позади его собрался главный штабъ на изящныхъ тонконогихъ лошадяхъ.

Дивизіи двинулись съ генералами во главѣ съ побѣдными звуками музыки. Лица новобранцевъ сіяли еще большимъ счастьемъ, чѣмъ загорѣлыя, обвѣтренныя и опаленныя лица солдатъ, побывавшихъ въ германскихъ и итальянскихъ походахъ.

Лошадь подъ генераломъ Удино, испугавшись шума, заупрямилась и хотѣла сбросить сѣдока, и пока Удино справлялся съ лошадью солдаты его все уходили дальше и дальше. Тогда, не желая заставлять ждать императора и отстать отъ своихъ людей, разъяренный генералъ выхватилъ изъ ноженъ саблю и полоснулъ ею по шеѣ непокорнаго животнаго, которое моментально убрали изъ рядовъ, и вскочилъ на другого скакуна. Раненое животное упало на переднія ноги и провожало предсмертнымъ храпомъ проходившій корпусъ „соединенныхъ гренадеръ и стрѣлковъ“ подъ предводительствомъ суроваго Удино въ большой треуголкѣ съ бѣлыми перьями.

Поступокъ генерала произвелъ большое впечатлѣніе на офицеровъ. Они нашли его великолѣпнымъ, указывающимъ на необходимость энергіи въ военачальникѣ. Ничто не должно нарушать порядка въ рядахъ войскъ, одушевленныхъ преданностью къ единственному божеству націи, воплотившемуся въ особѣ императора. Удино подавалъ этому примѣръ, пожертво-

вавъ лошадью, стоившей тысячу экю, для того только, чтобы не задержать марша на парадѣ.

Предшествуемый трубными звуками, драгунами и топотомъ пятисотъ лошадей, поднимавшихъ столбы пыли съ морского берега, проѣхалъ въ свою очередь Бернардъ, гордый своими шестью стами всадниковъ, повинующихся мановенію его руки. Приближаясь, къ холму, на которомъ верхомъ на лошади, согнувшись въ сѣдлѣ, раздвинувъ ноги въ стременахъ и далеко выдавшись впередъ стоялъ императоръ, драгуны поскакали галопомъ. И хотя Наполеонъ усталъ отъ продолжительнаго сидѣнья въ неудобной позѣ, но, повидимому, онъ наслаждался разстилавшейся передъ нимъ картиной сверкающаго моря, кликами солдатъ и шумомъ морского прибоя.

Дѣйствительно, это ласкающее море какъ бы приглашало сегодня къ переходу въ Англію. Недавно канонерскія лодки подъ прикрытіемъ береговой артиллеріи и Булонской флотиліи обратили въ бѣгство корабли Питта. И чтобы переправиться черезъ проливъ, французы ждали только удобнаго момента когда морская демонстрація при входѣ въ Ла-Маншъ отвлечетъ подальше отъ берега непріятельскую эскадру...

Каролина Кавруа между тѣмъ не могла получить уплаты за предварительную поставку хлѣба, кожъ и новыхъ лодокъ. Грельдинъ Вандербергъ, которому была поручена эта уплата «Компаніей соединенныхъ негоціантовъ» разорился: англійскіе крейсера захватили испанскія галіоты, шедшія изъ Мексики и долженствовавшія доставить банку наличныя деньги. Бернардъ и Августинъ должны были черезъ Удино и барона Кавапона довести это до свѣдѣнія императора. Но интендантство не дозволило ловкой Каролинѣ отказаться принять въ предварительную уплату обязательства, подписанныя главными сборщиками.

Обезумѣвшая отъ страха Каролина примчалась въ Булонь. Къ счастью, братья-моряки привели въ Дюнкирхенъ бригъ и шхуну съ хорошей добычей. Продажа груза могла доставить хорошіе барыши, потому что въ портахъ, закрытыхъ для англійскихъ кораблей, ощущался большой недостатокъ въ сахарѣ и пряностяхъ. Каролина, поселившаяся въ маленькомъ домикѣ на дюнахъ, все время находилась въ страшномъ волненіи, боясь не выполнить къ сроку своихъ торговыхъ обязательствъ. Августинъ оставался съ ней. А Бернардъ во всю прыть прискакалъ въ Дюнкирхенъ, гдѣ засталъ толстаго Роберта съ обвязанной головой въ постели. Непріятельскій кор-

тикъ нанесъ ему рану въ щеку при абордажѣ корабля изъ Плимута. Жозефъ рычалъ и грозилъ подлому Альбіону, сломавшему ему бушпритъ, прорвавшему паруса и убившему четырехъ матросовъ. Тѣмъ не менѣе онъ снабдилъ путешественника продовольствіемъ, и двадцатью холщевыми мѣшками, наполненными гинеями, кронами, шиллингами и піастрами, которыхъ тщетно ждали судохозяева Плимута.

Одѣтый въ грубую желтую рубашку и въ матроскихъ туфляхъ на толстыхъ ногахъ, Жозефъ ходилъ по всему дому и вездѣ: на днѣ кадушекъ, африканскихъ тыквенныхъ бутылокъ, негритянскихъ барабановъ, мароккихъ соломенныхъ шляпъ, онъ находилъ свертки золотыхъ монетъ. Потомъ онъ осмотрѣлъ всѣ пальто и куртки и вездѣ тоже находилъ что-нибудь. Наконецъ онъ наполнилъ деньгами цѣлый чемоданъ. Никогда Бернардъ и представить себѣ не могъ, что его братья, такъ богаты, живя въ такомъ чуланѣ, пропитанномъ насквозь запахомъ корицы.

Привезенныя Бернардомъ деньги вернули силы упавшей духомъ Каролинѣ. Она сбросила съ себя всѣ платки, въ которыхъ потѣла по предписанію врача, снова ожила и принялась за свои вѣчныя жалобы и причитыванія. Она убѣждала своихъ братьевъ поскорѣй дослужиться до высшихъ чиновъ въ главномъ штабѣ, чтобы вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ интендантствомъ...

ГЛАВА XIII.

Переходъ черезъ богатую Баварію былъ очень пріятенъ. Народъ встрѣчалъ войска съ радостными кликами и звономъ колоколовъ; старыя башни расцвѣчивались трехцвѣтными флагами. Звуки военной музыки проходящихъ полковъ, приводили въ восторгъ бѣлокурыхъ полногрудыхъ дѣвушекъ, затянутыхъ въ черные корсеты въ пышныхъ юбкахъ. Старые, красивые города, замкнувшіеся въ зеленомъ кольцѣ укрѣпленій, привѣтливо раскрывали полкамъ свои ворота и сѣрые дома казалось хотѣли налюбоваться на хорошенькаго бригадира, Эдма, гордаго, полученной раной, повышеніемъ и мундиромъ.

Шли дальше. Бернарду приходилось спать на узкихъ перинахъ безъ простынь, на которыхъ онъ всетаки засыпалъ и во снѣ не забывалъ ощущенія производимаго верховой ѣздой; приходилось пить молочный кофе, котораго онъ не любилъ, съ черными хлѣбомъ, намазаннымъ масломъ; ѣсть вареную говя-

дину съ кислой прогоркшей капустой въ маленькихъ чистенькихъ залахъ, украшенныхъ картинами изображавшими Ніобею, или Аполлона и освѣщаемыхъ маленькими окнами завѣшенными сѣрымъ полотномъ. Иногда онъ съ грустью вспоминалъ о Виргиніи, о замкѣ, о любви Авреліи и глазахъ своей маленькой Денизы, замѣтивъ ихъ сходство съ глазами какой-нибудь красавицы нѣмки греческаго типа, сидящей у порога своего дома съ чулкомъ въ рукахъ и длинной спицей въ волосахъ.

Каролина прислала ему благодарственное письмо, въ которомъ говорила, что теперь она окончательно избѣгла катастрофы и что Виргинія такъ страдаетъ зубною болью, что не можетъ писать съ каждой почтой. Бернардъ отнесъ это заявленіе къ ея лѣни.

Смерть отца все еще однако не выходила у него изъ головы. Онъ считалъ себя преступникомъ, сообщникомъ этой смерти, страшно горевалъ и возмущался своимъ смѣшнымъ увлеченіемъ Виргиніей. Еслибъ не это, онъ былъ бы утѣшителемъ отца, лучшимъ чѣмъ его грубые неразвитые братья—моряки. Ради этихъ ничтожныхъ свѣтлыхъ глазъ съ темными рѣсницами онъ не выдержалъ «характера». Бернардъ не могъ простить себѣ этого и расхаживая по комнатѣ большими шагами, думалъ о дорогомъ мертвецѣ, разлагавшемся въ деревянномъ гробу, въ пескахъ Дюнкирхена, оплакиваемомъ вѣчными жалобами моря.

Итакъ Виргинія, утѣшала себя въ его отсутствіи сномъ, Каролина наживой, Аврелія чтеніемъ и меланхолическими вздохами, только онъ одинъ предавался воспоминаніямъ. Онъ думалъ, что съ деньгами, добытыми на войсковыхъ поставкахъ можно будетъ посовѣтоваться съ искуснымъ хирургомъ и вернуть зрѣніе отцу, еслибы еще онъ былъ живъ... Какъ бы радовался старикъ, увидя опять свѣтъ! Онъ отправился бы путешествовать, поѣхалъ бы въ Турцію, куда онъ такъ стремился. Бернардъ умилялся при мечтѣ объ этомъ. Онъ страдалъ всѣмъ своимъ существомъ отъ угрызеній совѣсти, возмущенія противъ несправедливости судьбы. Насколько это удовольствіе было бы выше того, которое онъ испытывалъ цѣлый годъ, слыша подъ бокомъ у себя храпъ Виргиніи послѣ любовныхъ наслажденій!.. О, эти голубые и глупые глаза, эти темныя рѣсницы! неужели этими то глазами и отмстила ему за себя маленькая баварка Месскирхена?

Это сомнѣніе преслѣдовало его неотступно. Романы Анны

Радклиффъ и фантастическія нѣмецкія исторіи подробно описывали всевозможные случаи колдовства и двойнаго зрѣнія. Такая вещь легко могла случиться.. Но эта мысль возмутила Бернарда, онъ считалъ безуміемъ вѣрить въ какія-то сокровенныя силы. Властвуетъ только сила характера. Если дѣвочка изъ Месскирхена оставила въ сердцѣ Бернарда особенное влеченіе къ свѣтлымъ глазамъ съ темными рѣсницами, то всетаки не она убила стараго Герикура.

Въ новомъ письмѣ Каролина извѣщала, что она больше ничего не страшится, такъ какъ новыя побѣды помѣшали спекулянтамъ играть на пониженіе и облигаціи казны опять пріобрѣли свою прежнюю цѣнность. Теперь въ ихъ рукахъ будутъ сосредоточены большія богатства при условіи правильнаго платежа, что возможно если успѣшныя дѣйствія французскихъ войскъ будутъ гарантировать государственный кредитъ... Слава была обильна плодами.

Герикуръ начиналъ любоваться своимъ «характеромъ»—по примѣру великихъ римлянъ, Сципіона и Цезаря, онъ побѣдитъ весь міръ. Эта великая мысль возбуждала въ немъ волненіе. Въ Мюнхенѣ со слезами на глазахъ онъ прочелъ приказъ Наполеона:

Солдаты Великой Арміи... Въ пятнадцать дней мы сдѣлали походъ. То, что мы предполагали—исполнено... Армія, съ такимъ чванствомъ и безразсудствомъ пришедшая на наши границы, уничтожена... Солдаты, этимъ успѣхомъ Вы обязаны вашему безграничному довѣрію къ Императору!... Но мы на этомъ не остановимся: вы жаждете начать новую кампанію. Русскую армію перенесенную сюда, благодаря англійскому золоту, съ другого конца свѣта, мы заставимъ испытать ту же участь что и нѣмецкую».

Да, Бернардъ тоже жаждалъ начать новый походъ. Бѣгущія передъ нимъ австрійскія войска не доставляли ему сильныхъ ощущеній. Онъ жаждалъ большей опасности, большей славы...

На Изарскомъ мосту онъ встрѣтился съ полковникомъ Лирессомъ, очень обрадовавшимся этой встрѣчѣ, и они вмѣстѣ ходили по тавернамъ. Эдмъ наслаждался жизнію послѣ побѣдъ...

Если разговоръ не касался верховой ѣзды полковникъ не былъ краснорѣчивъ. Побѣду одержанную при Ульмѣ безъ большого сраженія онъ приписывалъ исключительно быстротѣ марша. Любимымъ его развлеченіемъ было ходить на плотину Изара и наблюдать за лошадьми, которыхъ кавалеристы приводили

на водяной. Онъ хвалилъ также экипажъ Мальвины ванъ-Броокенъ, пріятельницы Августина Герикура, ожидавшей въ Мюнхенѣ удобнаго дня для обрученія. Вечеромъ молодые приняли офицеровъ въ нанятомъ у одного купца домѣ. Гибкая и красивая въ своемъ бѣломъ, изъ турецкой кисеи, платьѣ отдѣланномъ по подолу гирляндой изъ розъ, Мальвина принимала гостей. Зало въ которомъ она встрѣчала гостей, было шоколаднаго цвѣта въ родѣ римскаго атріума, и разрисованно водяными красками и изображеніями центавровъ и нимфъ и украшено фальшивыми іоническими колоннами. Три лакея въ ливреяхъ каштановаго цвѣта и желтыхъ плюшевыхъ панталонахъ разносили прохладительное. Не обращая вниманія на ухаживанія раздосадованнаго Кавапона, хозяйка была особенно любезна съ Бернардомъ, какъ членомъ семьи Герикуровъ, обдавая его ароматомъ своего свѣжаго тѣла. Она откровенно признавалась въ своемъ увлеченіи Августиномъ и его лукавымъ умомъ, а этотъ послѣдній фатовато стоялъ, заложивъ руки за спину и улыбался то строго, то насмѣшливо, стараясь подражать Пракси-Блассану.

— Вашъ братъ мой идеалъ, говорила молодая женщина... На лошади онъ тоже идеально красивъ въ своихъ ботфортахъ и бѣлыхъ лосинахъ... Можетъ быть у французовъ считается неприличнымъ про это говорить, а?

— Нѣтъ, сударыня, нисколько....

— Вы тоже очень красивы въ вашемъ мундирѣ и баронъ — онъ кажется зеленымъ колоссомъ; и высокій полковникъ Лириссъ..... и хорошенькій вашъ шуринъ Эдмъ также. Объ этомъ прилично говорить?..... Любите вы Оссіана, майоръ. Я съ ума схожу по немъ. Онъ навѣваетъ на насъ прекрасныя чувства, вы не вѣрите?

При всеобщемъ молчаніи она продекламировала одинъ отрывокъ по англійски сквозь зубы, простирая впередъ свои прекрасныя обнаженныя руки, откинувъ голову, и потомъ въ изнеможеніи упала на вольтеровское кресло на низкихъ ножкахъ, расправляя платье на своихъ стройныхъ ногахъ.

Бернардъ предпочелъ бы взять ее въ любовницы, чѣмъ въ жены. Онъ предвидѣлъ много несчастій въ супружеской жизни для Августина, соблазнившагося главнымъ образомъ ея богатствомъ. Между тѣмъ Мальвина приказала принести столы и карты для буліота; и началась игра и передвиженіе кучекъ золота съ одного мѣста на другое. Партія была серьезная. Мальвина опорожняла маленькіе, красные, шелковые мѣшечки,

полные луидоровъ, фредериковъ и гульденовъ, весело смѣясь при выигрышѣ. Офицеры тоже бросали на столъ свое золото, которымъ были набиты ихъ карманы, брагодаря преслѣдованію эрцгерцога. Полковникъ Лириссъ такъ много проигралъ, что Бернардъ не рѣшился спросить у него еще невыплоченную часть приданаго.

Подали ужинъ. Хозяйка дома продолжала восхищаться военными. По ея словамъ, кто невоенный—тотъ не мужчина; она никогда не могла любить своего мужа-моряка, потому-что у бѣдняги не было мундира.

— «Побѣдоносный солдатъ не можетъ быть глупъ», заключила она и выпила за побѣду французовъ и за героевъ императора. Офицеры вмѣстѣ подняли свои бокалы, восхищенные что «красота привѣтствуетъ мужество», по поводу чего капитанъ-меланхоликъ пустился въ длинный комментарій.

Всѣ завидовали Августину, обладателю этого богатства, распоряжавшемуся уже какъ у себя дома. Чтобы соблазнить неподдававшагося брата, Августинъ сталъ расхваливать корабли Мальвины и спекуляціи Каролины, давая понять о возможномъ соединеніи во-едино, говоря что онъ уже писалъ объ этомъ сестрѣ. Мальвина не вмѣшивалась въ это, она съ улыбкой говорила, что ничего не понимаетъ въ денежныхъ дѣлахъ: „Я вѣдь оригиналка! Я признаю только идеалы и чувства!.... Любовь героя — вотъ моя любовь! Выпьемъ за нашу любовь, господа!“ Глаза ея многообѣщающе смотрѣли на каждаго. Она держала пари, что послѣдуетъ за авангардомъ, который подъ начальствомъ Мюрата пойдетъ по дорогѣ въ Вѣну, и даже будетъ присутствовать при сраженіяхъ. Ея познанія по конской части изумили даже полковника Лирисса, улыбавшагося во весь ротъ своей мертвенной улыбкой.

— Да здравствуетъ императоръ! громко, крикнулъ Кавапонъ. Да здравствуетъ императоръ, благодаря которому мы пользуемся любезностью такой прекрасной дамы!

— О, какъ бы мнѣ хотѣлось, видѣть великаго Наполеона! вскричала она.

— Вы его видѣли.

— Я бы желала съ нимъ говорить!

— Мы устроимъ это, если хотите, замѣтилъ Кавапонъ.

— Когда я въ первый разъ познакомилась съ Августиномъ Герикуръ, созналась она, я надѣялась, что онъ дастъ мнѣ возможность поговорить съ императоромъ. Дорогой Августинъ, не думайте, что только ради этого я полюбила васъ..... Хотя

Почти въ каждой эпархіи было два епископа: православный и уніатскій; духовенство этихъ исповѣданій отнимало другъ у друга церкви, церковныя владѣнія и прихожанъ. Эти столкновенія не обходились безъ преступленій: такъ, бѣлорусскіе православные убили въ Витебскѣ архіепископа полоцкаго Іосафата Кунцевича (1623 г.). Унія распространялась медленно, такъ какъ она не пользовалась достаточною поддержкою правящаго класса. Шляхта оставляла ее, переходя къ латинскому обряду; католическіе епископы унижали своихъ уніатскихъ товарищей, не желая допускать ихъ на засѣданія сената. Унія преобладала въ Бѣлой и Черной Руси, дизунія же въ Червоной Руси, на Украинѣ, Подоліи и Волыни. Въ концѣ концовъ возсоединеніе церквей вмѣсто того, чтобы принести пользу республикѣ, навлекло на нее несчастья — въ особенности потому, что дизунія нашла вооруженную поддержку сперва въ казачествѣ, а затѣмъ еще и въ Москвѣ.

Заселеніе украинскихъ степей подвигалось быстро; число мѣстечекъ и селъ въ магнатскихъ и шляхетскихъ владѣніяхъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. По мѣрѣ колонизаціи стоимость земли увеличивалась; землевладѣльцы и старосты стремились извлекать изъ нея возможно большіе доходы. Сельское казацкое населеніе, не несшее раньше никакихъ повинностей, кромѣ военной, землевладѣльцы начали принижать до положенія крестьянъ въ другихъ воеводствахъ республики. Отъ казачьихъ семействъ, бывшихъ раньше вольными, землевладѣльцы и старосты стали требовать отбыванія барщины, уплаты оброка, запрещали имъ уходить «за Пороги», въ «дикія поля», взимали «поволовщину» — налогъ со скота, «покуховщину»—налогъ съ выкуриваемыхъ напитковъ, налогъ на жернова, пошлины при въѣздѣ на базаръ,—словомъ, вводили систему, примѣнявшуюся къ крестьянамъ во внутреннихъ воеводствахъ. Въ довершеніе всего землевладѣльцы и старосты управляли имѣніями не лично, а черезъ своихъ намѣстниковъ и арендаторовъ, которые еще и въ свою пользу эксплуатировали казацкое населеніе. Это вызвало среди украинскаго казачества недовольство и протесты. Съ другой стороны, и правительство республики стало внимательнѣе надзирать за украинскими и запорожскими казаками. Не желая допускать, чтобы они своими самовольными экспедиціями вызывали нашествія на страну сосѣднихъ народовъ—татаръ и турокъ,—правительство старалось обуздать ихъ. Такую цѣль преслѣдовала конституція сейма 1590 г. подъ названіемъ: «Порядокъ со стороны

низовцевъ и Украины». Казакамъ было запрещено уходить на Низъ, запорожцевъ старались превратить въ покорное орудіе республики: ихъ старшій (атаманъ) и сотники были подчинены власти коронпаго великаго гетмана. Это вызвало волненіе на Низу. Вскорѣ послѣ обнародованія конституціи 1590 г. казаки стали собираться на совѣщанія и, наконецъ, вспыхнуло вооруженное возстаніе. Казаки грабили королевскія и частныя владѣнія на Украинѣ и Волыни; больше всего пострадали князья Острожскіе: старикъ Константинъ-Василій и сынъ его, Янушъ, воевода волынскій, староста бѣлоцерковскій и богуславскій. Противъ возставшихъ выступили пограничные землевладѣльцы и разбили ихъ (1593 г.). Казаки обязались уйти изъ господскихъ имѣній, поселиться за Порогами и впредь оставаться въ повиновеніи республикѣ. Въ 1598 г. вспыхнуло второе возстаніе украинскихъ казаковъ и запорожцевъ. Северинъ Наливайко, бывшій раньше начальникомъ надворныхъ казаковъ князя Острожскаго, организовалъ вооруженные отряды на Украйнѣ; на Запорожьи возстаніе поднялъ гетманъ низовцевъ, Лобода. Подъ Лубнами на Сулѣ ихъ настигъ и разбилъ коронный польный гетманъ, Жолкевскій. Преемникъ павшаго Лободы, Кремпскій, обѣщалъ покорность республикѣ, и вернулся за Пороги; взятый въ плѣнъ Наливайко былъ казненъ въ Варшавѣ. Со времени возстанія Наливайки недовольные среди населенія украинскихъ воеводствъ смотрѣли на казаковъ, какъ на своихъ защитниковъ; въ особенности же поддержкою ихъ пользовались дизуниты. Запорожскіе казаки, недовольные контролемъ, который правительство установило надъ ними, соединившись съ дизунитами выступили противъ республики подъ видомъ защиты православія.

Католическая политика Сигизмунда III вызвала въ республикѣ внутренніе раздоры: агитацію Замойскаго, рокошъ Зебржидовскаго, а также борьбу уніи съ дизуніей, во главѣ которой стали казаки. Эта же католическая политика, побудившая короля предпринять войны: шведскую, московскую и турецкую, накликала на страну внѣшнія неудачи.

По смерти короля Іоанна († 1592) Сигизмундъ въ сопровожденіи папскаго нунція, Маласпини, отравился въ Швецію и короновался тамъ, но долженъ былъ признать протестанство господствующей религіей и согласиться на лишеніе католиковъ права занимать высшія государственныя должности. Ненавистный фанатичнымъ протестантамъ, онъ въ столицѣ Швеціи боялся за безопасность своей жизни и окружилъ себя польскою стражею.

Затѣмъ, въ силу обѣщанія, даннаго имъ варшавскому сейму, онъ вернулся въ Польшу, оставивъ Швецію подъ управленіемъ самолюбиваго дяди своего, Карла, князя Судерманландскаго. Черезъ нѣсколько лѣтъ Карлъ поднялъ возстаніе, котораго Сигизмундъ не могъ подавить во время втораго своего путешествія въ Швецію (1598 г.). Вскорѣ недовольные стали требовать, чтобы онъ поселился въ Швеціи, и принялъ протестанство, затѣмъ отказали ему въ повиновеніи, и предложили престолъ старшему сыну его, Владиславу.

Сигизмундъ началъ войну за свой престолъ, вовлекъ въ эту войну республику, предлагая ей въ вознагражденіе за поддержку Эстонію. Карлъ сперва овладѣлъ Эстоніей, затѣмъ вторгся въ Ливонію, и занялъ важнѣйшіе города ея, за исключеніемъ Риги (1601 г.). Несмотря на всѣ усилія гетмановъ: Яна Замойскаго и Карла Ходкевича, перевѣсъ былъ на сторонѣ шведовъ. Карлъ Судерманландскій объявилъ себя шведскимъ королемъ (1604 г.) и предпринялъ экспедицію противъ Риги. Подъ Кирхгольмомъ Ходкевичъ одержалъ надъ его войскомъ блестящую побѣду (1605 г.), но политическія осложненія со стороны Москвы и внутреннія смуты во время рокоша Зебржидовскаго не позволили извлечь надлежащую пользу изъ этой побѣды. Войну, прерванную вслѣдствіи смерти Карла IX († 1611 г.), продолжалъ сынъ и преемникъ его, Густавъ-Адольфъ. Онъ взялъ Ригу и другіе ливонскіе города и сталъ угрожать Гданску. Сигизмундъ могъ прекратить эту войну отреченіемъ отъ своего притязанія на шведскій престолъ, но, несмотря на всѣ убѣжденія пановъ, не соглашался заключить миръ. Проникнутый стремленіемъ овладѣть Швеціей и искоренить въ ней протестанство, онъ отвергалъ предложенія противника; сверхъ того, къ продолженію войны его подстрекали католическія государства: Австрія и Испанія. Сигизмундъ не прекратилъ войны и послѣ того, какъ Густавъ-Адольфъ, получивъ помощь ленника Польши прусскаго князя Георга-Вильгельма, вторгся въ королевскую Прусію, и овладѣлъ ея важнѣйшими городами, за исключеніемъ Торна и Гданска. Наконецъ, обѣ стороны, истощенныя продолжительной борьбой, приняли посредничество Франціи и Англіи. Государства эти, желая вовлечь Густава-Адольфа въ войну нѣмецкихъ протестантовъ съ императоромъ Фердинандомъ, старались помирить Швецію съ Польшею. Въ Альтмаркѣ близъ Штума былъ заключенъ шестилѣтній миръ (1629 г.): Швеція удержала свои ливонскія завоеванія и нѣсколько прусскихъ городовъ.

Борисъ Годуновъ, шуринъ бездѣтнаго Ѳедора Ивановича, велѣлъ убить въ Угличѣ брата его, Дмитрія, съ цѣлью проложить себѣ дорогу къ престолу. По смерти Ѳеодора (1598 г.) онъ вступилъ на престолъ прекратившейся династіи Рюриковичей. Спустя нѣсколько лѣтъ въ польской Руси появился монахъ, называвшій себя царевичемъ Дмитріемъ [1]). Судьбой претендента на московскій престолъ заинтересовался Георгій Мнишекъ, воевода сандомірскій. Мнимый Дмитрій привлекъ на свою сторону Мнишка, предложивъ руку дочери его, Маринѣ; онъ заинтересовалъ собою короля и іезуитовъ, присоединившись въ Краковѣ въ католической церкви и обѣщавъ ввести католичество въ Московскомъ царствѣ. При поддержкѣ Сигизмунда и магнатовъ онъ вступилъ съ войскомъ въ Заднѣпровскій край, дождался смерти Годунова († 1605 г.) и взошелъ на царскій престолъ. Исполняя свое обѣщаніе онъ вступилъ въ бракъ съ Мариною Мнишекъ, которая со свитою пановъ и шляхты отправилась въ Москву. Рокошане Зебржидовскаго, отказавъ королю въ повиновеніи, задумали возвести на польскій престолъ Дмитрія, но планы эти разстроилъ бунтъ князей Шуйскихъ. Дмитрій былъ убитъ; жена его съ панами, оставшимися въ Москвѣ, по приказанію царя Василія Шуйскаго, была заключена въ тюрьму. Но вскорѣ появился второй Лжедимиртрій, который съ польскими добровольцами подступилъ подъ Москву. Пользуясь смутою въ московскомъ государствѣ, Сигизмундъ объявилъ царю войну, и двинулся къ Смоленску. Войскамъ поддерживаемаго шведами Василія, шедшими противъ поляковъ къ Смоленску, преградилъ путь гетманъ Жулкевскій подъ Клюшиномъ, и разбилъ ихъ на голову (1610 г.). Клюшинская побѣда открыла Жолкевскому ворота Москвы. Для предотвращенія опасности бояре низложили Василія, и выдали его вмѣстѣ съ его братомъ, Димитріемъ Шуйскимъ, Жолкевскому; московскій же престолъ они предложили королевичу Владиславу, выговоривъ себѣ неприкосновенность греческаго вѣроисповѣданія и нѣкоторыя привиллегіи польской шляхты, какъ законъ Neminem captivabimus. Оставивъ въ Москвѣ гарнизонъ подъ начальствомъ Александра Госѣвскаго, Жолкевскій вернулся съ плѣнниками подъ Смоленскъ, осажденный королемъ.

[1]) Какъ извѣстно, участіе Бориса Годунова въ убійствѣ царевича Димитрія врядъ-ли можно считать окончательно доказаннымъ. Личность же замѣчательнаго человѣка, извѣстнаго подъ именемъ Лжедимитрія I, совершенно не выяснена: во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы онъ былъ бѣглымъ великорусскимъ монахомъ.
Г. Л.

Вскорѣ Сигизмундъ потребовалъ московской короны для себя. Смоленскъ дѣйствительно сдался (1611 г.). но бояре не согласились отдать простолъ Сигизмунду, извѣстному своей религіозной нетерпимостью; они даже отказались отъ обязательствъ, касавшихся избранія Владислава. Подъ предводительствомъ боярина Ляпунова, князя Пожарскаго и посадскаго Минина въ Московскомъ государствѣ возникло движеніе противъ польскаго нашествія. По взятіи Смоленска Сигизмундъ поселилъ плѣнниковъ въ Мазовіи, гостынскомъ замкѣ, и созвалъ въ Варшаву сеймъ съ цѣлью утверждедія налоговъ для продолженія войны за московскую корону. Сеймъ отказалъ въ налогахъ; высланныя подъ Москву войска, не получая жалованія, отказались повиноваться своимъ начальникамъ, вслѣдствіе чего дѣло Сигизмунда получило неблагопріятный оборотъ. Польскій гарнизонъ въ Москвѣ, измученный голодомъ, вынужденъ былъ сдаться. Положенія дѣлъ не измѣнилъ и личный походъ Сигизмунда съ королевичемъ Владиславомъ. Московскіе патріоты возвели на царскій престолъ Михаила Θеодоровича Романова (1613—1615 г.), сына митрополита Филарета. Спустя два года сеймъ, игнорировавъ притязанія Сигизмунда, утвердилъ налогъ для поддержки правъ королевича. Но тщетны были усилія Владислава; штурмъ Москвы, не смотря на помощь вѣрнаго республикѣ гетмана запорожскихъ казаковъ, Петра Конашевича Сагайдачаго, не удался. Вслѣдствіе настоянія короля и сейма Владиславъ при посредствѣ великаго канцлера литовскаго, Льва Сапѣги, заключилъ съ царемъ въ Деулинѣ шестилѣтнее перемиріе (1618 г.), по которому Польша получила пограничныя земли со Смоленскомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ и Черниговомъ.

Войну съ Турціей навлекли на республику частныя экспедиціи пановъ въ Молдавію, а также связи Сигизмунда съ императоромъ во время тридцатилѣтней войны.

Молдавія, фактически бывшая данницею Турціи, еще въ царствованіе Сигизмунда-Августа служила цѣлью частныхъ экспедицій. На короткое время ею овладѣлъ было жившій въ Польшѣ грекъ, Іаковъ Гераклидъ, (1561 г.) при поддержкѣ искателя приключеній, Альбрехта Ласскаго; впослѣдствіи напалъ на нее съ запорожскими казаками князь Димитрій Вишневецкій, который былъ взятъ турками въ плѣнъ и казненъ въ Цареградѣ. Въ концѣ царствованія Сигизмунда-Августа эти экспедиціи возобновили на собственный рискъ паны: Николай Сѣнявскій и Николай Мелецкій. Экспедиціи эти, предприни-

мавшіяся частными лицами въ своихъ интересахъ, подвергали республику опасности войны съ Турціей. Стефанъ Баторій ихъ недопускалъ, но въ царствованіе Сигизмунду III онѣ снова возобновились. Янъ Замойскій двумя своими походами: 1595 и 1600 г.г. возстановилъ верховную власть Польши надъ Молдавіей и Валахіей, сдѣлавъ господарями ихъ двухъ натурализованныхъ въ Польшѣ братьевъ Могилъ: Іеремію и Симеона. По слѣдамъ Замойскаго пошли: Стефанъ Потоцкій, Михаилъ Вишневецкій и Самуилъ Корецкій, поддерживавшіе своего родственника, изгнаннаго Турціей молдавскаго господаря, Константина Могилу. Казацкій гетманъ, Конашевичъ-Сагайдачный, грабилъ турецкіе города, нападалъ даже на побережья Малой Азіи и предмѣстья Царeграда. Турція, поглощенная войною съ Персіей, ждала лишь удобнаго времени для отмщенія Польшѣ. Благопріятный моментъ она напла во время тридцатилѣтней войны. Сигизмундъ III позволилъ своему шурину, императору Фердинанду II, вербовать въ Польшѣ казаковъ, называвшихся по имени своего предводителя, Лисовскаго, лисовчиками. Эти казаки распространяли ужасъ среди протестантовъ въ Венгріи, Чехіи и Германіи; они также служили краснорѣчивымъ доказательствомъ участія польскаго короля въ стремленіяхъ подавить реформацію. Султанъ Османъ, подстрекаемый протестанскими государями, заключилъ миръ съ Персіею, и двинулъ свои войска въ Польшу. Въ Молдавію, на встрѣчу турецкому военачальнику, Искандеръ-пашѣ, выступилъ гетманъ, недавно ставшій и великимъ коронымъ канцлеромъ, Жолкевскій. Въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Цецорою близъ Прута онъ выдерживалъ аттаку непріятельской арміи, въ десять разъ превышавшей его войско, но въ концѣ концовъ вынужденъ былъ отступить. На обратномъ пути онъ палъ (1620 г.). На слѣдующій годъ султанъ предпринялъ новый походъ. На встрѣчу турецкому нашествію выступилъ въ Молдавію гетманъ Ходкевичъ съ королевичемъ Владиславомъ, и укрѣпился въ лагерѣ подъ Хотиномъ. Во время турецкихъ аттакъ Ходкевичъ умеръ, начальствованіе же надъ польскимъ войскомъ принялъ Станиславъ Любомірскій. Когда силы обѣихъ воюющихъ сторонъ истощились, былъ заключенъ миръ (1621 г.), по которому польскій король обязался удерживать набѣги казаковъ, а султанъ—набѣги татаръ; молдавскими господарями Турція должна была назначать дружелюбныхъ Польшѣ христіанъ. Мирные переговоры велъ коронный крайчій, Іаковъ Собѣскій; за ратификаціей же хотинскаго мирнаго договора ѣздилъ въ Царьградъ князь Христофоръ Збаражскій.

Нетерпимость Сигизмунда III послужила причиною того, что во время новаго междуцарствія на первый планъ выдвинулись религіозныя дѣла. На конвокаціонномъ сеймѣ, созванномъ примасомъ, Яномъ Вэнжикомъ, главнымъ предметомъ обсужденій былъ религіозный вопросъ. Иновѣрцы домогались отмѣны королевскихъ постановленій, нарушавшихъ равноправность вѣроисповѣданіи, свободы сооруженія церквей и молитвенныхъ домовъ, допущенія лицъ, не принадлежавшихъ къ католическому исповѣданію, къ занятію высшихъ государственныхъ должностей и т. п. Коммиссія, состоявшая изъ сенаторовъ и шляхетскихъ пословъ, выработала по этому предмету проектъ, который элекціонный сеймъ и включилъ въ pacta conventa для новаго короля. Кромѣ торжественнаго подтвержденія варшавской конфедераціи 1573 г. регулированы были вѣроисповѣдные интересы дизунитовъ на почвѣ территоріальнаго разграниченія: имъ отданы были епископства: львовское, перемышльское и луцкое, а также признаны права кіевскаго православнаго митрополита. Кромѣ обязанности соблюдать религіозную терпимость, въ pacta conventa новаго короля включено было обязательство поддерживать мирныя отношенія съ сосѣдними государствами, запрещено ему набирать своею властью войска, отмѣненъ установленный кошицкимъ договоромъ налогъ въ два гроша съ лана и т. п.

Старшій сынъ Сигизмунда III отъ его первой жены, *Владиславъ IV* (1632—1648), былъ избранъ на престолъ въ тотъ моментъ, когда царь Михаилъ Өеодоровичъ нарушилъ деулинское перемиріе, и двинулъ свои войска противъ Польши. Царскій военачальникъ Шеинъ занялъ пограничные города и со статысячной арміей подступилъ къ Смоленску. Владиславъ выступилъ противъ непріятеля, заставилъ его снять осаду Смоленска, аттаковалъ обозъ Шеина, расположенный на лѣвомъ берегу Днѣпра, и принудилъ его къ капитуляціи. Царь казнилъ Шеина и прекратилъ военныя дѣйствія. Въ селѣ Поляновкѣ между Дорогобужемъ и Вязьмою былъ заключенъ вѣчный миръ (1634 г.), по которому Владиславъ отказался отъ своего притязанія на царскую корону, Москва же отъ притязаній на Ливонію, а также на земли, уступленныя Польшѣ по деулинскому перемирію, и уплатила военные расходы.

Столь-же удачно были улажены и столкновенія съ Турціей и Швеціей.

Одновременно съ нападеніемъ Москвы и по соглашенію съ нею видинскій паша, Абаза, двинулъ на Польшу татаръ,

жившихъ на равнинахъ между устьями Днѣстра и Дуная, въ такъ называемомъ Буджакѣ, самъ же съ турками и валахами вторгся въ Подолію. Великій коронный гетманъ, Станиславъ Конецпольскій, настигъ буджакскихъ татаръ въ Молдавіи, и разбилъ ихъ подъ Сасовымъ Рогомъ, Абазу же при помощи русскихъ пановъ разбилъ подъ Паневцами близъ Каменца. Выступилъ въ походъ и султанъ Амуратъ IV, но извѣстіе о заключеніи поляновскаго мира и о боевой готовности поляковъ заставило его вернуться. Въ 1634 г. заключенъ былъ миръ, по которому Польша обязалась удерживать набѣги казаковъ, а Турція обѣщала сдерживать буджакскихъ татаръ и не назначать господарей Молдавіи и Валахіи безъ предварительнаго соглашенія съ польскимъ королемъ.

Въ 1635 г. кончился срокъ альтмаркскаго перемирія, что предвѣщало продолженіе шведской войны. Владиславъ, не отрекаясь отъ своихъ притязаній на шведскій престолъ, пытался сперва войти въ мирное соглашеніе съ Густавомъ-Адольфомъ († 1632) и опекунами дочери его Христины, а затѣмъ, за невозможностью придти къ соглашенію рѣшилъ защищать свое право оружіемъ. Но когда республика проявила нежеланіе вести новую войну, Франція же, Англія и Голландія по тѣмъ-же соображеніямъ, какими онѣ руководствовались и во время Сигизмунда III, предложили свое посредничество,— Владиславъ согласился продолжить миръ. Въ 1635 г. въ Штумдорфѣ было заключено двадцатишестилѣтнее перемиріе, по которому Швеція удержала Ливонію, но возвратила Польшѣ прусскіе города.

Обезпечивъ себя съ востока, юга и сѣвера, Владиславъ думалъ вовлечь республику въ политическую борьбу, происходившую на западѣ, посредствомъ участія въ тридцатилѣтней войнѣ. Онъ готовъ былъ заключить союзъ съ Франціей, министръ которой, кардиналъ Ришелье, предлагалъ ему руку богатой княжны неверской, Людвиги-Маріи Гонзаги, присоединеніе къ Польшѣ, въ случаѣ побѣды надъ Австріей, Силезіи и поддержку Владиславу въ его стремленіи овладѣть шведскимъ престоломъ. Планы эти, не согласовавшіеся съ интересами католичества, не встрѣтили сочувствія въ Польшѣ и разстроились, вслѣдствіе чего Владиславъ перешелъ въ противоположный, австрійскій лагерь. Онъ женился на дочери императора Фердинанда II, эрцгерцогинѣ Цециліи-Ренатѣ (1637), и разсчитывалъ на помощь Австріи въ возвращеніи себѣ шведской короны и въ войнѣ съ Турціей. Онъ не оставилъ

мысли о турецкой войнѣ и послѣ смерти Цециліи-Ренаты, когда, будучи недоволенъ Австріей, снова перешелъ на сторону Франціи. Приданое, полученное имъ за второй женой, протежированной Франціей, Людвикой-Маріей Гонзагой, дало ему возможность заняться военными приготовленіями, къ которымъ подстрекали его папа и венеціанскій посолъ. Предвидя, что сеймъ не согласится на объявленіе войны, онъ думалъ начать ее собственными средствами. На деньги, доставленныя ему Венеціей, онъ вооружалъ казаковъ, организовалъ отряды иноземныхъ наемниковъ, и собиралъ во Львовѣ артиллерію. Противъ намѣреній короля выступили сперва сенаторы, а затѣмъ и сеймъ (1646 г.). Они одногласно приняли конституціи, предписывавшія распущеніе набранныхъ отрядовъ, уменьшеніе королевской гвардіи до 1200 челов., удаленіе отъ двора иноземцевъ и т. п.

Не допуская никакихъ обширныхъ начинаній въ области иностранной политики, шляхта стремилась лишь къ тому, чтобы мирно наслаждаться благосостояніемъ, которымъ она пользовалась въ качествѣ привиллегированнаго класса. Во всякомъ подобномъ начинаніи она видѣла опасность возрастанія королевской власти и ниспроверженія республиканскихъ установленій. Дѣйствительно, республиканскія установленія она сохраняла и пользовалась благосостояніемъ, но преслѣдованіемъ иновѣрцевъ и угнетеніемъ низшихъ слоевъ народа подготовляла бурю, которая нарушила внутренній миръ, и навлекла на страну тяжелыя бѣдствія.

Шляхта обязала короля соблюдать вѣротерпимость, но сама не соблюдала ея. Фанатизированная іезуитами, которые овладѣли школою, она ненавидѣла иновѣрцевъ и преслѣдовала ихъ всѣми средствами, какія были доступны для частной инипіативы. Школьная молодежь устраивала уличныя побоища съ иновѣрцами, нападала на ихъ молитвенные дома, оскверняла ихъ кладбища и могилы. Когда ученики кальвинистической школы пустили нѣсколько стрѣлъ въ статую св. Михаила въ Вильнѣ, это вызвало грабежъ и избіеніе мѣстныхъ иновѣрцевъ, взволновало почти все католическое общество и стало предметомъ дебатовъ и постановленій сейма (1640 г.). Великій литовскій гетманъ и виленскій воевода, иновѣрецъ Христофъ Радзивиллъ, умеръ отъ огорченія, когда сеймъ по поводу этой легкомысленной выходки дѣтей велѣлъ разрушить кальвинистическую церковь въ Вильнѣ. Король по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ принципально расходился съ отцомъ.

Въ политикѣ онъ руководился не стремленіями католичества, а интересами республики. Въ политическихъ дѣлахъ онъ былъ чуждъ вѣроисповѣданныхъ симпатій и для достиженія своихъ цѣлей готовъ былъ пользоваться услугами какъ католика-императора, такъ и Франціи и нѣмецкихъ протестантовъ. Было даже время, когда онъ хотѣлъ жениться на протестанкѣ, Елизаветѣ, дочери курфюрста Пфальцскаго, главнаго противника католическаго лагеря въ Германіи. Не изъ благочестія, а по политическимъ соображеніямъ онъ хотѣлъ учредить орденъ безгрѣшнаго зачатія Пресв. Дѣвы Маріи, кавалеры котораго должны были защищать святую вѣру, поклоненіе Божьей Матери, а также вѣрность королю и отечеству. Какъ человѣкъ терпимый и политикъ, желавшій примирить и упорядочить внутреннія силы страны для блага народа, онъ глубоко сожалѣлъ о внутреннихъ раздорахъ не любилъ Іезуитовъ и хотѣлъ ослабить ихъ вліяніе, призвавъ въ Польшу умѣренный въ религіозномъ отношеніи орденъ піаровъ. Подъ впечатлѣніемъ дѣла по поводу статуи св. Михаила Владиславславъ задумалъ примирить иновѣрцевъ съ католиками при помощи «дружелюбнаго собесѣдованія» (coloquium charitativum), которое состоялось въ Торнѣ (1645 г.). Католики, кальвинисты и протестанты провели нѣсколько десятковъ засѣданій въ обсужденіи богословскихъ вопросовъ и,—«разстались мирно и дружественно вслѣдствіе уваженія къ королю и миролюбія жмудскаго епископа», Тышкевича, руководившаго засѣданіями. Не удалось также Владиславу и установленіе болѣе тѣсной связи восточной церкви съ государствомъ путемъ учрежденія особаго польскаго патріаршества и соединенія его съ уніей. Вѣроисповѣдные раздоры продолжались безъ конца. Иновѣрцы не имѣя силъ для огражденія себя отъ гнета католическаго большинства, готовы были искать спасенія въ протестантскихъ государствахъ; дизуниты же находили защитника въ казачествѣ, которое въ своихъ движеніяхъ противъ республики прикрывалось лозунгомъ охраны вольностей и православія.

Послѣ смерти вѣрнаго республикѣ Конашевича-Сагайдачнаго († 1622 г.) казаки безпрестанно поднимали знамя бунта. Измаилъ (Змойло) самостоятельно велъ переговоры съ татарами и Москвою, сражался на Черномъ морѣ съ турками, грабилъ пограничныя воеводства, ссылаясь на «угнетеніе церквей Божіихъ и старинной греческой религіи». Гетманъ Конецпольскій разбилъ его подъ Крыловомъ (1625 г.), и отдалъ казаковъ подъ начальство королевскаго атамана, Михаила Дорошенки. Въ концѣ царствованія Сигизмунда III казаки убили коро-

левскаго атамана Грицька, а въ польскомъ войскѣ, стоявшемъ на зимнихъ квартирахъ, устроили рѣзню, извѣстную отъ имени предводителя мятежниковъ подъ названіемъ «тарасовой ночи». Гетманъ Конецпольскій снова разбилъ ихъ подъ Переяславомъ, но побѣда эта стоила ему тяжелыхъ потерь людьми. Согласно условіямъ мирнаго договора, заключеннаго съ Турціей въ 1634 г., Конецпольскій для обузданія казаковъ построилъ на правомъ берегу Днѣпра, у перваго порога, крѣпость, называвшуюся Кодакомъ. Запорожцы подъ предводительствомъ Сулимы взяли ночью крѣпость штурмомъ, вырѣзали гарнизонъ, и забрали военные запасы (1635 г.). Конецпольскій поспѣшилъ на Украину, принудилъ казаковъ выдать Сулиму, который и былъ казненъ. Спустя нѣсколько лѣтъ на Запорожьи знамя возстанія поднялъ Павлюкъ, на Украинѣ же возстали крестьяне (1637 г.). Противъ мятежниковъ выступилъ польный коронный гетманъ, Николай Потоцкій; онъ далъ битву подъ Кумейками и принудилъ казаковъ выдать Павлюка, котораго постигла участь Сулимы. Подъ впечатлѣніемъ возстаній Сулимы и Павлюка сеймъ 1638 года возвратилъ въ крестьянское состояніе всѣхъ украинскихъ казаковъ, не вписанныхъ въ реестръ. Казацкія усадьбы были включены въ составъ господскихъ владѣній, сами же казаки были прикрѣплены къ землѣ и обязаны отбывать барщину и нести повинности. Конституція этого сейма столь же сурово отнеслась и къ реестровымъ казакамъ, хотя они не принимали участія въ бунтѣ. Отмѣнивъ избираемость атамана, она отдала ихъ подъ начальство коммиссара, назначеннаго сеймомъ и состоявшаго подъ верховнымъ начальствомъ коронцаго гетмана.

Въ отвѣтъ на конституцію 1638 г. казачество возстало подъ предводительствомъ Остранина, а затѣмъ, Гуни, но — безуспѣшно. Возстаніе было подавлено, Кодакъ снова отстроенъ, а казаки обращены въ крестьянъ. Послѣ десяти лѣтъ установленія отношеній въ духѣ конституціи 1638 г. вспыхнуло возстаніе Богдана Хмельницкаго. Участникъ прежнихъ возстаній, Хмельницкій владѣлъ въ Чигиринскомъ староствѣ, принадлежавшемъ сыну гетмана, Александру Конецпольскому, хуторомъ Суботовымъ, въ которомъ онъ послѣ изданія конституціи 1638 г. занимался сельскимъ хозяйствомъ. Служившій у Конецпольскаго, подстаростій чигиринскій, Даніилъ Чаплинскій, отнялъ у него жену, избилъ сына, и выгналъ изъ хутора. Произошло это тогда, когда король подготовлялъ турецкій походъ, къ участію въ которомъ хотѣлъ призвать и Хмель-

ницкаго въ качествѣ писаря казацкихъ войскъ. Хмельницкій представилъ свою жалобу сейму 1646 г. и пожаловался также самому королю. Не получивъ удовлетворенія отъ сейма, услыхавъ изъ устъ короля, потрясеннаго неудачею своего плана турецкой войны, такой вопросъ: „ну, что же, развѣ ты не воинъ?“, — Хмельницкій отправился на Запорожье, гдѣ разгласилъ, что хочетъ съ оружіемъ выступить противъ шляхты съ вѣдома и по желанію короля. На днѣпровскихъ островахъ онъ собралъ вокругъ себя много смѣльчаковъ и съ ихъ согласія обратился къ хану крымскихъ татаръ съ просьбою о помощи. Великій коронный гетманъ Николай Потоцкій, узнавъ о приготовленіяхъ Хмельницкаго выслалъ противъ него своего сына, Стефана, съ войскомъ въ 6000 человѣкъ. Хмельницкій при помощи татаръ нанесъ польскому войску на Желтыхъ Водахъ близъ Кодака страшное пораженіе. Польское рыцарство пало на полѣ битвы или было взято въ плѣнъ; Стефанъ Потоцкій умеръ отъ ранъ. Получивъ извѣстіе о пораженіи, Николай Потоцкій выступилъ противъ казаковъ вмѣстѣ съ польнымъ коронным гетманомъ, Мартиномъ Калиновскимъ. Въ битвѣ подъ Корсунью оба предводители со множествомъ рыцарства попали въ татарскую неволю. Черезъ нѣсколько дней послѣ корсунскаго пораженія умеръ въ Литвѣ, въ Меречѣ, Владиславъ, прославляемый въ казацкихъ пѣсняхъ, какъ врагъ шляхты.

Пораженія на Желтыхъ Водахъ и подъ Корсунью произвели въ странѣ переполохъ, среди котораго конвокаціонный сеймъ, созванный примасомъ, Матвѣемъ Любенскимъ, долженъ былъ найти средства уладить дѣло. Въ республикѣ были двѣ партіи: военная и мирная; каждая изъ нихъ предлагала свой способъ умиротворенія казаковъ. Главою военной партіи былъ князь Іеремія Вишнёвецкій, воевода русскій, владѣлецъ обширныхъ земель на Украинѣ. Пострадавши лично отъ казацкихъ грабежей, онъ питалъ презрѣніе и ненависть къ мятежникамъ и средство спасенія видѣлъ лишь въ полномъ истребленіи ихъ. Онъ во главѣ своихъ надворныхъ отрядовъ гонялся за казаками съ бѣшенной отвагой, надъ взятыми же въ плѣнъ чинилъ жестокую расправу, закапывая ихъ живыми въ землю, просверливая имъ глаза и т. п. Планъ уничтоженія казачества поддерживали паны изъ пограничныхъ воеводствъ, бывшіе главными авторами конституціи 1638 г. Мирную партію составляли владѣльцы имѣній, находившихся за предѣлами территоріи, охваченной возстаніемъ, люди, которые въ

своихъ взглядахъ на казачество не руководились чувствомъ личной мести. Главою этой партіи былъ великій коронный канцлеръ, Георгій Оссолинскій, довѣренный короля Владислава, посвященный въ планъ турецкой войны. По мнѣнію мирной партіи, для прекращенія возстаній слѣдовало прибѣгнуть къ переговорамъ и уступкамъ и лишь въ случаѣ чрезмѣрныхъ требованій казаковъ нужно было бы обратиться къ военнымъ средствамъ. На конвокаціонномъ сеймѣ верхъ одержала мирная партія. Веденіе переговоровъ съ казаками поручено было брацлавскому воеводѣ, православному Адаму Киселю, одинаково дорожившему какъ благомъ своихъ единовѣрцевъ, такъ и вольностями республики. Въ случаѣ, если бы Киселю не удалось склонить Хмельницкаго къ переговорамъ, сеймъ намѣревался вести войну, и съ этой цѣлью вмѣсто гетмановъ, находившихся въ татарскомъ плѣну, назначилъ трехъ военачальниковъ: стараго князя Доминика Заславскаго, сандомірскаго воеводу, ученаго Николая Остророга, короннаго подчашія, и молодого Александра Конецпольскаго, прозванныхъ: «периною», «латиною» (латынь) и «дѣтиною» (ребенокъ). Недовольный постановленіями сейма, князь Вишневецкій, не дожидаясь результатовъ переговоровъ, началъ самъ преслѣдовать казаковъ. Миссія Киселя не привела ни къ чему. Хмельницкій готовился къ войнѣ: окопавшись въ Пилявцахъ на Волыни, онъ ждалъ прибытія крымскаго хана, Тугай-бея, съ вспомогательнымъ войскомъ. Тѣмъ временемъ подъ Константиновомъ собрались польскіе наборные отряды и всеобщее ополченіе, въ общемъ 36,000 человѣкъ. Шляхта явилась съ большимъ обозомъ и множествомъ слугъ. Поляки похвалялись, что шапками закидаютъ «пилявецкаго курника», и праздновали предстоящія побѣды надъ крестьянами. Наконецъ, приступили къ осадѣ Пилявецъ. Получивъ извѣстіе о приходѣ татаръ, услыхавъ крики: «алла»! и пушечные выстрѣлы, которыми Хмельницкій привѣтствовалъ Тугай-бея, весь польскій лагерь, состоявшій приблизительно изъ 200,000 человѣкъ, разсѣялся. Первыми уѣхали военачальники; за ними бѣжала шляхта оставивъ непріятелю свои военные запасы и богатую добычу. Погибло же во всемъ этомъ дѣлѣ едва 300 человѣкъ.

Послѣ пилявецкаго погрома Хмѣльницкій съ Тугай-беемъ двинулся на Львовъ, въ которомъ скрылись военачальники съ частью рыцарства. Львовскіе мѣщане, оставленные военачальниками, упорно защищались, пока не избавились отъ осады посредствомъ выкупа. Изъ-подъ Львова побѣдитель направилъ

небольшие отряды на грабежъ внутреннихъ воеводствъ, самъ же подступилъ къ Замостью. Это происходило въ то время, когда подъ Волею собрался элекціонный сеймъ.

Обѣ партіи: мирная и военная, выставили кандидатами на престолъ сыновей Сигизмунда III: первая—Яна-Казиміра, вторая же — Карла Фердинанда, епископа вроцлавскаго и плоцкаго. Въ виду пилявецкаго пораженія, скомпромитировавшаго военную партію, а также вслѣдствіе приближенія къ столицѣ Хмѣльницкаго, высказавшагося за Яна-Казиміра, Карлъ-Фердинандъ отказался отъ своей кандидатуры. Узнавъ объ избраніи *Яна-Казиміра* (1648 — 1668), Хмѣльницкій прислалъ ему письмо, содержавшее оправданіе его образа дѣйствій, и въ отвѣтъ на это письмо получилъ обѣщаніе начать переговоры подъ условіемъ, чтобы онъ отступилъ отъ Замостья на Украйну. Хмѣльницкій поцѣловалъ королевскій отвѣтъ, взялъ съ Замостья выкупъ и отступилъ.

Отправляемая на Украину коммиссія, во главѣ которой стоялъ Кисель, прибыла въ Переяславъ. Она предложила Хмельницкому гетманскую булаву, а также принятіе королемъ казаковъ подъ свое непосредственное покровительство и возвращеніе имъ привилегій. Хмельницкій отвергъ предложенныя ему условія. Деморализованный Турціей, приславшей ему знамя, саблю и почетный кафтанъ, и Москвою, агенты которой сравнивали его съ Константиномъ Великимъ и подстрекали къ борьбѣ съ ляхами во имя православія, онъ представилъ свои требованія, которыя считались унизительными для республики и не могли быть приняты. Онъ требовалъ мѣста въ сенатѣ для православнаго митрополита, назначенія на высшія должности въ Кіевщинѣ православныхъ, уничтоженія на Украинѣ уніи, обязательства не назначать гетманомъ князя Іеремію Вишневецкаго и выдать ему Чаплинскаго въ обмѣнъ за польскихъ плѣнниковъ. Соглашеніе не состоялось, установлено было только перемиріе, причемъ опредѣлены границы, которыхъ не должны были переходить войска обѣихъ сторонъ. Въ виду невозможности уладить дѣло мирнымъ путемъ, явилась необходимость готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ болѣе, что Вишневецкій, нарушивъ условія перемирія, самовольно перешелъ въ наступленіе. Хмѣльницкій велѣлъ умертвить королевскаго посла, Смяровскаго, и, соединившись съ крымскимъ ханомъ, перешелъ установленную перемиріемъ границу съ войскомъ въ 300.000 человѣкъ. Коронное войско соединилось съ надворными отрядами Вишнѣвецкаго, и стало въ оборонительную позицію въ

принадлежавшемъ князю Збаражѣ. Вишневецкій съ 10,000 чел. полтора мѣсяца выдерживалъ осаду, пока не подошелъ съ войскомъ король. Подъ Зборовомъ Хмельницкій окружилъ Яна-Казиміра и въ первый день битвы причинялъ ему огромный уронъ. Канцлеръ Оссолинскій вошелъ въ переговоры съ ханомъ, соблазнивъ его обѣщаніемъ ежегодной уплаты поминокъ, послѣ чего Хмельницкій изъявилъ готовность заключить съ королемъ договоръ. Зборовскій договоръ основывался главнымъ образомъ на переяславскихъ условіяхъ: онъ возвращалъ казакамъ прежнія права и привиллегіи, опредѣлялъ число реестровыхъ казаковъ въ 40.000 челов., изгонялъ изъ Украины іезуитовъ и евреевъ, допускалъ православнаго митрополита къ засѣданію въ сенатѣ, и опредѣлялъ, что на высшія должности въ воеводствахъ: кіевскомъ, брацлавскомъ, и черниговскомъ должны назначаться дизуниты.

Сеймъ 1649 г. утвердилъ зборовскій договоръ подъ названіемъ «милости для войска запорожскаго», но не допустилъ въ сенатъ православнаго митрополита, рѣшеніе же вопроса объ уніи отложилъ на будущее время. Договоръ, навязанный оружіемъ, не былъ долговѣченъ хотя бы потому, что 40000 реестровыхъ казаковъ должны были составить силу, которая каждую минуту могла оказаться опасной для республики. Мирная партія начала уступать преобладаніе военной, въ особенности когда глава первой, Оссолинскій, умеръ (1650 г.). Хмельницкій тоже былъ недоволенъ договоромъ. Возвращеніе привиллегій и правъ распространялось только на реестровыхъ казаковъ, остальные же, численность которыхъ доходила до 15,000, должны были вернуться въ крѣпостное состояніе. Крестьянская масса, деморализованная возстаніемъ и надеждою на освобожденіе отъ власти господъ, побуждала Хмельницкаго къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ.

Хмельницкій надѣялся на многочисленность крестьянства и обѣщанную ему помощь крымскаго хана; благопріятно было для него также затруднительное положеніе республики, вызванное вспыхивавшими въ разныхъ мѣстахъ волненіями народа. Въ Краковскомъ воеводствѣ, въ Ново-таргщинѣ, Костка Наперскій взбунтовалъ крестьянъ, овладѣлъ Чорштыномъ, грабилъ, и жегъ крестьянскія усадьбы. Схваченный отрядами краковскаго епископа, Гембицкаго, онъ былъ казненъ въ Краковѣ, но въ тоже время крестьянскія волненія стали появляться и въ Великой Польшѣ. При такихъ обстоятельствахъ Янъ-Казимиръ во главѣ стотысячной арміи выступилъ подъ

Берестечко на берегу Стыра и вступилъ въ бой съ казаками и татарами, численность которыхъ въ три раза превосходила его войско. Въ трехдневной битвѣ (1651 г.) Хмельницкій потерпѣлъ пораженіе, но казаковъ спасли безпорядки въ войскѣ республики. Вмѣсто того, чтобы послѣ побѣды преслѣдовать казаковъ и уничтожить ихъ, всеобщее ополченіе по почину короннаго подканцлера, Іеронима Радзеёвскаго, начало своевольничать и затѣмъ разошлось по домамъ. Освобожденные изъ плѣна гетманы: Николай Потоцкій и Калиновскій, должны были кончать дѣло съ остаткомъ войска, численность котораго едва доходила до 20000 челов. Заключенный теперь бѣлоцерковскій договоръ гарантировалъ прежнія привиллегіи и права только реестровымъ казакамъ, число которыхъ было ограничено 20000. Мѣстомъ жительства ихъ были назначены королевскія земли кіевскаго воеводства, запорожскому же гетману было предоставлено чигиринское староство. Договоръ этотъ гарантировалъ также свободу греческаго вѣроисповѣданія.

Бѣлоцерковскій договоръ, подобно зборовскому, былъ навязанъ силою, и не обѣщалъ быть долговѣчнымъ. Республика, предвидя новыя предпріятія со стороны Хмельницкаго, готовилась къ войнѣ. Столкновеніе было ускорено стараніями Хмельницкаго утвердить свою династію въ Молдавіи путемъ женитьбы своего сына, Тимоѳея, на дочери молдавскаго господаря Лупулы, Розандѣ. Когда Лупула, одна изъ дочерей котораго была замужемъ за Янушемъ Радзивиломъ, колебался выдать Розанду за казака, Хмельницій предпринялъ экспедицію въ Молдавію. Условія бѣлоцерковскаго договора воспрещали казакамъ переходить границы Кіевскаго воеводства, вслѣдствіе чего польный гетманъ, Калиновскій, сталъ лагеремъ на молдавской дорогѣ, намѣреваясь остановить походъ Хмельницкаго.

Произошла битва подъ Батогомъ на Бугѣ (1615 г.), въ которой Калиновскій палъ почти со всѣмъ рыцарствомъ. Тимоѳей Хмельницкій напалъ на Молдавію, и принудилъ господаря выдать за него дочь, отецъ же его приступилъ къ осадѣ Каменца, и потребовалъ у короля подтвержденія условій зборовскаго договора. Янъ-Казиміръ поспѣшилъ съ войскомъ въ Подолію, и сталъ лагеремъ подъ Жванцемъ. Крымскій ханъ, шедшій по приказанію султана на помощь Хмельницкому, окружилъ королевскій лагерь, но, не имѣя желанія сражаться первый началъ переговоры о мирѣ. За поминки онъ обязался уйти и даже обѣщалъ Польшѣ помощь въ войнѣ съ казачествомъ. Оставленный татарами Хмельницкій, не имѣя возмож-

Открыта подписка на второе полугодіе 1900 года

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ, РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ, НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

4 руб. за годъ съ пересылкой	# „КОРМЧІЙ“	**2** р. **50** к. за полгода съ пересылкой.

(Тринадцатый годъ изданія).

„КОРМЧІЙ“ одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами.

Адресъ редакціи: *Москва, Ордынка, домъ Бажановой, (квартира Протоіерея Скорбященской церкви).*

„КОРМЧІЙ“ предназначается для воскреснаго и праздничнаго *Народнаго чтенія*. Въ виду этого программа изданія его носитъ характеръ общедоступности, какъ въ выборѣ статей для чтенія, такъ и въ формѣ ихъ изложенія.

„КОРМЧІЙ“ имѣетъ главною своею цѣлію, какъ показываетъ и самое названіе, путеводить православнаго христіанина, т. е. указывать ему тотъ истинно добрый путь ко спасенію, который Церковію Православною предначертанъ для всѣхъ чадъ ея. *„КОРМЧІЙ“* и въ 1900 году будетъ издаваться *применяясь къ событіямъ недѣли*, и такимъ образомъ можетъ служить удобнымъ подспорьемъ для внѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ на весь годъ, въ особенности духовенству; а для міранъ и христіанскихъ семей—благовременнымъ и полезнымъ чтеніемъ въ воскресные и праздничные дни.

№№ журнала будутъ украшаться рисунками религіозно-нравственнаго содержанія съ соотвѣтствующими поясненіями въ текстѣ.

Въ журналѣ *„КОРМЧІЙ“* по прежнему будетъ принимать участіе своими литературными трудами

извѣстный Кронштадтскій пастырь Отецъ Іоаннъ.

Въ 1900 году Редакція *„КОРМЧІЙ“* дастъ своимъ подписчикамъ:

52 №№ религіозно-нравственнаго чтенія и обзора событій текущей жизни.

52 №№ иллюстрированныхъ листковъ, заключающихъ въ себѣ Бесѣды на воскресныя евангельскія чтенія.

12 №№ иллюстрированныхъ листковъ на двунадесятые праздники.

Въ ряду другихъ статей въ 1900 году въ «Кормчемъ» будутъ печататься:

Поученія на дни великихъ святыхъ, которыя съ листками составятъ для пастыря

полный годичный кругъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни.

Рядъ живыхъ, популярныхъ статей въ формѣ сердечныхъ бесѣдъ Законоучителя съ дѣтьми-школьниками, подъ общимъ заглавіемъ

«ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛѢ»,

принадлежащихъ автору «Задушевныхъ дружескихъ бесѣдъ Пастыря съ воинами», печатанныхъ въ прошломъ 1899 г.

Полные сброшюрованные экземп. «КОРМЧАГО» за 1893, 94, 95, 96, 97 и 98 гг. продаются по три рубля за годъ. Дѣлается скидка 40% съ этой цѣны для тѣхъ, которые выписываютъ журналъ сразу за всѣ означенные года и если пересылка можетъ быть сдѣлана по желѣзной дорогѣ.

Лица и учрежденія, выписывающія одновременно не менѣе десяти экземпляровъ, получаютъ ОДИННАДЦАТЫЙ БЕЗПЛАТНО.

ЛИСТКИ продаются и отдѣльно отъ журнала по 60 коп. за 100 и по 5 руб. за 1000 безъ перес., съ перес. 80 коп. за 100 и 7 руб. за 1000.

Есть въ продажѣ религіозно-нравственныя книжки для народа (11 названій), за 100 книжекъ 80 коп. безъ перес., а съ перес. 1 руб.

Изданія «Кормчаго» наложеннымъ платежемъ не высылаются.

Редакторы-издатели: Протоіерей *С. П. Ляпидевскій.*
Священники { *І. Н. Бухаревъ.* *В. П. Гурьевъ.*

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію—*Петербургъ, Ямская, 2.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ редакцію и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его копію.

Не сообщающіе своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ редакціи **не позже 1-го числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей:

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію, если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ **будутъ уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

5) **Историч. документы и письма,** присылаемые для напечатанія, сдаются въ типографію въ копіяхъ и **тщательно сохраняются редакціей до востребованія** въ несгораемомъ помѣщеніи.

6) Съ перваго мая по первое сентября редакція будетъ открыта для личныхъ объясненій только по вторникамъ отъ 4 до 6 часовъ вечера.

Отъ конторы редакціи

Всѣ уплаты гонорара, по счетамъ и т. п., производятся ежедневно, кромѣ праздниковъ, между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Ямская, 2), между часомъ и четырьмя дня.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ“

Новый журналъ исторической литературы и науки.

ВЪ ПЕРВОМЪ ПОЛУГОДІИ НАПЕЧАТАНЫ: ст. В. А. Апушкина, В. М. Грибовскаго, М. В. Головинскаго, академика проф. Н. Н. Жданова, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, М. М. Ковалевскаго, проф. гр. Л. А. Камаровскаго, Д. Ѳ. Кобеко, Іосибуми Куроно (лект. японскаго языка петерб. универ.), проф. Н. М. Коркунова, проф. Н. П. Лихачева, А. П. Фаресова, А. П. Субботина, проф. Н. А. Шляпкина, Н. К. Шильдера, истор. романы и пов. Д. Л. Мордовцева „За всемірное владычество“, В. Я. Свѣтлова „Даръ слезъ“, В. Н. Никитина, І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго) и др. сообщены неизд. письма гр. І. А. Каподистрія (президента Греціи), декабриста кн. Е. П. Оболенскаго, Е. А. Баратынскаго, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоѣдова, М. Н. Загоскина, И. С. Тургенева, А. С. Хомякова, Н. С. Лѣскова и напечатаны пер. ст. проф. Маркса «Королева Елизавета англійская и ея время» (съ рисунками), нов. воспоминанія В. Гюго, Вестермарка «Матріархатъ» и т. д.

ОСОБЫЕ ОТДѢЛЫ ПОСВЯЩЕНЫ: **„На рубежѣ XIX вѣка“**—изображенію состоянія общества въ Зап. Европѣ наканунѣ нашего столѣтія; **„Странички прошлаго“**—мелкимъ истор. фактамъ и курьезамъ; **„Литературная Лѣтопись“**—возможно полному обзору русск. и иностр. журналовъ и нов. книгъ; **„Изъ мертвыхъ законовъ“**—оцѣнкѣ прошлаго нашихъ законовъ съ точки зрѣнія современника; **„Изъ области археологіи“**—наиболѣе выдающимся фактамъ въ этой области.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ: Библіотека избран. сочин. по исторіи народовъ Европы—«Исторія польскаго народа», В. Смоленскаго и „Сборникъ иност. истор. романовъ“.—„Торжество силы“, истор. романъ Поля Адамъ изъ временъ консульства и имперіи во Франціи.

Задача изданія—ознакомленіе русскаго общества съ общимъ ходомъ исторіи съ точки зрѣнія идеи прогресса.

Въ ближайшихъ книжкахъ ст. проф. М. А. Рейснера, посвященныя отношенію государства къ вѣрующей личности, проф. Н. А. Шляпкина, «Фарнгагенъ фонъ-Энзе и его русскія отношенія» (Письм. Бакунина, гр. Блудова, Жуковскаго, Невѣрова, Тургенева и пр.) по неизд. рукописямъ Кор. Берл. библіотеки; **новый истор. романъ В. М. Грибовскаго и т. д.**

Первое полугодіе закончено шестой майской книжкой и всѣ первыя книги высылаются немедленно новымъ подписчикамъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно послѣ десятаго числа каждаго мѣсяца, съ декабря по декабрь.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **6** руб., за полгода **3** руб. и за границу **9** руб.

Принимается также мѣсячная подписка съ 1 Іюня, съ платой по **50** коп. въ мѣсяцъ.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЯМЪ:

1 стр.	впер. текс.	на 1 раз. 75 р.	на 6 раз. по 60 р.	на 12 раз. по 52 р. 50 к.
1 »	сзади »	» » 66 »	» » 48 »	» » 42 » — »
1/2 »	впер. »	» 40 »	» » 32 »	» » 28 » — »
1/2 »	сзади »	» 30 »	» » 24 »	» » 21 » — »

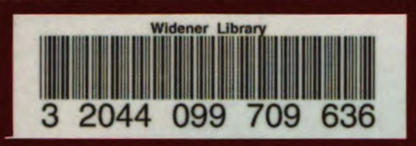
Цѣна первой и послѣдней страницы журнала, а равно наружная обложка и обложки внутри по соглашенію.

Подписку принимаютъ всѣ книгопродавцы.

Иногороднихъ подписчиковъ просятъ адресовать деньги исключительно въ редакцію—Ямская, 2. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **Сергѣй Сухонинъ.**

Столичная типографія, С.-Петербургъ, Гороховая, 12.


Widener Library
3 2044 099 709 636